

Флоринда Доннер.

Жизнь-в-сновидении

FLORINDA DONNER
Author of The Witch's Dream and Shabono
BEING-IN-DREAMING
An Initiation into the Sorcerers' World
A HARPER ODYSSEY BOOK
Harper San Francisco

ФЛОРИНДА ДОННЕР
Автор "Сна Ведьмы" и "Шабано"
ЖИЗНЬ-В-СНОВИДЕНИИ
ПОСВЯЩЕНИЕ В МИР МАГОВ
"СОФИЯ"
КИЕВ 1994

Флоринда Доннер. Жизнь-в-сновидении.
(Посвящение в мир магов).
Пер. с англ. – К.: "София", Ltd., 1994. – 352 с.

В новой книге Флоринды Доннер – женщины-сталкера из партии магов нагваля Карлоса Кастанеды – мы встречаемся с хорошо знакомыми нам по книгам самого Кастанеды героями – доном Хуаном, доном Хенаро, женщинами-сновидящими и сталкерами из партии дона Хуана и наконец – с самим Карлосом Кастанедой, показанным автором в достаточно новом и неожиданном ракурсе обожаемого учителя, безупречного воина, веселого, заботливого и любимого друга.

Превращение обычной девушки из среднего класса в мага, обучение сновидению, удивительные встречи и события, описанные в "Жизни-в-сновидении", не оставят равнодушным ни одного из тех, кто с нетерпением ждал выхода каждой новой книги Кастанеды, ибо ученица не уступает в мастерстве своему учителю.

"Это столь же захватывающее и таинственное повествование, как и его тема: традиционное обучение женщины-мага в мире дона Хуана".

Карлос Кастанеда

"Захватывающий рассказ женщины о постижении себя и магии в Мексике наших дней".

Оливер Стоун

"История Доннер завораживает. Это магический театр небесных актеров, танцующий фейерверк безумных ангелов, молящихся о судьбах мира. Она предлагает нам образец прекрасного вкуса: смесь магии и женской мудрости."

Гэбриэл Росс

"Доннер бросает вызов самым убедительным социальным мифам реальности: назначении женщины и природе сновидения."

Джудит Пинтар

Флоринда Доннер - верная соратница и товарищ Карлоса Кастанеды в его путешествиях в сновидении - представляет удивительный автобиографический отчет о своих захватывающих - иногда даже помимо ее воли - приключениях в мире "жизни-в-сновидении". Иногда завораживающая, иногда таинственная, а иногда веселая и полная юмора книга "Жизнь-в-сновидении" представляет собой незабываемое духовное приключение.

"Повествование столь же захватывающее и таинственное, как и предмет, о котором в нем идет речь: традиционная система подготовки женщин-магов в мире дона Хуана Матуса".

Карлос Кастанеда

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	2
Глава 1.....	3
Глава 2.....	11
Глава 3.....	19
Глава 4.....	26
Глава 5.....	32
Глава 6.....	37
Глава 7.....	44
Глава 8.....	53
Глава 9.....	61
Глава 10.....	64
Глава 11.....	73
Глава 12.....	79
Глава 13.....	87
Глава 14.....	95
Глава 15.....	99
Глава 16.....	105
Глава 17.....	111
Глава 18.....	117
Глава 19.....	125

Введение

Мой первый контакт с миром магов отнюдь не был чем-то запланированным заранее. Это было скорее случайное событие. В июле 1970 года в северной Мексике я встретила группу людей, и оказалось, что они являются строгими последователями магической традиции, возникшей еще во времена индейцев доколумбовой Мексики.

Эта первая встреча оказалась для меня воистину судьбоносной. Она ввела меня в другой мир – мир, который существует одновременно с нашим. Я провела двадцать лет своей жизни, взаимодействуя с этим миром. Здесь описано, как началось мое вовлечение в этот мир и как оно стимулировалось и направлялось магами, принявшими на себя ответственность за мое пребывание в нем.

Среди них самой яркой фигурой была женщина по имени Флоринда Матус. Она была моим учителем и советчиком. Она же оказалась человеком, который дал мне свое имя – Флоринда, как дар любви и силы.

Называть их магами – это не моя прихоть. "Brujo" или "bruja", что значит колдун или ведьма, – это испанские слова, которыми обозначаются мужчина или женщина, занимающиеся практикой знахарства. Я всегда возмущалась особым дополнительным оттенком этих слов. Но маги сами успокоили меня, раз и навсегда объяснив, что "магия" означает нечто совершенно абстрактное: способность, которую развили некоторые люди для расширения пределов обычного восприятия. В таком случае абстрактная характеристика магии автоматически исключает какие-либо позитивные или негативные оттенки названий, используемых для обозначения людей, занимающихся практикой магии.

Расширение пределов обычного восприятия – это концепция, возникшая из веры магов в то, что наши возможности выбора ограничены в жизни вследствие того, что они определяются социальной средой. Маги уверены, что социум устанавливает для нас перечень возможностей выбора, а мы сами совершаем сделанное: путем принятия только этих вариантов выбора мы устанавливаем предел нашим практически беспредельным возможностям.

К счастью, говорят они, это ограничение относится лишь к нашей социальной стороне и не касается другой, практически недоступной стороны, которая не находится в сфере обычного сознания. Поэтому главные усилия магов направлены на раскрытие этой стороны. Они осуществляют это путем разрушения

непрочного, но все же весьма устойчивого щита человеческих представлений о том, что из себя представляют люди и чем они могут быть.

Маги считают, что в нашем мире обычных дел есть люди, которые проникают в неизвестное в поисках других видов реальности. Они утверждают, что идеальными последствиями таких проникновений должна стать способность извлекать из такого поиска энергию, необходимую для превращения и для отделения нас самих от заранее определенной реальности. Но, к сожалению, – утверждают они, – такие попытки являются ментальными усилиями. Очень тяжело измениться только под влиянием новых мыслей или новых идей.

Одной из вещей, усвоенных мною в мире магов, было то, что без ухода из мира и без причинения самим себе боли в этом процессе маги действительно решают изумительную задачу по разрушению соглашения, которым определяется реальность.

Глава 1

После посещения обряда крещения ребенка моих друзей в Ногалесе, штат Аризона, мне захотелось пересечь границу Мексики. Когда я покидала дом моей подруги, одна ее гостья, женщина по имени Делия Флорес, попросила меня довести ее до Эрмосильо.

Это была смуглая, среднего роста и крепкого сложения женщина средних лет. Она была величественно-крупной, с прямыми черными волосами, заплетенными в толстую косу. Ее темные сверкающие глаза освещали умное, все еще слегка по-девичьи округлое лицо.

Уверенная в том, что она – мексиканка, живущая в Аризоне, я спросила ее, не нужна ли ей туристская карточка для въезда в Мексику.

– Зачем мне туристская карточка для въезда в собственную страну? – резко ответила она, расширив глаза в преувеличенном удивлении.

– Судя по вашим манерам и акценту я решила, что вы из Аризоны, – сказала я.

– Мои родители были индейцами из Оахаки, – объяснила она. – Но я – ладина.

– Что такое ладина?

– Ладинос – это хитрые индейцы, которые выросли в городе, – разъяснила она.

В ее голосе послышалось удивившее меня странное волнение, но она тут же добавила:

– Они приняли путь белого человека и настолько преуспели в этом, что могут превратить свой путь во что угодно.

– Тут нечем гордиться, – сказала я осуждающе. – Несомненно, это не слишком лестно для вас, миссис Флорес.

Сокрушенное выражение на ее лице сменилось широкой улыбкой.

– Возможно, ты права, но это – для настоящего индейца или настоящего белого человека, – сказала она нахально. – Сама я совершенно удовлетворена этим. – Она наклонилась ко мне и добавила: – Зови меня Делия. Я чувствую, что мы станем большими друзьями.

Не зная что сказать, я сосредоточилась на дороге. Мы ехали в молчании до пункта проверки. Пограничник попросил меня предъявить туристскую карточку, но ничего не сказал Делии. Казалось, он не замечает ее – они не обменялись ни единым словом, ни единым взглядом. Когда я попыталась обратиться к Делии, она повелительно остановила меня предупреждающим жестом руки. После этого пограничник вопросительно посмотрел на меня. Так как я ничего не сказала, он пожал плечами и пропустил меня.

– Как так получилось, что пограничник не потребовал твоих документов? – спросила я, когда мы отъехали на небольшое расстояние.

– Он знает меня, – солгала она. И, зная, что я поняла, что она лжет, она разразилась бесстыдным хохотом. – Я думаю, что напугала его, и он не отважился обратиться ко мне, – солгала она опять. И снова засмеялась.

Я решила сменить тему разговора, лишь бы только предотвратить нагромождение ее лжи. Я начала говорить о злободневных делах, связанных с текущими событиями, но большей частью мы ехали в молчании. Это было довольно удобное и не очень натянутое молчание; оно походило на пустыню, окружающую нас, – такое же просторное, застывшее и странно успокаивающее.

– Где мне высадить вас? – спросила я, когда мы въехали в Эрмосильо.

– В деловом центре, – ответила она. – Я всегда останавливаюсь в одной и той же гостинице, когда приезжаю в город. Я хорошо знаю владельцев и уверена, что смогу договориться, чтобы ты поселилась в гостинице за ту же плату, что и я. С благодарностью я приняла ее предложение.

Гостиница была старой и запущенной. Окна комнаты, которую мне дали, выходили на пыльный внутренний дворик. Двухспальная кровать с пологом на четырех столбиках и массивный старомодный туалетный столик сокращали пространство комнаты до размеров, вызывающих мысли о клаустрофобии.

В номере была маленькая ванная, но ночной горшок все-таки стоял под кроватью. Он составлял пару с фарфоровым прибором для умывания, установленным на туалетном столике.

Первая ночь была ужасной. Я спала урывками и в своих снах ощущала шорохи и тени, пересекающие стены. Призраки предметов и ужасных животных появлялись из-за мебели. Бледные и призрачные люди то и дело материализовывались из углов.

На следующий день я объехала город и его окрестности, а ночью, хотя и была утомлена, пыталась бодрствовать. Когда в конце концов я заснула, в ужасном кошмаре я увидела темное амебообразное создание, крадущееся ко мне от изножья кровати. Радужные щупальца высывались из его кавернозных пор. Когда существо наклонилось надо мной, я слышала, как оно тихо вздыхало, издавая короткие скрипящие звуки, которые превращались в хрипы.

Мои вопли заглушались его радужными нитями, затягивающимися вокруг моей шеи. Создание, как я откуда-то знала, было женщиной. Когда тварь навалилась на меня сверху и стала душить, все вокруг почернело.

Этот неопределимый во времени момент между сном и бодрствованием был в конце концов прерван настойчивым стуком в мою дверь и озабоченными голосами постояльцев гостиницы, раздававшимися из холла. Я включила свет и пробормотала через дверь какие-то извинения и объяснения.

Моя кожа все еще ощущала кошмар как липкий пот, и я пошла в ванную. Когда я взглянула в зеркало, то едва сдержала крик. Красные линии, пересекающие мое горло, и равномерно распределенные красные точки, сбегające вниз по груди, выглядели как незаконченная татуировка. В безумном состоянии я упаковала свои сумки. Было три часа ночи, когда я вышла в пустынный вестибюль, чтобы заплатить по счету.

– Куда это ты собралась в такое время? – спросила меня Делия Флорес, появляясь из двери позади конторки. – Я слышала о твоём кошмаре. Ты взбудоражила всю гостиницу.

Я так обрадовалась, увидев ее, что обняла ее и зарыдала.

– Ну, ну, не плачь, – бормотала она успокаивающе, поглаживая мои волосы. – Если хочешь, можешь спать в моей комнате. А я буду охранять тебя.

– Ничто в этом мире не заставит меня остаться в этой гостинице, – сказала я. – Я возвращаюсь в Лос-Анжелес сию же секунду.

– У тебя часто бывают кошмары? – спросила она небрежно, подводя меня к потрескавшейся старой кушетке в углу.

– Время от времени. Всю жизнь я страдаю от ночных кошмаров, – ответила я. – И в каком-то смысле даже привыкла к ним. Но в эту ночь все было не так. Это был самый реальный, самый жуткий кошмар, который мне пришлось перенести.

Она бросила на меня оценивающий долгий взгляд и затем сказала, лениво растягивая слова: – Ты не хотела бы избавиться от своих кошмаров? – Когда она произносила это, то бросила полуукрадкой быстрый взгляд через свое плечо в направлении двери, как если бы кто-то мог оттуда нас подслушивать. – Я знаю кое-кого, кто действительно может помочь тебе.

– Конечно, я бы не отказалась, – прошептала я, снимая шарфик с шеи, чтобы показать ей красные отметины. Я рассказала ей в деталях о своём кошмаре. – Ты когда-нибудь видела что-нибудь подобное? – спросила я.

– Выглядит достаточно серьезно, – произнесла она, внимательно исследуя линии, проходящие поперек моей груди. – Тебе действительно не следует уезжать до тех пор, пока ты не встретишься с целительницей, о которой я говорила. Она живет приблизительно в ста милях к югу отсюда. Всего около двух часов езды.

Меня очень обрадовала возможность встретиться с целительницей. С самого рождения я пользовалась подобными услугами в Венесуэле. Как только я заболела, мои родители вызывали врача, а сразу после его ухода наша домоправительница-венесуэлка укутывала меня и вела к целителю. Когда я стала старше и не хотела больше лечиться у знахаря – никто из моих друзей не делал этого – она убеждала меня, что не будет никакого вреда от того, что будешь защищена дважды. Привычка настолько крепко укоренилась во мне, что когда я переехала в Лос-Анжелес, то, заболевая, встречалась как с врачом, так и с целителем.

– Ты думаешь, она примет меня сегодня? – спросила я. Увидев непонимание на ее лице, я напомнила, что уже воскресенье.

– Она примет тебя в любой день, – заверила меня Делия. – Почему бы тебе просто не подождать здесь, и мы сейчас же отправимся к ней. У меня не уйдет и минуты, чтобы собрать вещи.

– С какой стати ты сворачиваешь со своего пути для того, чтобы помочь мне? – спросила я, внезапно придя в замешательство от ее предложения. – Ведь я для тебя совершенно незнакомый человек.

– Совершенно верно! – воскликнула она, подымаясь с кушетки. Она снисходительно взглянула на меня, как будто ощущала возникшие у меня сомнения. – Что может быть лучше? – задала она риторический вопрос. – Помочь совершенно незнакомому человеку – это безрассудное действие, или акт большого самообладания. Мой случай – это последнее.

Не зная, что сказать, я не нашла ничего лучшего, как уставиться в ее глаза, которые, казалось, воспринимали мир с изумлением и любопытством. В ней было что-то странно успокаивающее. Дело было не только в том, что я доверяла ей, – мне казалось, что я знакома с ней всю жизнь. Я чувствовала существующие между нами связь и близость.

Когда я наблюдала, как она исчезла за дверью, чтобы взять свои вещи, я собралась связать и закрепить багаж в автомобиле. Мне не хотелось оказаться в затруднительном положении, проявив дерзость, что так много раз случалось прежде. Но какое-то необъяснимое любопытство удержало меня, несмотря на хорошо знакомое ноющее чувство тревоги.

Я прождала около двадцати минут, как вдруг женщина, одетая в красный брючный костюм и туфли на платформе, вышла из двери за конторкой клерка. Она задержалась под лампой. Обдуманно жестом она откинула назад свою голову так, что локоны ее белокурых волос замерцали на свету.

– Ты не узнала меня, не так ли? – Она весело улыбнулась.

– Это на самом деле ты, Делия? – воскликнула я в удивлении, с раскрытым ртом уставившись на нее.

– Ну, а как ты думала? – Все еще посмеиваясь, она шагнула со мной на тротуар по направлению к моей машине, припаркованной перед гостиницей. Она швырнула свою корзину и вещевой мешок на заднее сидение моего маленького автомобиля с откидным верхом, затем села рядом со мной и сказала:

– Целительница, к которой я везу тебя, говорит, что только очень молодой и очень старый человек могут позволить себе выглядеть вызывающе.

Прежде чем я успела напомнить ей, что к ней не относится ни то, ни другое, она призналась мне, что она значительно старше, чем кажется. Ее лицо сияло, когда она повернулась ко мне и воскликнула:

– Я напяливаю это обмундирование, потому что люблю поражать моих друзей!

Имела она в виду меня или целительницу, она не сказала. Конечно же, я была поражена. И это касалось не только ее нарядов, которые сильно отличались по стилю, – изменилась вся ее манера поведения. Не осталось и следа от надменной, настороженной женщины, которая проехала со мной от Ногалеса до Эрмосильо.

– Это будет самое очаровательное путешествие, – произнесла она, – особенно если мы откинем верх. – Ее голос звучал счастливо и мечтательно. – Я обожаю путешествовать ночью в машине с откинутым верхом.

Я охотно выполнила ее пожелание. Было почти четыре часа утра, когда мы оставили позади Эрмосильо. Небо, неяркое и черное, испещренное звездами, казалось самым высоким из тех, что мне приходилось видеть. Я ехала быстро, тем не менее казалось, что мы вообще не движемся. В свете фар без конца появлялись и исчезали шишковатые силуэты кактусов и мескитовых деревьев. Казалось, что они все были одной и той же формы, одного и того же размера.

– Я упаковала с собой несколько сладких булочек и полный термос чампуррадо, – сказала Делия, доставая свою корзину с заднего сидения. – Утро наступит до того, как мы доберемся до дома целительницы.

Она налила мне полчашки густого горячего шоколада, приготовленного с маисовой мукой, и накормила рулетом по-датски, давая мне кусочек за кусочком.

– Мы проезжаем через волшебную страну, – сказала она, прихлебывая восхитительный шоколад. – Волшебную страну, населенную воюющими людьми.

– Что это за воюющие люди? – спросила я, стараясь, чтобы это не прозвучало снисходительно.

– Яки, народ Соноры, – сказала она и замолчала, вероятно оценивая мою реакцию. – Я восхищаюсь индейцами яки, потому что они постоянно воевали, – продолжала она. – Сначала испанцы, а затем мексиканцы – не далее как в 1934 году – испытали храбрость, хитрость и безжалостность воинов яки.

– Я не в восторге от войны или от воинственных людей, – сказала я. Затем, чтобы оправдать свой резкий тон, я объяснила, что происхожу из немецкой семьи, которая была разлучена войной.

– У тебя другой случай, – заключила она. – У тебя не было идеалов свободы.

– Минутку! – возразила я. – Именно потому, что я поддерживаю идеалы свободы, я нахожу, что война так отвратительна.

– Мы говорим о двух различных видах войны, – настаивала она.

– Война есть война, – заметила я.

– Ваш вид войны, – продолжала она, не обращая внимания на мое замечание, – ведется между двумя братьями, которые оба являются правителями и сражаются за верховенство. – Она наклонилась ко мне и настойчивым шепотом добавила: – Тот вид войны, о котором говорю я, ведется между рабами и хозяевами, которые думают, что люди – их собственность. Заметила разницу?

– Нет, – упрямо настаивала я и повторила, что война – это война, независимо от причин.

– Я не могу согласиться с тобой, – сказала она, громко вздохнув и откинувшись назад на своем сиденье. – Возможно, причина наших философских разногласий в том, что мы вышли из различных социальных реальностей.

Удивленная выбранными ею словами, я автоматически сбросила скорость. Мне не хотелось показаться грубой, но слушать ее концептуальные академические разглагольствования было настолько нелепо и неожиданно, что я ничего не могла с собой поделать и расхохоталась.

Делия не обиделась. Она с улыбкой глядела на меня, оставаясь вполне довольной собой.

– Если ты хочешь понять то, о чем я говорю, тебе нужно изменить восприятие.

Она высказала это настолько серьезно и тем не менее настолько доброжелательно, что я почувствовала себя пристыженной за свой смех.

– Ты можешь даже извиниться за то, что смеялась надо мной, – добавила она, словно прочитав мои мысли.

– Действительно, я хочу извиниться, Делия, – произнесла я, искренне осознав это. – Я ужасно сожалею о моей грубости. Я была так удивлена твоими формулировками, что просто не знала, как поступить. – Я бросила на нее быстрый взгляд и добавила сокрушенно: – Вот и рассмеялась.

– Я не имела в виду социальные оправдания твоего поведения, – сказала она, дернув от досады головой. – Я имела в виду оправдание из-за непонимания положения человека.

– Я не знаю, о чем ты говоришь, – сказала я с тревогой и почувствовала, как ее глаза сверлят меня насквозь.

– Как женщина, ты должна понимать это положение очень хорошо, – произнесла она. – Ты была рабыней всю жизнь.

– О чем ты говоришь, Делия? – спросила я в раздражении от ее дерзости, впрочем, сразу смягчилась, подумав, что, несомненно, бедная индейка имела невыносимого мужа-тирана. – Поверь мне, Делия, я совершенно свободна. Я делаю, что хочу.

– Ты можешь делать, что тебе нравится, но ты все равно не свободна, – настаивала она. – Ты – женщина, а это автоматически означает, что ты во власти мужчины. – Я не нахожусь ни в чьей власти, – воскликнула я. То ли мое голословное утверждение, то ли тон моего восклицания, не знаю,

вызвали у Делии взрыв грубого хохота. Она смеялась надо мной так же безжалостно, как до этого я над ней.

– Кажется, ты в восторге от своего реванша, – раздраженно заметила я. – Теперь твой черед смеяться, не так ли?

– Это совсем не одно и то же, – произнесла она, внезапно став серьезной. – Ты смеялась надо мной, ощущая свое превосходство. Раб, который говорит как господин, всегда восхищается господином в этот момент.

Я попыталась прервать ее и сказать ей, что у меня и в мыслях не было думать о ней как о рабыне, а о себе как о госпоже, но она проигнорировала мои попытки. Все так же серьезно она сказала, что причина ее смеха надо мной заключалась в том, что я заплатила женской природе своей глупостью и слепотой.

– Что с тобой, Делия? – спросила я в недоумении. – Ты умышленно оскорбляешь меня.

– Конечно, – с готовностью согласилась она и захихикала, оставаясь совершенно безразличной к нарастающему во мне раздражению. Она звучно шлепнула меня по колену. – А что касается моего поведения, – продолжала она, – то оно вызвано тем, что ты даже не отдаешь себе отчета в очевидном факте: раз ты женщина, значит, ты – рабыня.

Собрав все терпение, на которое я была способна, я сказала Делии, что она не права. – В наши дни никто не является рабом. – Женщины – рабыни, – настаивала Делия. – Мужчины порабащают женщин. Мужчины затемняют рассудок женщины. Их желание поставить на женщинах клеймо, как на своей собственности, затуманивает наш разум, – заявила она. – Этот туман висит на наших шеях как ярмо.

Мой бессмысленный взгляд вызвал у нее улыбку. Сложив на груди руки, она откинулась на сиденье. – Секс затуманивает разум женщин, – добавила она мягко, но все же настойчиво. – Женщины так основательно заморочены, что даже не могут рассмотреть возможность того, что их низкий статус в жизни является прямым следствием сексуального воздействия на них.

– Это самое нелепое из того, что я когда-нибудь слышала, – произнесла я.

Затем довольно тяжеловесно, в пространной осуждающей речи я затронула социальные, экономические и политические причины низкого статуса женщины. Довольно долго я рассказывала об изменениях, которые произошли в последние десятилетия. О том, как женщины преуспели в своей борьбе против мужского господства. Раздраженная насмешливым выражением ее лица, я не смогла удержаться от замечания, что ее предубеждение несомненно проистекает из собственного опыта, из ее собственных перспектив на будущее.

Все тело Делии сотрясилось от едва сдерживаемого хохота. Она сделала усилие, чтобы взять себя в руки и сказала:

– Реально ничего не изменилось. Женщины остаются рабами. Рабыни, которые получили образование, заняты сейчас выяснением истоков социального и политического насилия, направленного против женщин. Ни одна из рабынь, однако, не может сосредоточить внимание на корне их рабства – половом акте, – если только он не заключается в изнасиловании или не связан с другими формами физического насилия.

Слабая улыбка разомкнула ее губы, когда она сказала, что верующие мужчины, философы, а также мужчины от науки в течение веков утверждали и, конечно, продолжают утверждать, что мужчины и

женщины должны следовать биологическому, Богом данному императиву, обязывающему их поступать в соответствии с их сексуальными репродуктивными возможностями.

– Мы были поставлены в условия, заставляющие верить, что секс – это хорошо для нас, – подчеркнула она.

– Эта берущая начало от рождения вера и принятие ее делают нас неспособными правильно поставить вопрос.

– И что это за вопрос? – спросила я, с трудом сдерживая смех, вызванный ее нелепыми убеждениями.

Казалось, что Делия не слышит меня. Она молчала так долго, что мне показалось, что она задремала, и поэтому я вздрогнула, когда она произнесла:

– Вопрос, который никто не отваживается задать, – это что делать нам, женщинам, чтобы занять соответствующее положение?

– В самом деле, Делия, – воскликнула я в притворном испуге.

– Затуманенность разума женщин настолько тотальна, что мы готовы касаться всех других вопросов нашего положения, за исключением того, который является причиной всего, – заявила она.

– Но Делия, мы не можем жить без секса, – засмеялась я. – Что случится с человеческим родом, если мы не...

Она прервала и мой вопрос, и мой смех повелительным жестом руки.

– В настоящее время женщины, подобные тебе, в своем рвении относительно равенства подражают мужчинам, – сказала она. – Женщины имитируют мужчин в такой доходящей до абсурда степени, что секс, которым они занимаются, не имеет никакого отношения к рождению человека. Они приравнивали свободу к сексу, даже не рассматривая, что секс дает для их физического и эмоционального здоровья. Мы подверглись настолько основательному внушению, что твердо верим: секс является для нас благом.

Она подтолкнула меня локтем, а затем, пародируя декламацию нараспев, стала импровизировать:

– Секс – благо для вас. Он доставляет удовольствие. Он необходим. Он смягчает депрессии, репрессии и фрустрации. Он исцеляет головную боль, низкое и высокое давление крови. Он заставляет исчезнуть прыщи. Он вызывает рост вашей груди и бедер. Он регулирует ваш менструальный цикл. Короче говоря, это фантастика! Это полезно для женщин. Каждый подтвердит это. Каждый порекомендует. – Она остановилась на мгновение, а затем завершила с нарочитой актерской выразительностью: – "Каждый

день сношаться – к врачам не обращаться". (В оригинале – "A fuck a day keeps the doctor away").

Я нашла ее представление ужасно смешным, но потом внезапно отрезвела, когда вспомнила, как семья и друзья, включая нашего семейного врача, советовали то же самое, правда, не так грубо, – в качестве средства от всех подростковых хворей, которые у меня были. Потом это превратилось в жесткое репрессивное окружение, утверждавшее, что когда я выйду замуж, у меня будут регулярные менструальные циклы. Я наберу вес. Я буду лучше спать. У меня будет мягкий характер.

– Я не вижу ничего плохого в желании секса и любви, – произнесла я, защищаясь. – Когда бы я ни занималась этим, мне всегда очень нравилось. И никто не затуманивал мой разум. Я свободна! Я выбираю, кого хочу и когда хочу. В темных глазах Делии сверкали искры веселья. – Выбор тобою партнера никоим образом не меняет того факта, что тебя трахали.

Затем с улыбкой, как бы смягчая грубость своих слов, она добавила:

– Приравнивать свободу к сексу – это злая ирония. Мужчины настолько полностью, настолько тотально затуманили наш разум, что мы теперь совершенно лишены энергии и воображения, чтобы сосредоточиться на действительной причине нашего порабощения, – подчеркнула она. – Желать мужчину сексуально или влюбиться романтически – вот всего лишь два варианта выбора, предоставленного рабыням. И все, что мы говорили об этих двух вариантах, служит только оправданием для нашего соучастия и невежества.

Я была возмущена. Мне ничего не оставалось, как решить, что она – одна из представительниц угнетенных сварливых женщин-мужененавистниц.

– Почему ты так не любишь мужчин, Делия? – спросила я своим самым развязным тоном.

– У меня нет нелюбви к ним, – заверила она меня. – Единственное, что я страстно ненавижу, – это наше нежелание испытать, насколько основательно мы подверглись внушению. На нас оказывают настолько яростное и самодовольное давление, что мы стали старательными соучастницами. А если женщина осмеливается вести себя иначе, то она подвергается гонениям и осмеянию как мужененавистница или ненормальная.

Покраснев от смущения, я тайком бросила на нее взгляд. Я решила, что она так пренебрежительно отзывается о сексе и любви прежде всего потому, что она старая. Физические желания остались для нее позади. Тихо хохотнув, Делия закинула руки за голову. – Мои физические желания остались позади не потому, что я старая, – сообщила она, – а потому, что мне дали шанс использовать мою энергию и воображение, чтобы стать чем-то отличным от рабыни, на роль которой меня готовили.

Я почувствовала себя скорее обиженной, чем удивленной тем, что она прочитала мои мысли. Я стала защищаться, но мои слова вызывали лишь новые взрывы смеха. Перестав смеяться, она сразу же повернулась ко мне. Ее лицо напоминало суровое и серьезное лицо учительницы, распекающей ученика.

– Если ты не рабыня, тогда как же они воспитали тебя как Hausfrau? – спросила она. – И как случилось, что все, о чем вы все думаете, это о heiraten, о своем будущем Herr Gemahl, который будет Dich mitnehmen?

Она так сильно рассмешила меня своим немецким, что я вынуждена была остановить машину, чтобы не случилось аварии. Меня настолько заинтересовало, где она так хорошо выучила немецкий, что я забыла защитить себя от ее нелестных замечаний о том, что предел моих желаний в жизни – это найти мужа, который бы увлек меня. Невзирая на мои настойчивые просьбы, она пренебрежительно проигнорировала мой интерес к ее немецкому.

– У нас потом будет достаточно времени поговорить о моем немецком, – успокоила она. Затем насмешливо посмотрела на меня и добавила: – Или о твоём рабстве.

Прежде чем я успела возразить, она предложила, чтобы мы поговорили о чем-нибудь безличном.

– Например? – спросила я, снова трогая машину. Устроившись полулежа на сиденье, Делия закрыла глаза.

– Позволь я расскажу тебе кое-что о четырех наиболее известных вождях яки, – тихо проговорила она. – Я интересуюсь вождями, их успехами и неудачами.

Опередив мое ворчливое замечание о том, что я совершенно не интересуюсь военными историями, Делия сказала, что первым вождем яки, который привлек ее внимание, был Калисто Муни. Она не была природным рассказчиком: ее рассказ был строг, почти академичен. Но я внимала каждому ее слову.

Калисто Муни был индейцем, который много лет плывал матросом под пиратским флагом в Карибском море. Возвратившись в родную Сонору, он возглавил вооруженное восстание против испанцев в 1730 году. В результате предательства он был схвачен и казнен испанцами.

Затем Делия пустилась в длинное и сложное повествование о том, как в 1820-е годы, после того, как Мексика добилась независимости и мексиканское правительство пыталось разделить земли яки, движение сопротивления превратилось в широко распространенное восстание. Человеком, который организовал вооруженные отряды индейцев яки, был Хуан Бандера, управляемый самим духом. Вооруженные лишь луками и стрелами, воины Бандеры сражались против мексиканских войск около десяти лет. В 1832 году Хуан Бандера был разбит и казнен.

Делия рассказала, что следующим известным вождем был Хосе Мария Лейва, больше известный как Кахеме – "тот, кто не пьет". Это был индеец яки из Эрмосильо. Он получил образование и разносторонне овладел военным искусством, сражаясь в мексиканской армии. Благодаря этому искусству он объединил все города индейцев яки. Со времени его первого восстания в 1870 году Кахеме поддерживал свою армию в активном состоянии готовности к бунту. Он был разгромлен мексиканской армией в

1887 году в Буатачиве, укрепленной горной крепости. И хотя Кахеме ухитрился бежать и скрыться в Гуаймасе, он в конце концов был выдан и казнен. Последним из великих героев яки был Хуан Мальдонадо, известный также как Тетабите – "катящийся камень". Он реорганизовал остатки сил яки в горах Бакагете, откуда делал жестокие и отчаянные партизанские вылазки против мексиканских войск более десяти лет подряд.

– На рубеже нынешнего века, – завершила Делия свой рассказ, – диктатор Порфирио Диас начал кампанию по истреблению яки. Индейцев расстреливали во время полевых работ. Тысячи были пойманы во время облав и морем отправлены на Юкатан для работы на плантациях генекена (бот. – генекен (Agave

fourcroydes), а также "мексиканская пенька" (прим. ред.)), и в Оахака, для работы на полях сахарного тростника.

Я была поражена ее знаниями, но все еще не могла постичь, почему она рассказала мне все это.

– Ты похожа на школьного учителя, преподающего историю жизни индейцев яки, – сказала я восхищенно. – Кто же ты на самом деле?

Казалось, она на мгновение была ошеломлена моим вопросом, который был чисто риторическим, но потом, быстро опомнившись, сказала:

– Я тебе сказала, кто я. Мне просто удалось много узнать. Я живу рядом с ними, знаешь ли. – Она помолчала немного, а затем кивнула, как будто пришла к какому-то выводу, и добавила: – Причина, по которой я рассказала тебе о вождях яки, в том, что именно женщины должны узнать силу и слабость вождей.

– Зачем? – спросила я в замешательстве. – Кого заботят вожди? По мне, это могут быть лишь глупые люди.

Делия почесала затылок под париком, потом дважды чихнула и сказала с нерешительной улыбкой:

– К сожалению, женщины должны восстанавливать энергию вблизи них, как бы им ни хотелось управлять самим.

– Кем они собираются управлять? – спросила я саркастически. Она изумленно взглянула на меня, затем потеряла руку совершенно девичьим, как и ее лицо, жестом.

– Это довольно трудно объяснить, – пробормотала она. Необычная мягкость прозвучала в ее голосе, отчасти нежность, отчасти нерешительность, отчасти отсутствие интереса. – Лучше не надо. Я могу потерять тебя окончательно. Все, что я могу сказать в настоящее время, это только то, что я ни школьный учитель, ни историк. Я рассказчица, и еще не дошла до самой важной части своего рассказа.

– И что это может быть? – спросила я, заинтересовавшись ее желанием сменить тему разговора.
– Все, что я так подробно рассказала тебе, является фактической информацией, – сказала она. – То, о чем я не упомянула, – это мир магии, из которого действовали вожди яки. Они считали, что действия ветра и теней, животных и растений так же важны, как и дела людей. Это та часть, которая интересует меня больше всего.

– Действия ветра, теней, животных и растений? – повторила я насмешливо.

Делия кивнула, не обращая внимания на мой тон. Потом она рывком выпрямилась на сиденье, стащила белокурый парик и подставила ветру свои черные прямые волосы.

– Это горы Бакатете, – сказала она, указывая на горы слева от нас, которые едва вырисовывались на фоне предрассветного неба.

– Это сюда мы собираемся? – спросила я. – Не сейчас, – сказала она, снова соскальзывая вниз на свое сиденье. Загадочная улыбка играла на ее губах, когда она повернулась ко мне. – Возможно, однажды у тебя будет возможность посетить эти горы, – размышляла она, закрывая глаза. – Горы Бакатете населены созданиями другого мира, другого времени.

– Созданиями другого мира, другого времени? – эхом повторила я с насмешливой серьезностью. – Кто они или что из себя представляют?

– Создания, – произнесла она рассеянно. – Создания, которые не принадлежат нашему времени, нашему миру.

– Ну-ну, Делия. Ты что, пытаешься напугать меня? – Я не могла сдержать улыбку, когда повернулась к ней.

Даже в темноте ее лицо сияло. Она выглядела чрезвычайно молодо, кожа без морщин мягко облегла изгибы щек, подбородка и носа.

– Нет. Я не пытаюсь напугать тебя, – сухо произнесла она, пряча за ухо прядь волос. – Я просто рассказываю тебе, каково истинное знание об этом районе.

– Интересно, и какие с виду эти создания? – добивалась я, прикусывая губу, чтобы сдержать хихиканье. – И приходилось ли тебе видеть их?

– Конечно, я видела их, – ответила она снисходительно. Я бы не говорила о них, если бы не видела. – Она мягко, без следа какого-либо возмущения, улыбнулась. – Они являются существами, которые населяли землю в другое время, а теперь уединились в изолированных местах.

Сначала я не смогла удержаться от громкого смеха над ее верованием. Но потом, видя, какой серьезной и какой убежденной она была, утверждая, что эти создания действительно существуют, я решила: вместо того, чтобы смеяться над ней, я должна отнестись благосклонно к ее верованиям. Кроме всего прочего,

она ведь взяла меня к целительнице, и я не хотела вызывать ее протест своими рационалистическими расследованиями.

– Не являются ли эти создания призраками воинов яки, которые потеряли свои жизни в сражениях? – спросила я.

Она отрицательно покачала головой, а потом, как будто опасаясь, что кто-то может подслушать, близко наклонилась ко мне и прошептала мне в ухо:

– Эти горы населены заколдованными созданиями: говорящими птицами, поющими кустами, танцующими камнями, созданиями, которые могут принимать любую форму по желанию.

Она откинулась на сиденье и выжидательно посмотрела на меня.

– Яки зовут эти существа сурэм. Они верят, что эти существа являются древними индейцами яки, которые отказались быть крещеными первыми иезуитами, прибывшими для обращения индейцев в христианство. – Она нежно похлопала по моей руке. – Остерегайся, они говорят, что сурэм. любят блондинок. – Она восторженно хохотнула. – Быть может, это то, о чем были все твои кошмары. Сурэм, пытающийся украсть тебя.

– Ты ведь на самом деле не веришь в то, что сейчас говоришь, правда? – спросила я насмешливо, не в силах сдержать свою досаду.

– Нет. Я только что выдумала, что сурэм. любят блондинок, – успокоила она. – Они совсем не любят блондинок.

И хотя я не повернулась, чтобы взглянуть на нее, я могла почувствовать ее улыбку и озорные горящие глаза. Все это мне безмерно надоело. Я решила, что она, должно быть, или очень искренняя и очень застенчивая, или, что хуже, совершенно безумная.

– Ты ведь не веришь, что создания из другого мира действительно существуют, так ведь? – раздраженно воскликнула я. Затем, боясь, что оскорбила ее, взглянула на нее, почти готовая произнести извинения. Но прежде чем я смогла что-то произнести, она ответила так же громко и таким же злобным тоном, как и я до этого.

– Конечно я верю, что они существуют. А почему они не должны существовать?

– Да их просто нет! – резко и авторитетно заявила я, впрочем быстро потом извинившись.

Я рассказала ей о моем прагматическом воспитании и о том, как мой отец учил меня осознавать, что чудовища в моих снах и товарищи по играм, которые у меня были как у всякого ребенка – конечно же, никому, кроме меня, невидимые, – не что иное, как продукт сверхактивного воображения.

– С самого раннего возраста я воспитывалась в духе объективности и всестороннего анализа, – подчеркнула я. – В моем мире существуют только факты.

– Эта проблема всегда возникает с людьми, – заметила Делия. – Они настолько рассудительны, что, слушая об этом, они сразу же принимают меня за безумную.

– В моем мире, – продолжала я, игнорируя ее комментарий, – не существует фактов о созданиях из другого мира, но лишь спекуляции и принятие желаемого за действительное, а также, – подчеркнула я, – фантазии расстроенного ума.

Как ты можешь быть такой тупой! – выкрикнула она восхищенно в перерыве между припадками хохота, как если бы мои объяснения превзошли все ее ожидания.

– Можно ли доказать, что эти создания существуют? – с вызовом спросила я.

– В чем должно заключаться доказательство? – осведомилась она с выражением наигранной робости на лице.

– Если кто-нибудь еще сможет увидеть их, это и будет доказательством, – ответила я.

– Ты имеешь в виду, что если, например, ты сможешь увидеть их, то это будет доказательством их существования? – осведомилась она, близко придвинув свою голову к моей.

– Ну да, мы можем попробовать прямо здесь.

Вздыхнув, Делия положила голову на спинку сидения и закрыла глаза. Она долго молчала, и я была уверена, что она заснула, и поэтому вздрогнула, когда она внезапно выпрямилась и настояла на том, чтобы мы съехали на обочину дороги. Она должна сходить по нужде, пояснила Делия.

Решив воспользоваться нашей остановкой, я тоже направилась в кусты. Когда я собиралась натянуть свои джинсы, то услышала, как громкий мужской голос сказал: – Как аппетитно! – и прямо за моей спиной раздался вздох. С незастегнутыми джинсами я рванулась к тому месту, где была Делия.

– Нам лучше побыстрее убираться отсюда! – выкрикнула я. – Здесь в кустах спрятался мужчина.

– Ерунда, – отмахнулась она от моих слов. – Единственный, кто находится за кустами, это осел.

– Осел не может вздыхать как развратный мужик, – заметила я и затем повторила услышанные мною слова.

Делия осела, изнемогая от хохота, но увидев, какой несчастной я выгляжу, подняла руку в примирительном жесте.

– Ты действительно видела мужчину?

– Мне не обязательно было видеть, – парировала я. – Вполне достаточно слышать его.

Она помедлила еще мгновение и затем направилась к машине. Перед тем, как взойти на дорожную насыпь, она внезапно остановилась и, повернувшись ко мне, прошептала:

– Произошло нечто совершенно загадочное. Я должна предупредить тебя об этом. Она повела меня за руку назад к тому месту, где я сидела на корточках. И как раз там, за кустами, я увидела ослика.

– Перед этим его здесь не было, – настаивала я. Делия, посмотрев на меня с явным удовольствием, пожала плечами и повернулась к животному. – Маленький ослик, – заворковала она детским голоском, – ты смотрел на ее задик?

Я решила, что она – чревовещатель и собирается исполнить номер – разговор животного. Однако осел лишь несколько раз громко прокричал вполне по-ослиному.

– Давай убираться отсюда, – умоляюще сказала я, потянув ее за рукав. – Где-то здесь должен быть затаившийся в кустах хозяин.

– Но у этого милого малютки нет хозяина, – она проворковала все тем же глупым детским голоском и почесало длинные мягкие уши ослика.

– У него несомненно есть хозяин, – зло выкрикнула я. – Разве ты не видишь, какой он сытый и холерный?

И охрипшим от нервозности и раздражения голосом я снова подчеркнула, как опасно для двух женщин находиться одним на пустынной дороге в Соноре.

Делия молча рассматривала меня, видимо поглощенная какими-то мыслями. Затем она кивнула, как бы в знак согласия, и жестом предложила следовать за ней. Ослик шел сзади, сразу за мной, раз за разом подталкивая меня в зад своей мордой. Пробормотав проклятие, я обернулась, но ослик исчез.

– Делия! – выкрикнула я с внезапным испугом. – Что случилось с осликом?

Испуганная моим криком стая птиц шумно поднялась в небо.

Птицы полетали над нами, а затем скрылись на востоке в направлении первого луча утренней зари, который означал конец ночи и начало нового дня.

– Где же ослик? – спросила я, снова переходя на едва слышный шепот.

– Прямо здесь, перед тобой, – мягко ответила она, указывая на сучковатое дерево без листьев.

– Я не могу увидеть его. – Тебе нужны очки.

– С моими глазами все в порядке, – ответила я резко. – Я вижу даже восхитительные цветы на дереве.

Пораженная красотой ярких, белоснежных в утреннем сиянии соцветий, я подошла ближе.

– Что это за дерево?

– Пало Санто.

В течение секундного замешательства я подумала, что это сказал ослик, который появился из-за шелковистого серебристо-серого ствола. Я повернулась, чтобы взглянуть на Делию.

– Пало Санто! – засмеялась она.

После этого в моем мозгу мелькнула мысль, что Делия разыгрывает со мной шутку. Ослик, вероятно, принадлежит целительнице, которая наверняка живет где-то поблизости.

– Что тебя так смешит? – спросила Делия, уловив на моем лице всепонимающую самодовольную ухмылку.

– У меня начался ужасный спазм, – солгала я.

Прижав руки к животу, я присела:

– Пожалуйста, подожди меня в машине.

Как только она повернулась, чтобы идти, я сняла свой шарф и завязала его вокруг ослиной шеи. Я радовалась, предвосхищая удивление Делии, когда раскроется, что мы уже были на земле целительницы и я знала о ее шутке все это время. Однако все надежды снова увидеть ослика или мой шарф очень скоро развеялись. У нас ушло почти два часа на то, чтобы добраться до дома целительницы.

Глава 2

Около восьми часов утра мы добрались до дома целительницы в предместье Сьюдад Обрегон. Это был массивный старый дом, с побеленными стенами и черепичной крышей, посеревшей от времени. В доме были окна со стальными рамами и арочный вход.

Тяжелая дверь на улицу была широко открыта. С уверенностью человека, знакомого с порядками в доме, Делия Флорес провела меня через темный холл до конца длинного коридора в заднюю часть дома, где находилась полупустая комната с узкой кроватью, столом и несколькими стульями. Самым необычным в этой комнате было то, что в каждой из ее четырех стен было по двери. Все они были закрыты.

– Подожди здесь, – велела мне Делия, указывая подбородком в направлении кровати. – Вздремни немного, пока я буду у целительницы. Это может занять некоторое время, – добавила она, закрывая за собой дверь.

Подождав, пока ее шаги затихнут в коридоре, я стала рассматривать самую невероятную комнату для лечения, которую когда-либо мне приходилось видеть. Голые побеленные стены; светло-коричневые керамические плитки пола блестели как зеркало. В ней не было алтаря, никаких изображений или скульптур святых. Девы Марии или Иисуса, которые, как я всегда предполагала, были обычными в комнатах целителей. Я сунула свою голову в каждую из четырех дверей. Две открывались в темные коридоры; другие две вели во двор, обнесенный высоким забором.

Когда я на цыпочках шла по темному коридору к другой комнате, позади меня раздалось низкое угрожающее рычание. Я медленно обернулась. Всего лишь в двух футах от меня стояла огромная, свирепого вида черная собака. Она не бросилась на меня, но просто стояла, грозно рыча и показывая свои клыки. Стараясь не смотреть собаке в глаза, но и не теряя ее из виду, я вернулась назад в комнату для лечения.

Собака следовала за мной до самой двери. Я осторожно закрыла ее прямо перед носом у зверюги и прислонилась к стене, ожидая, пока биение сердца придет в норму. Потом я легла на кровать и через несколько мгновений – без малейшего намерения делать это – погрузилась в глубокий сон.

Я была разбужена мягким прикосновением к плечу. Я открыла глаза и подняла взгляд на морщинистое, но здоровое лицо старой женщины.

– Ты видишь сон, – сказала она. – И я – часть твоего сна.

Я автоматически кивнула, соглашаясь. Однако я не была убеждена, что вижу сон. Женщина была чрезвычайно маленькой. Она не была карлицей или лилипуткой; скорее она была ростом с ребенка, с тощими ручками и выглядевшими слабыми, узкими плечами.

– Вы целительница? – спросила я.

– Я – Эсперанса, – ответила она. – Я та, что приносит сны.

У нее был спокойный и необычайно низкий голос. Он имел странное, экзотическое качество, как если бы испанский – на котором она говорила бегло – был языком, к которому мышцы ее верхней губы не привыкли. Постепенно звук ее голоса усиливался, пока не стал отделившейся от телесной оболочки силой, заполняющей комнату. Звук заставил меня думать о бегущей воде в глубинах пещеры.

– Она – не женщина, – пробормотала я про себя. – Она – звук темноты.

– Я сейчас буду устранять причину твоих кошмаров, – сказала она, фиксируя на мне повелительный взгляд, в то время как ее пальцы приближались к моей шее. – Я буду удалять их одну за другой, – пообещала она.

Ее руки двигались поперек моей груди как мягкая волна. Она победно улыбнулась, а затем жестом предложила мне исследовать ее открытые ладони. – Видишь? Они так легко ушли.

Она вглядывалась в меня с выражением такого достоинства и восхищения, что я не могла заставить себя сказать ей, что ничего не вижу в ее руках.

Очевидно, сеанс исцеления был закончен. Я поблагодарила ее и выпрямилась. Она покачала головой, жестом выражая упрек и мягко подтолкнула меня назад на кровать.

– Ты спишь, – напомнила она мне. – Я та, кто приносит сны, помнишь?

Мне хотелось настоять на том, что я вполне проснулась, но сумела лишь глупо ухмыльнуться, погружаясь в приятную дремоту.

Смешки и шепот теснились вокруг меня, как тени. Я силилась проснуться. Потребовались немалые усилия, чтобы открыть глаза, сесть и рассмотреть людей, собравшихся вокруг стола. Странная неясность очертаний в комнате мешала разглядеть их четко. Среди них была Делия. Я уже было собралась позвать ее, когда настойчивый хрустящий звук за моей спиной заставил меня обернуться.

Мужчина, ненадежно устроившись на высокой табуретке, шумно лушил арахис. На первый взгляд он казался молодым, но почему-то я знала, что он старый. У него было тощее тело и гладкое безбородое лицо. Его улыбка представляла собой смесь лукавства и простодушия.

– Чего-то хочешь? – спросил он.

Прежде чем я смогла выполнить такое сложное действие, как кивок, мой рот оказался широко открытым от удивления. Я была способна только тарачиться на то, как он перенес свой вес на одну руку и без усилия поднял свое маленькое гибкое тело в стойку на руках. Из этого положения он бросил мне арахис; тот влетел прямо в мой разинутый рот.

Я подавилась им. Резкий удар между лопатками восстановил мое дыхание. Благодарная, я обернулась, желая узнать, кто из присутствующих здесь людей прореагировал так быстро.

– Я – Мариано Аурелиано, – сказал человек, стукнувший меня сзади.

Он пожал мне руку. Вежливый тон и обаятельная церемонность его жеста смягчали выражение свирепости его взгляда и суровость его орлиных черт. Косой разлет черных бровей делал его похожим на хищную птицу. Его белые волосы и обветренное бронзовое лицо свидетельствовали о возрасте, но мускулистое тело дышало молодой энергией.

В комнате было шесть женщин, включая Делию. Каждая из них пожала мне руку с одинаково выразительной церемонностью. Они не называли своих имен, а просто сказали, что рады встретиться со мной. Физически они не были похожи одна на другую. Тем не менее в них было какое-то поразительное сходство, смесь противоречивых качеств: молодости и старости, силы и утонченности, что более всего озадачивало меня, приученную к грубости и прямоте моей управляемой по-мужски патриархальной немецкой семьи.

Так же, как в случае с Мариано Аурелиано и акробатом на табурете, я не смогла бы назвать возраст женщин. Они могли оказаться как на пятом, так и на седьмом десятке своей жизни.

Я испытывала мимолетное беспокойство, когда женщины пристально смотрели на меня. У меня создалось отчетливое впечатление, что они могли видеть, что творилось во мне, и размышлять об увиденном. Милые, задумчивые улыбки на их лицах все же немного успокоили меня. Сильное желание разрушить тревожащее молчание любым доступным для меня способом заставило меня отвернуться от них и взглянуть в лицо человеку на табурете. Я спросила у него, не акробат ли он.

– Я – мистер Флорес, – сказал он и сделал заднее сальто с табурета, приземлившись на пол в позицию с поджатыми по-турецки ногами. – Я не акробат. Я колдун.

На его лице сияла улыбка очевидного ликования, когда он полез в карман и вытащил мой шелковый шарф, тот самый, которым я обвязала шею ослика.

– Я знаю, кто вы. Вы – ее муж! – воскликнула я, избоблительно указав пальцем на Делию. – Вы, конечно, вдвоем сыграли со мной ловкую шутку.

М-р Флорес не сказал ни слова. Он только уставился на меня в вежливом молчании.

– Я не являюсь ничьим мужем, – наконец произнес он, затем, делая "колесо", выскочил из комнаты через одну из дверей, ведущих во двор.

Поддавшись порыву, я выпрыгнула из кровати и выскочила следом за ним. Ослепленная ярким светом, я простояла во дворе несколько секунд, ошеломленная его слепящим сверканием, потом пересекла его и сбежала с обочины грязной дороги на недавно вспаханное поле, разделенное на части рядами высоких эвкалиптов. Было жарко. Солнце пламенем набросилось на меня. Пашня мерцала на жару, как шипящие гигантские змеи.

– М-р Флорес, – позвала я.

Ответа не было. Уверенная, что он скрылся за одним из деревьев, я пересекла поле.

– Следи за своими босыми ногами! – предостерег меня голос, раздавшийся сверху.

Вздвогнув, я посмотрела вверх, прямо в перевернутое лицо м-ра Флореса. Он, свисая с ветки, качался на своих ногах.

– Это опасно и крайне глупо – бегать взад-вперед без туфель, – сурово предостерег он, раскачиваясь взад-вперед, как цирковой артист на трапеции. – Это место кишит гремучими змеями. Тебе лучше присоединиться ко мне. Тут безопасно и прохладно.

Зная, что ветки находятся слишком высоко, чтобы до них можно было добраться, я тем не менее с детской доверчивостью протянула вверх руки. Прежде чем я сообразила, что он собирается делать, мистер Флорес захватил меня за запястья и быстрым движением, с усилием не большим, чем

потребовалось бы для тряпичной куклы, поднял меня на дерево. Я сидела рядом с ним, внимательно разглядывая шуршащие листья. Они мерцали в солнечных лучах, как золотые осколки.

– Ты слышишь, что говорит тебе ветер? – спросил мистер Флорес после долгого молчания. Он поворачивал голову в разные стороны, так что я полностью могла оценить его поразительную манеру двигать ушами.

– Самурито! – шепотом воскликнула я, когда воспоминания заполнили мой разум. Самурито, малый канюк, это было прозвище друга детства из Венесуэлы. У мистера Флореса были такие же тонкие, птичьи черты лица, черные как смоль волосы и глаза горчичного цвета. И наиболее поразительным было то, что он, как и Самурито, мог двигать ушами – по отдельности или двумя сразу.

Я рассказала м-ру Флоресу о моем друге, которого знала с детского сада. Во втором классе мы сидели за одной партой. Во время длительного полуденного перерыва вместо того, чтобы есть свои завтраки в школьном саду, мы обычно тайком убегали из школы и забирались на вершину ближайшего холма, чтобы поесть в тени самого большого – мы верили в это – дерева манго в мире. Его самые нижние ветви касались земли, а самые высокие – задевали облака. В сезон созревания мы обычно объедались плодами манго.

Вершина холма была нашим излюбленным местом до того дня, когда мы обнаружили там тело школьного сторожа, свисающее с высокой ветки. Мы не смели ни сдвинуться с места, ни заплакать. Но никто из нас не хотел потерять лицо перед другим. Мы не стали влезать на ветви в тот день, но попытались съесть наши завтраки на земле, фактически под телом умершего человека, желая узнать, кто из нас не выдержит первым. И это была я.

– Ты когда-нибудь думала о смерти? – шепотом спросил меня Самурито.

Я взглянула вверх на висящего человека. В то же мгновение ветер зашелестел в ветвях с необычным упорством. В шелесте я ясно услышала, как умерший человек шептал мне, что смерть была успокоением. Это было настолько жутко, что я вскочила и, вопя, понеслась прочь, безразличная к тому, что Самурито мог подумывать обо мне.

– Ветер заставил ветви и листья говорить с тобой, – сказал м-р Флорес, когда я закончила свой рассказ.

Его голос был мягким и низким. Золотые глаза горели лихорадочным огнем, когда он продолжил объяснять, что в момент своей смерти, в одной мгновенной вспышке, воспоминания, чувства и эмоции старого сторожа высвободились и были поглощены манговым деревом. – Ветер заставил ветви и листья говорить с тобой, – повторил мистер Флорес. – Ибо ветер – твой по праву.

Как во сне, он бросил взгляд сквозь листву, его глаза внимательно смотрели за поле, в освещенное солнцем пространство. – То, что ты женщина, дает тебе возможность повелевать ветром, – продолжал он. – Женщины не знают этого, но они могут вступить в диалог с ветром в любое время.

Я непонимающе покачала головой.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите, – сказала я. Мой тон выдавал, как неловко я чувствую себя в этом положении. – Это как сон. И если бы он продолжался еще и еще, я бы поклялась, что это один из моих кошмаров.

Его продолжительное молчание вызвало у меня раздражение. Я почувствовала, как мое лицо покраснело от злости. Что я делаю здесь, сидя на дереве с безумным стариком? Я погрузилась в размышления. И в то же время я понимала, что, возможно, оскорбила его, поэтому решила извиниться за свою грубость.

– Я понимаю, что мои слова имеют для тебя мало смысла, – согласился он. – Это потому, что на тебе слишком толстый твердый слой. Он мешает тебе слышать, что должен сказать ветер.

– Слишком толстый твердый слой? – спросила я недоуменно и подозрительно. – Вы имеете в виду, что я в грязи?

– И это тоже, – ответил он, заставив меня покраснеть. Он заулыбался и повторил, что я обернута слишком толстым твердым слоем, и что этот слой не может быть смыт с помощью мыла и воды, независимо от того, сколько ванн я приму.

– Ты наполнена рассудочными суждениями, – пояснил он. – Они мешают тебе понять то, что я говорю, например, что ты можешь командовать ветром.

Он смотрел на меня сузившимися критическими глазами.

– Ну? – потребовал он нетерпеливо.

Прежде чем я поняла, что случилось, он ухватил меня за руки и одним быстрым, плавным движением раскачал и мягко приземлил. Мне показалось, что я видела его руки и ноги вытянувшимися, как резиновые ленты. Это был мимолетный образ, который я тут же объяснила себе как искажение восприятия, вызванное жарой. Я не стала задерживаться на нем, ибо именно в тот момент мой взор отвлекла Делия Флорес и ее друзья, расстилавшие большую полотняную скатерть под соседним деревом.

– Когда вы добрались сюда? – спросила я Делию, поставленная в тупик тем, что не сумела ни увидеть, ни услышать приближение группы людей.

– Мы собирались устроить пикник в твою честь, – сказала она.

– Потому что ты присоединилась к нам сегодня, – добавила одна из женщин.

– Как это я присоединилась к вам? – спросила я, чувствуя, что мне не по себе.

Не заметив, кто это сказал, я переводила взгляд с одной женщины на другую, ожидая, что кто-нибудь из них объяснит свои слова.

Безразличные к моему все возрастающему беспокойству, женщины были заняты тем, что старались ровно расстелить полотняную скатерть. Чем дольше я наблюдала за ними, тем беспокойней становилось у меня на душе. Все вокруг было так странно для меня. Я легко могла объяснить, почему приняла приглашение Делии встретиться с целительницей, но совсем не понимала своих последующих действий. Все происходило так, как если бы кто-то еще завладел моим разумом и заставлял меня оставаться здесь, реагировать и говорить вещи, которые я не хотела бы говорить. А теперь они собираются устроить празднество в мою честь. Это, мягко говоря, обескураживало. Как бы упорно я ни размышляла об этом, все равно не могла постичь, что же я здесь делаю.

– Я, конечно же, не заслуживаю ничего такого, – пробормотала я.

Мое немецкое воспитание брало верх. Люди просто забавы ради не делают что-то для других.

Только после того, как послышался безудержный смех Мариано Аурелиано, я наконец осознала, что все они уставились на меня.

– Нет причин так напряженно обдумывать, что произошло с тобой сегодня, – произнес он, мягко похлопывая меня по плечу.

– Мы устроили пикник, потому что нам нравится действовать экспромтом. А так как сегодня Эсперанса исцелила тебя, моим друзьям здесь захотелось сказать, что пикник в твою честь. – Он произнес это небрежно, почти равнодушно, как если бы речь шла о каких-то пустячных вещах. Но его глаза говорили кое-что еще. Их взгляд был жестким и серьезным, и, словно это было жизненно важно, я внимательно слушала его.

– Для моих друзей радость сказать, что пикник в твою честь, – продолжал он. – Воспринимай это точно так, как они говорят, – простодушно и безо всякой подоплеки.

Его взгляд смягчился, когда он внимательно посмотрел на женщин. Потом он повернулся ко мне и добавил:

– Я успокою тебя – пикник проводится совсем не в твою честь. И тем не менее, – размышлял он, – он и в твою честь. Это противоречие, для понимания которого тебе потребуется совсем немного времени.

– Я никого не просила что-нибудь делать для меня, – мрачно сказала я.

В моем поведении появилась чрезвычайная тяжеловесность, – это происходило всегда, когда мне что-то грозило.

– Делия привела меня сюда, и я за это благодарна. И я хотела бы заплатить за каждую оказанную мне услугу, – добавила я.

Я была уверена, что оскорбила их. Я знала, что в любую минуту мне могут предложить убраться отсюда. Это задело бы мое "я", но это не должно было сильно волновать меня. Я была напугана и сыта ими по горло.

У меня вызвало удивление и раздражение то, что они не восприняли меня всерьез. Они смеялись надо мной. Чем злее я становилась, тем больше веселились они. Они пялились на меня своими сияющими, смеющимися глазами, как будто я была для них каким-то неизвестным организмом.

Гнев заставил меня забыть о страхе. Я набросилась на них с бранью, обвиняя в том, что меня здесь держат за дуру. Я изобличала Делию и ее мужа – не знаю, почему я упорно объединяла их в пару, – что они сыграли со мной злую шутку.

– Ты привела меня сюда, – сказала я, поворачиваясь к Делии, – теперь ты и твои друзья позволяете себе использовать меня вместо клоуна.

Чем более напыщенно я говорила, тем веселее становились их улыбки. От жалости к себе, злости и разочарования я была готова разрыдаться, когда Мариано Аурелиано подошел и встал позади меня. Он начал говорить со мной как с ребенком. Я хотела заявить ему, что сама могу позаботиться о себе, что не нуждаюсь в его симпатии и что я собираюсь домой, когда что-то в его тоне, в его глазах успокоило меня настолько сильно, что я не сомневалась в том, что он загипнотизировал меня. И тем не менее я знала, что это не так.

Непонятым и тревожащим оказалось и то, с какой внезапностью и насколько полно произошло это изменение. То, что в обычных условиях заняло бы дни, произошло в мгновение. Всю мою жизнь я предавалась размышлениям над каждым унижением или оскорблением – действительным или вымышленным, – которое я испытала. С систематической методичностью я обдумывала их до тех пор, пока к моему удовлетворению, не становилась ясной каждая деталь.

Когда я посмотрела на Мариано Аурелиано, я почувствовала в нем подобие насмешки над моей предыдущей вспышкой. Я с трудом могла вспомнить, что же вызвало гнев, доведший меня до слез. Делия потянула меня за руку и попросила помочь другим женщинам распаковать из разнообразных корзинок, которые они принесли с собой, фарфоровые тарелки, хрустальные бокалы и богато украшенное столовое серебро. Женщины не говорили ни со мной, ни друг с другом. И только слабые вздохи удовольствия слетали с их губ, когда Мариано Аурелиано открыл сервировочные блюда. Там были тамалес, энчиладас, тушеное с перцем горячее мясо и домашние лепешки. Не пшеничные – которые были обычными в Северной Мексике и которые я не очень любила, – а маисовые лепешки.

Делия передала мне тарелку с маленькими порциями от каждого блюда. Я ела так жадно, что закончила раньше всех.

– Это самая восхитительная еда, которую я когда-нибудь пробовала, – выплеснула я свои чувства, подождав в надежде на добавку несколько секунд.

Но никто мне ничего не предложил. Чтобы скрыть свое разочарование, я стала высказываться о красоте старинной кружевной отделки по краям скатерти, вокруг которой мы сидели.

– Это моя работа, – сказала женщина, сидящая слева от Мариано Аурелиано.

Она выглядела старой, с растрепанными седыми волосами, которые скрывали ее лицо. Несмотря на жару, на ней были длинное платье, блузка и свитер.

– Это настоящие бельгийские кружева, – объяснила она мне вежливым, мечтательным голосом. Ее длинные, тонкие руки, мерцающие от украшенных драгоценными камнями колец, любовно задержались на широкой отделке. Очень подробно она рассказала мне о своем рукоделии, показывая виды петель и ниток, которые она использовала для отделки. Иногда я на мгновение улавливала выражение ее лица сквозь массу волос, но не смогла бы сказать, как она выглядела.

– Это настоящее бельгийское кружево, – повторила она. – Часть моего приданого. – Она подняла хрустальный бокал, сделала глоток воды и добавила:

– Они тоже часть моего приданого. Это – хрусталь Баккара.

У меня не было сомнений, что это так. Восхитительные тарелки – каждая из них отличалась от другой – были из тончайшего фарфора. Я сомневалась, остались ли замеченными мои взгляды, бросаемые украдкой, когда женщина, сидевшая справа от Мариано Аурелиано, приободрила меня.

– Не пугайся. Возьми посмотреть, – убеждала она меня. – Ты среди друзей. – Усмехаясь, она подняла свою тарелку. – Лимож, – произнесла она, потом быстро подняла мою и отметила, что эта была марки Розенталь.

У женщины были детские, тонкие черты лица. Она была небольшого роста, с круглыми черными глазами, обрамленными густыми ресницами. У нее были черные волосы, переходящие на макушке в белые. Они были зачесаны назад и собраны в виде тугого маленького шиньона. В том, как она осаждала меня прямыми, личными вопросами, ощущалась сила, граничащая у нее с холодностью.

Я ничего не имела против ее инквизиторского тона. Я привыкла переносить бомбардировку вопросами, которые задавали мне мой отец и братья, когда я шла на свидание или начинала какое-нибудь дело по своему усмотрению. Я возмущалась этим, но для нашего дома это были нормальные взаимоотношения. Таким образом, я никогда не училась, как нужно беседовать. Беседа для меня заключалась в парировании словесных атак и своей защите любой ценой.

Я была удивлена, что принудительный опрос, которому подвергла меня эта женщина, не заставил меня почувствовать себя обороняющейся стороной.

– Ты замужем? – спросила женщина.

– Нет, – ответила я мягко, но решительно, желая, чтобы она сменила тему.

– У тебя есть мужчина? – настаивала она.

– Нет у меня никого, – возразила я, начиная чувствовать, как во мне стала просыпаться моя старая обороняющаяся личность.

– Есть ли тип мужчины, к которому ты равнодушна? – продолжала она. – Есть ли какие-то черты личности, которые ты предпочитаешь в мужчине?

На мгновение мне показалось, что она смеется надо мной, но она, как и ее подруги, выглядела искренне заинтересованной. Их лица, выражавшие любопытство и ожидание, успокоили меня. Забыв о своем воинственном характере и том, что, возможно, эти женщины настолько стары, что годятся мне в бабушки, я говорила с ними как с подругами моего возраста, и мы обсуждали мужчин.

– Он должен быть высоким и красивым, – начала я. – У него должно быть чувство юмора. Он должен быть чувствительным, но не бессильным. Он должен быть умным, но не интеллектуалом.

Я понизила голос и доверительным тоном добавила:

– Мой отец обычно говорил, что интеллектуальные мужчины насквозь слабы и к тому же предатели, все до одного. Мне кажется, я согласна с моим отцом.

– Это все, чего бы ты хотела от мужчины? – спросила женщина.

– Нет, – поторопилась я сказать. – Прежде всего, мужчина моей мечты должен быть атлетом.

– Как твой отец, – подсказала одна из женщин.

– Естественно, – сказала я, обороняясь. – Мой отец был великим атлетом, легендарным лыжником и пловцом. – Ты ладила с ним? – спросила она.

– Прекрасно, – восторженно ответила я. – Я обожаю его. Даже обыкновенные мысли о нем вызывают у меня слезы.

– Почему же ты не с ним?

– Я слишком похожа на него, – объяснила я. – Во мне есть что-то такое, что я совсем не могу объяснить или контролировать и что гонит меня прочь.

– А что ты скажешь о своей матери?

– Моя мать. – Я вздохнула и сделала на мгновение паузу, чтобы подобрать наилучшие слова для ее описания. – Она очень сильная. Она сформировала рассудительную сторону моей души. Ту часть, которая молчалива и не нуждается в усилении.

– Ты была очень близка со своими родителями?

– В душе, – да, – ответила я тихо. – На деле же я одинока. У меня мало привязанностей.

Затем, как если бы что-то внутри меня прорвалось и вышло наружу, я раскрыла пороки своей личности, чего я не допускала даже для себя самой в наиболее интроспективные моменты.

– Я скорее использую людей, чем накормлю или обласкаю их, – сказала я, но сразу же добавила. – Но я вполне способна чувствовать любовь.

Со смесью облегчения и разочарования я переводила взгляд с одного на другого. Казалось, никто из них не придал какого-либо значения моей исповеди. Женщины продолжали наше общение, спросив, как бы я охарактеризовала себя – как храброе существо или трусливое.

– Подтверждено, что я труслива, – заявила я. – Но, к несчастью, моя трусость никогда не останавливает меня.

– Не останавливает от чего? – допытывалась женщина, задавая вопросы. Ее черные глаза были серьезны, а широкий разлет ее бровей, подобных линии, нарисованной кусочком угля, выражал хмурое внимание.

– От того, чтобы делать опасные вещи, – ответила я. С удовольствием отметив, что они, как оказалось, ждут каждого моего слова, я объяснила, что еще одним из моих серьезных недостатков является моя замечательная способность попадать в неприятности.

– О какой неприятности, в которую ты попала, ты можешь нам рассказать? – спросила она. Ее лицо, которое все это время оставалось мрачным, внезапно осветилось сверкающей, почти злобной улыбкой.

– А как насчет неприятности, в которую я попала сейчас?

Я сказала это полусуто, но все же опасаясь, что они могут неправильно понять мое замечание. К моему удивлению и облегчению, все они засмеялись и стали выкрикивать возгласы на манер сельских жителей, которые делают так, когда что-то дерзкое или смешное поражает их.

– Как же ты оказалась в Соединенных Штатах? – задала вопрос одна из женщин, когда они все затихли. Я пожалала плечами, действительно не зная, что сказать.

– Я хотела ходить здесь в школу, – наконец пробормотала я. – В Англии я была первой, но мне там не очень нравилось, за исключением возможности хорошо проводить время. Я действительно не знаю, что я хочу узнать. Думаю, что я сейчас в поиске чего-то, хотя и не знаю точно, чего.

– Это возвращает нас к моему первому вопросу, – сказала женщина. Ее тонкое, дерзкое лицо и ее темные глаза оживились и выглядели по-звериному. – Ты ищешь мужчину?

– Думаю, что да, – согласилась я, раздраженно затем добавив: – А какая женщина не делает этого? И почему вы меня спрашиваете так настойчиво об этом? Вы что-то имеете в виду?

Это что, какой-то тест?

– Конечно, кое-кого мы имеем в виду, – вставила Делия Флорес. – Но это не мужчина. – Она и остальные заулыбались и стали взвизгивать от смеха с таким весельем, что я не смогла сдержаться и тоже захихикала.

– В каком-то смысле это тест, – заверила меня допытывающаяся женщина, как только все успокоились. Она помолчала мгновение, ее глаза выражали бдительность и раздумья. – Из того, что ты рассказала мне, я могу сделать вывод, что ты вполне принадлежишь к среднему классу, – продолжила она и быстрым движением широко расставила руки в жесте вынужденного принятия. – Но чем же еще может быть немецкая женщина, рожденная в Новом Свете? – Она гневно смотрела на меня и с едва скрываемой ухмылкой на губах добавила: – У людей среднего класса и мечты среднего класса.

Видя, что я на грани взрыва, Мариано Аурелиано объяснил, что она задала все эти вопросы потому, что присутствующие просто интересовались мной. Лишь очень редко у них бывают гости и едва ли когда-нибудь были среди них молодые.

– Это не означает, что я должна выносить оскорбления, – пожаловалась я.

Не обращая внимания на мои слова, Мариано Аурелиано продолжал оправдывать женщин. Его вежливый тон и успокаивающие похлопывания по спине расплавили мой гнев точно так, как было до этого. Его улыбка была такой ангельски трогательной, что у меня ни на мгновение не возникло сомнений в его искренности, когда он начал льстить мне. Он сказал, что я являюсь одной из самых экстраординарных, самых замечательных личностей, которую они когда-либо встречали. Я была так расстроена, что предложила ему спросить о чем угодно, что он хотел бы знать обо мне.

– Ты чувствуешь себя значительной? – был его вопрос.

Я кивнула.

– Каждый из нас является очень значительным для самого себя, – заявила я. – Да, я думаю, что я значительна, не в общем смысле, а по-особенному, для себя.

И я подробно высказалась о позитивном самопонимании, самоуважении и о том, как жизненно важно укреплять наше ощущение значительности для того, чтобы быть физически здоровыми личностями.

– А что ты думаешь о женщинах? – спросил он. – Как ты думаешь, они более, или менее значительны, чем мужчины?

– Совершенно очевидно, что мужчины более значительны, – сказала я. – У женщин нет выбора. Они должны быть менее значительными для того, чтобы семейная жизнь катилась, так сказать, по гладкой дорожке.

– Но правильно ли это? – настаивал Мариано Аурелиано.

– Ну, конечно, это правильно, – заявила я. – Мужчины по своей природе являются высшими существами. Именно поэтому они движут миром. Я была выращена авторитарным отцом, который, несмотря на то, что воспитывал меня так же свободно, как и моих братьев, дал мне понять, что определенные вещи не являются особенно важными для женщины. Вот почему я не знаю, чем я занимаюсь в школе или чего я хочу от жизни. – Я посмотрела на Мариано Аурелиано и беспомощным расстроенным тоном добавила:

– Я думаю, что я ищу мужчину, который был бы так же уверен в себе, как мой отец.

– Она – простушка! – вставила реплику одна из женщин.

– Нет, нет, это не так, – успокоил всех Мариано Аурелиано. – Она просто смущена и так же упряма, как ее отец.

– Ее немецкий отец, – подчеркнуто дополнил его м-р Флорес, выделяя слово немецкий. Он спустился с дерева, как листок, мягко и бесшумно, и положил себе совершенно немислимое количество пищи.

– Как ты прав, – согласился и усмехнулся Мариано Аурелиано. – Будучи такой же упрямой, как ее немецкий отец, она просто повторяет то, что слышала всю свою жизнь.

Гнев, нарастающий во мне и ощущаемый как некая таинственная лихорадка, был вызван не только тем, что они говорили обо мне, но и тем, что они обсуждали меня так, как будто я отсутствовала.

– Она безнадежна, – сказала другая женщина.

– Она превосходна для своей роли, – убежденно защищал меня Мариано Аурелиано.

М-р Флорес поддержал Мариано Аурелиано. И лишь одна из женщин, молчавшая до сих пор, глубоким охрипшим голосом сказала, что я прекрасно подхожу для своей роли.

Она была высокой и стройной. Ее бледное лицо, изможденное и суровое, обрамлялось заплетенными в косы белыми волосами и освещалось большими светлыми глазами. Несмотря на ее поношенную, серого цвета одежду, в ней была какая-то врожденная элегантность.

– Как вы все обращаетесь со мной? – закричала я, не в силах дальше сдерживать себя. – Вы что, не понимаете, как это оскорбительно – слушать разговоры о себе, как будто меня здесь нет?

Мариано Аурелиано остановил на мне свой разъяренный взгляд.

– Тебя здесь нет, – сказал он тоном, лишенным каких-либо эмоций. – По крайней мере, еще нет. И самое важное, что ты не идешь в счет. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

Я чуть не упала в обморок от гнева. Никто никогда не говорил со мной так грубо и с таким безразличием к моим чувствам.

– Да плевать я на вас всех хотела, проклятые старые пердуны! – завопила я.

– Подумать только! Немецкая провинциалка! – воскликнул Мариано Аурелиано, и они все засмеялись.

Я собиралась вскочить и убежать, но Мариано Аурелиано несколько раз легонько похлопал меня по спине.

– Ну, ну, – мурлыкал он, как если бы баюкал малютку

И так же как в прошлый раз, вместо того, чтобы оскорбиться, что со мной обращаются как с ребенком, я почувствовала, как мой гнев исчез. Я ощущала счастливую легкость. Непонимающе покачивая головой, я смотрела на них и хихикала.

– Я училась говорить по-испански на улицах Каракаса, – сказала я, – общаясь с подонками. Я умею отвратительно ругаться.

– Кажется, тебе только что понравились сладкие тамалес? – спросила Делия, закрывая глаза в знак вежливого понимания. Ее вопрос стал как бы паролем. Допрос прекратился.

– Конечно, ей понравились! – ответил за меня м-р Флорес. – Только она хочет, чтобы ей положили побольше. У нее просто ненасытный аппетит. – Он подошел, чтобы сесть рядом со мной. – Мариано Аурелиано превзошел сам себя и приготовил настоящее чудо.

– Вы имеете в виду, что еду готовил он? – недоверчиво спросила я. – У него есть все эти женщины – и он готовит?

Огорчившись, что мои слова могут быть не так расценены, я поспешила оправдаться и объяснила, что меня бесконечно удивляет то, что мексиканец должен готовить, когда в доме есть женщины. В их смехе звучало понимание и того, о чем я не собиралась говорить.

– Особенно, если эти женщины его. Не это ли ты имела в виду? – спросил м-р Флорес. Его слова сопровождалось общим смехом.

– Ты совершенно права, они женщины Мариано. Или, чтобы быть точнее, Мариано принадлежит им.

Он весело хлопнул себя по колену, затем повернулся к самой высокой из женщин – той, которая высказалась лишь однажды, – и спросил:

– Почему бы тебе не рассказать ей о нас?

– Само собой разумеется, у м-ра Аурелиано не может быть так много жен, – начала оправдываться я, все еще огорченная своей оплошностью.

– Почему бы и нет? – парировала женщина, и все засмеялись опять. Это был радостный молодой смех, однако он не принес мне облегчения. – Все мы здесь связаны вместе нашей борьбой, нашей глубокой привязанностью друг к другу и осознанием того, что друг без друга ничего не возможно, – сказала она.

– Не являетесь ли вы частью религиозной группы? – спросила я голосом, выдававшим возрастающие во мне тревожные предчувствия. – Или не принадлежите ли к одному из видов коммуны?

– Мы принадлежим силе, – ответила женщина. – Мои компаньоны и я являемся наследниками древней традиции. Мы – часть мифа.

Не понимая, что она говорит, я быстро взглянула на других: их взгляды были направлены на меня. Они наблюдали за мной со смешанным чувством ожидания и веселья.

Я переключила свое внимание на высокую женщину. Она тоже наблюдала за мной с тем же смущающим меня выражением. Ее глаза сияли и искрились. Она наклонила свой хрустальный бокал и изящно отпила воды.

– Мы все по существу являемся сновидящими, – объясняла она тихим голосом. – Мы все сейчас сновидим, и тот факт, что ты была приведена к нам, означает, что ты тоже сновидишь с нами.

Она сказала это настолько спокойно, что я не осознала, что именно было сказано.

– Вы имеете в виду, что я сплю и вижу сон вместе с вами? – спросила я с насмешливой недоверчивостью и сжала губы, чтобы сдержать смех, душивший меня.

– Это не совсем то, что ты делаешь, но довольно близко, – подтвердила она.

Не обращая внимания на мое нервное хихиканье, она продолжала объяснять, что случившееся со мной больше походит на экстраординарный сон, в котором все они помогают мне сновидением моего сна.

– Но это же идио... – начала говорить, но она взмахом руки заставила меня замолчать.

– Мы все сновидим один и тот же сон, – убеждала она меня.

Она, казалось, не помнила себя от радости из-за того, что я с трудом что-либо понимаю.

– А как насчет той восхитительной пищи, которую я только что съела? – спросила я, поглядывая на пятна, оставшиеся на моей блузке от капель соуса из перца. Я показала ей эти пятна. – Это не может быть сном. Я съела эту пищу! – настаивала я громким возбужденным тоном. – Да! Я сама ее съела.

Она оставалась хладнокровной и спокойной, как будто ожидала именно такого взрыва эмоций. – А как насчет того, что мистер Флорес поднял тебя на вершину эвкалипта? – спокойно спросила она.

Я собиралась ответить, что он поднял меня не на верхушку дерева, а лишь на ветку, когда она прошептала:

– Ты думала об этом?

– Нет. Я не думала, – раздраженно сказала я.

– Конечно, ты не думала, – согласилась она, понимающе кивая головой, как если бы она была осведомлена, что я постоянно помнила о том, что даже самая низкая ветка любого из окружающих нас деревьев была недоступна с земли. Тогда она объяснила, что причина, по которой я не думала об этом, заключена в том, что во сне мы не рациональны.

– В сновидении мы можем только действовать, – подчеркнула она.

– Подождите минутку, – прервала я ее. – Я, возможно несколько ошеломлена, я допускаю это. В конце концов, вы и ваши друзья – самые странные люди, которых я когда-либо встречала. Но сейчас я бодрствую, как только могу.

Видя, что она смеется надо мной, я завопила:

– Это не сон!

Незаметным кивком головы она дала знак м-ру Флоресу, который одним быстрым движением взял меня за руку и оказался со мной на макушке ближайшего эвкалипта. Мы сидели там мгновение, и прежде чем я смогла что-нибудь сказать, он перенес меня назад на землю, на то же самое место, где я сидела раньше.

– Ты видишь, что я имела в виду? – задала вопрос высокая женщина.

– Нет, не вижу, – завопила я, считая, что у меня была галлюцинация. Страх перешел в ярость, и я выпустила поток самых отвратительных проклятий. Моя ярость поутихла, и, охваченная волной жалости к себе, я начала плакать.

– Как вы обращаетесь со мной, люди? – спрашивала я в промежутках между всхлипываниями. – Вы подложили что-то в еду? В воду?

– Мы ничего подобного не делали, – доброжелательно сказала высокая женщина. – Ты ни в чем таком не нуждается...

Я едва слышала ее. Мои слезы были как некая темная тонкая вуаль. Они затуманивали ее лицо и делали неясными ее слова.

– Держись, – я услышала произнесенное ею слово, хотя не могла больше видеть ни ее, ни ее друзей.
– Держись, не просыпайся пока.

В ее тоне было что-то столь неотразимое, что я знала: сама моя жизнь зависит от возможности увидеть ее опять. С помощью некоей неизвестной и совершенно неожиданной силы я прорвалась сквозь вуаль своих слез.

Я услышала тихий хлопающий звук, а потом увидела их. Они улыбались, а их глаза сияли так сильно, что, казалось, зрачки горят каким-то внутренним огнем. Я сперва извинилась перед женщинами, а потом перед обоими мужчинами за дурацкую вспышку. Но они будто бы и не слышали о ней. Они сказали, что я выполняла все исключительно хорошо.

– Мы являемся живыми частями мифа, – сказал Мариано Аурелиано, затем вытянул свои губы и подул в воздух. – Ветром я пригону тебя к тому, кто сейчас держит миф в своих руках. Он поможет тебе уяснить все это.

– И кто же это может быть? – дерзко спросила я.

Я собиралась спросить, не окажется ли он таким же упрямым, как мой отец, но меня отвлек Мариано Аурелиано. Он все еще дул в воздух. Его белые волосы стояли дыбом. Щеки надулись и покраснели.

Как бы в ответ на его усилия, слабое дуновение ветерка вызвало шелест эвкалиптов. Он кивнул, явно начиная осознавать мое смущение и невысказанные мысли. Он нежно повернул меня, пока я не оказалась лицом к горам Бакатете.

Бриз превратился в ветер, настолько резкий и холодный, что стало больно дышать. С невероятной гибкостью и раскованностью в движениях высокая женщина встала, схватила меня за руку и потянула за собой вдоль вспаханной борозды. Внезапно мы остановились в центре поля. Я могла бы поклясться, что своими вытянутыми руками она привлекала вихри сухих опавших листьев, вращающиеся вдалеке.

– Во сне все возможно, – прошептала она.

Смеясь, я широко раскрыла руки, чтобы привлечь ветер. Листья танцевали вокруг нас с такой силой, что все расплывалось перед глазами. Высокая женщина внезапно исчезла. Ее тело, казалось, растворялось в красноватом свете, пока совсем не исчезло из моего поля зрения. А потом чернота заполнила мою голову.

Глава 3

В то время я была абсолютно неспособна определить, происходил этот пикник на самом деле или это было только во сне. Я не могла восстановить последовательность событий с того момента, когда заснула в комнате целительницы. Следующим моим ясным воспоминанием была моя беседа с Делией у стола в той же комнате.

Привыкшая к тому, что такого рода провалы в памяти случались со мной с самого детства, я сразу не придавала большого значения всем этим несоответствиям. Ребенком, страстно желая заняться игрой, я часто полусонной вставала с постели и выскальзывала из дома через оконную решетку. Часто я окончательно просыпалась лишь на рыночной площади, играя с другими детьми, которых отправляли спать не так рано.

У меня не было ни малейшего сомнения в том, что этот пикник был в действительности, хотя я и не знала, как поместить его в последовательность временных событий. Я попыталась сосредоточиться и восстановить эти события, но меня испугала сама возможность возобновления моих детских провалов памяти. Я осторожно спросила Делию о ее друзьях, но она не захотела об этом говорить. Тогда я спросила ее о сеансе лечения, который по-прежнему считала сновидением.

– У меня был такой сложный сон о целительнице, – осторожно начала я. – Она не назвала своего имени, но убедила меня в том, что она вылечит меня от ночных кошмаров.

– Это был не сон, – сказала Делия, и в ее тоне ясно прозвучало неудовольствие.

Она посмотрела на меня так пристально, что я стала нервничать и у меня даже возникло желание уйти.

– Целительница не назвала тебе своего имени, – продолжала она. – Но она безусловно излечила тебя от расстройств сна.

– Но это был сон, – продолжала настаивать я. – В моем сновидении целительница была размером с ребенка. Она просто не могла быть настоящей.

Делия взяла со стола стакан воды, но пить не стала. Она начала вращать его, вращала его снова и снова, но не пролила ни капли. Она смотрела на меня, ее глаза сверкали.

– Целительница передала тебе впечатление, что она маленькая, – только и всего, – сказала она, кивнув самой себе, словно эти слова только что возникли внутри нее и она сочла их убедительными. Она выпила воду небольшими глотками, издавая негромкие звуки, и ее глаза стали добрыми и задумчивыми. – Ей пришлось стать маленькой, чтобы исцелить тебя.

– Ей пришлось стать маленькой? Ты имеешь в виду, что я просто видела ее как маленькую?

Делия кивнула еще раз и, наклонившись ко мне, прошептала:

– Видишь ли, ты сновидела. Хотя это был не сон. Целительница на самом деле пришла и исцелила тебя, но ты находилась не там, где сейчас.

– Перестань, Делия, – возразила я. – О чем ты говоришь? Я знаю, что это был сон. Я всегда осознаю, что сплю, даже если сновидения кажутся мне совершенно реальными. Разве ты не помнишь, что именно в этом и состояла моя проблема?

– Может быть, теперь, когда она исцелила тебя, это уже не расстройство, а твой талант, – предположила Делия, улыбаясь. – Но вернемся к твоему вопросу: целительнице пришлось сделаться маленькой, подобной ребенку, потому что когда впервые начались твои кошмары, ты была еще совсем маленькая.

Ее утверждение было таким необычным, что я не смогла даже рассмеяться.

– И сейчас я уже здорова? – спросила я в шутку.

– Конечно, – уверила она меня. – В сновидениях исцеление происходит очень легко, почти без усилий. Но очень трудно заставить людей сновидеть.

– Трудно? – спросила я, и мой голос прозвучал резко, чего я сама не ожидала. – У каждого есть сновидения. Мы все должны спать, разве не так?

Делия подняла глаза к потолку, затем снова посмотрела на меня и произнесла:

– Я говорю не об этих снах. Это обычные сны. У сновидения есть цель; в то время как обычные сны не имеют никакой цели.

– У них есть цель! – горячо возразила я, после чего стала долго объяснять ей психологическое значение сновидений. Я начала цитировать труды по психологии, философии и искусству.

Делия ничуть не была поражена моими познаниями. Она была вполне согласна с тем, что обычные сны необходимы, чтобы поддерживать умственное здоровье, но настаивала на том, что она имеет в виду совсем другое.

– У сновидений есть цель; у обычных снов ее нет, – снова повторила она.

– Какова же эта цель, Делия? – спросила я, уступая.

Она отвернула свое лицо в сторону, как если бы хотела спрятать его от меня. Мгновение спустя она снова смотрела на меня. Что-то холодное и отстраненное появилось в ее глазах, и такое изменение настроения было настолько безжалостным, что я испугалась.

– Сновидение всегда имеет практическую цель, – провозгласила она. – Оно может служить сновидящему непосредственно или для каких-то более сложных целей. Тебе оно понадобилось, чтобы избавиться от расстройств сна. Ведьмам на пикнике оно позволило узнать твою сущность. Мне оно помогло спрятаться от сознания патрульного иммиграционной службы, когда тебя попросили показать твою маршрутную карту туриста.

– Пытаюсь понять, о чем ты говоришь Делия, – нерешительно произнесла я. – Означает ли это, что одни люди могут загипнотизировать других вопреки их воле?

– Называй это как хочешь, – сказала она.

В ее лице появилось спокойное безразличие, которое почему-то понравилось мне.

– Вот что ты так и не смогла понять до сих пор: ты совершенно без усилий можешь войти в то, что ты назвала гипнотическим состоянием. Я называю это "сновидением" – сновидение, которое не является сном, сновидение, в котором ты можешь сделать все, что твоя душа пожелает.

Делия почти передала мне это ощущение, но у меня не было слов, чтобы сформулировать свои мысли и чувства. Ошеломленная, я смотрела на нее. Неожиданно мне вспомнилось одно событие из моей юности. Когда меня наконец допустили к занятиям по вождению на отцовском джипе, я изрядно удивила собственную семью, продемонстрировав, что уже хорошо умею водить машину. Годами я проделывала это в своих снах. С удивившей меня уверенностью я взялась вести машину по старой дороге из Каракаса в Ла Гуэйру, портовый город. Я обдумывала, следует ли мне рассказать об этом эпизоде Делии, но вместо этого задала ей вопрос о росте целительницы.

– Она – женщина невысокая. Хотя и не такая маленькая, какой ты ее видела. В своем целительном сновидении она предположила, что для твоей пользы ей надо стать маленькой, и сделала себя маленькой. В этом сущность магии. Чтобы передать впечатление о чем-то, ты должна стать этим.

– Разве она волшебница? – спросила я, ожидая ответа.

Мысль о том, что все они работают в цирке, принимая участие в каком-то магическом представлении, неоднократно приходила мне в голову. Я считала, что это объяснило бы многое относительно них.

– Нет. Не волшебница, – сказала Делия. – Она маг.

Делия посмотрела на меня так насмешливо, что мне стало стыдно за свой вопрос.

– Волшебники участвуют в своем шоу, – пояснила она, многозначительно глядя на меня. – Маги находятся в мире, не являясь частью этого мира. Долгое время она молчала, затем с ее уст сорвался вздох.

– Тебе бы хотелось сейчас увидеть Эсперансу? – спросила она.

– Да, – ответила я нетерпеливо. – Я бы очень этого хотела.

У меня закружилась голова от самой возможности того, что целительница была реальностью, а не сном. Я не очень-то доверяла Делии. Мои мысли как обезумели: неожиданно я вспомнила, что целительница в моем сновидении назвала свое имя – Эсперанса.

Я так углубилась в собственные мысли, что не заметила, как Делия заговорила.

– Извини, что ты сказала?

– Единственный способ, с помощью которого ты можешь все это осознать, – это позвать сновидение назад, – продолжала она.

Мягко смеясь, она повела рукой так, словно кого-то приглашала войти.

Ее слова не имели для меня никакого смысла. Я уже стала обдумывать еще одну мысль. Эсперанса была реальной. И я была уверена, что она собирается все мне объяснить. Кроме того, ее не было на пикнике; она не считала меня противной, как другие женщины. Я питала смутную надежду на то, что Эсперанса понравится мне, и это восстановило бы мое доверие. Чтобы скрыть свои чувства от Делии, я сказала ей, что мне очень хочется увидеть целительницу.

– Мне хотелось бы поблагодарить ее и, конечно, заплатить за то, что она сделала для меня.

– Все уже оплачено, – сказала Делия.

Насмешливый блеск ее глаз ясно показывал, что она была посвящена в мои мысли.

– Что значит оплачено? – спросила я ее невольно резким тоном. – Кто заплатил за все это?

– Это трудно объяснить. – Делия начала говорить с какой-то отстраненной мягкостью, что меня мгновенно успокоило.

– Все началось на вечеринке у твоего друга в Ногалесе. Я сразу же заметила тебя.

– В самом деле? – удивленно спросила я, страстно ожидая услышать комплименты о моем тщательно и со вкусом подобранном туалете.

Наступила неприятная тишина. Я не могла видеть глаза Делии, скрытые за полуприкрытыми веками. Было нечто совершенно спокойное, хотя и странным образом тревожащее в ее голосе, когда она заговорила о том, что всякий раз, когда я собиралась поговорить с бабушкой моего друга, я выглядела отсутствующей и рассеянной, как если бы спала.

– Отсутствующей и рассеянной – это слабо сказано, – сказала я. – Тебе не понять, через что я прошла, как пыталась убедить эту старую леди в том, что не являюсь воплощением дьявола.

Делия, казалось, совсем не слышала меня.

– В мгновение ока я поняла, что у тебя есть огромные способности к сновидению, – продолжала она. – Поэтому я следовала за тобой по всему дому и смотрела, как ты действуешь. Ты совершенно не осознавала того, что делаешь и что говоришь. И хотя ты все делала отлично: говорила, и смеялась, и лгала, у тебя крышка ехала от того, что ты всем хотела нравиться.

– Ты называешь меня лгуньей? – спросила я шутя, но была не в силах скрыть свою обиду.

Я начинала сердиться. Чтобы скрыть это, я стала смотреть на стоявший на столе кувшин с водой, пока это грозное настроение не прошло.

– Я не осмелилась бы назвать тебя лгуньей, – достаточно помпезно произнесла Делия. – Я назвала тебя сновидящей.

В ее голосе ощущалась торжественность, но глаза светились радостью и, вместе с тем, добродушным злорадством, когда она произнесла:

– Маги, которые воспитали меня, говорили, что не имеет значения, что ты говоришь, если у тебя есть сила сказать это.

Ее голос выражал такой энтузиазм и одобрение, что я была уверена в том, что кто-то за дверью слушает наш разговор.

– И способ получить эту силу – сновидение. Ты не знала об этом, потому что делала это естественно, но когда ты в трудном положении, твой ум немедленно попадает в сновидение.

– А тебя воспитывали маги, Делия? – спросила я, чтобы сменить тему.

– Конечно, – объявила она таким тоном, словно это была самая естественная вещь в мире.

– Твои родители были магами?

– О нет, – сказала она и хихикнула. – Однажды маги нашли меня и взяли за мое воспитание.

– Сколько тебе было тогда лет? Ты была ребенком?

Делия залилась смехом так, словно этот мой вопрос был самой смешной шуткой в мире.

– Нет, я не была ребенком, – сказала она. – В ту пору, когда они нашли меня и взяли за мое воспитание, мне, возможно, было столько же лет, сколько тебе сейчас.

– Что тогда значит "они взяли за твое воспитание"?

Делия смотрела на меня, но ее глаза меня не видели. Мне показалось, что она не слышит, или, если слышит, то не собирается отвечать. Я повторила свой вопрос. Она пожала плечами и улыбнулась.

– Они воспитывали меня, как воспитывают ребенка, – наконец сказала она. – Не имеет значения, сколько тебе лет: в их мире ты всегда ребенок.

Неожиданно я испугалась того, что нас могут подслушать. Я посмотрела через плечо и прошептала:

– Кто эти маги, Делия?

– Очень трудный вопрос, – задумчиво сказала она. – Мне кажется, что я не в состоянии даже начать отвечать на него. Все, что я могу сказать о них, – так это то, что именно они говорили мне: для того, чтобы тебе верили, никогда не следует лгать.

– Тогда почему же человек лжет? – спросила я.

– Чтобы получить совершенное удовольствие от этого, – быстро ответила Делия.

Затем она встала со стула и направилась к двери, ведущий во двор. Но прежде чем выйти за дверь, она повернулась ко мне и с улыбкой произнесла:

– Разве тебе не знакомо высказывание – "Если ты не лжешь, чтобы тебе верили, тогда можешь говорить все что хочешь, не обращая внимания на то, что другие о тебе думают"?

– Я никогда не слышала такого высказывания.

Я подумала, что она выдумала его; эта фраза каким-то образом содержала ее отпечаток.

– Кроме того, я не понимаю смысла того, о чем ты попыталась мне сказать, – натянуто добавила я.

– Я была уверена в этом, – сказала она, смотря на меня сквозь прядь своих черных волос. Она кивком пригласила меня следовать за собой. – Пойдем и встретимся с Эсперансой.

Я вскочила и бросилась за ней, но возле двери внезапно остановилась. Мгновенно ослепленная ярким светом снаружи, я остановилась, пытаюсь понять, что произошло. Казалось, с тех пор, как я бежала за м-ром Флоресом по полю, не прошло и минуты. Солнце, как и тогда, находилось в зените.

Я увидела, как мелькнула красная юбка Делии, когда она поворачивала за угол. Я бросилась за ней через каменную арку, ведущую в очаровательный патио.

В первый момент я не увидела ничего, настолько силен был контраст между ослепительным солнечным светом и глубокой тенью патио. Затаив дыхание, я остановилась, абсолютно спокойная, вдыхая в себя влажный воздух, наполненный ароматами цветущих апельсинов, жимолости и душистого горошка. Нити, казалось, спускались с небес, а душистый горошек на них казался ярким красочным гобеленом среди листвы деревьев, кустарников и папоротника.

Целительница, которую я видела раньше во сне, сидела в кресле-качалке в центре патио. Она была намного старше Делии и женщин на пикнике, хотя откуда мне это было известно, я сказать не могу. Она раскачивалась в кресле взад-вперед с видом сонной отрешенности. Я ощутила, что все мое существо охватила мучительная боль, ибо возникла иррациональная убежденность в том, что ее раскачивания все дальше и дальше удаляют ее от меня. По мере того, как я продолжала смотреть на нее, меня стала поглощать волна страдания и непередаваемого одиночества. Я захотела пересечь дворик и коснуться, удержать ее, но что-то в темном орнаменте мощеного дворика, выложенном самым замысловатым образом, удержало меня на месте.

– Эсперанса, – наконец прошептала я таким слабым голосом, что сама себя еле услышала.

Она открыла глаза и улыбнулась, совсем не удивившись, словно уже ждала меня. Она встала и направилась ко мне. Ростом она была намного выше ребенка, почти одного со мной, – 5 футов и 2 дюйма. Она была худая и хрупкая, хотя излучала такую силу, что я почувствовала себя ничтожной и съжилась.

– Как я рада снова тебя видеть, – в ее голосе чувствовалась искренность. Она пригласила меня взять один из бамбуковых стульев и сесть рядом.

Когда я осмотрелась, то увидела много женщин, в том числе и Делию. Все они сидели на бамбуковых стульях, полускрытые кустарником и деревьями; к тому же они как-то странно смотрели на меня. Некоторые улыбались, а остальные продолжали есть темале (temale – мексиканское блюдо из рубленого мяса; красного перца и т.д., приготовленное на пару в листьях маиса (прим. перев.)), держа тарелки в руках.

В этом приглушенном зеленом свете патио, несмотря на такое мирское занятие – еду, – эти женщины казались нематериальными, воображаемыми. Хотя каждая из них была видна неестественно ярко, но вместе с тем – неотчетливо. Казалось, что они погружены в этот зеленоватый полумрак, который был рассеян между всеми нами как прозрачный туман. В моем уме возникла мимолетная, но ужасная идея о том, что я попала в дом, населенный духами.

– Хочешь поесть? – спросила Эсперанса. – Делия приготовила очень вкусное блюдо, ты даже не можешь себе представить, какое вкусное.

– Нет, спасибо, – промямлила я голосом, показавшимся мне чужим.

Увидев ее вопрошающее лицо, я слабо добавила:

– Я не голодна.

Я так нервничала и была так возбуждена, что даже если бы умирала с голода, то не смогла бы проглотить и крошки.

Эсперанса, похоже, почувствовала мой страх. Она наклонилась ко мне и успокаивающе похлопала по руке.

– Что именно ты хотела узнать?

– Я подумала, что видела тебя во сне, – выпалила я, но, заметив смех в ее глазах, добавила:

– А сейчас я снова вижу?

– Да, но ты не спишь, – ответила она, медленно и четко выговаривая слова.

– Но как я могу снова видеть и не спать?

– Некоторым женщинам легко удается проделывать это, – продолжала она. – Они сновидят, но не спят. Ты – одна из них. Другие целую жизнь учатся этому.

В ее голосе я ощутила оттенок восхищения, хотя мне это не польстило. Наоборот, я еще больше заволновалась.

– Но как возможно сновидеть и не спать? – продолжала настаивать я.

– Если бы я объяснила тебе, как это возможно, то ты все равно бы не поняла, – произнесла она. – Прими мои слова такими, как есть, и отложи их до того, как время даст тебе свои объяснения. – И снова она похлопала меня по руке и добро улыбнулась. – В настоящий момент тебе просто нужно знать, что для тебя я – это та, кто приносит сновидения.

Я не считала, что этого достаточно, но не осмелилась об этом сказать. Вместо этого я спросила:

– Проснулась ли я в тот момент, когда ты исцеляла меня от кошмаров? И сновидела ли я тогда, когда сидела на поле вместе с Делией и другими?

Эсперанса долгое время разглядывала меня, а затем мудро кивнула, словно решила открыть мне величайшую истину.

– Ты слишком глупа, чтобы увидеть тайну того, чем мы занимаемся.

Она произнесла это так отстраненно, так неосуждающе, что во мне не возникло ни обиды, ни желания попытаться опровергнуть ее слова.

– Но ты сможешь помочь мне увидеть это, правда? – страстно попросила я.

Остальные женщины захихикали. Это скорее напоминало шепот, раздававшийся вокруг меня, приглушенный хор. Создалось впечатление, что звук исходит не от женщин, а от теней этого патио. Это было не хихиканье, а скорее шелест, деликатное напоминание, которое заставило меня не только растерять все мои возражения, – исчезли и тревожащие меня сомнения. Теперь без тени сомнения я знала, что я бодрствовала и сновидела одновременно. Это было знание, которое я не могу объяснить. Это было нечто, невыразимое словами.

Однако уже спустя несколько мгновений я ощутила необходимость проанализировать свое понимание, поместить его в определенную логическую схему.

Эсперанса смотрела на меня с явным удовольствием. Затем она сказала:

– Я хочу объяснить тебе, кто мы и чем занимаемся.

Она предваряла свои объяснения предостережением, предупредив меня, что в то, о чем она собирается рассказать мне, будет трудно поверить. Поэтому я должна буду остановить собственные суждения и слушать ее, не перебивая и не задавая вопросов.

– Ты способна это сделать?

– Естественно, – выпалила я в ответ.

Мгновение она молчала и глаза ее мысленно оценивали меня. Она должна была ощутить мою неуверенность и вопрос, который готов был сорваться с моих губ.

– Не то чтобы я просто не хотела отвечать на твои вопросы, – продолжала она. – Но именно сейчас ты не в состоянии понять ответ.

Я кивнула, но не в знак согласия, а испугавшись, что если я хотя бы пикну, она вообще прекратит говорить.

Голосом, скорее напоминающим нежный шепот, она поведала мне нечто невероятное и удивительное. Она сказала, что является духовным наследником магов, живших в долине Оахака за много тысяч лет до прихода испанских конкистадоров.

Долгое время Эсперанса молчала. Глаза, взгляд которых остановился на многоцветном душистом горошке, казалось, ностальгически погрузились в прошлое. – Я называю часть деятельности этих магов, имеющую к тебе отношение, сновидением, – продолжала она. – Этими магами были мужчины и женщины, обладавшие необычными силами сновидения, и они делали такое, что невозможно себе представить.

Обхватив колени руками, я слушала рассказ Эсперансы. Она была удивительной рассказчицей и обладала прекрасной мимикой. Ее лицо менялось с каждым поворотом линии ее рассказа. Временами это было лицо молодой женщины, временами – старухи, временами – мужчины или невинного и шаловливого ребенка.

Она рассказала, что много тысяч лет тому назад мужчины и женщины обладали знанием, которое позволяло им выскальзывать за пределы нашего обычного мира и возвращаться обратно. И потому они разделили свою жизнь на две части: день и ночь. Днем они занимались тем же, что и остальные: они были заняты обычной, необходимой повседневной работой. Однако ночью они становились сновидящими. Они систематически сновидели сновидения, что разрушило границы того, что мы считаем реальностью.

Она снова остановилась, словно давая мне возможность осознать ее слова.

– Используя в качестве покрова темноту, – продолжала она, – они достигли невообразимого; они научились сновидеть во время бодрствования.

Предвидя вопрос, который я собиралась задать, Эсперанса пояснила, что сновидеть-наяву означает, что они погружали себя в сновидение, которое давало им энергию, необходимую для свершения подвигов, которые потрясали ум, поскольку в это время они были полностью сознательны и бодрствовали.

Из-за привычки к достаточно агрессивной манере общения мне не удалось развить в себе способность долго слушать собеседника. Если у меня не было возможности вмешаться с прямыми и атакующими вопросами, то любое словесное общение, каким бы интересным оно ни казалось, было для меня бессмысленным. Не имея возможности возражать собеседнику, я становилась беспокойной. Мне до смерти хотелось прервать Эсперансу. У меня возникли вопросы, но совсем не потому, что у меня не было ответов. Не необходимость получить ответ служила основанием обуревавшего меня желания

прервать рассказ Эсперансы. Мне просто хотелось уступить собственному желанию получить от нее ответную вспышку, и тогда бы я снова чувствовала себя нормально.

Как бы зная о моих ощущениях, Эсперанса на миг взглянула на меня и подала мне знак говорить. А может быть, мне показалось, что она дала мне такую команду. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, – как обычно, все, что придет в голову, даже не связанное с темой разговора. Но я не смогла произнести ни слова. Я старалась что-то сказать, но получались звуки, напоминающие полоскание горла водой, что привело в восторг женщин на заднем плане.

Эсперанса продолжала свой рассказ, словно и не заметив этих моих тщетных усилий. Меня безгранично удивило, что она безраздельно владела моим вниманием. Она сказала, что источник знания магов можно понять только используя легенды.

Высшая сущность из сострадания к ужасной обязанности человека – к тому, что им руководит голод и инстинкт продолжения рода, – подарила ему способность сновидеть и обучает тому, как использовать свои сновидения.

– Легенды, конечно, рассказывают истине завуалированно, – продолжала она. – Им удалось замаскировать истину потому, что человек убежден, что это просто сказки. Легенды о людях, превратившихся в птиц или ангелов, – вот примеры такой замаскированной истины, и они могут казаться фантазиями или заблуждениями первобытного или больного разума.

Поэтому задачей магов на протяжении тысячелетий было создание новых легенд и раскрытие замаскированной истины в старых легендах.

Здесь на сцену выходят сновидящие. Женщинам лучше удается сновидеть. У них есть способность отказаться от себя, способность позволить всему случаться.

Женщина, обучавшая меня сновидениям, могла удерживать двести сновидений.

Эсперанса внимательно посмотрела на меня, как бы оценивая мою реакцию. Я совсем остолбенела, ибо совершенно не понимала, о чем она говорит. Она объяснила, что удерживать сновидение означает, что человек может сновидеть нечто конкретное о самом себе и может войти в это сновидение, когда захочет. Ее наставница, как утверждала она, могла войти по желанию в двести отдельных видений себя самой.

– Женщины – бесподобные сновидящие, – уверяла меня Эсперанса. – Женщины очень практичны. Чтобы удерживать сновидение, нужно быть очень практичным, поскольку сновидение должно содержать практические аспекты снов человека. Любимым сновидением моей наставницы было то, в котором она сновидела себя как сокола. Еще одним было сновидение совы. Поэтому, в зависимости от времени суток, она могли быть одним из них, и поскольку она сновидела-наяву, он, на самом деле полностью и была соколом или совой.

В ее голосе и ее глазах было столько искренности и убеждения, что я оказалась полностью во власти ее чар. Ни на секунду я не сомневалась в ее словах. В ту минуту ничто из того, о чем она говорила, не казалось мне необычным.

Затем она пояснила мне, что для того, чтобы достичь сновидений такого рода, женщина должна следовать железной дисциплине. Она наклонилась ко мне и конфиденциально, как бы не желая того, чтобы ее услышали другие, сказала:

– Железной дисциплиной я называю не тщательное соблюдение любого рода распорядка, как раз наоборот, это означает, что женщины должны разрушить любой распорядок, которого от них ожидают.

– Так они поступают в юности, – подчеркнула она. – И что самое важное – в силу своей девственности, не прибегая к силе. Часто, когда женщина уже достаточно стара, чтобы продолжать оставаться женщиной, она считает, что пришло время заняться мирскими или ино-мирскими мыслями и действиями. Как бы мало она ни хотела и насколько бы ни было малым то, во что она хотела бы поверить, ей ничего так и не удастся достичь.

Она мягко похлопала меня по животу, словно играла на барабане.

– Тайна силы женщины в ее матке.

Эсперанса утвердительно кивнула, словно на самом деле услышала тот глупый вопрос, который появился у меня в голове:

– В ее матке?

– Женщина, – продолжала она, – должна начать с того, чтобы сжечь свою матрицу. Она не может служить плодоносящей почвой, ожидающей оплодотворения мужчиной, повинувшись повелению Бога.

Она посмотрела на меня пристально, улыбнулась и спросила:

– Ты, случайно, не религиозна?

Я покачала головой. Говорить я не могла. Мое горло настолько сжалось, что я едва могла дышать. Я оцепенела от страха и удивления, но не столько от ее слов, сколько от перемен в ее лице. Спроси меня, и я не могла бы ответить, когда именно это началось, но внезапно ее лицо стало молодым и сияющим; внутри нее как бы вспыхнула внутренняя жизнь.

– Прекрасно! – воскликнула Эсперанса. – Значит, тебе не придется бороться с верованиями, – подчеркнула она. – Их победить очень трудно. Меня воспитывал правоверный католик. Я чуть не умерла, когда мне пришлось изменять свое отношение к религии.

Она вздохнула. Ее голос, некоторое время звучавший печально, снова стал нежным, когда она добавила:

– Но это несравнимо с той битвой, в которую мне пришлось вступить до того, как я стала настоящей сновидящей.

Тяжело дыша, я терпеливо ожидала, пока очень приятное ощущение, подобное слабому электрическому току, не разольется по всему моему телу. Я уже предвкушала рассказ об ужасном сражении с наводящими ужас созданиями. Мне едва удалось скрыть свое разочарование, когда она сказала, что ей пришлось вступить в битву с самой собой.

– Чтобы стать сновидящей, я должна была покорить себя (а также эго (англ. – self) (прим. перев.)), – пояснила Эсперанса. – Вроде пустяк, но нет ничего тяжелее этого. Мы, женщины, самые несчастные пленники своего "я". Это "я" – наша тюрьма. Наша тюрьма создана из команд и ожиданий, которые обрушиваются на нас с самого момента рождения. Если родился первенец, и это мальчик, тогда это праздник. Но если же это девочка, тогда пожимают плечами и говорят: "Все нормально. Я все же буду любить ее и сделаю для нее все".

Из уважения к этой старой женщине я не могла смеяться громко. Никогда я не слышала ничего подобного. Я считала себя независимой, но в свете того, что говорила Эсперанса, я была ничем не лучше остальных женщин. Вопреки своему обычному способу реагирования на такого рода идеи, я была с ней согласна. Я всегда осознавала, что предварительным условием того, что я женщина, является то, что я зависима. Мне всегда говорили, что женщине очень повезло, если ее настолько желает мужчина, что ради нее будет делать многое. Мне говорили, что для меня как для женщины унижительно самой делать что-то, что мне и так могут дать. В меня вбили, что место женщины дома, рядом с мужем и детьми.

– Как и тебя, меня воспитывал авторитарный, хотя и снисходительный отец, – продолжала Эсперанса. – Как и ты, я считала себя свободной. Для меня понять путь магов – что свобода не означает быть самой собой – было равносильно тому, чтобы убить себя. Быть собой для меня означало утверждать себя как женщину. И осуществление этого занимало все мое время, мои усилия и энергию.

Маги, наоборот, понимали свободу как способность совершать невозможное, неожиданное – сновидеть сновидение, не имеющее оснований, реальности в повседневной жизни. – Ее голос снова превратился в шепот, и она добавила: – Знание магов – это то, что волнующе и ново. Вообразить, что женщине нужно изменить себя и стать сновидящей.

Эсперанса сказала, что если бы ей не удалось победить себя, то это вернуло бы ее к жизни обычной женщины, той жизни, которую уготовили для нее родители. Жизни, состоящей из поражений и унижений. Жизни, лишенной тайны. Жизни, предопределенной привычкой и традицией.

Эсперанса ущипнула меня за руку. От боли я вскрикнула.

– Тебе следует слушать более внимательно, – заметила она.

– Да, конечно, – промямлила я виновато, поглаживая руку. Я была уверена, что никто не заметит ослабления моего интереса.

– Тебя не могут заманить или соблазнить войти в мир магов, – предупредила она меня. – Ты должна выбрать это, осознавая то, что тебя ожидает.

Перемены в собственном настроении поразили меня, ибо они были совершенно иррациональны. Мне следовало бы испугаться. Но я сохраняла спокойствие, словно это была самая естественная вещь в мире.

– Тайна женщины в ее матке, – сказала Эсперанса и снова похлопала меня по животу.

Она сказала, что женщины сновидят с помощью матки, или даже скорее – из матки. Сам факт, что у них есть матка, делает их совершенными сновидящими.

До того, как я успела додумать до конца вопрос, почему же матка так важна, Эсперанса ответила.

– Матка – это центр нашей творческой энергии, – пояснила она. – Даже если в мире не останется ни одного мужчины, женщины смогут продолжать воспроизведение рода. Но тогда мир будут населять только женщины.

Она добавила, что женщины могут размножаться однополо, но воспроизводить только себе подобных.

Меня искренне удивил именно этот пласт информации. Я не могла удержаться и прервала Эсперансу, рассказав ей, что я читала о партеногенезе и несексуальном размножении биологических видов.

Она пожала плечами и продолжила свое объяснение.

– Женщины, обладая способностью и органами для продолжения жизни, также обладают и способностью порождения сновидений, используя те же самые органы, – сказала она.

Увидев в моих глазах сомнение, она предупредила меня:

– Не беспокоь себя сомнениями о том, как это происходит. Объяснение очень простое, но именно поэтому его очень трудно понять. Я не могу ответить на все твои вопросы. Чисто по-женски я и действую. Я сновижу и оставляю объяснение мужчинам.

Эсперанса рассказала мне, что сначала маги, о которых она мне рассказывала, передавали свои знания своим биологическим наследникам или людям, которых они сами выбирали. Но это привело к катастрофическим результатам. Вместо того, чтобы развить знание, эти новые маги, выбранные ими в качестве фаворитов, стали в разговорно возвеличивать самих себя. В конце концов, почти все они были уничтожены, и это чуть было не уничтожило их знание. Те немногие маги, которые остались, решили,

что больше не следует передавать свое знание биологическим наследникам или своим избранникам. Необходимо доверять его тому, кого избрала безличная сила, которую они назвали духом.

– И вот сейчас она привела нас к тебе, – провозгласила Эсперанса. – Маги древних времен решили, что могут быть отобраны только те, на которых было указано точно. На тебя нам было точно указано. И вот ты здесь! Ты естественный сновидящий. Только силы, управляющие нами, знают, куда ты отправишься отсюда. Но не ты. И, конечно, не мы. Ты можешь только уступить или отказаться.

По твердости ее голоса и невыносимому сиянию глаз было видно, что она дает свои объяснения совершенно серьезно. Именно эта серьезность не позволила мне громко рассмеяться. К тому же я очень устала.

Та концентрация ума, с которой я следила за ней, была слишком сильна. Мне захотелось спать. Она настояла на том, чтобы я вытянула ноги, легла и расслабилась. Я сделала все это настолько хорошо, что задремала.

Когда я открыла глаза, я совершенно не осознавала того, сколько времени я спала. Я попыталась удостовериться в присутствии Эсперансы или других женщин. В патио кроме меня не было никого. Но я не ощущала себя одинокой; каким-то образом их присутствие осталось в этой зелени вокруг меня, и я ощущала себя защищенной. Шелестели под дуновением ветерка листья. Я ощущала его на своих веках – теплый и нежный. Он обдувал меня и уходил, точно так же, как он проходит через пустыни, тихо и неслышно.

Я сосредоточилась на плитке и начала ходить по патио, пытаюсь понять присущий ей узор. К моему удивлению эти линии вели меня от одного бамбукового стула к другому. Я попыталась восстановить в памяти, кто на каком стуле сидел, но, как ни старалась, мне это не удалось.

Меня отвлек восхитительный запах пищи, приправленной чесноком и луком. Идя на этот запах, я попала в кухню, большую прямоугольную комнату. Она была пуста, как и патио. А украшавший стены яркий кафель напоминал узоры плитки мощеного дворика. Я не стала искать, в чем это подобие, поскольку на стоявшем в центре комнаты столе обнаружила еду. Решив, что это предназначено мне, я села есть. Это было приправленное тушеное мясо, которое я уже пробовала на пикнике, только разогретое и еще более вкусное.

Когда я собирала тарелки, чтобы отнести их в мойку, под салфеткой, на которой стояла тарелка, я обнаружила записку и нарисованную от руки карту. Они были от Делии. Она предложила мне вернуться в Лос-Анжелес, заехав по пути в Тусон, где она встретится со мной в кофейне, указанной на карте. Она писала, что только там она сможет рассказать мне подробнее о себе и своих друзьях.

Глава 4

Я отправилась обратно в Лос-Анжелес через Тусон, горя желанием узнать, что Делия может рассказать мне о своих друзьях. Когда я подъехала к кофейне, день уже клонился к вечеру. Какой-то старик указал мне свободное место на автостоянке. И только когда он открыл мне дверцу, до меня дошло, кто это такой.

– Мариано Аурелиано! – воскликнула я. – Какая неожиданность! Я так рада вас видеть. Что вы здесь делаете?

– Я ждал тебя, – сказал он. – Вот мы с моим другом и приберегли это местечко для тебя.

Краем глаза я заметила толстяка-индейца за рулем старого красного пикапа. В тот момент, когда я парковала машину, он как раз выруливал со стоянки.

– Боюсь, сама Делия не приедет, – извиняющимся тоном произнес Мариано Аурелиано. – Ей неожиданно пришлось выехать в Оахаку. – Он широко улыбнулся и добавил: – Я здесь от ее имени. Надеюсь, что смогу ее заменить.

– Вы не представляете, до чего я рада вас видеть, – искренне призналась я.

Я была убеждена, что он даже лучше, чем Делия, поможет мне разобраться во всем, что со мной произошло за последние несколько дней.

– Эсперанса объяснила мне, что когда я встретила с вами, я впала в какой-то транс, – добавила я.

– Так и сказала? – почти рассеянно спросил он.

Его голос, манера держаться, все поведение настолько отличались от того, что осталось у меня в памяти, что я не сводила с него глаз в надежде понять, что же изменилось. Его энергичное точеное лицо утратило всю свою энергичность. Впрочем, я была в таком смятении, что тут же перестала об этом думать.

– Эсперанса оставила меня в доме одну, – продолжала я. – Она и все женщины ушли, даже не попрощавшись со мной.

Но меня это не расстроило, – торопливо добавила я. – Хотя обычно отсутствие вежливости у людей выводит меня из себя.

– В самом деле! – воскликнул он так, словно я сказала что-то весьма значительное.

Опасаясь, что мои слова о его товарищах могут его обидеть, я сразу же принялась объяснять, что вовсе не хотела сказать, что Эсперанса и остальные были со мной недружелюбны.

– Как раз наоборот, они были очень добры и любезны, – уверяла я его.

Я уже готова была открыть ему то, что рассказала мне Эсперанса, но меня остановил его твердый взгляд. Он не был ни сердитым, ни угрожающим. Это был пронзительный взгляд, пробивающий все мои оборонительные заслоны. Я не сомневалась, что сейчас он смотрит прямо в царящую в моей голове неразбериху.

Чтобы скрыть беспокойство, я отвела глаза и легким полушутливым тоном сказала ему, что на самом деле не так уж и важно, что меня оставили в доме одну.

– Меня заинтриговало то, что в этом доме я знала каждый уголок, – призналась я и выдержала паузу, желая узнать, какое впечатление произведут на него мои слова. Но он не сводил с меня глаз.

– Я зашла в ванную и поняла, что уже бывала в ней прежде, – продолжала я. – В ней не было ни одного зеркала. Я помнила эту деталь еще до того, как туда зашла. Потом я вспомнила, что во всем доме нет ни одного зеркала. Я прошла по всем комнатам, и действительно не нашла ни одного.

Видя, что он по-прежнему никак не реагирует на мои слова, я продолжала рассказывать, как, слушая радио по дороге в Тусон, узнала, что сегодня было на целые сутки позже, чем я думала.

– Должно быть, я проспала весь день, – закончила я выжидательным тоном.

– Не сказал бы, что ты спала весь день, – невозмутимо заметил Мариано Аурелиано. – Прежде чем уснуть, как бревно, ты еще довольно долго ходила по дому и разговаривала с нами.

Я расхохоталась. Мой хохот был близок к истерике, но он этого, казалось, не замечал. Он тоже рассмеялся, и мне стало чуть легче.

– Я никогда не сплю как бревно, – сочла я необходимым пояснить. – У меня очень чуткий сон.

Он помолчал, а когда наконец заговорил, его голос звучал серьезно и требовательно.

– Разве не помнишь, ты интересовалась, как это женщины одеваются и причесываются, не глядясь в зеркало?

Я не нашлась что ответить, а он продолжал:

– Ты разве не помнишь, каким странным тебе показалось, что на стенах нет ни одной картины, ни одного...

– Не припомню, чтобы я с кем-нибудь разговаривала, – прервала я его на полуслове. Потом я настороженно взглянула на него, подумав, что, может, он только ради розыгрыша говорит, что я со всеми как-то общалась в этом доме, хотя на самом деле ничего этого не было.

– Отсутствие воспоминаний не означает, что чего-то не было, – его тон был резок.

В животе у меня что-то дрогнуло. Во мне вызывал протест не столько тон его голоса, сколько то, что он ответил на мои невысказанные мысли.

Чувство, что если я буду продолжать свой рассказ, то это как-нибудь развеет мои растущие опасения, заставило меня удариться в долгое и путаное повествование о том, что произошло. Когда я пыталась восстановить порядок событий между сеансом исцеления и моей поездкой в Тусон и обнаружила, что потеряла целые сутки, – в цепи этих событий стали появляться явные пробелы.

– Вы творите со мной что-то странное и зловещее, – закончила я, на какое-то мгновение почувствовав праведный гнев.

– Ну, это уже глупость, – произнес Мариано Аурелиано и в первый раз улыбнулся. – Если что-то кажется тебе странным и зловещим, то лишь потому, что оно для тебя ново. Ты сильная женщина. Рано или поздно ты во всем разберешься.

Меня возмутило слово "женщина". Я бы предпочла, чтобы он сказал "девушка". Я привыкла к тому, что у меня постоянно спрашивали документы, подтверждающие, что мне больше шестнадцати лет, и теперь внезапно почувствовала себя старухой.

– Молодость должна быть лишь в глазах того, кто смотрит, – сказал он, снова читая мои мысли. – Кто ни посмотрит на тебя – увидит твою молодость, живость; но тебе самой негоже чувствовать себя ребенком. Ты должна быть невинна, но не недоразвита.

По какой-то необъяснимой причине его слова оказались для меня последней каплей. Мне хотелось плакать, но не от обиды, а от безысходности. В полной растерянности я предложила что-нибудь перекусить.

– Я умираю от голода, – сказала я наигранно бодрым тоном.

– Нет, не умираешь, – сказал он веско. – Ты просто пытаешься сменить тему.

Захваченная врасплох его тоном и самими словами, я смятенно уставилась на него. Мое изумление быстро переросло в гнев. Я была на самом деле не только голодна, но еще и устала и вся окостенела от долгого пути за рулем машины. Мне хотелось заорать на него и выплеснуть всю свою ярость и разочарование, но его глаза пригвоздили меня к месту. Было в этих немигающих горящих глазах что-то от рептилии: на секунду мне показалось, что он может проглотить меня, как змея заглатывает загипнотизированную беззащитную птичку.

Смесь страха и ярости взвилась во мне до таких высот, что я почувствовала, как вся кровь бросилась мне в лицо. И по тому, как он с удивлением чуть приподнял брови, я поняла, что лицо у меня побагровело. С самого раннего детства я страдала страшными приступами ярости. Меня пытались как-то успокаивать, но

никто не мог удержать меня от этих приступов, и я предавалась им с упоением, пока наконец не довела их до уровня припадков на всю катушку. Эти припадки никогда не были вызваны желанием получить что-то и отказом в желаемом, но всегда – оскорблениями, действительными или воображаемыми, нанесенными моей особе.

Однако обстоятельства этого момента заставили меня как-то устыдиться этой моей привычки. Я сделала огромное усилие, чтобы взять себя в руки. Это отняло у меня почти все силы, но я успокоилась.

– Ты весь день провела с нами, день, который ты сейчас не можешь вспомнить, – продолжал Мариано Аурелиано, с виду нимало не встревоженный сменами моего настроения. – Все это время ты была очень общительна и чутка. Для нас это было чрезвычайно полезно. Когда ты снова видишь, ты становишься намного лучше, чем ты есть, более обаятельной, более находчивой. Ты позволила нам познать себя до самых глубин.

Его слова повергли меня в смятение. Взрослея в постоянном самоутверждении, я вполне постигла науку распознавать скрытое значение слов. "Познать себя до самых глубин" – эти слова вконец меня расстроили, особенно "до самых глубин". Это могло означать только одно, – подумала я и тут же отбросила эту мысль как совершенно нелепую.

Я была настолько поглощена этими мыслями, что перестала прислушиваться к его словам. Он продолжал что-то объяснять о потерянном мною дне, но до меня доходили одни обрывки. Должно быть, я смотрела на него пустыми глазами, потому что внезапно он оборвал речь.

– Ты не слушаешь, – строго заметил он.

– Что вы со мной делали, пока я находилась в трансе? – выпалила я в ответ.

Это прозвучало не как вопрос, но как обвинение.

Я тут же испугалась своих слов, потому что они не были

обдуманно заявлением: слова вырвались у меня просто сами по себе. Мариано Аурелиано был удивлен еще больше. Вначале широко раскрыв глаза от изумления, он затем чуть не задохнулся в приступе смеха.

– Не в наших правилах пользоваться беззащитностью маленьких девочек, – заверил он меня.

Его слова не только дышали искренностью, но, похоже, его даже оскорбило мое обвинение.

– Эсперанса рассказала тебе, кто мы такие. Мы люди очень серьезные, – подчеркнул он и тут же насмешливо добавил:

– И мы заняты делом.

– Каким таким делом? – воинственно спросила я. – Эсперанса не говорила мне, чего вы от меня хотите.

– Нет, говорила, – отрезал он с такой убежденностью, что на минуту я задумалась, не прятался ли он где-нибудь в патио, подслушивая наш разговор. С него станется.

– Эсперанса сказала, что тебе было указано на нас, – продолжал он. – И теперь нас это гонит так же, как тебя гонит страх.

– Никто и ничто меня не гонит, – выкрикнула я, совершенно забыв о том, что он так и не сказал, чего они от меня хотят.

Нимало не потревоженный вспышкой моей ярости, он сказал, что Эсперанса очень ясно дала мне понять, что с этого момента в их обязанность входит мое воспитание.

– Мое воспитание! – завопила я. – Да вы спятили! Я уже получила все воспитание, которое мне нужно!

Не обращая внимания на мою вспышку, он продолжал объяснять, что это их общая обязанность, и понимаю я это или нет, не имеет для них никакого значения.

Я устала на него, не в силах скрыть ужаса. Никогда прежде я не слышала, чтобы кто-нибудь высказывался с таким невозмутимым безразличием и в то же время с такой серьезностью. Стараясь не подавать виду, как я встревожена, я попыталась придать своему голосу оттенок мужества, которого у меня отнюдь не было, и спросила:

– Что вы имеете в виду, говоря, что собираетесь меня воспитывать?

– Только то, что ты слышишь, – ответил он. – Мы обязаны направлять тебя.

– Но почему? – спросила я одновременно со страхом и любопытством. – Неужели вы не видите, что я не нуждаюсь ни в каком руководстве, что я не хочу никакого...

Мои слова потонули в веселом смехе Мариано Аурелиано.

– Руководство тебе, разумеется, необходимо. Эсперанса уже показала тебе, как бессмысленна твоя жизнь.

Опережая мой следующий вопрос, он знаком заставил меня помолчать.

– Что до того, почему именно ты, а не кто-то другой, она ведь объяснила тебе, что мы предоставили духу решать, кого мы должны направлять. Дух указал нам, что это ты.

– Минуточку, мистер Аурелиано, – запротестовала я. – Я очень не хочу быть грубой или неблагодарной, но вы должны понять, что мне не нужна ничья помощь. Я не хочу, чтобы кто-либо меня направлял, даже если я и нуждаюсь в руководстве. Одна мысль об этом мне отвратительна. Вы поняли, что я имею в виду? Достаточно ли ясно я выразилась?

– Вполне, и я понимаю, что ты имеешь в виду, – эхом отозвался он, отступая на шаг от моего указующего перста. – Но именно потому, что ты ни в чем таком не нуждаешься, ты и есть самый подходящий кандидат.

– Кандидат? – завопила я, по горло сытая его навязчивостью. Я огляделась по сторонам, опасаясь, не услышал ли меня кто-нибудь из входящих или выходящих из кофейни. – Что это такое? – продолжала орать я. – Вы и ваши приятели – это компания чокнутых. Оставьте меня в покое, слышите? Не нужны мне

ни вы, ни кто бы то ни было.

К моему удивлению и мрачному удовольствию, Мариано Аурелиано, вышел, наконец, из себя и принялся меня бранить, как это делали мой отец и братья. Он ругал меня, стараясь сдерживаться, ни разу не повысив голос. Он назвал меня избалованной дурой. А потом, словно брань в мой адрес его раззадорила, он сказал нечто совершенно непростительное. Он выкрикнул, что единственной моей заслугой было то, что я родилась блондинкой с голубыми глазами в краю, где светлые волосы и голубые глаза были предметом всеобщей зависти и поклонения.

– Тебе никогда ни за что не надо было бороться, – заявил он. – Колониальный образ мышления cholos в вашей стране заставил их относиться к тебе так, словно ты и в самом деле заслуживала особого отношения. Привилегия, основанная исключительно на том, что у тебя светлые волосы и голубые глаза, – это самая дурацкая привилегия на свете.

Я побелела. Я была не из тех, кто безропотно проглатывает оскорбления. Все мои годы практики крикливых скандалов и чрезвычайно живописных ругательств, которые я слышала – и запомнила – в детстве на улицах Каракаса, пришли мне на помощь. Я наговорила Мариано Аурелиано таких вещей, которые по сей день приводят меня в смущение.

Я настолько была поглощена этим занятием, что не заметила, как к нам подошел тот самый толстяк-индеец, который сидел за рулем красного пикапа. Я заметила его присутствие только когда услышала его громкий хохот. Он и Мариано Аурелиано буквально катались по земле, хватаясь за животы и истерически хохоча.

– Что тут смешного? – закричала я, оборачиваясь к толстяку-индейцу. Его я тоже обругала.

– Какая черноротая женщина, – сказал он на чистом английском. – Будь я твоим папашей, я бы вымыл тебе рот с мылом.

– А тебя кто просил совать свой нос, ты, толстый говнюк? – В слепой ярости я врезала ему ногой по коленке.

Он взвыл от боли и обругал меня.

Я чуть было не вцепилась зубами в его руку, когда Мариано Аурелиано подхватил меня сзади и подбросил в воздух.

Время остановилось. Мое падение было таким медленным, таким неощутимым, что мне показалось, я навеки повисла в воздухе. Я не рухнула на землю, переломав кости, как ожидала, а оказалась прямо в руках толстяка-индейца. Он даже не пошатнулся, а держал меня так, словно я была не тяжелее

подушки, – подушки весом в девяносто пять фунтов. Уловив лукавый огонек в его глазах, я решила, что он снова меня подбросит. Должно быть, он почувствовал мой страх, потому что улыбнулся и осторожно поставил меня на землю.

Мой гнев иссяк вместе с последними силами, и, прислонившись к машине, я разревелась.

Мариано Аурелиано обнял меня и погладил по плечам и волосам, как это делал мой отец, когда я была ребенком. Тихим, успокаивающим голосом он принялся уверять меня, что грубая брань, которой я его осыпала, нисколько его не обидела. Чувство вины и жалости к себе заставили меня заплакать еще сильнее.

В знак полного бессилия он покачал головой, хотя глаза его светились весельем. Потом, явно пытаясь развеселить и меня, он признался, что никак не может поверить, что мне знакома, не говоря уже о ее применении, такая грубая брань.

– Впрочем, я думаю, язык существует на то, чтобы им пользоваться, – задумчиво промолвил он, – а брань следует применять тогда, когда этого требуют обстоятельства.

Меня это не развеселило. И как только приступ жалости к себе миновал, я принялась в обычной своей манере размышлять над его утверждением, что будто бы все мои преимущества заключаются в светлых волосах и голубых глазах.

Должно быть, по моему виду Мариано Аурелиано понял, что я чувствую, потому что он начал уверять меня, что сказал это только чтобы вывести меня из равновесия, и на самом деле в этом нет ни грамма правды. Я знала, что он лжет. На мгновение я почувствовала себя оскорбленной дважды, а потом с ужасом осознала, что все мои оборонительные заслоны сломлены. Я согласилась с ним. Все, что он говорил, точно попало в цель. Одним ударом он сорвал с меня маску и, так сказать, разрушил мой щит. Ни один человек, даже мой злейший враг, не мог бы нанести мне такого прицельного разрушительного удара. И все же, что бы я ни думала о Мариано Аурелиано, – я знала, что моим врагом он не был.

От осознания всего этого у меня слегка закружилась голова.

Словно некая невидимая сила крушила что-то внутри меня: это было мое представление о себе. То, что придавало мне силу, теперь опустошало меня.

Мариано Аурелиано взял меня за руку и повел к кофейне.

– Давай заключим перемирие, – сказал он добродушно. – Ты нужна мне, чтобы оказать одну услугу.

– Тебе достаточно попросить, – ответила я, стараясь попасть ему в тон.

– Перед тем, как ты сюда приехала, я зашел в эту кофейню купить сэндвич, но меня практически отказались обслужить. А когда я пожаловался, повар выставил меня за дверь.

Мариано Аурелиано удрученно взглянул на меня и добавил:

– Если ты индеец, такое иногда случается.

– Пожалуйся на повара управляющему, – воскликнула я в праведном гневе, загадочным образом начисто забыв о своем собственном смятиении.

– Мне бы это никак не помогло, – доверительно сообщил Мариано Аурелиано.

Он заверил меня, что единственный способ, каким я могла ему помочь, состоял в том, чтобы я сама зашла в кофейню, села за стойку, заказала изысканное блюдо и подбросила в свою тарелку муху.

– И обвинила бы в этом повара, – закончила я за него.

Весь план выглядел настолько нелепым, что заставил меня расхохотаться. Но как только я поняла его истинную цель, я пообещала сделать то, о чем он меня просил.

– Подожди здесь, – сказал Мариано Аурелиано и вместе с толстяком-индейцем, с которым я еще не была знакома, отправился к пикапу, припаркованному на улице. Пару минут спустя они вернулись.

– Кстати, – сказал Мариано Аурелиано, – вот этого человека зовут Джон. Он индеец племени юма из Аризоны.

Я уже хотела спросить, не колдун ли он тоже, но Мариано Аурелиано опередил меня.

– Он самый младший член нашей группы, – доверительно сказал он.

Нервно хихикнув, я протянула руку и сказала "рада познакомиться".

– Я тоже, – ответил Джон глубоким звучным голосом и тепло сжал мою ладонь в своей. – Надеюсь, больше мы с тобой драться не будем, – улыбнулся он.

Не будучи слишком высоким, он излучал живость и силу великана. Даже его крупные белые зубы казались неразрушимыми. Джон шутя пощупал мой бицепс.

– Бьюсь об заклад, ты можешь свалить с ног мужика одним ударом, – сказал он.

Но не успела я извиниться перед ним за свои удары и ругань, как Мариано Аурелиано вложил в мою ладонь маленькую коробочку.

– Муха, – шепнул он. – Тут Джон предложил, чтобы ты надела вот это, – добавил он, извлекая из сумки черный кудрявый парик. – Не беспокойся, он совершенно новый, – заверил он меня, натягивая его мне на голову. Затем он оглядел меня с расстояния вытянутой руки. – Неплохо, – задумчиво произнес он, удостоверившись, что длинная прядь моих светлых волос как следует упрятана под парик. – Я не хочу, чтобы тебя кто-нибудь узнал.

– Мне нет необходимости изменять внешность, – заявила я. – Можете мне поверить, у меня нет ни одного знакомого в Тусоне. – Я повернула боковое зеркальце своей машины и взглянула на себя. – Не могу я туда войти в таком виде. Я похожа на пуделя.

Укладывая непокорные завитки, Мариано Аурелиано глядел на меня с действовавшим мне на нервы выражением веселья.

– Так вот, не забудь, что ты должна сесть за стойку и закатить жуткий скандал, когда обнаружишь муху у себя в тарелке.

– Почему?

Он посмотрел на меня, как на слабоумную.

– Ты должна привлечь внимание и унижить повара, – напомнил он.

Кофейня была битком набита людьми, сидящими за Ранним ужином. Однако я довольно скоро уселась за стойку, где меня обслужила изможденная с виду, но добродушная пожилая официантка.

Повар был наполовину скрыт позади стойки с заказами. Как и двое его помощников, он походил на мексиканца или на американца мексиканского происхождения. Он с таким веселым азартом занимался своим делом, что я совсем было уверилась, что он безобиден и неспособен на какое-либо зло. Но стоило мне подумать о старике-индейце, ожидающем меня на автостоянке, и я не почувствовала за собой ни капли вины, вывернув спичечный коробок, – причем с такой ловкостью и быстротой, что даже сидевшие по обе стороны от меня мужчины ничего не заметили, – на отлично приготовленный гамбургер, который я заказала.

При виде громадного дохлого таракана на тарелке мой вопль омерзения был совершенно искренним.

– Что случилось, милая? – озабоченно спросила официантка.

– Неужели повар думает, что я стану это есть? – пожаловалась я. Моя злость была неподдельной. И возмутил меня не повар, а Мариано Аурелиано. – Как он мог так со мной поступить? – спросила я во весь голос.

– Это какая-то ужасная случайность, – оправдывалась официантка передо мной и двумя любопытными и встревоженными посетителями по обе стороны от меня. Она показала тарелку повару.

– Поразительно! – громко и раздельно произнес повар. Задумчиво почесывая подбородок, он принялся изучать блюдо. Огорчения в нем не было и следа. У меня возникло смутное подозрение, что он надо мной смеется. – Надо думать, таракан либо свалился с потолка, – рассуждал он вслух, зачарованно приглядываясь к моей голове, – либо с ее парика.

И прежде чем я успела дать повару достойную отповедь и поставить его на место, он предложил мне на выбор любое блюдо из меню. – Это будет за счет заведения, – пообещал он.

Я попросила бифштекс и печеный картофель, и все это почти мгновенно оказалось передо мной. Но когда я стала поливать соусом листья салата, который я всегда ела в последнюю очередь, из-под листка вылез здоровенный паук. Я настолько опешила от такой явной провокации, что не могла даже кричать. Я подняла глаза. Повар, ослепительно улыбаясь из-за стойки с заказами, помахал мне рукой.

Мариано Аурелиано ожидал меня с нетерпением.

– Что произошло? – спросил он.

– Вы и ваш омерзительный таракан! – выпалила я и осуждающим тоном добавила: – Ничего не произошло. Повар несколько не огорчился. Он от души повеселился, разумеется, за мой счет. Если кто-то и расстроился, то это была я.

По настоянию Мариано Аурелиано, я сделала подробный отчет о том, как все было. И чем больше я рассказывала, тем более довольным он казался. В замешательстве от такой его реакции, я яростно на него уставилась.

– Что тут смешного? – спросила я.

Он пытался сохранить серьезное выражение, но губы его подергивались. И тут его тихий сдвинутый смехок взорвался громким довольным хохотом.

– Нельзя же относиться к себе так серьезно, – пожурил он меня. – Ты замечательная сновидящая, но актриса из тебя никудышная.

– А я сейчас никого не играю. И там я тем более никого не играла, – взвизгнула я, защищаясь.

– Я хочу сказать, что рассчитывал на твою способность быть убедительной, – сказал он. – Ты должна была заставить повара поверить в то, чего не было. А я-то думал, что ты сможешь.

– Как вы смеете меня критиковать! – крикнула я. – По вашей милости я выставила себя полной идиоткой, и все, что вы можете мне сказать, – это что я не умею играть! – я сдернула и швырнула в него парик. – У меня уже наверняка вши завелись.

Не обратив внимания на мою вспышку, Мариано Аурелиано продолжал, что Флоринда уже говорила ему, что я неспособна на притворство. – Мы должны были в этом убедиться, чтобы поместить тебя в правильную ячейку, – добавил он ровным голосом. – Маги – это либо сновидящие, либо сталкеры.

Некоторые – одновременно и то, и другое.

– О чем это вы говорите? Что это за чушь о сновидящих и сталкерах?

– Сновидящие имеют дело со снами, – мягко пояснил он. – Они черпают из снов свою энергию, свою мудрость. Что до сталкеров, то они имеют дело с людьми, с миром будней. Свою мудрость, свою энергию они получают, контактируя со своими сородичами-людьми.

– Вы явно совершенно меня не знаете, – сказала я насмешливо. – Я отлично контактирую с людьми.

– Нет, – возразил он. – Ты сама сказала, что не знаешь, как вести разговор. Ты хорошая лгунья, но ты лжешь только для того, чтобы получить то, что хочешь. Твое вранье слишком узко, слишком лично. А знаешь, почему? – Он умолк на мгновение словно для того, чтобы дать мне возможность ответить. Но не успела я придумать, что сказать, как он добавил: – Потому что для тебя все вещи или черные, или белые, без каких-либо промежуточных оттенков. Причем все это не с точки зрения нравственности, а с точки зрения удобства. Твоего удобства, само собой. Ты настоящий диктатор.

Мариано Аурелиано и Джон переглянулись, потом расправили плечи, щелкнули каблуками и сделали нечто совсем уж непростительное в моих глазах. Они подняли руки в фашистском приветствии и рявкнули: "Мой фюрер!"

Чем больше они смеялись, тем сильнее меня охватывала ярость. Кровь, бросившись мне в лицо, зазвенела в ушах. И на этот раз я уже не пыталась себя успокоить. Я пнула свою машину и заколотила руками по крыше.

А эти двое, вместо того, чтобы попытаться меня успокоить, как это несомненно сделали бы мои родители или друзья, просто стояли и хохотали, словно я давала самое забавное в их жизни представление.

Их равнодушие полная безучастность по отношению ко мне настолько потрясли меня, что мой гнев сам собой начал понемногу утихать. Никогда еще мною так откровенно не пренебрегали. Я растерялась. А потом я поняла, что деваться мне некуда. До этого дня мне не приходило в голову, что если очевидцы моего припадка не проявят никакой озабоченности, то я не буду знать, что делать дальше.

– По-моему, она сейчас в замешательстве, – сказал Джону Мариано Аурелиано. – Она не знает, как быть дальше. – Он приобнял толстяка-индейца за плечи и добавил тихо, но так, что я могла услышать: – Сейчас она разревется и будет биться в истерике, пока мы ее не утешим. Нет ничего зануднее капризной сучки.

Это было последней каплей. Словно раненый бык, я, наклонив голову, напала на Мариано Аурелиано.

Он был настолько застигнут врасплох моей неожиданной атакой, что чуть не потерял равновесия; этого мне хватило, чтобы успеть вцепиться зубами в его живот. Он издал вопль, в котором смешались боль и хохот.

Джон сгреб меня поперек талии и начал оттаскивать в сторону. Я не ослабляла хватки, пока у меня не сломалась коронка. Когда мне было тринадцать, два моих передних зуба были выбиты в драке между учениками-венесуэльцами и немцами в немецкой средней школе Каракаса.

Двое мужчин прямо взвыли от хохота. Джон согнулся над кузовом моего фольксвагена, держась за живот и колотя по машине рукой.

– У нее зубы выбиты, как у футболиста, – выкрикнул он, истерически хохоча.

Мое смущение не поддавалось описанию. От раздражения и досады колени мои подогнулись, я сползла на мостовую, как тряпичная кукла, и, как ни странно, потеряла сознание.

Придя в себя, я обнаружила, что сижу в пикапе. Мариано Аурелиано гладил меня по спине. Улыбнувшись, он несколько раз провел рукой по моим волосам, а потом обнял меня.

Меня удивило полное отсутствие переживаний: я не была ни смущена, ни раздражена. Мне было легко и свободно. Это было спокойствие и безмятежность, которых я никогда прежде не знала. Впервые в жизни я поняла, что никогда не пребывала в мире ни с собой, ни с другими.

– Ты нам очень нравишься, – сказал Мариано Аурелиано. – Но тебе надо будет излечиться от своих припадков. Если ты этого не сделаешь, они убьют тебя. Сейчас это была моя вина. Я должен перед тобой извиниться. Я провоцировал тебя намеренно.

Я была слишком спокойна, чтобы как-то реагировать. Я выбралась из машины, чтобы расправить ноги и руки. По икрам пробежали болезненные судороги.

Помолчав немного, я извинилась перед обоими мужчинами. Я рассказала им, что мой нрав стал хуже с тех пор, как я стала пить очень много колы.

– А ты ее больше не пей, – предложил Мариано Аурелиано.

Затем он резко сменил тему и продолжал говорить так, словно ничего не произошло. Он сказал, что чрезвычайно рад тому, что я к ним присоединилась.

– Вы рады? – непонимающе спросила я. – Вы уверены, что я к вам присоединилась?

– Ты сделала это! – сказал он с особым ударением. – Когда-нибудь ты сама все поймешь. – Он указал на стаю ворон, с карканьем пролетающую над нами. – Вороны – это хорошее предзнаменование. Видишь, как чудесно они смотрятся. Словно картина на небесах. То, что мы их сейчас видим, – это обещание, что мы еще увидимся.

Я не сводила глаз с этих птиц, пока они не скрылись из виду. А когда я оглянулась на Мариано Аурелиано, его уже не было. Пикап совершенно беззвучно укатил неведомо куда.

Глава 5

Не обращая внимания на колючий кустарник, я мчалась вслед за собакой, которая с бешеной скоростью неслась через заросли полыни. Ее золотистая шерсть, то и дело мелькавшая меж диких благоухающих кустов, вскоре совсем пропала у меня из виду, и мне приходилось ориентироваться лишь на ее лай, который становился все тише и тише, замирая в отдалении.

Я с тревогой заметила, что вокруг меня сгущается туман. Он плотной стеной окружил то место, где я стояла, и в считанные секунды небо совсем пропало из виду. Послеполуденное солнце, напоминавшее тлеющий огненный шар, едва можно было различить. И величественный вид на залив Санта Моника, сейчас уже скорее воображаемый, чем видимый с горного хребта Санта Сьюзана, исчез с невероятной скоростью.

Меня не беспокоило то, что я потеряла из виду собаку. Однако я понятия не имела, как разыскать то скрытое от людских глаз место, которое мои друзья избрали для нашего пикника. Да и где проходит та тропа, по которой я ринулась вслед за собакой?

Я сделала несколько неуверенных шагов примерно в том направлении, куда убежала собака, и тут меня что-то остановило. Сквозь некоторый просвет в тумане я увидела, как вверху вдруг возникла и стала спускаться ко мне крошечная светящаяся точка. За ней последовала еще одна, и еще, – словно маленькие огоньки, нанизанные на невидимую нить. Огоньки мерцали и колебались в воздухе, а затем, как раз когда они уже должны были достичь меня, – исчезли, будто их поглотил окружавший меня туман.

Поскольку они пропали передо мной всего лишь в нескольких футах, я двинулась вперед, поближе, полная желания исследовать это необычное явление. Напряженно вглядываясь в туман, я увидела темные человеческие силуэты, парящие в воздухе на высоте двух-трех футов от земли. Они перемещались так, словно ходили на цыпочках по облакам. Я сделала еще несколько нерешительных шагов и остановилась, поскольку туман сгустился и поглотил

Я стояла неподвижно, не зная, что делать, меня охватил какой-то совершенно необычный испуг. Это не был обычный знакомый испуг, – он был какой-то телесный, как будто находился у меня в животе. Должно быть, такой испуг ощущают животные. Я не знаю, как долго я там стояла. Когда туман

достаточно рассеялся и я снова смогла видеть, я заметила слева от себя на расстоянии пятидесяти футов двух мужчин, которые сидели, скрестив ноги, на земле. Они негромко говорили друг с другом. Впечатление было такое, что их голоса долетали отовсюду, подхваченные напоминавшими мягкие комки хлопка клочьями тумана. Я не понимала, о чем они говорят, но почувствовала себя спокойнее, уловив несколько слов из их беседы – говорили они на испанском.

– Я заблудилась! – прокричала я по-испански.

Оба медленно повернулись, на их лицах была видна нерешительность и удивление, словно их взору предстал призрак. Я поспешно оглянулась в надежде увидеть позади себя то, что вызвало у них такую необычную реакцию. Но там ничего не было.

Рассмеявшись, один из мужчин поднялся, потянулся, расправляя свои конечности, пока в суставах не раздался хруст, и преодолел разделявшее нас расстояние быстрыми широкими шагами. Он был невысокого роста, молодой, крепкого сложения, с широкими плечами и крупной головой. Его темные глаза светились веселым любопытством.

Я рассказала ему, что бродила с друзьями по окрестностям и заблудилась, погнавшись за их собакой.

– Я понятия не имею, как теперь к ним вернуться, – закончила я свой рассказ.

– В этом направлении дальше идти нельзя, – предупредил он меня. – Мы стоим на краю обрыва.

Он уверенно взял меня за руку и подвел к самому краю пропасти, который был не далее чем в десяти футах от того места, где я остановилась.

– Мой друг, – продолжал он, указав на другого мужчину, который по-прежнему сидел, уставившись на меня, – как раз закончил рассказывать мне, что здесь под нами внизу находится древнее индейское кладбище, и тут возникла ты, едва не напугав нас до смерти.

Он изучающе поглядел на мое лицо, на мою длинную светлую косу и спросил:

– Ты шведка?

Все еще сбита с толку тем, что этот парень сказал о древнем кладбище, я неподвижно вглядывалась в туман. При обычных обстоятельствах я как студент-антрополог горела бы желанием разузнать поподробнее о древнем индейском кладбище. Однако в данный момент мне это было совершенно безразлично, даже если оно в этой туманной пустоте действительно скрывалось. Моя мысль вертелась вокруг одного – если бы меня не отвлекли те огоньки, то я вполне могла бы быть погребена там сама.

– Ты шведка? – переспросил парень.

– Да, – соврала я и тут же об этом пожалела, но не знала, как поправить положение, не потеряв при этом свое лицо.

– Ты великолепно говоришь по-испански, – заметил он. – У шведов необыкновенные способности к языкам.

Я почувствовала себя ужасно виноватой, однако не смогла удержаться, чтобы не добавить, что жителям Скандинавии приходится по необходимости учить разные языки, если они хотят общаться с остальным миром.

– К тому же, – созналась я, – я росла в Южной Америке.

Непонятно почему, но эта информация, кажется, сбита с толку молодого человека. Он покачал головой, словно не веря, затем надолго замолчал, погружившись в раздумья. Затем, как будто он пришел к какому-то решению, он проворно ухватил меня за руку и повел к тому месту, где сидел его приятель.

У меня не было желания попадать в чье-либо общество. Я хотела поскорее вернуться к своим друзьям. Но рядом с этим парнем мне было так легко, что вместо того, чтобы попросить его отвести меня к тропе, я рассказала ему во всех подробностях об огоньках и человеческих силуэтах, которые я только что видела.

– Как странно, что дух уберег ее, – пробормотал сидевший мужчина, словно обращаясь к самому себе. Он нахмурился, сдвинув свои темные брови. Однако обращался он, конечно же, к своему товарищу, который буркнул что-то ему в ответ, – мне не удалось уловить, что именно. Они обменялись конспиративными взглядами, усилив тем самым мое чувство неловкости.

– Прошу прощения, – сказала я, обращаясь к сидящему, – я не поняла, что вы сказали.

Он уставился на меня мрачным, вызывающим взглядом.

– Ты была предупреждена об опасности, – ответил он низким звучным голосом. – Эмиссары смерти пришли тебе на помощь.

– Кто? – вопрос вырвался помимо моей воли, хотя я прекрасно поняла его слова. Я пригляделась к нему повнимательнее. На какое-то мгновение у меня возникла уверенность, что я этого человека знаю, но когда я стала всматриваться дольше, то поняла, что никогда раньше его не видела. И все же полностью отделаться от чувства, что он мне знаком, я не могла. Он был не столь молод, как его товарищ, однако старым его тоже нельзя было назвать. Он, конечно же, был индеец. У него была темно-коричневая кожа, черные волосы с синеватым отливом – прямые и толстые, словно стебли травы. Но почти знакомы мне были не только внешние его черты – он был угрюм, причем так, как только я могу быть угрюмой.

Похоже, мой изучающий взгляд заставил его почувствовать себя неловко, и он резко встал.

– Я доставлю тебя к твоим друзьям, – буркнул он. – Следуй за мной и не вздумай падать вниз. Ты упадешь мне на голову и погубишь нас обоих, – добавил он грубовато.

Прежде чем мне предоставилась возможность сказать, что я не какой-нибудь неуклюжий мешок, он уже двигался вниз по весьма крутому склону горы с противоположной от обрыва стороны.

– Вы знаете, куда идете? – прокричала я ему вдогонку. Мой голос от волнения прозвучал излишне резко.

Я не представляла себе, где мы находимся, – не могу сказать, что обычно это у меня хорошо получалось, – но я и не думала, что преследуя собаку, взобралась на холм.

Мужчина обернулся, на его лице на мгновение вспыхнула лукавая белозубая улыбка, однако глаза его не смеялись. Он взглянул на меня мрачным каменным взглядом.

– Я веду тебя к твоим друзьям, – это было все, что он сказал в ответ.

Он мне не нравился, однако я ему поверила. Он был не слишком высок – где-то пять футов десять дюймов – и не широк в кости, но фигура его своей массивностью и компактностью производила впечатление коренастого человека. В тумане он передвигался с исключительной уверенностью, легко и грациозно ступая там, где, как мне казалось, был вертикальный обрыв.

Тот, что был помоложе, спускался позади меня, помогая мне всякий раз, когда я оказывалась в затруднительном положении. Своими заботливыми манерами он походил на старинного джентльмена. У него были сильные, красивые и невероятно мягкие при касании к ним руки. Сила его поражала. Он несколько раз с легкостью поднимал меня в воздух и проносил над своей головой. Возможно, это был не столь уж великий подвиг, учитывая мой ничтожный вес, однако, если принять во внимание то, что он стоял при этом на глинистых ступеньках и был всего лишь на два-три дюйма выше меня, то выглядело это весьма впечатляюще.

– Ты должна поблагодарить эмиссаров смерти, – настойчиво заявил мужчина, который вел нас, как только мы добрались до ровной земли.

– Да ну? – спросила я насмешливо.

Мысль о том, что нужно говорить "спасибо" каким-то "эмиссарам смерти", показалась мне смешной.

– И что, мне теперь на колени становиться? – поинтересовалась я, не удержавшись и хихикнув.

Мужчина и не думал, что для меня это шутки. Он положил руки на пояс и посмотрел мне прямо в глаза. На его узком скуластом лице не было и тени улыбки. Что-то угрожающее было в его позе, в его раскосых темных глазах, в его мохнатых бровях, которые мостом сходились над его точеным носом. Он резко повернулся ко мне спиной, отошел и уселся на ближайший камень.

– Мы не покинем это место, пока ты не поблагодаришь эмиссаров смерти, – заявил он.

Внезапно меня словно громом поразило – я осознала, что я одна нахожусь невесть где в тумане в компании двух странных людей, один из которых, возможно, опасен. Я поняла, что он не двинется с места, пока я не выполню его нелепое требование. К моему изумлению, вместо того, чтобы испугаться, я почувствовала, что готова рассмеяться.

Всепонимающая улыбка на лице молодого парня ясно свидетельствовала, что он знает, о чем я думаю, и это немало его забавляет.

– Пожалуй, на колени можно и не становиться, – сказал он мне, а затем, не в силах дальше сдерживать веселье, расхохотался.

Его смех звучал ясно и отрывисто, он словно камешками рассыпался повсюду вокруг меня. У него были снежно-белые, совершенно ровные, как у ребенка, зубы. Его лицо выглядело озорным и в то же время мягким.

– Достаточно просто сказать "спасибо", – подсказал он мне. – Скажи. Что ты при этом потеряешь?

– Я чувствую себя глупо, – сказала я ему доверчиво, намеренно пытаюсь склонить его на свою сторону. – Я не стану этого делать.

– Почему? – спросил он меня без всякого осуждения. – На это уйдет какая-то секунда, к тому же, – улыбаясь, подчеркнул он, – это совершенно не больно.

Я невольно хихикнула.

– Мне жаль, но я не могу этого сделать, – повторила я. – Такая уж я есть. Всякий раз, когда кто-то настаивает, что я должна что-то сделать, я не хочу этого делать, злось и упираюсь.

Парень задумчиво кивнул; его глаза глядели в землю, подбородок покоился на кулаках.

– Однако факт, что нечто помогло тебе избежать увечья, а возможно, и гибели, – промолвил он после длинной паузы. – Нечто необъяснимое.

Мне пришлось согласиться с ним. Я даже призналась, что для меня все это выглядит совершенно непостижимым, и попыталась сказать что-то о явлениях, которые происходят случайно в нужное время и в нужном месте.

– Все это очень правильно, – ответил он, затем улыбнулся и весьма смело коснулся моего подбородка.

– Но это ничего не объясняет в твоем случае. Ты получила дар. Называй того, кто его тебе дал, случайностью, стечением обстоятельств, цепью событий или как угодно еще, но факт остается фактом – тебя уберегли от увечий и боли.

– Возможно, вы и правы, – согласилась я кротко. – Мне следовало бы проявить большую благодарность.

– Не проявлять большую благодарность, а чувствовать себя более гибко и раскованно, – сказал он и расхохотался.

Заметив, что я начинаю злиться, он широко развел руки, словно пытаюсь охватить окружающие нас заросли полыни.

– Мой друг считает, что виденное тобой связано с индейским кладбищем, посреди которого мы сейчас и находимся.

– Я не вижу никакого кладбища, – возразила я, защищаясь.

– Его непорочно разглядеть, – объяснил он, глядя на меня прищуренным взглядом, будто у него что-то случилось со зрением. – И не туман мешает его увидеть. Даже в ясный солнечный день здесь ничего не видно, кроме зарослей полыни. – Он стал на колени и улыбаясь посмотрел на меня снизу вверх. – Однако опытный глаз приметит, что эти заросли имеют необычную форму. Он лег на землю плашмя, голову наклонил влево и жестами предложил мне сделать то же самое.

– Только так это можно разглядеть отчетливо, – пояснил он, когда я улеглась рядом с ним на землю. – Я бы этого ни за что не узнал, если бы не мой друг, который знает множество разных интересных и увлекательных вещей.

Поначалу я не увидела ничего; затем один за другим моему взору стали открываться камни, спрятанные в хитросплетении травяных зарослей. Они были темные и блестящие, словно их умыл туман, и выстроились в круг, больше напоминая собой некие существа, чем просто камни.

Я едва не вскрикнула, когда поняла, что круг камней представляет собой точное подобие круга человеческих фигур, которые я видела ранее в тумане.

– Теперь я и вправду напугана, – пробормотала я, тревожно поеживаясь. – Я рассказала вам, что видела человеческие силуэты, выстроившиеся в круг, – я глянула на него, чтобы посмотреть, не сквозит ли в его лице насмешка или неодобрение, а затем добавила: – Это полный абсурд, но я почти что могу поклясться, что эти камни и есть люди, которых я видела.

– Я знаю, – прошептал он так тихо, что мне пришлось придвинуться к нему поближе. – Все это очень таинственно, – продолжал он. – Мой друг, который, как ты уже, должно быть, заметила, по происхождению индеец, говорит, что на некоторых индейских кладбищах имеется ряд или круг из каменных валунов. Эти валуны – эмиссары смерти. – Он изучающе посмотрел на меня, словно желая убедиться, что приковал к себе все мое внимание, и уверенно добавил: – Они – это эмиссары, имей в виду, а не символы, изображающие эмиссаров.

Я продолжала смотреть на парня широко раскрытыми глазами, но не только потому, что не знала, какие выводы делать из его утверждений, – дело в том, что когда он говорил и улыбался, его лицо непрерывно менялось. Не то чтобы менялись черты его лица, но оно то было лицом шестилетнего ребенка, то лицом семнадцатилетнего юноши, а иногда – лицом старика.

– Это какое-то странное поверье, – продолжал он, похоже, не обратив внимания на мой пристальный взгляд. –И я не слишком-то серьезно к нему относился, пока ты не свалилась с неба как раз в тот момент, когда мой друг рассказывал мне об эмиссарах смерти, – и не поведала о том, что только что видела. Если бы я был по своей природе недоверчив, – добавил он, и в его голосе вдруг появились угрожающие нотки, – я бы решил, что вы с ним сговорились.

– Я его не знаю! – бросилась я защищать себя, возмущенная одним лишь его намеком, затем тихо прошептала, так, чтобы только он один мог меня слышать: – Если честно, то от вашего друга у меня по коже мурашки бегают.

– Если бы я был по своей природе недоверчив, – повторил молодой человек, не обращая внимания на то, что я его перебила, – я решил бы, что вы с ним на самом деле пытаетесь меня напугать. Однако недоверчивость мне не свойственна. Поэтому все, что мне остается, – оставить в покое свои суждения и любопытствовать насчет тебя.

– Незачем обо мне любопытствовать, – ответила я раздраженно. – К тому же, я все равно ничего не понимаю в той чепухе, что вы тут мелете.

Я гневно взглянула на него. Его выбор не внушал мне никакой симпатии. Теперь и от него у меня по коже побежали мурашки.

– Он говорит о благодарности эмиссарам смерти, – вмешался тот, что был старше. Он подошел к нам и уставился на меня сверху вниз чрезвычайно странным взглядом.

Полная страстного желания поскорее убраться с этого места и от этих двух сумасшедших, я вскричала слова благодарности. Мой голос эхом отозвался в зарослях, словно они обратились в скалы. Я вслушивалась, пока отзвуки моего голоса совсем не затихли. А затем, словно одержимая, совершенно

наперекор собственному здравому смыслу, я стала выкрикивать "спасибо" снова и снова.

– Я уверен, что эмиссары более чем довольны, – сказал младший из двух, легонько похлопав меня по икре.

Расхохотавшись, он перевернулся на спину. Удивительная сила была в его глазах, в очаровательной мощи его смеха. Я ни на мгновение не усомнилась, невзирая на такое веселье, что и в самом деле поблагодарила эмиссаров смерти. И что самое странное, я чувствовала, что нахожусь под их защитой.

– Кто вы такие? – я адресовала свой вопрос молодому парню.

Он одним быстрым плавным движением вскочил на ноги.

– Я – Хосе Луис Кортез, но друзья зовут меня Джо, – представился он, приготовившись пожать мне руку. – А это мой друг – Гумерсиндо Эванс-Притчард.

Из опасения, что от такого имени я громко расхохочусь, я прикусила губу и принялась чесать воображаемый укус на колене.

– Наверное, блоха, – сказала я, поглядывая то на одного из них, то на другого. Они в свою очередь уставились на меня, лишив возможности потешиться этим именем. На их лицах было такое серьезное выражение, что мой смех тут же пропал.

Гумерсиндо Эванс-Притчард взял мою руку, вяло свисавшую вдоль тела, и энергично потряс ее:

– Я рад с тобой познакомиться, – сказал он на чистейшем английском языке с первоклассным британским акцентом. – Я уж было подумал, что ты – эдакая зазнавшаяся п... (Грубая брань. В оригинале – "cunt". Выражение грубое, но заменить или смягчить его не удалось. Гумерсиндо этим словом изрядно шокировал Флоринду (поэтому выражение должно быть крепким), видимо, этого он и добивался (см. контекст). Так что остается надеяться на понимание и крепкие нервы читателей (прим. перев.)).

Мой рот раскрылся, а глаза вылезли из орбит. И хотя что-то во мне подметило, что его слова означали скорее комплимент, чем оскорбление, мой шок был столь силен, что я стояла, словно парализованная. Особым пуританством я не отличалась – при соответствующих обстоятельствах я могла переплюнуть кого угодно, – но в самом звучании слова cunt для меня было что-то столь потрясающе обидное, что оно лишило меня дара речи.

Джо пришел мне на выручку. Он извинился за своего друга, объяснив, что Гумерсиндо – непримиримый борец с общественными предрассудками. И прежде чем мне представилась возможность сказать, что по моим понятиям он явно перешел все рамки приличия, Джо добавил, что Гумерсиндо вынужден быть борцом с общественными предрассудками, и это связано с тем фактом, что он носит фамилию Эванс-Притчард.

– Это не должно никого удивлять, – заметил Джо. – Его отец был англичанином, который бросил его мать, индейскую женщину из Джелиско, еще до рождения Гумерсиндо.

– Эванс-Притчард? – повторила я, все еще защищаясь, затем повернулась к Гумерсиндо и поинтересовалась, кажется ли ему нормальным, что Джо выдает первой встречной фамильные секреты, бросающие на него тень.

– Нет никаких бросающих тень секретов, – ответил за своего друга Джо. – И знаешь почему? – Он сковал меня взглядом своих сияющих темных глаз, которые не были ни карими, ни черными, но скорее цвета спелых вишен.

Я беспомощно покачала головой, желая сказать "нет", мое внимание было приковано к его непреодолимому взгляду. Казалось, что один глаз смеется надо мной, другой же был чрезвычайно серьезен, в нем сквозило что-то зловещее и угрожающее.

– То, что ты называешь секретами, бросающими тень, – это для Гумерсиндо источник силы, – ответил Джо на свой собственный вопрос. – Известно ли тебе, что его отец – ныне знаменитый английский антрополог? Гумерсиндо ненавидит его лютой ненавистью.

Гумерсиндо едва заметно кивнул, словно этой ненавистью гордился.

Я едва могла поверить, что мне подвернулась такая удача.

Они имели в виду никого иного как Е. Э. Эванс-Притчарда, одного из самых значительных социальных антропологов двадцатого века. И как раз в этом семестре я занималась в стенах УКЛА (в оригинале "UCLA" - University of California in the Los Angeles (прим. перев.)) изучением работ по истории социальной антропологии и биографий исследователей, внесших наиболее значительный вклад в эту область.

Вот это да! Мне пришлось сдерживать себя, чтобы не закричать во весь голос и не запрыгать от возбуждения. Появиться с таким интригующим секретом! Знаменитый антрополог соблазняет и впоследствии бросает индейскую женщину. Меня ни капли не беспокоил тот факт, что Эванс-Притчард не проводил никаких исследований на территории Мексики, – он, в основном, был известен своими работами в Африке, – поскольку я была уверена, что непременно обнаружу, что в один из его визитов в Соединенные Штаты он заезжал в Мексику. Подтверждение тому стояло прямо передо мной.

Радостно улыбаясь, я поглядывала на Гумерсиндо; мысленно я пообещала себе, что, конечно же, не стану обнародовать факты без его разрешения. Ну разве что только расскажу что-нибудь одному из своих профессоров, – думала я. В конце концов, не каждый день попадает в руки такая информация.

В моем уме вертелись разные возможности. Это могла бы быть, скажем, небольшая лекция для нескольких избранных студентов дома у одного из профессоров. Мысленно я уже выбрала профессора. Нельзя сказать, что он мне особенно нравился, но мне импонировало то, что он старался произвести впечатление на своих студентов в какой-то немного детской манере. Время от времени мы собирались у

него дома. И каждый раз, когда я там бывала, то обнаруживала на его рабочем столе как бы по ошибке забытую там записку, написанную ему знаменитым антропологом Клодом Леви-Строссом.

– Ты не сказала нам как тебя зовут, – вежливо поинтересовался Джо, мягко дергая меня за рукав.

– Кармен Гебауэр, – ответила я без колебаний, назвавшись именем одной из подруг детства.

Чтобы облегчить дискомфорт и чувство вины от того, что я вновь с такой легкостью сказала неправду, я спросила Джо, не из Аргентины ли он. Получив в ответ удивленное выражение лица, я поспешила добавить, что у него определенно аргентинская интонация в голосе.

– Даже несмотря на то, что внешность у тебя не аргентинская, – добавила я.

– Я мексиканец, – ответил он. – А судя по твоему акценту, ты выросла либо на Кубе, либо в Венесуэле.

У меня не было желания продолжать дальше эту линию разговора, и я быстро переключилась на другую тему.

– Знаешь ли ты, как мне снова выбраться на тропу? – спросила я, внезапно озабоченная тем, что мои друзья уже, пожалуй, волнуются.

– Нет, я не знаю, – признался с детской непосредственностью Джо. – Но Гумерсиндо Эванс-Притчард знает.

Гумерсиндо повел нас через густые заросли вверх по узкой тропинке на другой стороне горы. И вскоре до нас донеслись голоса моих друзей и лай их собаки.

Я почувствовала сильное облегчение и в то же время была разочарована и озадачена тем, что ни один из мужчин не попытался выяснить, как меня можно будет найти.

– Я уверен, что мы еще встретимся, – небрежно бросил Джо на прощание.

Гумерсиндо Эванс-Притчард удивил меня тем, что галантно поцеловал мою руку. Он сделал это так естественно и грациозно, что мне даже не пришло в голову над ним посмеяться.

– Это у него в генах, – пояснил Джо. – Несмотря на то, что он лишь наполовину англичанин, его изысканность безукоризненна. Он исключительно галантен!

Не сказав больше ни слова и не оглядываясь, оба они растворились в тумане. Я очень сомневалась, что когда-нибудь снова их увижу. Переполненная чувством вины за то, что солгала по поводу своего имени, я была готова броситься им вдогонку, но в эту минуту меня едва не повалила на землю собака моих друзей, которая прыгнула на меня, пытаясь лизнуть в лицо.

Глава 6

Онемев, я уставилась на приезжего лектора. В костюме-тройке, с коротко постриженными вьющимися волосами и гладко выбритым лицом Джо Кортес выглядел пришельцем из другого времени среди длинноволосых, бородатых, как попало одетых студентов в одной из больших аудиторий Калифорнийского Университета.

Я поспешно плюхнулась на свободное место в заднем ряду набитой до отказа аудитории, место, которое заняла для меня та самая подруга, с которой мы были на прогулке в горах Санта Сьюзана.

– Кто он? – спросила я ее.

Она удивленно покачала головой, окинула меня нетерпеливым взглядом, затем на клочке бумаги написала: Карлос Кастанеда.

– А кто, черт возьми, такой Карлос Кастанеда? – спросила я снова и непроизвольно хихикнула.

– Я давала тебе его книгу, – прошипела она в ответ, затем добавила, что он достаточно известный антрополог, который проводил обширные исследования в Мексике.

Я уже было хотела сказать своей подруге по секрету, что приезжий лектор – это тот самый парень, которого я повстречала в горах в тот день, когда заблудилась. Однако по каким-то очень точным соображениям не сказала ничего. Этот парень был в ответе за то, что едва не погибла наша дружба, которой я невероятно дорожила. Моя подруга была непреклонна в своем мнении, что история с сыном Эванс-Притчарда – чистая выдумка. Я же настаивала на том, что тем двоим незачем было кормить меня баснями – они от этого ничего не приобретали. Я просто знала, что они чистосердечно рассказали мне всю правду. Моя подруга, разозлившись, что я им поверила, обозвала меня легковойной душой.

Поскольку никто из нас не хотел уступать, страсти в нашем споре стали накаляться. Ее муж, чтобы несколько охладить наш пыл, высказал предположение, что, возможно, мне сказали правду. Раздраженная тем, что он не на ее стороне, моя подруга закричала, чтобы он заткнулся.

По дороге домой над нами витала мрачная атмосфера, наша дружба явно дала трещину. Потребовалось две недели, чтобы загладить следы взаимной обиды. Тем временем я опробовала информацию насчет сына Эванс-Притчарда на нескольких людях, более сведущих в антропологических делах и причастных к ним ученых, чем я и моя подруга. Стоит ли говорить, что я при этом оказывалась полной идиоткой. Однако из упрямства я вцепилась в свою слепую уверенность, что лишь мне одной известно истинное положение вещей. Я была приучена смотреть на все с практической точки зрения: если кто-то лжет, то тем самым он должен приобрести что-то такое, чего иначе не получил бы. И я терялась в догадках, что же могли приобрести те двое.

На лекцию, которую читал Карлос Кастанеда, я внимания почти не обращала. Я была чересчур поглощена поисками причины, заставившей его сказать мне неправду о своем имени. Склонная выводить мотивы тех или иных людей из простых утверждений или наблюдений, я немало времени потратила, пытаясь подыскать ключ к его мотивам. Но потом вспомнила, что я тоже назвалась при нем не своим именем. И мне никак не удавалось определить, почему я так поступила.

После длительных размышлений я решила, что обманула его, поскольку он автоматически вызвал во мне недоверие. Он был слишком самоуверен, слишком петушился, чтобы ему можно было доверять. Моя мать приучила меня не доверять латиноамериканским мужчинам, особенно если они не были несколько ниже по своему положению. Она любила повторять, что латиноамериканские мужчины – словно бойцовые петухи, их интересы сводятся к тому, чтобы драться, есть и заниматься сексом, в таком вот именно порядке.

И я полагаю, что я поверила ей, даже не задумываясь.

Наконец я глянула на Карлоса Кастанеду. Мне ничего не удавалось понять в том, о чем он говорит, но я была очарована его движениями. Впечатление было такое, что он говорит всем своим телом, и его слова не столько вылетают у него изо рта, сколько выплывают из его рук, которыми он двигал с изяществом и проворностью мага.

После лекции я смело направилась к нему. Он стоял, окруженный студентами. Он был так обаятелен и открыт с женщинами, что я автоматически стала его презирать.

– Ты соврал мне, что твое имя Джо Кортес, – сказала я по-испански и в знак обвинения направила на него палец.

Держась рукой за живот, словно он получил удар, он взирал на меня с тем самым нерешительно-удивленным выражением, которое было у него на лице, когда он впервые увидел меня в горах.

– Кроме того, ложь, что твой друг Гумерсиндо – сын Эванс-Притчарда, – добавила я, прежде чем он оправился от удивления, вызванного нашей встречей. – Не так ли?

Он сделал умоляющий жест, чтобы я больше ничего не говорила. Казалось, что он ни капли не смущен. Но в его глазах было такое простое и неподдельное любопытство, что мой праведный гнев быстро улетучился. Он мягко взял меня за запястье, словно опасаясь, что я уйду.

Когда его беседа со студентами закончилась, он молча повел меня к уединенной скамейке, которая стояла в тени огромной сосны в северной части кампуса (в США – название студенческого городка (прим. ред.)).

– Все это так странно, что я воистину теряю дар речи, – сказал он по-английски, когда мы сели. Он смотрел на меня так, словно все еще никак не мог поверить, что я сижу рядом с ним.

– Я не думал, что когда-либо снова с тобой встречу, – продолжил он задумчиво. – После того, как мы расстались, мы с моим другом – кстати, его зовут Нестор – долго говорили о тебе и пришли к выводу, что ты была полупризраком. – Тут он внезапно перешел на испанский и сказал, что они даже вернулись на то место, где мы расстались, надеясь найти меня.

– Почему ты хотел меня найти? – спросила я по-английски, уверенная, что в ответ он скажет по-английски, что я ему понравилась.

По-испански невозможно сказать, что кто-то кому-то просто понравился. Ответ должен быть более явным и вместе с тем более точным. В испанском можно либо выразить хорошее отношение – *te caes bien*, либо изобразить всеобъемлющую страсть – *te gustas*.

Мой откровенный вопрос поверг его в долгое молчание. Впечатление было такое, что у него внутри идет борьба – говорить или не говорить. Наконец он сказал, что наша с ним встреча в тумане в тот день произвела в нем основательный переворот. Когда он это говорил, на его лице был написан восторг, затем он голосом, в котором звучало глубочайшее благоговение, добавил, что когда он увидел меня в лекционной аудитории, ему чуть конец не пришел.

– Почему? – спросила я.

Он задел мое самолюбие. Тотчас же я об этом пожалела, поскольку была уверена, что он собирается мне сказать, что по уши влюблен в меня. А это будет чересчур волнующее признание, и я не найдусь, что ответить.

– Это очень длинная история, – промолвил он, все еще погруженный в задумчивость. Он скривил губы, как будто говорил сам с собой, репетируя то, что собирался произнести.

Я узнала характерные признаки, когда мужчина готовится сделать выпад.

– Я не читала твоих работ, – сказала я, чтобы направить его в другое русло. – О чем они?

– Я написал пару книг о магии, – ответил он.

– О какой магии? О шаманстве, спиритуализме или о чем?

– Ты знаешь что-нибудь о магии? – спросил он с нотками ожидания в голосе.

– Конечно, знаю. Я рядом с этим росла. Я провела значительное количество времени в прибрежной части Венесуэлы – эта область славится своими магами. В детстве большую часть летних месяцев я проводила в семье ведьм.

– Ведьм?

– Да, – подтвердила я, польщенная его реакцией. – Моя нянька была ведьмой. Это была негритянка из Пуэрто Кабелло. Она заботилась обо мне, пока я не стала подростком. Мои родители работали, и когда я была ребенком, они с радостью оставляли меня на ее попечении. У нее гораздо лучше выходило

присматривать за мной, чем у любого из моих родителей. Она предоставляла мне возможность делать все, что я захочу. Мои родители, естественно, позволяли ей брать меня с собой куда угодно. Во время школьных каникул мы с ней отправлялись навестить ее семью. Это была не кровная семья, это была семья ведьм. И хотя мне не разрешалось принимать участие ни в одном из их ритуалов и сеансов транса, я там немало увидела.

Он посмотрел на меня с любопытством, словно не верил своим глазам. Затем спросил с лукавой улыбкой:

– А что говорило о том, что она – ведьма?

– Все. Она убивала цыплят и предлагала их богам в обмен на их благосклонность. Она и ее знакомые ведьмы и колдуны – мужчины и женщины – танцевали до тех пор, пока не впадали в транс. Она произносила тайные заклинания, в которых была заключена сила, способная излечить ее друзей и навредить ее врагам. Она специализировалась на приворотном зелье. Она готовила его из лекарственных трав и всех видов телесных выделений, таких как менструальная кровь, обрезки ногтей и волосы, предпочтительно волосы с лобка. Она изготавливала амулеты, приносящие удачу в азартных играх и в любовных делах.

– И твои родители все это позволяли? – спросил он с недоверием.

– Дома об этом никто не знал, кроме меня и нянинных клиентов, разумеется, – объяснила я. – Она ходила по вызовам на дом, как и любой доктор. Все, что она делала дома, – это жгла свечи в туалете за унитазом, когда мне снились кошмары. Поскольку похоже было, что это мне помогает и среди кафельных плиток нечему было возгораться, моя мать открыто позволяла ей это делать.

Он внезапно вскочил и начал смеяться.

– Что здесь смешного? – спросила я, гадая, не решил ли он, что я все это выдумала. – Это правда. Я тебя уверяю.

– Ты доказываешь что-то самой себе, и поскольку ты в этом заинтересована, то как только начинаешь это утверждать, оно становится правдой, – сказал он с серьезным лицом.

– Но я сказала тебе правду, – настаивала я, уверенная, что он имеет в виду мою няню.

– Я могу видеть людей насквозь, – сказал он спокойно. – К примеру, я вижу, что ты убеждена, что я собираюсь приударить за тобой. Ты убедила себя в этом, и теперь – это правда. Вот о чем я говорю.

Я попыталась что-то сказать, но от негодования у меня перехватило дыхание. Мне захотелось убежать, но это было бы чересчур унижительно. Он слегка нахмурился, и у меня сложилось неприятное впечатление, что он знает, что я чувствую. Я дрожала от подавленной злости. Тем не менее, в отдельные моменты я ощущала необыкновенное спокойствие. Это происходило не благодаря какому-то сознательному усилию с моей стороны, однако я отчетливо чувствовала, что что-то во мне сдвинулось. У меня появилось туманное воспоминание, что я испытывала нечто подобное раньше, но оно улетучилось столь же быстро, сколь и пришло.

– Что ты со мной делаешь? – пробормотала я.

– Просто выходит так, что я вижу людей насквозь, – сказал он голосом, полным раскаяния. – Не всегда и, разумеется, не всех, только тех, с кем я тесно связан. Я не знаю, почему я могу видеть насквозь тебя.

Искренность его была очевидна. Впечатление было такое, что он больше сбит с толку, чем я сама. Он снова сел на скамейку и придвинулся ко мне поближе. Некоторое время мы сидели в полной тишине. Было чрезвычайно приятно ощущать, что можно отбросить все усилия, направленные на поддержание разговора, и не чувствовать себя бестолковой. Я поглядела вверх, на небо; оно было безоблачно и прозрачно, словно голубой хрусталь. Несмелый ветерок пробежал по веткам сосны, и на нас легким дождем посыпались иголки. Потом ветерок окреп, превратился в ветер, и к нам от ближайшего платана полетели сухие желтые опавшие листья. Они закружились вокруг нас, издавая тихий ритмический звук. Одним резким порывом ветер подхватил листья и поднял их высоко в воздух.

– Это было замечательное проявление духа, – пробормотал он. – И связано оно было с тобой. Ветер, листья, кружащиеся перед нами в воздухе. Маг, с которым я работаю, сказал бы, что это было предзнаменование. Что-то указало мне на тебя, и как раз в тот момент, когда я думал, что, пожалуй, лучше уйду. Теперь я уйти не могу.

Думая только о его последней фразе, я чувствовала себя необъяснимо счастливой. Это было не триумфальное счастье, не то ликование, которое ощущаешь, когда становишься сам себе хозяином. Это скорее было чувство глубокой благодати, которое не длится долго. Внезапно мое тяжеловесное "я" взяло верх и потребовало, чтобы я избавилась от этих мыслей и чувств. У меня не было времени тут сидеть. Я пропустила пару, не пошла вместе с моими настоящими друзьями на ланч, пропустила свое время в бассейне.

– Пожалуй, лучше будет, если я пойду, – сказала я.

Я намеревалась сказать это с чувством облегчения, но когда произнесла эти слова, они прозвучали так, словно я об этом сожалею, что каким-то образом так и было.

Но вместо того чтобы уйти, я спросила его как можно небрежнее, всегда ли он умел видеть людей насквозь.

– Нет, не всегда. – Его добрый тон ясно показывал, что он в курсе происходящей у меня внутри сумятицы. – Старый маг, с которым я работаю, недавно меня этому научил.

– Как ты думаешь, он смог бы научить и меня?

– Да, я думаю, научил бы. – Казалось, что он поразился собственному утверждению. – Если он почувствует в тебе то, что чувствую я, он несомненно попытается.

– А ты знал что-то о магии прежде? – спросила я робко, медленно оправляясь от смтения.

– В Латинской Америке каждый думает, что он это знает, думал так и я. В этом отношении ты мне напомнила меня самого. Как и ты, я был убежден, что имею понятие о том, что такое магия. Но затем, когда я по-настоящему с ней соприкоснулся, она оказалась вовсе не такой, как я думал.

– А какой она оказалась?

– Простой. Настолько простой, что это пугает, – поведал он. – Мы боимся магии, потому что думаем, что она таит в себе зло. В этой магии, с которой встретился я, нет ни капли злого умысла, и поэтому она пугает сильнее всего.

Я прервала его и вставила, что он, должно быть, имеет в виду белую магию, в противоположность черной.

– Не мели ерунды, черт возьми! – внезапно набросился он на меня.

Я была настолько шокирована тем, что он со мной говорит в таком тоне, что судорожно ухватила ртом воздух. Я мгновенно была опять отброшена в состояние смтения. Он отодвинулся, чтобы избежать проявлений моего гнева. Он осмелился на меня кричать! Я так разозлилась, что думала, что лопну от злости. В ушах у меня шумело, перед глазамиплыли темные пятна. Я бы ударила его, если бы он так ловко не отскочил от меня на безопасное расстояние.

– Ты очень недисциплинированна, – сказал он и снова сел. – И весьма несдержанна. Твоя няня, видать, прощала тебе все грехи и цацкалась с тобой так, словно ты хрустальная.

Заметив, что я сердито нахмурилась, он продолжил и сказал, что на самом деле закричал на меня вовсе не потому, что разозлился или не сдержался.

– Лично меня не волнует, слушаешь ты или нет, – объяснил он. – Но это волнует кое-кого еще, ради кого я и закричал на тебя. Того, кто за нами наблюдает.

Поначалу это сбilo меня с толку, затем я почувствовала себя неловко. Я стала оглядываться по сторонам, пытаюсь выяснить, не его ли маг-учитель за нами наблюдает.

Он, не обращая на меня внимания, продолжал:

– Мой отец никогда не говорил мне, что у нас есть постоянный свидетель. А не говорил он этого, потому что сам об этом не знал. Точно так же, как и ты сама об этом не знаешь.

– Что за чушь ты тут несешь? – мой резкий злой голос отражал то, что я в данный момент ощущала. Он закричал на меня, он меня оскорбил. Меня окончательно вывело из себя то, что он продолжал говорить так, словно бы ничего не случилось. Если он думает, что я не придам значения его действиям, то его ждет сюрприз. "Это тебе даром не пройдет, – подумала я, злобно усмехнувшись в его адрес. – Только не со мной, приятель".

– Я говорю о силе, сущности, присутствии, которая не является ни силой, ни сущностью, ни присутствием, – объяснил он с ангельской улыбкой на лице. Он, по-видимому, совершенно не обратил внимания на мое воинственное настроение. – Звучит как бессмыслица, но это не так. Я имею в виду нечто такое, о чем знают лишь маги. Они называют это духом. Нашим личным наблюдателем, нашим постоянным свидетелем.

Не знаю точно, какое именно слово и как привело к этому, но внезапно он приковал к себе мое внимание. Он продолжал говорить об этой силе, которая, по его словам, не была Богом или чем-то, имеющим хоть какое-то отношение к религии или морали. Это была безличная сила, энергия, которая оказывалась в нашем распоряжении, если только мы научимся обращать себя в ничто. Он даже взял меня за руку, и я этому не противилась. На самом деле, мне нравилось ощущать мягкое касание его сильной руки. Я чувствовала какое-то нездоровое очарование той странной властью, которую он надо мной имел. Я была поражена тем, что желаю сидеть с ним на этой скамейке до бесконечности и держать свою руку в его.

Он продолжал говорить, а я – прислушиваться к каждому его слову. Однако в то же время мое извращенное любопытство жаждало узнать, когда же он схватит меня за ногу. Поскольку я знала, что моей руки ему будет недостаточно, а остановить его я никак не смогу. Или я просто не хочу ничего делать, чтобы его остановить?

Он объяснил, что был столь же неосторожным и расхлябанным, как любой другой, но ни о чем другом он понятия не имел, поскольку был в плену у духа времени. – Что такое дух времени – спросила я его грубым холодным тоном – пусть не думает, что мне нравится быть с ним.

– Маги называют его модальностью времени, – ответил он.

– В наши дни – это заботы среднего класса. Я – представитель мужской части среднего класса, точно так же, как ты – представительница его женской части ...

– Такие классификации не представляют никакой ценности, – грубо прервала я, выдергивая у него свою руку. – Это просто обобщение.

Я посмотрела на него сердитым подозрительным взглядом. Что-то потрясающе знакомое было в его словах, но я не могла вспомнить, где я их раньше слышала и что они для меня значили. Однако у меня

было чувство, что они были жизненно для меня важными, если бы только я могла вспомнить то, что знаю по этому поводу.

– Не приписывай мне этот социологический вздор, – сказал он весело. – Я так же, как и ты, прекрасно это знаю.

Внезапно на меня нахлынула волна полной безысходности, под ее воздействием я схватила его руку и укусила ее.

– Я искренне сожалею об этом, – промямлила я в тот же момент, еще прежде, чем он оправился от неожиданности. – Я не знаю, почему я это сделала. Я с детства никого не кусала.

Я, не сводя с него глаз, отодвинулась на дальний конец скамейки, готовая к его возмездию. Его не последовало.

– Ты совершенно примитивна, – это было все, что он сказал, изумленно потирая свою руку.

У меня вырвался вздох глубокого облегчения. Его власть надо мной пошатнулась. И я вспомнила, что у меня еще были с ним старые счеты. Он сделал меня посмешищем среди моих друзей – студентов-антропологов.

– Давай вернемся к нашей изначальной проблеме, – начала я, стараясь пробудить в себе гнев. – Зачем ты рассказывал мне всю эту белиберду о сыне Эванс-Притчарда? Ты ведь наверняка понимал, что я поставлю себя в идиотское положение.

Я внимательно следила за ним, поскольку была уверена, что такая конфронтация после укуса наконец лишит его самообладания или хотя бы пошатнет его. Я ожидала, что он закричит, утратит свою дерзость и самоуверенность. Но он оставался невозмутимым. Он сделал глубокий вдох, и лицо его приняло серьезное выражение.

– Я знаю, что выглядит это так, словно люди просто рассказывают басни ради собственного развлечения, – начал он легким небрежным тоном. – Однако все здесь несколько сложнее. – Он тихо засмеялся, затем напомнил мне, что тогда он еще не знал, что я изучаю антропологию и что я поставлю себя в неловкое положение. Он на мгновение замолчал, как будто подыскивая подходящие слова, затем безнадежно пожал плечами и добавил:

– Я не могу сейчас объяснить тебе, почему я представил тебе своего друга как сына Эванс-Притчарда, для этого мне сначала пришлось бы рассказать тебе много всего о себе и моих целях. А это сейчас нереально.

– Почему нет?

– Потому что чем больше ты будешь обо мне узнавать, тем больше ты будешь привязываться, – он задумчиво посмотрел на меня, и по выражению его глаз я поняла, что он говорит искренне. – И я имею в виду не ментальную привязанность. Я хочу сказать, что ты привяжешься ко мне лично.

От такого вопиющего проявления наглости ко мне вернулась вся моя уверенность. Я засмеялась своим испытанным саркастическим смехом и отрезала:

– Ты совершенно отвратителен. Знаю я ваше отродье. Ты – типичный пример самодовольного латиноамериканца, с которыми я воевала всю свою жизнь.

Заметив на его лице удивленное выражение, я добавила своим самым высокомерным тоном:

– Как это тебе пришло в голову, что я к тебе привяжусь?

Он не покраснел, как я ожидала. Он хлопнул себя по коленям и стал неудержимо хохотать, словно ничего смешнее в своей жизни не слышал. И к моему полнейшему изумлению, стал толкать меня в бок, как будто я была ребенком.

Опасаясь, что рассмеюсь – я боялась щекотки, – я возмущенно взвизгнула:

– Как ты смеешь ко мне прикасаться!

Я вскочила, собираясь уйти. Меня трясло. А затем я поразила себя тем, что снова села.

Видя, что он готов опять начать толкать меня в ребра, я сжала руки в кулаки и выставила их перед собой:

– Если ты еще раз меня коснешься, я разобью тебе нос, – предупредила я его.

Абсолютно не обратив внимания на мои угрозы, он откинулся на спинку скамейки, запрокинул голову и закрыл глаза. Смеялся он весело, глубоким фыркающим смехом, от которого вздрагивало все его тело.

– Ты типичная немка, которая росла в окружении мулатов, – сказал он, повернувшись в мою сторону.

– Откуда ты знаешь, что я немка? Я никогда тебе этого не говорила, – сказала я дрожащим голосом, хотя мне очень хотелось, чтобы он звучал слегка угрожающе.

– Я понял, что ты немка, еще в нашу первую встречу, – сказал он. – Ты подтвердила это, когда соврала, что ты – шведка. Только немцы, рожденные в Новом Свете после Второй Мировой войны, могут так врать. То есть, если они живут в Соединенных Штатах, разумеется.

И хотя я не собиралась с ним соглашаться, он был прав. Я всегда ощущала, как в отношении ко мне у людей появлялась враждебность, стоило им узнать, что мои родители – немцы. В их глазах это автоматически делало нас нацистами. И даже когда я говорила, что мои родители были идеалистами, все равно ничего не менялось. Конечно, я вынуждена признать, что как и всякие добропорядочные немцы, они верили, что их нация лучше по самой своей природе, но в общем-то у них было доброе сердце, и всю свою жизнь они были вне политики.

– Все что мне остается, – это согласиться с тобой, – заметила я ядовито. – Ты увидел светлые волосы, голубые глаза, скуластое лицо, все, что по твоему мнению отличает шведов. Не слишком у тебя богатое воображение, правда? – я двинулась в наступление. – А зачем тебе самому понадобилось врать, если только ты не бесстыдный лгун по натуре? – продолжала я, помимо своей воли повышая голос. Постучав указательным пальцем по его запястью, я добавила с издевкой:

– Джо Кортез, а?

– А твое настоящее имя – Кристина Гебауэр? – выпалил он в ответ, подражая моей однозвучной интонации.

– Кармен Гебауэр! – крикнула я, задетая тем, что он неправильно запомнил имя. Затем, смущенная своей вспышкой, я принялась хаотически защищаться. Через пару минут, сообразив, что сама не знаю, что говорю, я резко остановилась и призналась, что я и вправду немка, а Кармен Гебауэр – это имя подруги детства.

– Мне это нравится, – сказал он мягко, на его губах играла сдержанная улыбка.

Имел он в виду мою ложь или мое признание, я понять не смогла. Его глаза до краев были полны добротой и лукавством. Мягким, полным задумчивости голосом он принялся рассказывать мне историю своей детской подруги Фабиолы Кунз.

Озадаченная его реакцией, я отвернулась и стала смотреть на стоящий поблизости платан и сосны позади него. Затем, желая скрыть свой интерес к его рассказу, я стала заниматься своими ногтями – поджимать обрамляющую их кожицу и сдирать лак, методично и задумчиво.

История Фабиолы Кунз была столь похожа на мою собственную жизнь, что через несколько минут я забыла все свое наигранное безразличие и стала внимательно слушать. Я подозревала, что историю он выдумал, но вместе с тем должна была признать, что он выдавал подробности, которые может знать лишь дочь немцев в Новом Свете.

Фабиола, как бы до смерти боялась темнокожих латиноамериканских мальчиков, однако она точно так же боялась немцев. Латиноамериканцы пугали ее своей безответственностью, немцы – своей предсказуемостью.

Мне пришлось сдерживаться, чтобы не расхохотаться, когда он описывал сцены, имевшие место в обед по воскресеньям в доме Фабиолы, когда два десятка немцев усаживались вокруг превосходно сервированного стола – там был лучший фарфор, серебро и хрусталь – и ей приходилось слушать два десятка монологов, которые играли роль беседы.

По мере того, как он продолжал выдавать специфические детали этих воскресных обедов, мне становилось все более и более не по себе: здесь был отец Фабиолы, который запрещал в доме политические споры, вместе с тем навязчиво старался их разжигать, выискивая окольные пути, чтобы отпустить пошлые шуточки в адрес католических священников. Или вечный страх ее матери: ее изысканный фарфор попал в руки этих неуклюжих олухов.

Его слова были сигналом, на который я подсознательно отвечала. Передо мной словно кадры на экране стали разворачиваться сцены воскресных обедов из моей жизни.

Я превратилась в сплошной пучок нервов. Мне хотелось выйти из себя и побить его, если бы только я знала как. Мне хотелось ненавидеть этого человека, но я не могла. Я жаждала мести, извинений, но от него их добиться было невозможно. Я хотела иметь над ним власть. Мне хотелось, чтобы он в меня влюбился, чтобы я могла его отвергнуть.

Пристыженная своими незрелыми чувствами, я сделала огромное усилие с целью собраться. Сделав вид, что мне скучно, я наклонилась к нему и спросила:

– А почему ты соврал о своем имени?

– Я не врал, – произнес он. – Это мое имя. У меня несколько имен. У магов для разных случаев есть разные имена.

– Как удобно! – воскликнула я саркастически.

– Очень удобно, – эхом подтвердил он и едва заметно подмигнул, что еще больше вывело меня из себя.

И тут он сделал нечто совершенно странное и неожиданное.

Он обнял меня. В этом объятии не было никаких сексуальных примесей. Это был простой добрый спокойный жест ребенка, который желает утешить своего друга. Его касание успокоило меня столь полно, что я начала бесконтрольно рыдать.

– Я такое дерьмо, – всхлипнула я. – Я хотела взять над тобой верх, и посмотри теперь на меня. Я в твоих объятиях.

Я уже было собиралась добавить, что пребывать в его объятиях мне нравится, как вдруг меня наполнил всплеск энергии. Словно очнувшись ото сна, я оттолкнула его.

– Оставь меня, – прошипела я и бросилась прочь.

Я слышала, как он задыхается от смеха, но это меня ничуть не беспокоило; мой всплеск внезапно рассеялся. Я остановилась, словно вкопанная, я вся дрожала, но была не в силах уйти прочь. А затем, словно меня притянуло огромной резиновой лентой, я вернулась на скамейку.

– Не расстраивайся, – сказал он добродушно.

Казалось, он точно знает, что это было такое, что притянуло меня назад к скамейке. Он похлопал меня по спине, как хлопают детей после еды.

– Не ты и не я это делаем, – пояснил он. – Нечто вне нас двоих совершает над нами действия. Это действует на меня долгое время. Я к этому уже привык. Но я не могу понять, почему это действует и на тебя. Не спрашивай меня, что это, – сказал он, предвосхищая мой вопрос. – Я не смогу тебе этого объяснить.

Я все равно не собиралась его ни о чем спрашивать. Мой ум перестал работать. У меня было совершенно такое же ощущение, как если бы я спала, и мне снилось, что я разговариваю.

Через несколько мгновений мое оцепенение прошло. Я почувствовала себя более живой и подвижной, однако не совсем так, как обычно.

– Что со мной происходит? – спросила я.

– Тебя фокусирует и на тебя давит нечто, что исходит не из тебя, – ответил он. – Нечто давит на тебя, используя меня как инструмент. Нечто налагает другие критерии на твои средне-классовые убеждения.

– Не разводи опять эти бредни насчет среднего класса, – слабо огрызнулась я.

Это выглядело скорее просьбой. Я беспомощно улынулась, чувствуя, что утратила всю свою обычную желчь.

– Это, между прочим, не лично мои мнения или идеи, – сказал он. – Я, как и ты, исключительно продукт идеологии среднего класса. Вообрази мой ужас, когда я лицом к лицу столкнулся с отличной и более сильной идеологией. Она разорвала меня на части.

– Что это за идеология? – спросила я кротко, мой голос прозвучал так тихо, что его едва можно было слышать.

– Мне открыл эту идеологию один человек, – ответил он. – Или, точнее, через него говорил и действовал на меня дух. Этот человек – маг. Я писал о нем. Его имя Хуан Матус. Он тот, кто заставил меня посмотреть в лицо моему средне-классовому складу ума.

Однажды Хуан Матус задал мне важный вопрос: "Что такое, по-твоему, университет?" Я, разумеется, ответил ему как ученый-социолог: "Центр высшего образования". Он исправил меня, заявив, что университет следовало бы называть "Институт среднего класса", поскольку это – заведение, которое мы посещаем, чтобы совершенствовать наши средне-классовые ценности и качества. Мы, по его словам, посещаем университет, чтобы стать профессионально образованными. Идеология нашего социального класса гласит, что мы должны готовиться занять руководящие должности. Хуан Матус сказал, что мужчины ходят в институт среднего класса, чтобы стать инженерами, юристами, врачами и т.п., а женщины – чтобы обрести подходящего мужа, кормильца и отца для своих детей. Кто подходящий – естественно определяется ценностями среднего класса.

Я хотела возразить ему. Я хотела закричать, что я знаю людей, которые интересуются отнюдь не только карьерой или приобретением супруга, я знаю людей, для которых важны идеи и принципы, которые учатся ради получения знаний. Но я на самом деле не знала таких людей. Я ощутила ужасное давление на грудную клетку, и меня сразил приступ сухого кашля. Я стала ерзать на своем месте, но заставил меня делать это и не дал возразить ему не кашель и не физический дискомфорт. Виной всему была уверенность, что он говорит обо мне: я пошла в университет именно для того, чтобы найти подходящего мужа.

Я снова встала и приготовилась уйти. Я даже уже протянула ему на прощание руку, но тут ощутила, как что-то сильно потянуло меня за спину. Усилие было столь значительно, что мне пришлось сесть, чтобы не упасть. Я знала, что он меня не касался, – я все время на него смотрела.

Воспоминания о людях, которых я не вполне помню, о снах, которые не совсем забыла, толпой ринулись в мое сознание, образуя сложный узор, в котором мне не удавалось найти свое место. Неизвестные лица, обрывки фраз, темные изображения каких-то мест, размытые образы людей моментально отбросили меня в состояние некоего своеобразного забытия. Я была уже на грани того, чтобы вспомнить что-то обо всем этом калейдоскопе картин и звуков. Но информация ускользнула, и меня охватило чувство легкости и спокойствия – такого глубокого спокойствия, что оно напрочь стерло все мои желания отстаивать свои права.

Я вытянула перед собой ноги, так, словно меня ничто в мире не беспокоило, – а в этот момент это так и было – и принялась говорить. Я не могла вспомнить, чтобы когда-либо так откровенно о себе рассказывала, и не могла понять, почему я вдруг стала с ним такой раскованной. Я рассказала ему о Венесуэле, о своих родителях, о детстве, о своей неприкаянности, о бессмысленной жизни. Я рассказывала ему о таких вещах, в которых не признавалась даже себе.

– С прошлого года я занимаюсь антропологией. И сама не знаю, зачем, – сказала я.

Я начала понемногу ощущать себя не в своей тарелке от собственных признаний. Я беспокойно задвигалась на скамейке, но не смогла удержаться и добавила:

– Две вещи, которые больше интересуют меня – это испанская и немецкая литература. А быть на факультете антропологии – противоречит всему, что я о себе знаю.

– Эта деталь меня бесконечно заинтриговала, – заметил он. – Я сейчас не могу в это вдаваться, но похоже, что я оказался здесь, чтобы ты меня нашла, или наоборот.

– Что это все значит? – спросила я, и тут же вспыхнула, сообразив, что я все интерпретирую и рассматриваю сквозь призму своей принадлежности к женскому полу.

Он, похоже, был полностью в курсе моего внутреннего состояния. Он ухватил мою руку и прижал к своему сердцу: – *Me gustas, nibelunga!* – воскликнул он аффективно и чтобы не осталось сомнений, перевел свои слова на английский: – Я страстно влюблен в тебя, Нибелунген. – Он глянул на меня взглядом латиноамериканского любовника и громко расхохотался. – Ты была уверена, что рано или поздно я должен буду это сказать, так что с тем же успехом можно и сейчас.

Вместо того, чтобы разозлиться или быть задетой, я рассмеялась; его юмор доставил мне огромное удовольствие. Единственная Нибелунген, которую я знала, обитала в книгах моего отца по немецкой мифологии. Зигфрид и Нибелунген. Насколько я могла вспомнить, они были волшебными существами карликового роста, которые жили под землей.

– Ты что, называешь меня карликом? – спросила я в шутку.

– Боже сохрани! – запротестовал он. – Я называю тебя немецким мифическим созданием.

Вскоре после этого, словно нам было больше нечего делать, мы отправились в горы Санта Сьюзана, к тому месту, где встретились. Никто из нас не проронил ни слова, когда мы сидели на краю обрыва, окидывая взглядом индейское кладбище. Движимые чисто дружеским импульсом, мы сидели там в тишине, не замечая, как день постепенно превращается в ночь.

Глава 7

Кортес припарковал свой фургон у подножия холма. Он обошел вокруг кабины и с подлинным изяществом помог мне выйти из машины. Я почувствовала облегчение, что мы наконец сделали остановку, хотя не могла сообразить, почему. Мы были посреди неизвестно чего. Мы ехали с раннего утра. Дневная жара, ровная пустыня, безжалостное солнце и дорожная пыль обратились в неясные воспоминания по мере того, как я вдыхала холодный тяжелый ночной воздух.

Взбитый ветром воздух вертелся вокруг нас словно что-то осязаемое, живое. Луны не было. И звезды, количество и яркость которых были невероятны, казалось, лишь подчеркивали наше уединение. Под этим неуютным сиянием пустыня и холмы, что раскинулись вокруг нас, почти невидимые, были полны теней и приглушенных звуков. Я попыталась сориентироваться, посмотрев на небо, но не смогла выделить на нем ни одного созвездия.

– Мы глядим на восток, – прошептал Джо Кортес, словно я высказала свои мысли вслух, затем принялся терпеливо показывать мне главные созвездия летнего неба. Запомнить мне удалось только звезду Вега, поскольку ее название напомнило мне имя испанского писателя семнадцатого века Лопе де Вега.

Мы сидели в тишине на крыше его фургона, и я мысленно перебирала события нашего путешествия.

Меньше чем двадцать четыре часа назад, когда мы перекусывали в японском ресторане в пригороде Лос-Анжелеса, он вдруг ни с того ни с сего спросил меня, не составлю ли я ему компанию в путешествии в Сонору на несколько дней.

– С удовольствием поеду, – импульсивно выпалила я. – Учебный семестр закончился. Я свободна. Когда ты собираешься выезжать?

– Сегодня вечером! – ответил он. – Фактически, как только мы закончим нашу трапезу.

Я засмеялась, будучи уверена, что его приглашение было шуткой.

– Я не могу так вот просто сорваться с места, – заметила я. Как насчет завтра?

– Сегодня вечером, – сказал он мягко и настойчиво, затем протянул руку и очень официально пожал мою. Только когда я заметила в его глазах огоньки удовольствия и озорства, до меня дошло, что это означало не прощание, а заключение договора.

– Когда решения приняты, нужно немедленно начинать действовать в соответствии с ними, – произнес он, оставив слова висеть передо мной в воздухе. Мы оба уставились на них, словно они и в самом деле имели форму и размер. Я кивнула, вряд ли сознавая, что принимаю решение. Поворот судьбы был здесь, вне меня, наготове, он был неизбежен. Мне не пришлось ничего предпринимать, чтобы вызвать его.

Внезапно я с поразительной живостью вспомнила свою предыдущую поездку в Сонору годом раньше. Тело содрогнулось от страха и потрясения, когда картины – никак не связанные в своей последовательности – завертелись у меня глубоко внутри. События этой странной поездки так основательно стерлись из моего сознания, что до этого момента я жила так, словно их вообще никогда не было. Однако сейчас они предстали перед моим мысленным взором так ясно, как в тот день, когда произошли.

Содрогнувшись, но не от холода, а от невыразимого ужаса, я повернулась, чтобы посмотреть на Джо Кортеса и рассказать ему о своей поездке. Он неподвижно смотрел на меня со странной силой. Его глаза были словно туннели, глубокие и темные, они вобрали в себя мое смятение. Кроме того, под их

воздействием картины той поездки отступили. И как только они потеряли свой заряд, в моем сознании остались лишь пустые банальные мысли. В этот момент я в своей обычной самоуверенной манере решила, что не стану ничего рассказывать Джо Кортезу, поскольку настоящее приключение само выбирает свой путь, и самые восхитительные запоминающиеся события моей жизни – это те, у которых я не становилась на пути.

– Как ты хочешь, чтобы я тебя называла? Джо Кортез или Карлос Кастанеда? – спросила я с противной женской игривостью.

Медный цвет его лица озарился улыбкой.

– Я твой детский приятель. Дай мне имя. Я зову тебя нибелунга.

Я никак не могла выбрать подходящее имя и спросила его:

– А в твоих именах есть какой-то порядок?

– Пожалуй, – сказал он задумчиво, – Джо Кортез – это повар, садовник, мастер на все руки; это внимательный и задумчивый человек. Карлос Кастанеда – это человек из академического мира, но я думаю, ты его еще не встречала.

Он с улыбкой неотрывно смотрел на меня. В его улыбке было что-то детское, что-то, вызывающее глубокое доверие.

Я решила, что буду звать его Джо Кортез.

Мы провели ночь – в разных комнатах – в мотеле в Юме, штат Аризона. После того, как мы выбрались из Лос-Анжелеса, я всю дорогу изводила себя беспокойством по поводу того, как мы будем спать. Временами меня одолевал страх, что он набросится на меня прежде, чем мы доберемся до мотеля. В конце концов, он был сильным молодым мужчиной, чересчур самоуверенным и агрессивным. Я бы так не беспокоилась, если бы он был американцем или европейцем. Но поскольку он был из Латинской Америки, я просто знала, что у него на уме. Принять приглашение провести с ним несколько дней означало, что я желаю разделить с ним постель.

Его задумчивость и тактичное обращение со мной на протяжении длительной поездки прекрасно вписывались в то, что я о нем думала: он готовил почву.

Мы добрались до мотеля поздней ночью. Он отправился в кабинет управляющего справиться о комнатах для нас. Я осталась в машине, мысленно разыгрывая один мрачный сценарий за другим.

Я была так поглощена своими фантазиями, что не заметила, как он вернулся. Услышав, как он звенит передо мной связкой ключей, я подпрыгнула на сиденье и выронила бумажную коричневую сумку, которую держала в руках, подсознательно прижимая к груди. В ней лежали все мои принадлежности туалета, которые мы купили по дороге.

– Я снял для тебя комнату в западной части мотеля, – сказал он. – Она вдали от трассы.

Он указал на дверь в нескольких шагах от нас и добавил:

– Сам я буду спать в этой, выходящей на улицу. Я привык спать при любом шуме, – он сам себе улыбнулся. – У них остались только две эти комнаты.

Ошарашенная, я взяла ключи из его рук. Все мои сценарии разом отпали. Теперь у меня не будет возможности его отвергнуть. Не то чтобы мне действительно этого хотелось. Но в глубине моей души раздавались голоса, жаждущие победы, не важно, сколь незначительной.

– Не вижу, зачем нам снимать две комнаты, – сказала я с заученной небрежностью.

Дрожащими руками я подбирала с пола свои вещи и запихивала их обратно в бумажную сумку. То, что я сказала, звучало невероятно для меня самой, однако я не в силах была остановиться.

– Шум машин не даст тебе отдохнуть, а тебе нужен сон не меньше, чем мне.

В данный момент мне как-то не верилось, что кто-то может уснуть под шум, доносящийся с трассы.

Не глядя на него, я выбралась из машины, а затем услышала собственное предложение:

– Мы могли бы спать в одной комнате – в разных кроватях, я имею в виду.

На мгновение я застыла в немом оцепенении. Никогда прежде я ничего подобного не делала, и никогда у меня не было такой шизоидной реакции. Я говорила не то, что имела в виду. Или я-таки имела в виду именно это, но сама не понимала, что делаю.

Его смех положил конец моему смятению. Он хохотал так громко, что в одной из комнат постояльцы зажгли свет и стали кричать, чтобы мы заткнулись.

– Остаться с тобой в одной комнате, чтобы ты посреди ночи мной воспользовалась, – выдавил он из себя между приступами бурного веселья. – Как раз после того, как я приму душ. Не выйдет!

Я покраснела, да так сильно, что вспыхнули уши. Мне хотелось умереть от стыда. Это не вписывалось ни в один из моих сценариев.

Я вернулась в машину и захлопнула дверь. – Отвези меня в Трейхаунд на автостанцию, – прошипела я ему с затаенной злобой. – Какого черта я поехала с тобой? Надо проверить, все ли в порядке у меня с головой!

Все еще смеясь, он открыл дверь и мягко вытащил меня наружу.

– Давай будем спать не только в одной комнате, но и в одной постели.

Он робко посмотрел на меня.

– Пожалуйста, подари мне свою любовь! – попросил он так, словно и самом деле хотел этого.

Ошеломленная, я вырвалась из его объятий и прокричала:

– Да ни за что в жизни!

– Вот, – сказал он. – Ты так свирепо меня отвергла, что я не осмеливаюсь настаивать. – Он взял мою руку и поцеловал ее. – Ты отвергла меня и поставила на место. Проблем больше нет. Ты отомстила.

Я отвернулась от него, готовая разрыдаться. Моя досада была связана не с тем, что он не желает провести 60 мной ночь, – реши он так поступить, я бы на самом деле не знала, что делать, – а с тем фактом, что он знает меня лучше, чем даже я сама. Я не поверила тому, что, как мне казалось, было лишь способом приукрасить свои достоинства. Он мог видеть меня насквозь. Внезапно это меня испугало.

Он подошел поближе и обнял меня. Это был простой добрый жест. Как и раньше, сумятица, царившая у меня внутри, полностью исчезла, словно ее никогда не было. Я тоже обняла его и сказала нечто уже совершенно невероятное:

– Это самое захватывающее приключение в моей жизни.

Мгновенно у меня возникло желание взять свои слова обратно. Эти выскочившие слова принадлежали не мне. Я даже не знала, что имела в виду. Это было отнюдь не самое захватывающее приключение в моей жизни. У меня было много увлекательных поездок. Я объехала вокруг всего света.

Мое раздражение достигло пика, когда он пожелал мне доброй ночи, при этом ловко и нежно поцеловав меня, как целуют детей, и это мне понравилось против моей воли. У меня просто не было воли. В коридоре он легонько подтолкнул меня в направлении моей комнаты.

Проклиная себя, я плюхнулась на кровать и расплакалась от бессилия, злости и жалости к себе. С момента самых ранних моих воспоминаний я всегда в своей жизни поступала как считала нужным. Находиться в состоянии смущения и не знать чего хочу – это было для меня новое чувство, причем чрезвычайно неприятное.

Я легла спать не раздеваясь и спала беспокойно, пока он рано утром не стал стучать в мою дверь, чтобы меня разбудить.

Мы ехали весь день, вилля по каким-то заброшенным дорогам. Как он мне и говорил, Джо Кортес оказался внимательным и заботливым человеком. На протяжении всего долгого пути он представлял собой самого доброго, заботливого и увлекательного спутника, о каком вообще можно было мечтать. Он кормил меня едой, песнями и рассказами. У него был поразительно глубокий и в то же время чистый баритон. К тому же он знал все мои любимые песни. Старые любовные песни всех южноамериканских стран, все их национальные гимны, древние баллады и даже детские стишки.

От его историй я хохотала так, что у меня заболели мышцы живота. Как рассказчик, он восхищал меня каждым поворотом своего рассказа. Он был прирожденный мим. Та невообразимая искусность, с которой он изображал любой мыслимый южноамериканский акцент, – в том числе отчетливый португальский бразильцев – это было что-то большее, чем подражание, это была магия.

– Давай, пожалуйста, слезем с крыши автомобиля, – голос Джо Кортеса ворвался в мои грезы. – В пустыне ночью становится холодно.

– Суровая тут вокруг местность, – промолвила я.

Мне хотелось, чтобы мы забрались в фургон и уехали отсюда. Мне стало не по себе, когда я увидела, как он вынимает из машины сумки. Там у него были всевозможные подарки, купленные для людей, которых мы намеревались посетить.

– Почему ты остановился здесь. Бог знает где?

– Ты задаешь глупейшие вопросы, нибелунга, – ответил он. – Я остановился здесь, потому что тут кончается наше автомобильное путешествие.

– Мы что, уже прибыли к нашей таинственной цели, о которой ты ничего не хотел рассказывать? – спросила я с сарказмом.

Единственное, что портило эту очаровательную поездку, было то, что он напрочь отказывался говорить мне, куда именно мы направляемся.

В считанные доли секунды во мне закипела такая злость, что я готова была ударить его кулаком по носу. Мысль, что моя внезапная раздражительность – просто результат долгой изматывающей поездки, принесла мне желанное облегчение.

– Я становлюсь раздражительной, но я этого не хотела, – сказала я веселым тоном, который даже мне самой показался наигранным.

В моем голосе было такое напряжение, что сразу становилось ясно, чего мне стоит держать себя в руках. То, что я так легко и быстро могу на него разгневаться, начинало меня беспокоить.

– Ты понятия не имеешь о том, что значит вести разговор, – сказал он, широко улыбаясь. – Ты знаешь только, как добиваться своего.

– О! Я гляжу, Джо Кортес отбыл. Ты снова собираешься начать меня оскорблять, Карлос Кастанеда?

Он весело рассмеялся в ответ на это замечание, в котором для меня не было ничего смешного.

– Это место не "Бог знает где", – сказал он. – Рядом находится город Аризп (Arizpe).

– А граница США лежит к северу, – процитировала я. – А Чихуауа – к востоку. А Лос-Анжелес находится где-то к северо-западу отсюда.

Он пренебрежительно мотнул головой и зашагал вперед. Мы молча шли через заросли кустарников, которые я скорее чувствовала, чем видела, вдоль узкой вьющейся тропки. Дорожка становилась все шире по мере того, как мы приближались к огромному участку ровной земли, со всех сторон

окруженному забором из невысоких мескитовых деревьев. В темноте можно было различить силуэты двух домов. В большем из них внутри горел свет. На некотором расстоянии от него стоял меньший, темный дом.

Мы подошли к большому дому. В свете, льющемся из его окон, порхали тусклые силуэты мошек.

– Должен предупредить тебя, что люди, с которыми тебе предстоит встретиться, несколько странные, – прошептал он. – Не говори ничего. Вести разговор буду я.

– Я всегда говорю, что мне нравится, – встала я на дыбы. – И не люблю, когда меня учат, как себя вести. Я не ребенок. Кроме того, я прекрасно знаю правила хорошего тона; можешь быть уверен, что тебе не придется из-за меня чувствовать себя неловко.

– Брось ты свою заносчивость, черт побери! – прошипел он сдержанным голосом.

– Не веди себя со мной так, словно я – твоя жена, Карлос Кастаньеда, – крикнула я изо всех сил, произнося его фамилию так, как, по-моему, она должна была произноситься: с мягким "н", что, я знала, ему страшно не нравилось.

Но он не разозлился. Он засмеялся, как очень часто поступал, когда я ожидала от него взрыва гнева. Этого с ним никогда не бывает, подумала я и обреченно вздохнула. У него было потрясающее самообладание. Казалось, что ничто никогда не сможет поколебать его или вывести из себя. Даже когда он кричал, это звучало всегда как-то наигранно.

Как раз когда он уже собирался постучать, дверь отворилась. Худощавый человек предстал темной тенью на фоне светлого прямоугольника двери. Нетерпеливым жестом руки он пригласил нас войти. Мы прошли в прихожую, полную растений. Слово не желая показывать свое лицо, человек пошел впереди нас и, не сказав ни слова приветствия, отворил внутреннюю дверь, в которой задребезжало стекло.

Мы последовали за ним вдоль темного коридора, пересекли внутренний дворик, где на стульчике из тростника сидел юноша. Он играл на гитаре и пел мягким, печальным голосом; увидев нас, он умолк. На мое приветствие он не ответил и принялся играть вновь, когда мы зашли за угол и пошли по еще одному, не менее темному коридору.

– Почему здесь все так невежливы? – прошептала я на ухо Джо Кортезу. – Ты уверен, что это нужный нам дом?

Он тихо засмеялся.

– Я же говорил тебе, они малость чудаковаты.

– Ты уверен, что знаешь этих людей? – настаивала я.

– Что за вопросы ты задаешь? – бросил он в ответ тихим, но угрожающим голосом. – Разумеется, я их знаю.

Мы подошли к освещенному дверному проему. Его зрачки играли отблесками света.

– Мы собираемся здесь ночевать? – спросила я озабоченно.

– Не имею ни малейшего понятия, – прошептал он мне на ухо и поцеловал в щеку. – И пожалуйста, не задавай больше вопросов. Я делаю все возможное, чтобы проверить почти невозможный маневр.

– Что это за маневр? – прошептала я в ответ. Внезапно я поняла, и меня охватило чувство тревоги, но вместе с тем и возбуждения. Разгадка заключалась в самом слове маневр.

Словно понимая, что я чувствую, он взял все сумки, которые нес с собой, в одну руку, а другой взял мою руку и поцеловал ее – от его касания у меня по телу пробежала приятная дрожь, – затем мы переступили порог. Мы оказались в большой, тускло освещенной и скудно обставленной жилой комнате. Я ожидала, что жилые комнаты в мексиканской провинции должны выглядеть не так. Стены и низкий потолок были совершенно белыми. Их белизну не нарушала ни картина, ни какое-нибудь настенное украшение.

Вдоль противоположной от двери стены стоял большой диван. На нем сидели три немолодые, элегантно одетые женщины. Я не могла толком разглядеть их лица, но в этом тусклом свете они выглядели очень похожими – на самом деле, не будучи подобными друг другу – и как-то туманно знакомыми. Я была так озадачена этим, что почти не обратила внимания на двоих, сидящих в просторных креслах рядом.

Одержимая желанием добраться до трех женщин, я сделала помимо своей воли огромный шаг. Я не заметила, что пол в комнате был кирпичным и имел ступеньку. Когда я вновь обрела почву под ногами, мое внимание привлек прекрасный восточный плед, и я заметила женщину, сидящую в одном из кресел.

– Делия Флорес! – воскликнула я. – Боже мой! Я не могу в это поверить! – я коснулась ее, чтобы убедиться, что она не просто плод моего воображения. – Что происходит? – спросила я вместо того, чтобы с ней поздороваться. В ту же минуту до меня дошло, что женщины, сидящие на диване, были теми самыми женщинами, которых я встретила год назад в доме целительницы.

Я стояла, раскрыв рот, не в силах двинуться с места, мое сознание было в шоке. По их губам пробежала едва заметная улыбка и они повернули головы в сторону седовласого мужчины, сидевшего во втором кресле.

– Мариано Аурелиано...

От моего голоса остался только тихий нервный шепот. Вся энергия вытекла из меня. Я повернулась, чтобы взглянуть на Джо Кортезу, и этим же слабым голосом обвинила его в том, что он меня надул. Мне хотелось закричать на него, оскорбить его, ударить. Но во мне не осталось никаких сил даже на то, чтобы

поднять руку. Мне едва хватило их на то, чтобы сообразить, что он, как и я, стоит приросший к полу, и на лице его написано, что он потрясен и сбит с толку.

Мариано Аурелиано поднялся со своего кресла и направился ко мне, протягивая руки, чтобы меня обнять.

– Я так счастлив снова тебя видеть.

Голос его был мягким, а глаза ярко светились восхищением и радостью. Он по-медвежьки обнял меня, оторвав от земли. Мое тело обмякло. Во мне не было ни сил, ни желания отвечать взаимностью на его теплые объятия. Я не могла вымолвить ни слова. Он опустил меня на пол и направился чтобы столь же бурно и тепло приветствовать Джо Кортеза.

Делия Флорес и ее подруги подошли к тому месту, где я стояла. Они по очереди обнимали меня и шептали что-то мне на ухо. Я успокоилась от их дружеских объятий и тихого звука их голосов, но из того, что они сказали, не поняла ни слова. Мой ум был где-то не здесь, не со мной. Я могла чувствовать и слышать, но не могла понять смысл того, что чувствую и слышу.

Мариано Аурелиано бросил на меня взгляд и сказал отчетливым голосом, разогнавшим туман у меня в сознании:

– Тебя не надули. Я тебе с самого начала говорил, что отправлю тебя к нему.

– Так вы... – я встряхнула головой, не в силах закончить предложение – до меня наконец стало доходить, что Мариано Аурелиано и был тем человеком, о котором мне столько рассказывал Джо Кортез: Хуаном Матусом, магом, изменившим течение его жизни.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но закрыла его вновь. У меня было такое ощущение, что меня высвободили из собственного тела. В моем сознании не осталось больше места для удивления. И тут я увидела м-ра Флореса, вышедшего из тени. Сообразив, что он и был тем человеком, который провел нас внутрь, я просто потеряла сознание. Придя в себя, я увидела, что лежу на диване. Я чувствовала себя превосходно отдохнувшей и не ощущала никакой тревоги. Желая узнать, как долго я была без сознания, я села и подняла руку, чтобы взглянуть на часы.

– Ты была без сознания ровно две минуты двадцать секунд, – объявил м-р Флорес, уставившись на свое запястье без часов. Он сидел на кожаном пуфике рядом с диваном. В сидячем положении он казался гораздо выше, чем был на самом деле, поскольку ноги у него были короткие, а торс длинный.

– Так скоропостижно упасть в обморок, – сказал он поднимаясь и усаживаясь рядом со мной на диване. – Я искренне сожалею, что мы тебя напугали. – Его желтые янтарные глаза, искрящиеся смехом, опровергали неподдельное беспокойство в тоне его голоса. – Я приношу свои извинения, что не поздоровался с тобой у двери. – На его лице отразилась задумчивость, граничащая с зачарованностью, он потянул меня за косу. – Благодаря тому, что твои волосы были спрятаны под шляпой и этой тяжелой кожаной курткой, я решил, что ты – мальчик.

Я встала на ноги, но мне пришлось ухватиться за диван. Меня все еще немного качало. Я неуверенно оглянулась по сторонам. Женщин в комнате не было, не было и Джо Кортеза. Мариано Аурелиано сидел в одном из кресел, неподвижно глядя прямо перед собой. Возможно, он спал с открытыми глазами.

– Когда я в первый раз увидел, как вы держитесь за руки, – продолжал м-р Флорес, – я уже стал опасаться, что Чарли Спайдер сделался голубым. – Он сказал все это предложение по-английски. Слова он произносил очаровательно, четко и с нескрываемым наслаждением.

– Чарли Спайдер? – я засмеялась над этим именем и над его строгим английским произношением. – Кто он такой?

– Ты не знаешь? – спросил он, в его широко раскрытых глазах было искреннее удивление.

– Нет, не знаю. А я должна знать?

Он почесал затылок, озадаченный моим отрицанием, потом спросил:

– С кем вы держались за руки?

– Карлос держал меня за руку, когда мы переступили порог этой комнаты.

– Ну вот, – сказал м-р Флорес, взирая на меня так, словно я разгадала особенно трудную загадку. Затем, видя, что с моего лица все еще не сходит вопросительное выражение, добавил:

– Карлос Кастанеда – он не только Джо Кортез, он еще и Чарли Спайдер.

– Чарли Спайдер (spider (англ.) – паук), – пробормотала я тихо и задумчиво. – Имя, весьма привлекающее внимание. – Из всех трех имен это, вне всякого сомнения, нравилось мне больше всего. Дело в том, что я питала к паукам исключительно теплые чувства. Они ни капли не пугали меня, даже громадные тропические пауки. В углах моей квартиры всегда были паучьи сети. Каждый раз, убирая, я не могла себя заставить разрушить эти тонкие хитросплетения.

– Почему он зовет себя Чарли Спайдер? – спросила я из любопытства.

– Разные имена для разных ситуаций, – процитировал м-р Флорес, словно это была поговорка. – Все это должен будет объяснить тебе Мариано Аурелиано.

– А Мариано Аурелиано имеет еще и имя Хуан Матус?

М-р Флорес утвердительно кивнул.

– Совершенно верно, имеет, – сказал он, широко и весело улыбаясь. – У него тоже есть разные имена для разных ситуаций.

– А вы сами, м-р Флорес? У вас тоже есть разные имена?

– У меня единственное имя – Флорес. Хенаро Флорес. – В его голосе была игривость. Он наклонился ко мне и вкрадчиво прошептал: – Ты можешь звать меня Хенарито.

Я невольно дернула головой. В нем было что-то такое, отчего он испугал меня даже больше, чем Мариано Аурелиано. На рациональном уровне я не могла решить, что вынуждает меня так чувствовать себя. Внешне м-р Флорес выглядел гораздо более доступным, чем все остальные. Он вел себя по-детски, игриво, беззаботно. И все же я не чувствовала себя с ним легко.

– Причина того, что у меня всего лишь одно имя, – прервал мои раздумья м-р Флорес, – состоит в том, что я не нагваль.

– А кто такой нагваль?

– О, это неизмеримо трудно объяснить. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Объяснить это могут только лишь Мариано Аурелиано или Исидоро Балтасар.

– А кто такой Исидоро Балтасар?

– Исидоро Балтасар – это новый нагваль.

– Не говорите мне больше ничего, пожалуйста, – сказала я раздраженно. Приложив ко лбу руку, я опять уселась на диван. – Вы меня путаете, мистер Флорес, а я все еще чувствую слабость. – Я посмотрела на него умоляюще и спросила: – А где Карлос?

– Чарли Спайдер плетет какой-то паучий сон.

М-р Флорес выдал свое предложение на экстравагантном по произношению английском, затем довольно расхохотался, словно смакуя особо умную шутку. Он весело посмотрел на Мариано Аурелиано – все еще неподвижно глядящего в стену – затем снова на меня, потом опять на своего друга. Он, должно быть, почувствовал, как во мне растет опасение, поскольку беспомощно пожал плечами, покорно поднял руки вверх и сказал:

– Карлос, известный также как Исидоро Балтасар, отправился навещать...

– Он уехал? – Мой вопль заставил Мариано Аурелиано повернуться и посмотреть на меня. От того, что я осталась одна с двумя стариками, я пришла в большее смятение, чем когда узнала, что у Карлоса Кастанеды есть еще одно имя и что он – новый нагваль, что бы это ни значило.

Мариано Аурелиано поднялся со своего места, глубоко прогнулся и, протягивая свою руку, чтобы помочь мне встать, сказал:

– Что может быть более очаровательным и приятным для двух стариков, чем защищать тебя, пока ты не очнешься от своих снов?

Его располагающая улыбка и учтивость былых времен были непреодолимы. Я тут же расслабилась.

– Мне тоже не приходит на ум ничего более очаровательного, – охотно согласилась я и позволила ему отвести меня по коридору в ярко освещенную столовую.

Он подвел меня к овальному столику из красного дерева в дальнем конце комнаты, галантно подал мне стул и подождал, пока я удобно усядусь. Затем заявил, что еще не поздно поужинать и что он сам сходит на кухню, принесет мне что-нибудь вкусненькое. Мое предложение помочь ему было любезно отвергнуто.

М-р Флорес вместо того, чтобы подойти к столу, кубарем прокатился по комнате, рассчитав расстояние с такой точностью, что остановился в нескольких дюймах от стола. Широко улыбаясь, он устроился рядом со мной. На его лице не было никакого следа усилий; он даже не запыхался.

– Невзирая на то, что вы станете отрицать, что вы – акробат, мне кажется, что вы и ваши друзья составляете часть какого-то магического представления, – сказала я.

М-р Флорес вскочил со своего стула, на его лице появилось озорное выражение.

– Ты абсолютно права. Мы составляем часть какого-то магического представления! – воскликнул он и схватил один из двух глиняных кувшинов, стоявших на длинном буфете. Он налил мне чашку горячего шоколада. – Я превращаю его в блюдо, добавив в него кусочек сыра. – Он отрезал мне ломтик сыра

манчего.

Вместе они были превосходны.

Мне захотелось добавки, но он мне ничего не предлагал. Я подумала, что чашки – да и то лишь наполовину полной – недостаточно. Я всегда питала пристрастие к шоколаду и могла съесть огромные его количества безо всяких болезненных последствий. Я была уверена, что если сосредоточусь на своем желании получить еще шоколада, то он будет вынужден налить мне еще одну чашку даже без моей просьбы. В детстве мне удавалось это проделывать, когда мне чего-то до ужаса хотелось.

Я с жадностью взирала, как он вынул еще две чашки и два блюдца из высокого посудного шкафа. Я обратила внимание, что наряду с фарфором, хрусталем и серебром на полках стояли древние глиняные статуэтки доиспанских времен и пластиковые доисторические монстры.

– Это дом ведьм, – сказал м-р Флорес заговорщическим тоном, словно бы объясняя неуместные украшения в посудном шкафу.

– Жен Мариано Аурелиано? – спросила я отважно.

Он не ответил, а жестами предложил обернуться. Прямо за моей спиной стоял Мариано Аурелиано.

– Их самых, – весело сказал он, ставя на стол фарфоровую супницу. – Тех самых ведьм, что сотворили этот восхитительный суп из бычьего хвоста.

Серебряным черпаком он налил мне полную тарелку и порекомендовал добавить в него дольку лайма и ломтик авокадо.

Я так и сделала, истребив все это несколькими глотками. Я съела еще несколько полных тарелок, пока не утолила свой голод, – если не наелась до отвала. Мы долго сидели за столом. Суп из бычьего хвоста подействовал на меня очень успокаивающе. Мне стало легко. Во мне выключилось нечто, обычно раздраженное. Все мое существо, тело и дух, наполнила благодарность, что нет нужды тратить энергию на самозащиту.

Кивая головой, словно молча подтверждая каждую из моих мыслей, Мариано Аурелиано наблюдал за мной довольным пронизательным взглядом.

Я было собиралась обратиться к нему как к Хуану Матусу, но он предвосхитил мое намерение, сказав:

– Хуан Матус я для Исидоро Балтасара. Для тебя я нагваль Мариано Аурелиано.

Улыбаясь, он наклонился ко мне и заговорщическим тоном прошептал:

– Человек, который привез тебя сюда, – новый нагваль, нагваль Исидоро Балтасар. Этим именем ты должна пользоваться в разговоре с ним или о нем.

– Ты не вполне спишь, но и не вполне бодрствуешь, – продолжил объяснять Мариано Аурелиано, – поэтому ты будешь в состоянии понимать и запоминать все, что мы тебе говорим. – Заметив, что я уже готова перебить его, он добавил сурово: – И сегодня ночью тебе не следует задавать глупых вопросов.

Не столько тон его голоса, сколько сила, ему присущая, заставили меня поежиться. Она парализовала мой язык, голова моя, однако, по своей собственной инициативе кивнула, выражая согласие.

– Ты должен испытать ее, – напомнил м-р Флорес своему другу. Ясно различимый зловещий огонек вспыхнул в его глазах, и он добавил: – Или еще лучше, позволь мне самому ее испытать.

Мариано Аурелиано выдержал длинную паузу, взвешивая различные зловещие варианты, и критически осмотрел меня, словно моя внешность могла дать ему ключ к разгадке важного секрета.

Загипнотизированная острым, сверлящим взглядом его глаз, я только и смогла, что моргнуть.

Он задумчиво кивнул, и м-р Флорес спросил меня низким замогильным голосом:

– Ты влюблена в Исидоро Балтасара?

Пропади я пропадом, если я механическим неживым голосом не сказала "да".

М-р Флорес придвинулся ближе, пока наши головы едва не соприкоснулись и шепотом, который дрожал от сдерживаемого смеха, спросил:

– Ты и вправду безумно-безумно влюблена в него?

Я снова сказала "да", и оба они взорвались громким ликующим гоготом. Отзвуки их смеха, скачущие по комнате, как теннисные мячики, в конце концов прервали мое трансоподобное состояние. Я уцепилась за них и освободилась от чар.

– Что это, черт возьми, такое, – крикнула я что есть мочи.

Пораженные, они оба вскочили со своих стульев. Они посмотрели на меня, потом друг на друга и снова разразились смехом, в исступлении забыв обо всем на свете. Чем несдержаннее были мои выпады, тем сильнее становилось их веселье. В их смехе было что-то столь заразительное, что я не смогла удержаться, чтобы не расхохотаться самой.

Как только мы все утихомирились, Мариано Аурелиано и м-р Флорес забросали меня вопросами. Их особенно интересовало, когда и при каких обстоятельствах я встретила с Исидоро Балтасаром. Каждая ничтожно малая деталь приводила их в полный восторг. К тому времени, как я прошла по событиям в четвертый-пятый раз, мой рассказ с каждым разом становился все подробнее и обширнее, стал изобиловать такими деталями, о которых мне и не снилось, что я смогу их вспомнить.

– Исидоро Балтасар видел тебя и вещи в целом, – подвел итог Мариано Аурелиано, когда я в конце концов закончила свои разнообразные отчеты. – Но он видит еще недостаточно хорошо. Он даже не смог понять, что это я послал тебя к нему. – Он посмотрел на меня недобро и тут же поправил себя. – На самом деле не я послал к нему тебя. Это сделал дух. Тем не менее, дух избрал меня в качестве исполнителя его приказа, и я направил тебя к нему, когда ты была наиболее сильна, посреди твоего сновидения-наяву. – Он говорил с легкостью, почти с безразличием, и только глаза его отражали всю важность знания. – Возможно, что сила твоего сновидения-наяву явилась причиной того, что Исидоро Балтасар не понял, кто ты такая, хоть он и видел. Несмотря на то, что дух дал ему об этом знать сразу, при первой встрече с тобой. Появление огней в тумане было окончательным разоблачением тайны. Как глупо, что Исидоро Балтасар не видит очевидного.

Он ухмыльнулся, и я кивнула в знак согласия, сама не зная, с чем соглашаюсь.

– Это тебе демонстрация того, что нет ничего особенного в том, чтобы быть магом, – продолжал он. – Исидоро Балтасар – маг. Быть человеком знания значит нечто другое. На это магам порой приходится тратить целую жизнь.

– А в чем разница? – спросила я.

– Человек знания – лидер, – объяснил он низким, слегка таинственным голосом. – Магам нужны лидеры, чтобы вести нас в и сквозь неизведанное. Лидера можно узнать по его действиям. У лидеров нет

этикетки с ценой, прикрепленной к голове, и это значит, что их не купишь за деньги, не подкупишь взяткой, не выманишь у них ничего лестью и не введешь их в заблуждение.

Он устроился на стуле поудобнее и продолжал говорить о том, что все люди в его группе годами предпринимают усилия, чтобы выискивать и обучать лидеров, с тем, чтобы поглядеть, удовлетворит ли хоть кто-нибудь требованиям.

– И вы нашли кого-нибудь?

– Нескольких, – ответил он. – Те, кого мы нашли, могли стать нагвалями. – Он прижал свой палец к моим губам и прибавил: – Так что нагвали – это естественные лидеры, они – люди потрясающей энергии, которые становятся магами, добавив к своему репертуару еще одну вещь: неведомое. Если эти маги преуспеют в том, чтобы стать людьми знания, то практически нет пределов тому, что они могут делать.

– Может ли женщина...

Он не дал мне закончить.

– Женщина, как ты однажды поймешь, способна на бесконечно более сложные вещи, чем это, – заявил он.

– Напомнил ли тебе Исидоро Балтасар кого-либо, с кем ты встречалась ранее? – вмешался м-р Флорес.

– Ну, – начала я экспансивно, – я чувствовала себя с ним вполне свободно. Так, словно знала его всю жизнь. Он напомнил мне, возможно, кого-то из моего детства, забытого друга детства, может быть.

– Итак, ты действительно не помнишь, что встречалась с ним раньше? – не унимался м-р Флорес.

– Вы имеете в виду в доме Эсперансы? – спросила я, сгорая от любопытства узнать, не видела ли я его там, а теперь просто забыла.

Он разочарованно покачал головой. Затем, очевидно, уже не заинтересованный в моем ответе, он продолжил, спрашивая, не видела ли я кого-то, кто бы махал нам рукой по пути сюда.

– Нет, – ответила я. – Я не видела никого, кто бы нам махал.

– Подумай лучше, – настаивал он.

Я рассказала им двоим, что после Юмы, вместо того, чтобы отправиться на восток, к Ногалесу, на автостраду номер 8 – наиболее логичный маршрут – Исидоро Балтасар направился на юг, в Мексику, затем на восток через Эль Гранд Дезьерто, затем на север, снова в Соединенные Штаты через Сонойту к Айо в штате Аризона, и вернулся в Мексику, в Каборку, где у нас был совершенно восхитительный ланч из говяжьего языка с соусом из зеленого перца.

– Усевшись в автомобиль с набитым животом, я едва ли смотрела в дороге по сторонам, – продолжала я. – Я знаю, что мы проезжали через Санта Ана, а затем направились на север к Кананса, а потом снова на юг. Если спросите, что это было, – я отвечу, что суцая кутерьма.

– Не сможешь ли ты вспомнить, видела ли кого-либо на дороге, – настаивал м-р Флорес. – Кого-нибудь, кто махал бы вам рукой.

Я плотно сомкнула веки, пытаясь представить себе того, кто махал нам. Но впечатления от поездки состояли из рассказов, песен, физической усталости. Но затем, когда я уже было собиралась открыть глаза, передо мной мелькнул облик человека. Я рассказала им, что туманно припоминаю, что это был юноша, стоявший на окраине одного из лежавших на нашем пути городов, который, как мне показалось, пытался поймать машину.

– Он, возможно, махал нам, – сказала я. – Но я не уверена в этом.

Оба они хихикнули, словно дети, которые с трудом удерживаются, чтобы не выдать тайну.

– Исидоро Балтасар не слишком-то был уверен в том, что найдет нас, – с весельем в голосе признался Мариано Аурелиано. – Вот почему он следовал по такому странному маршруту. Он двигался по пути магов, по следу койота.

– Почему он не был уверен, что найдет вас?

– Я не знаю, нашел бы он нас, когда б не молодой человек, помахавший ему, – объяснил Мариано Аурелиано. – Тот молодой человек был связным из другого мира. То, что он помахал рукой, означало, что все идет как надо и можно продолжать в том же духе. Исидоро Балтасар мог достоверно узнать тогда, кто ты есть на самом деле, но он слишком похож на тебя в том, что крайне предусмотрителен, а когда не предусмотрителен, то крайне опрометчив, – он на минуту умолк, дав возможность воспринять сказанное им, и многозначительно добавил:

– Болтаться между двумя этими крайностями – верный способ что-то упустить. Предусмотрительность ослепляет так же, как и опрометчивость.

– Я не вижу во всем этом логики, – устало промямлила я.

Мариано Аурелиано попытался внести ясность:

– Всякий раз, когда Исидоро Балтасар приводит гостя, он должен быть внимателен к сигналу связанного перед тем, как станет продолжать свой путь.

– Однажды он привел девушку, в которую был влюблен, – съехидничал м-р Флорес, закрывая глаза, как бы перенося девушку из собственной памяти. – Высокая, темноволосая девушка. Сильная девушка. Длинноногая. Миловидная. Он извездил весь Калифорнийский залив, но связанной так его дальше и не пропустил.

– Вы хотите сказать, что он приводит своих девушек? – спросила я с болезненным любопытством. – И скольких он уже привел?

– Совсем немного, – чистосердечно признался м-р Флорес. – Он поступал так, конечно же, по собственной воле. Но твой случай – совсем другое, – подчеркнул он. – Ты – не его девушка; ты просто вернулась назад. Исидоро Балтасар едва не рехнулся, когда обнаружил, что так по-глупому не заметил знаков духа. Он всего лишь твой шофер. Мы ждали тебя.

– А что бы произошло, если бы связного (sentry) там не было?

– То же, что случается всегда, когда Исидоро Балтасар появляется в чьем-то сопровождении, – ответил Мариано Аурелиано. – Он не смог бы нас найти, поскольку ему не придется выбирать – кого приводить в мир магов. – Его голос был удивительно мягким, когда он добавил: – Только те, на кого указал дух, смогут постучаться в наши двери, после чего они идут к нему с помощью одного из нас.

Я собиралась прервать его, но тут, вспомнив о его предостережении – не задавать дурацких вопросов, быстро зажала рукой рот.

Оценив это и усмехнувшись, Мариано Аурелиано продолжил рассказывать о том, что в моем случае в их мир меня привела Делия.

– Она, так сказать, одна из двух колонн, предвещающих наши двери. Второй является Клара. Ты скоро увидишься с ней.

Его глаза и голос были полны искреннего восторга, когда он снова заговорил:

– Делия пересекла границу затем, чтобы привести тебя домой. Граница – реально существующий факт, но маги используют его как символ. Тебя, находящуюся по другую сторону, должны были привести сюда, на эту сторону. По ту сторону находится повседневный мир, здесь, по эту сторону, – мир магов.

– Делия незаметно вовлекла тебя, – по-настоящему профессионально. Это было безупречным маневром, который ты с течением времени будешь осознавать все лучше и лучше.

Мариано Аурелиано приподнялся из своего кресла и потянулся к буфету за фарфоровой чашей, в которой был компот. Он поставил ее передо мной.

– Давай ешь. Они бесподобны.

Восторженным взглядом я посмотрела на мягкие сушеные абрикосы, находившиеся в чаше с ручной росписью, и попробовала одну из них. Они были более чем прелестны. Я положила в рот еще три.

Мистер Флорес подмигнул мне.

– Вперед, – призвал он меня. – Уложи в рот их все, прежде чем мы унесем посуду.

Я покраснела и попыталась попросить прощения со ртом, набитым абрикосами.

– Не извиняйся! – воскликнул Мариано Аурелиано. – Будь сама собой, но сама собой с головой. Если ты желаешь прикончить абрикосы, то прикончи их, и все. Чего тебе никогда не следует делать – это расправиться с абрикосами, а потом об этом сожалеть.

– Хорошо, я их прикончу, – сказала я.

И это вызвало у них смех.

– Знаешь ли ты, что встречалась с Исидоро Балтасаром в прошлом году? – спросил мистер Флорес.

Наклонившись вместе с креслом, он держался в нем так непрочно, что я стала опасаться, как бы он не упал назад и не врезался в посудный шкаф. Вспышка озорства появилась в его глазах, когда он начал напевать себе под нос хорошо известную песню "Девушка на ранчо". Вместо слов, которые были в ней, он вставил куплет, рассказывающий историю Исидоро Балтасара, известного повара из Тусона. Повара, который никогда не терял своего хладнокровия, даже тогда, когда его обвинили в том, что он кладет в свою стряпню дохлых тараканов.

– А! – воскликнула я. – Повар! Поваром в кофейне был Исидоро Балтасар! Но этого не может быть, – пробормотала я. – Не думаю, чтобы он... – я остановилась на полуслове.

Я продолжала смотреть на Мариано Аурелиано в надежде, что его лицо, этот орлиный нос, эти сверлящие глаза что-то мне откроют. Я непроизвольно поежилась, словно меня вдруг обдало холодом. В его холодных глазах было что-то яростное.

– Да? – подсказал он мне. – Ты не думаешь, чтобы он... – движением головы он показал, что ждет, чтобы я закончила фразу.

Я собиралась сказать, весьма бессвязно, что не думаю, чтобы Исидоро Балтасар стал так бессовестно мне лгать. Однако заставить себя сказать это я не смогла.

Взгляд Мариано Аурелиано стал еще жестче, но я была слишком выведена из равновесия, мне было чересчур обидно за себя, чтобы испугаться.

– Итак, меня все-таки обманули, – наконец выпалила я, сердито на него глядя. – Исидоро Балтасар все время знал, кто я такая. Все это игра.

– Все это игра, – легко согласился Мариано Аурелиано. – Однако удивительная игра. Единственная игра, в которую стоит играть. – Он замолчал, словно хотел дать мне время еще выразить свое недовольство. Но прежде чем я успела этим воспользоваться, он напомнил мне о парике, который он надел мне на голову. – Если ты не узнала Исидоро Балтасара, который не был переодет, то почему ты думаешь, что он узнал тебя, черноволосую, с короткой кудрявой стрижкой?

Мариано Аурелиано продолжал смотреть на меня. Его взгляд утратил свою жесткость, теперь в его глазах было грустное усталое выражение.

– Тебя не обманули. Тебя даже не соблазнили. Не то чтобы я на это не пошел, если бы считал необходимым, – заметил он светлым мягким тоном. – Я с самого начала говорил тебе, что есть что. Ты

была свидетелем событий огромной важности, но все еще их не заметила. Как и большинство людей, ты связываешь магию с причудливым поведением, ритуалами, зельями, заклинаниями.

Он наклонился ближе и, понизив голос буквально до шепота, добавил, что настоящая магия состоит в тонком и умелом управлении восприятием.

– Настоящая магия, – вставил м-р Флорес, – не приемлет человеческого вмешательства.

– Но м-р Аурелиано утверждал, что он отправил меня к Исидоро Балтасару, – заметила я с ребяческой несдержанностью. – Разве это не вмешательство?

– Я – нагваль, – просто сказал Мариано Аурелиано. – Я – нагваль Мариано Аурелиано, и тот факт, что я – нагваль, позволяет мне управлять восприятием.

Я выслушала его слова с особым вниманием, но у меня не было ни малейшего понятия о том, что он имеет в виду под управлением восприятием. Чисто из нервозности, я потянулась за последним сушеным абрикосом, лежавшим на тарелке.

– Ты заболеешь, – сказал м-р Флорес. – Ты такая крошечная, и у тебя такая боль в... глазах.

Мариано Аурелиано подошел и встал позади меня, затем нажал на мою спину таким образом, что я закашлялась и выплюнула последний абрикос, который был у меня во рту.

Глава 8

С этого момента последовательность событий, как я ее помню, смазывается. Я не знаю, что произошло потом. Возможно, я уснула, не отдавая себе в этом отчета, или, может быть, давление, которое Мариано Аурелиано оказал на мою спину, было столь велико, что я потеряла сознание.

Когда я пришла в чувство, я обнаружила, что лежу на циновке на полу. Я открыла глаза и мгновенно ощутила вокруг себя интенсивное сияние. Казалось, что комнату наполнял солнечный свет. Я несколько раз моргнула, проверяя, не случилось ли чего с моими глазами. Я не могла их сфокусировать.

– М-р Аурелиано! – позвала я. – Мне кажется, что с моими глазами что-то не так.

Я попыталась сесть, но не смогла.

Рядом со мной не было ни м-ра Аурелиано, ни м-ра Флореса; здесь была женщина. Она наклонилась надо мной, затмевая собой свет. Ее черные волосы, свободно разбросанные по сторонам, ниспадали на плечи, у нее было круглое лицо и импозантный бюст. Я опять попыталась приподняться и сесть. Она не прикасалась ко мне, однако я знала, что каким-то образом она меня удерживает.

– Не называй его м-ром Аурелиано, – сказала она. – И Мариано тоже. Это непочтительно с твоей стороны. Называй его нагваль, а когда говоришь о нем, говори – нагваль Мариано Аурелиано. Ему нравится его полное имя.

Ее голос звучал мелодично. Она мне понравилась.

Я чувствовала себя несмышленной собачонкой. Мне хотелось расспросить ее обо всем этом вздоре насчет непочтительности. Я слышала, как Делия и прочие женщины называли его и более нелепыми уменьшительными именами и суетились вокруг него, словно он был их любимой куклой. Он, конечно же, наслаждался каждой из подобных минут. Но я не могла вспомнить, где и когда присутствовала при этом.

– Ты понимаешь? – спросила женщина.

Я хотела было ответить "да", но у меня пропал голос. Безрезультатно я пыталась открыть рот и сказать хоть что-нибудь. Когда она настойчиво потребовала ответить, понимаю ли я ее, я смогла только кивнуть головой.

Женщина предложила мне руку, чтобы помочь подняться. Прежде чем она прикоснулась ко мне, я уже оторвалась от пола, словно мое желание встать заменило реальный контакт с ее рукой и привело меня в сидячее положение еще до того, как это сделала она.

В полном изумлении от происшедшего, я хотела спросить ее об этом, но мне едва удавалось вертикально держать спину. Что же касается речи, то слова попросту отказывались выходить из моего рта наружу.

Она несколько раз провела рукой по моим волосам. Ей, очевидно, было известно все о моем состоянии. Она доброжелательно улыбнулась и сказала:

– Ты сновидишь.

Я не услышала, как она это сказала, но поняла, что слова движутся из ее сознания прямо в мое. Она кивнула и объяснила мне, что и в самом деле я могу слышать ее мысли, а она – мои. Она убедила меня, что является чем-то вроде плода моего воображения, однако может взаимодействовать со мной и влиять на меня.

– Обрати внимание! – велела она мне. – Я не шевелю губами и по-прежнему разговариваю с тобой. Делай то же самое.

Ее губы совершенно не шевелились. Желая знать, смогу ли я уловить движения ее губ, когда она безмолвно произносит слова, я хотела прижать свои пальцы к ее рту. Выглядела она действительно милостивой, хотя и угрожающей. Она потянулась за моей рукой и коснулась ею своих улыбающихся губ. Я не почувствовала ничего.

– А как я могу разговаривать, не шевеля губами? – спросила я.

– У тебя между ног есть отверстие, – сказала она прямо в мое сознание. – Сфокусируй на нем свое внимание. И кошечка замурлычет.

Это замечание отозвалось во мне целым аккордом смеха. Я хохотала так сильно, что у меня перехватило дух и потемнело в глазах.

Она привела меня в чувство. Я находилась все на той же циновке, на полу, но лежала, облокотившись на толстую подушку. Я часто моргала глазами и дрожала, затем, сделав глубокий вдох, посмотрела на нее. Она сидела на полу рядом со мной.

– Я не подвержена обморокам, – сказала я и удивилась тому, что могу произносить слова. Тон моего собственного голоса был таким уверенным, что я громко рассмеялась и повторила это же предложение несколько раз.

– Я знаю, знаю, – успокоила она меня. – Не волнуйся, но так или иначе, ты не совсем еще проснулась. Меня зовут Клара. Мы уже встречались в доме у Эсперансы.

Я намеревалась возразить или спросить ее, что все это значит. Вместо этого я, ни минуты не сомневаясь, решила, что все еще вижу сон и что мы встречались в доме у Эсперансы.

В моей голове медленно стали всплывать воспоминания, туманные мысли. Образы людей, мест. Отчетливая мысль возникла в моем сознании: однажды мне снилось, что я встречала ее. Это был сон. Однако я никогда не думала о нем в терминах реальных событий. К моменту, когда я вышла на такое понимание, я вспомнила Клару.

– Разумеется, мы встречались, – заявила я с триумфальным видом. – Но мы встречались во сне, поэтому ты нереальна. Сейчас я, очевидно все же сплю, и поэтому помню тебя.

Я вздохнула, довольная, что все это можно так просто объяснить, и плюхнулась на толстую подушку. Другое отчетливое воспоминание всплыло в моем мозгу. Я не могла точно указать, когда именно видела этот сон, но помнила его так же ясно, как и события, происходившие в действительности. В этом сне Делия познакомила меня с Klarой. Она охарактеризовала Klarу как наиболее общительную из женщин-сновидящих.

– У нее и в самом деле полно обожающих ее друзей, – сообщила мне Делия.

Kлара из того сна была очень высокой, сильной и довольно полной. Она наблюдала за мной с такой дотошностью, словно я была представительницей неизвестного биологического вида, наблюдала с вниманием в глазах и нервной улыбкой. И все же, несмотря на то, что она так требовательно меня изучала, она мне безмерно понравилась. У нее были задумчивые, улыбочивые зеленые глаза. Больше всего из этого рьяного наблюдения мне запомнилось то, что она смотрела на меня немигающим взглядом кошки.

– Я знаю, что это всего лишь сон, Клара, – повторила я, словно мне нужно было убедить саму себя.

– Нет. Это не просто сон, это особенный сон, – настойчиво возразила мне Клара. – Ты не права, что относишься к подобным мыслям, как к игрушкам. Мысли обладают силой, будь с ними осторожна.

– Клара, ты не настоящая, – настаивала я натянутым высоким тоном. – Ты – сон. Вот почему я не смогу тебя вспомнить после того, как проснусь.

Мое непробиваемое упорство привело к тому, что Клара стала посмеиваться.

– Ты никогда не пыталась вспомнить меня, – объяснила она наконец. – Для этого не было повода, не было причины. Мы, женщины, практичны до невозможности. Это – то ли наш большой недостаток, то ли великое благо.

Я уже собиралась было спросить, какова практическая сторона того, что я помню ее сейчас, но она предвосхитила мой вопрос.

– Поскольку я стою перед тобой, тебе приходится помнить меня. И ты помнишь. – Она наклонилась ниже и, остановив на мне свой кошачий взгляд, добавила: – И больше ты меня не забудешь. Маги, обучавшие меня, рассказали мне, что женщине всякое новшество нужно иметь в двух ипостасях, чтобы его закрепить. Два взгляда на что-либо, два прочтения, два испуга и т.п. Мы с тобой виделись уже дважды. И теперь я закреплена и реальна.

Чтобы доказать свою подлинность, она подтянула вверх рукава блузы и напрягла бицепсы:

– Прикоснись к ним, – предложила она мне. Хихикая, я прикоснулась. У нее и вправду были сильные, отчетливо обозначенные бицепсы. Они оказались такими же реальными, как и все вокруг. Кроме того, она коснулась моей рукой своих бедер и икр.

– Если это – особый сон, – спросила я осторожно, то что я делаю в этом сне?

– Все, что твоей душе угодно, – ответила она. – До сих пор ты справлялась с этим отлично. Однако я не могу вести тебя, поскольку не являюсь твоим учителем сновидения (dreaming teacher). Я – просто толстая ведьма, которая в действительности заботится о других ведьмах. Это моя напарница, Делия, вытащила тебя в мир магов, точно как повивальная бабка. Но она – не та, что нашла тебя. Нашла тебя Флоринда.

– Кто такая Флоринда? – засмеялась я произвольно. – И когда она нашла меня?

– Флоринда – это еще одна ведьма, – сказала Клара без особого выражения и тоже расхохоталась. – Ты встречала ее. Она взяла тебя в свой сон в доме Эсперансы. Ты помнишь о пикнике?

– А-а, – вздохнула я понимающе. – Ты имеешь в виду высокую женщину с сиплым голосом? – Меня наполнило благоговение. Я всегда любовалась высокими женщинами.

– Высокая женщина с сиплым голосом, – подтвердила Клара. – Она нашла тебя пару лет назад на приеме, где ты была в сопровождении своего друга. Шикарный обед в Хьюстоне, штат Техас, в доме нефтепромышленника.

– Что ведьме делать на приеме у нефтепромышленника? – спросила я.

Затем смысл ее слов дошел до меня. Я онемела. Хотя я и не вспомнила, видела ли Флоринду, сам прием, конечно же, всплыл в моей памяти. Я приехала туда со своим другом, прилетевшем на собственном самолете из Лос-Анжелеса исключительно ради приема и собиравшемся улететь обратно на следующий день. Я была его переводчиком. На этом приеме присутствовали несколько мексиканских бизнесменов, не знавших английского.

– Боже! – воскликнула я. – Что за таинственный поворот событий!

Я подробно описала Кларе прием. Я была в Техасе впервые. Словно поклонница, увидевшая кинозвезду, я бросала на мужчин любопытные взгляды, но не потому, что они были красивы, а потому, что они выглядели так необычно в своих стетсоновских шляпах, костюмах пастельных тонов и ковбойских ботинках. Для развлечения гостей нефтепромышленник пригласил актеров. В гротоподобном здании ночного клуба, специально выстроенном для этого случая, они поставили варьете-шоу, достойное Лас Вегаса. Клуб буквально разрывался от музыки и мигания ярких огней. И еда там была превосходной.

– Но зачем Флоринде понадобилось посетить такой прием? – спросила я.

– Мир магов – самая странная вещь, которая только бывает на свете, – сказала Клара вместо ответа.

Она, словно акробат, вскочила из позиции сидя на ноги без помощи рук. Затем принялась ходить по комнате туда-сюда мимо моей циновки. Во весь рост она смотрелась внушительно – темная юбка, хлопчатобумажный ковбойский жакет, красочно отделанный на спине вышивкой, высокие ковбойские сапоги. Австралийская шляпа, низко надвинутая на брови, словно для защиты от полуденного солнца, представляла собой последний штрих к ее эксцентричному, диковинному внешнему виду.

– Как тебе моя экипировка? – спросила она, остановившись передо мной. Ее лицо сияло.

– Великолепно, – вырвалось у меня. У нее определенно был талант и уверенность, чтобы носить какой угодно костюм. – В самом деле, что надо!

Она опустила на колени на циновку рядом со мной и заговорщицки прошептала:

– Делия ходит зеленая от зависти. Мы всегда соревнуемся в необычности своих нарядов. Они должны быть сногшибательными, но не дурацкими. – Она на мгновение замолчала, ее глаза изучающе смотрели на меня. – Ты тоже можешь посоревноваться, – предложила она. – Хочешь присоединиться к нам в нашей игре?

Я решительно кивнула, и она принялась рассказывать мне правила.

– Оригинальность, практичность, дешевизна и отсутствие собственной важности, – громко выпалила она. Затем поднялась и еще несколько раз прокружилась по комнате. Смеясь, она рухнула позади меня и сказала:

– Флоринда считает, что я должна вовлечь тебя в игру. Она говорит, что обнаружила на том приеме, что у тебя есть чутье на исключительно практичные наряды.

Она едва закончила предложение; ее обуял приступ безудержного хохота.

– Флоринда разговаривала там со мной? – спросила я и украдкой пристально посмотрела на нее, пытаюсь уловить, не расскажет ли она мне то, что я упустила в своем рассказе, – информацию, которую сама бы я не сообщила.

Клара покачала головой, затем наградила меня отвлеченной улыбкой, означавшей, что дальнейшие расспросы о приеме отменяются.

– Как получилось, что Делия оказалась на крестинах в Ногалесе, штат Аризона? – спросила я, переводя разговор на события другого приема.

– Ее туда отправила Флоринда, – призналась Клара, пряча свои растрепанные волосы под австралийскую шляпу. – Она шокировала всех посетителей приема, сообщив всем, что пришла с тобой.

– Постой-ка! – перебила я ее. – Это не сон. Что ты пытаешься со мной делать?

– Я стараюсь учить тебя, – настойчиво ответила Клара в том же неизменном беспристрастном духе. Ее голос звучал ровно, почти небрежно. Казалось, ее не интересует, какой эффект производит на меня ее слова. Внимательно, однако, за мной наблюдая, она добавила:

– Это сон, и мы, конечно же, разговариваем в твоём сне, потому что и я тоже сновиджу твой сон.

То, что ее замысловатых фраз оказалось достаточно, чтобы меня успокоить, как раз и доказывало, что я сплю. Мой ум успокоился, стал сонным и способным принять ситуацию как есть. Я услышала, как говорю, и голос мой вылетал, не управляемый волей:

– Флоринда никак не могла знать о моей поездке в Ногалес, – сказала я. – Я приняла приглашение своей подруги под влиянием момента.

– Я знала, что это покажется тебе невообразимым, – вздохнула Клара. Затем, глядя мне в глаза и тщательно взвешивая свои слова, она заявила: – Флоринда – твоя мать, более чем какая бы то ни было другая мать, которая у тебя была.

Я сочла ее утверждение абсурдным, однако не смогла вымолвить ни слова.

– Флоринда чувствует тебя, – продолжала Клара. С дьявольским огоньком в глазах она добавила: – Она использует устройство наведения. Ей всегда известно, где ты находишься.

– Что за устройство наведения? – спросила я, внезапно ощутив, что мой ум снова полностью владеет ситуацией. Мысль о том, что кто-то всегда знает, что я собираюсь делать, наполнила меня страхом.

– Устройством наведения являются ее чувства к тебе, – ответила Клара с очаровательной простотой и таким мягким, полным гармонии тоном, что это лишило меня всяческих опасений.

– Какие чувства ко мне, Клара?

– Кто знает, детка, – ответила она задумчиво. Она поджала под себя ноги, обхватила их руками и положила подбородок на колени. – У меня никогда не было такой дочери.

Мое настроение резко изменилось, беспечность опять сменилась опасениями. Я принялась рационально, все тщательно обдумывая – таков был мой стиль, – выискивать тонкий подтекст в том, что сказала Клара. И как раз эти рациональные рассуждения снова разбудили мои сомнения. Не может быть, чтобы это был сон. Я не сплю. Моя сосредоточенность слишком сильна, чтобы это могло быть иначе.

Соскальзывая с подушки, подпирившей мою спину, я полуприкрыла глаза. Сквозь ресницы я продолжала следить за Кларой, желая знать, растает ли она постепенно, так же, как тают во снах люди и пейзажи. Она не исчезла. Я тотчас же опять обрела уверенность, что не сплю, и что то же самое касается Клары.

– Нет, неправда, что мы не спим, – возразила она, опять вторгаясь в мои мысли.

– Я могу разговаривать, – заявила я, обосновывая тем самым то, что нахожусь в полном сознании.

– Тоже мне, подумаешь! – хихикнула Клара. – Вот теперь я сделаю нечто, что тебя разбудит, так что ты сможешь продолжать разговор уже по-настоящему проснувшись. – Она вымолвила последнее слово с особой тщательностью, как-то чересчур его растянув.

– погоди, погоди, Клара, – взмолилась я. – Дай мне время привыкнуть ко всему этому. – Я предпочитала относиться с недоверием к тому, что она собиралась со мной сделать.

Не реагируя на мою просьбу, Клара приподнялась и потянулась за кувшином с водой, стоявшим на низком столике рядом. Все еще хихикая, она нависла надо мной, держа кувшин над моей головой. Я попыталась откатиться в сторону, но у меня ничего не получилось. Мое тело не подчинялось мне, впечатление было такое, что оно приклеилось к циновке. Еще до того, как она в самом деле вылила на меня воду, я почувствовала на своем лице холодные легкие брызги. Скорее прохлада, а не влага, произвела на меня наиболее специфическое воздействие. Сперва она размыла маячившее надо мной лицо Клары, подобно тому, как рябь искажает поверхность воды; затем прохлада сконцентрировалась в области моего желудка и втянула меня вовнутрь, словно рукав, который выворачивают наизнанку. Моей последней мыслью было то, что я сейчас утону в кувшине с водой. Пузырьки темноты один за другим кружились надо мной до тех пор, пока все не стало черным.

Когда я пришла в себя, то уже лежала не на циновке, а на диване в общей комнате. Две женщины, стоявшие в футе от дивана, смотрели на меня широко раскрытыми, полными любопытства глазами. Флоринда, высокая седовласая женщина с хриплым голосом, сидела рядом со мной, мурлыча себе под нос старую колыбельную – или мне так только казалось, – и с удивительной нежностью гладила меня по голове, по лицу, ласкала руки.

Эти прикосновения и звук ее голоса завладели мной. Я просто лежала там, неотрывно глядя на нее немигающим взглядом. Я была уверена, что вижу один из тех ярких снов, которые всегда начинались как обычные сны, а заканчивались кошмаром. Флоринда разговаривала со мной. Она велела мне посмотреть ей в глаза. Ее слова летели беззвучно, словно крылья бабочки. Но все, что я видела в ее глазах, наполняло меня знакомым ощущением – жалкого, иррационального страха, который охватывал меня в ночных кошмарах. Я вскочила и бросилась прямо к двери. Это была автоматическая, животная реакция, которая всегда сопровождала мои кошмары.

– Не пугайся, моя дорогая, – сказала высокая женщина, последовав за мной. – Расслабься. Все мы здесь для того, чтобы помочь тебе. Не стоит так расстраиваться. Ты нанесешь вред своему маленькому телу, подвергая его ненужному страху.

Я остановилась у двери, но не потому, что она уговорила меня остановиться, а потому, что мне не удавалось открыть эту проклятую дверь. Я в испуге трясла ее, дверь не поддавалась. Высокая женщина стояла позади меня. Моя дрожь усилилась. Я трясла дверь с такой силой, что мое тело болело, сердце билось так громко и так неровно, что казалось, оно выскочит наружу, разорвав грудную клетку.

– Нагваль! – воскликнула высокая женщина, поворачивая голову назад. – Ты бы сделал что-нибудь. Она сейчас умрет от страха.

Я не увидела того, к кому она обращалась, но в своих неистовых попытках отыскать выход заметила дверь в другом конце комнаты. Я была уверена, что во мне еще хватит энергии, чтобы ринуться к ней, но ноги отказали мне. И, словно жизнь уже покинула мое тело, я мешком рухнула на пол. Длинные руки

женщины, словно крылья орла, подхватили меня. Удерживая меня, она прижала свои губы к моим и вдохнула в меня воздух.

Постепенно мое тело расслабилось, сердцебиение вернулось к норме. Я наполнилась странным умиротворением, которое быстро сменилось диким возбуждением. Но не страх вызвал это возбуждение, а ее дыхание. Оно было горячим, оно обжигало мне горло, легкие, желудок, пах, разливаясь по всему телу вплоть до рук и ног. И вдруг, в один момент, я поняла, что она в точности такая же, как я, только выше, такого роста, какого мне всегда хотелось быть. Меня охватила такая любовь к ней, что я сделала нечто из ряда вон выходящее – страстно поцеловала ее.

Я почувствовала, как ее губы расплылись в широкой улыбке. Затем она, запрокинув назад голову, засмеялась.

– Этот маленький несмышлениш меня поцеловал, – сказала она, поворачиваясь к остальным.

– Все это мне снится! – воскликнула я, и они залились по-детски непринужденным смехом.

Сперва я не смогла удержаться и тоже стала смеяться. Однако в отдельные моменты я была такой как обычно – смущенной своими импульсивными действиями и обозленной, что меня поймали на горячем.

Высокая женщина обняла меня.

– Я – Флоринда, – произнесла она, затем взяла меня на руки и принялась качать, словно я была младенцем. – Ты и я – одно и то же, – продолжала она. – Ты как раз такая маленькая, какой бы мне хотелось быть. Быть высокой – это большой недостаток. Даже покачать тебя никто не может. Мой рост – пять футов и десять дюймов.

– А мой – пять и два, – призналась я, и мы обе рассмеялись, поскольку понимали друг друга до тонкостей. Вообще-то мой рост слегка не дотягивал до отметки "два", но я всегда округляла его в большую сторону. Я была уверена, что Флоринда скорее ростом пять и одиннадцать, но округляет вниз, до десяти. Я поцеловала ее в глаза и щеки. Я любила ее непостижимой для себя любовью; в этом чувстве не было места ни сомнениям, ни страхам, ни ожиданиям. Той любовью, которая бывает только во снах.

Видимо, от ощущения полного единодушия со мной, Флоринда тихо засмеялась. Неуловимый свет ее глаз, таинственная белизна волос были словно забытые воспоминания. Казалось, что я знала ее с первого дня своей жизни. Мне пришло в голову, что дети, которые любят своих матерей, отдаются этому чувству сполна. Дочерняя любовь, дополненная восторгом по отношению к материнскому существу, должна выливаться в ощущение полной любви, такой любви, какая была у меня к этой высокой загадочной женщине.

Она опустила меня, поставив на пол. – Это Кармела, – сказала она, обращая мое внимание на красивую темноволосяную и темноглазую женщину. Ее черты были тонки и изящны, а кожа обладала безупречной гладкостью. Ее спокойное лицо было кремово-бледным, как у людей, подолгу не выходящих из дому.

– Я принимаю только лунные ванны, – шепнула она мне на ухо, обнимая меня. – Тебе следует поступать точно так же. Ты слишком прекрасна, чтобы подставлять себя солнцу, – этим ты разрушаешь свою кожу.

Я узнала ее по голосу больше, чем по всему остальному. Она была той самой женщиной, которая на пикнике задавала мне прямые вопросы личного характера. Я запомнила ее сидящей; она выглядела миниатюрной и хрупкой. К моему удивлению, она оказалась на три-четыре дюйма выше меня. Ее сильное мускулистое тело заставило меня почувствовать себя ничтожной по сравнению с ней.

Изящно обняв меня за плечи, Флоринда подвела меня ко второй женщине, которая стояла у дивана, когда я проснулась. Она была мускулиста и высока, но не настолько, как Флоринда. Она не была красивой в общепринятом смысле – для этого черты ее лица были слишком мужественны, – но в ней было нечто поразительное, совершенно прелестное, даже легкий пушок, расплывчатой тенью лежащий над верхней губой, обесцветить или выщипать который она, судя по всему, себя не утруждала.

Я ощущала ее громадную силу, ее возбуждение, которое она полностью держала под контролем, но которое все-таки было.

– Это Зойла, – сообщила мне Флоринда.

Зойла не пошевелилась ни чтобы пожать мне руку, ни чтобы обнять меня. Кармела засмеялась и сказала за нее:

– Я так рада снова видеть тебя.

Рот Зойлы очертила очаровательнейшая из улыбок, обнажившая белоснежные, крупные, ровные зубы. Ее длинная изящная рука, мерцающая драгоценными камнями колец, погладила меня по щеке, и я отчетливо поняла, что она та, чье лицо было скрыто за массой тонких волос. Это была женщина, украсившая бельгийскими кружевами холщовую скатерть, за которой мы сидели во время пикника.

Три женщины окружили меня и усадили на диван.

– В первый раз мы встречались с тобой в твоем сне, – обратилась ко мне Флоринда. – Поэтому у нас реально не было времени пообщаться. Но сейчас ты не спишь, поэтому расскажи нам о себе.

Я уже было приготовилась прервать ее и сказать, что сплю и что во время пикника, спала я там или нет, я уже рассказала им о себе все, что обо мне стоит знать.

– Нет, нет. Ты не права, – сказала Флоринда, так, будто я громко произнесла свои мысли вслух. – Ты сейчас полностью пробудилась. И нам хотелось бы узнать о том, что было с тобой со времени нашей последней встречи. Расскажи нам в частности об Исидоро Балтасаре.

– По-твоему, это – не сон? – спросила я нерешительно.

– Нет, это не сон, – заверила меня она. – Ты спала еще несколько минут назад, но это другое.

– Я не вижу разницы.

– Дело в том, что ты – прекрасная сновидящая. Твои кошмары – реальны. Ты сама говорила об этом.

Все мое тело напряглось. И затем, словно зная, что нового приступа страха ему не вынести, оно сдалось. На миг тело отказало мне. Я повторила им все то, что до того в нескольких версиях рассказывала Мариано Аурелиано и м-ру Флоресу. На этот раз, правда, мне вспомнились такие подробности, которые все равно ускользнули от меня раньше, например, две стороны лица Исидоро Балтасара, два одновременно присутствовавших в нем настроения, которые элементарно выдавали его глаза. Левая из них была зловещей, угрожающей, правая – дружеской, открытой.

– Он – опасный человек, – заявила я, увлеченная своими наблюдениями. – Он обладает исключительной силой изменять события в желаемом для себя направлении, оставаясь при этом в тени и наблюдая за тем, как ты корчишься в судорогах.

Женщины были увлечены тем, что я говорю. Флоринда знаком попросила меня продолжать.

– Что делает людей уязвимыми по отношению к его чарам – так это его великодушие, – продолжала я. – И великодушие, возможно, единственное качество, перед которым никто из нас не может устоять, потому что мы, независимо от своего происхождения, никому не принадлежим. – Осознав, что я говорю, я резко замолчала и ошеломленно посмотрела на женщин.

– Не знаю, что это нашло на меня, – пробормотала я в попытке найти себе оправдание. – Я и вправду не знаю, почему я так сказала, поскольку никогда не думала об Исидоро Балтасаре именно так. Это говорила не я. Я даже не способна судить так о ком-либо.

– Детка, никогда не задумывайся, откуда у тебя эти мысли, – сказала Флоринда. – Очевидно, ты погрузилась прямо в источник. Каждый так поступает – погружается прямо в источник – но чтобы это осознать, нужно быть магом.

Я не понимала, что она пытается мне сказать, и еще раз призналась, что вовсе не имела намерения слишком много болтать.

Хихикнув, несколько мгновений Флоринда смотрела на меня задумчивым взглядом. – Поступай так, словно ты во сне. Действуй смело и не ищи оправданий.

Я чувствовала себя тупицей, неспособной анализировать свои ощущения. Флоринда кивнула, словно подтверждая это, затем повернулась к своим компаньонкам и попросила их: – Расскажите ей о себе.

Кармела прокашлялась и, не глядя в мою сторону, начала:

– Мы втроем и еще Делия образуем группу. Мы имеем дело с обычным миром.

Я внимала каждому ее слову, но совсем не понимала их значения.

– Мы – группа магов, имеющих дело с людьми, – пояснила свои слова Кармела. – Есть еще одна группа из четырех женщин, которая с людьми вообще не имеет дела. – Она взяла мою ладонь в свои руки и внимательно посмотрела на нее, словно хотела прочесть по ней мою судьбу, затем мягко сжала ее в кулачок и прибавила: – В общем-то ты похожа на нас. Это значит, что ты можешь иметь дело с людьми. И в особенности ты похожа на Флоринду, – она снова умолкла, после чего с сонным выражением лица повторила то, что мне уже говорила Клара. – Тебя нашла Флоринда, – сказала она. – Поэтому, пока ты остаешься в мире магов, ты принадлежишь ей. Она ведет тебя и заботится о тебе. – В ее тоне была такая непоколебимая уверенность, что это меня задело.

– Я никому не принадлежу, – возмутилась я. – И не нуждаюсь ни в чьей заботе. – Мой голос звучал напряженно, неестественно, неуверенно.

Женщины молча смотрели на меня, на их лицах были улыбки.

– Вы что, считаете, что мной нужно руководить? – спросила я вызывающе, переводя взгляд с одной женщины на другую. Их глаза были полузакрыты, их губы расплывались в тех же созерцательных улыбках. Они едва заметно кивали подбородками, и это означало, что они ждут, пока я договорю до конца все, что хочу сказать. – Я думаю, что и сама прекрасно управляюсь со своей жизнью, – закончила я почти истерически.

– Ты помнишь, что ты делала на том приеме, где я нашла тебя? – спросила меня Флоринда.

Когда я изумленно уставилась на нее, Кармела шепнула мне на ухо:

– Не волнуйся. Всегда можно найти способ объяснить что-либо. – Ничуть не обеспокоенная, она помахала пальцем у меня перед носом. Паника подкрадывалась ко мне при одной только мысли, что они могли знать о том, что на приеме я разгуливала в обнаженном виде перед десятками людей.

Вплоть до того момента я если и не гордилась своим вызывающим поступком, то по меньшей мере оправдывала его. Мне казалось, что мое поведение на приеме явилось проявлением моей спонтанной натуры. Сначала я проделала длительную прогулку с хозяином, сидя верхом на лошади прямо в вечернем платье и без седла, чтобы доказать ему – после того как он меня раззадорил и заключил со мной пари, я не смогла устоять, – что верхом на лошади я – не хуже ковбоя. В Венесуэле у меня живет дядя, который разводит на своей ферме лошадей, и поэтому верховой езде меня стали учить как только я начала ходить.

После того, как пари было выиграно, ощущая головокружение от затраченных мною усилий и алкоголя, я плюхнулась в бассейн – совсем без одежды.

– Я находилась там, рядом с бассейном, когда ты прыгнула в него нагишом, – призналась Флоринда, очевидно посвященная в мои воспоминания. – Ты задела меня своими ягодицами. Ты шокировала всех, в том числе и меня. Я ценю твою смелость. Более всего мне импонировало то, что весь путь с того края

бассейна ты проделала лишь для того, чтобы зацепить меня. Я восприняла это как знак, что дух указал мне на тебя.

– Этого не может быть, – пробормотала я. – Если бы ты была на приеме, я бы тебя запомнила. Ты слишком высока и экстравагантна для того, чтобы не обратить на тебя внимание. – С моей стороны это не было комплиментом. Мне хотелось убедить себя, что все подстроено, и меня надули.

– Я приветствую тот факт, что ты лезла из кожи вон, пытаясь выставить напоказ свои достоинства, – продолжала Флоринда. – Ты была клоуном, нетерпеливо стремившимся привлечь к себе внимание любой ценой, и особенно ты была им в ту минуту, когда запрыгнула на стол и стала танцевать, бесстыдно тряся своими ягодицами до тех пор, пока, издав дикий вопль, не вмешался хозяин.

Вместо того, чтобы вызвать во мне смущение, ее назидания наполнили меня чувством невероятной легкости и удовольствия. Я ощутила, что освободилась. Тайное стало явным. Тайное, в котором я никогда не отвела бы себе роль позера, пытающегося во что бы то ни стало привлечь к себе внимание. Новое состояние нахлынуло на меня, несомненно более открытое и менее оборонительное. Однако меня пугала мысль о том, что это настроение нельзя будет сохранить. Я знала, что любое прозрение или понимание, пришедшее ко мне во сне, никогда не оставалось со мной. Но, возможно, Флоринда была права, все это мне не снилось, и мое новое настроение могло продлиться.

По-видимому, зная об этих моих мыслях, женщины активно закивали головами. Вместо того, чтобы подбодрить меня, их согласие только оживило мою неуверенность. Как только меня охватил страх, проникнутое интуицией настроение приказало долго жить. В считанные мгновения на меня нахлынули сомнения, и мне понадобилась передышка.

– Где Делия? – спросила я.

– Она в Оахаке, – ответила Флоринда и уточнила: – Она была здесь только для того, чтобы поприветствовать тебя.

Я подумала, что, переменяв тему разговора, смогу отдохнуть и восстановить силы. Теперь я столкнулась лицом к лицу с чем-то, к чему не знала как подступиться. Я не могла обвинить Флоринду прямо – как поступила бы в обычных обстоятельствах с любым другим – в том, что она говорит неправду, чтобы мной манипулировать. Я не могла сказать, что подозреваю, что они, затуманив мой рассудок, водили меня из одной комнаты в другую, пока я была без сознания.

– Твои слова, Флоринда, и в самом деле абсурдны, – проворчала я. – Не верю, что ты ждешь, что я приму их всерьез. – Прикусив губы изнутри, я впилась в нее продолжительным и тяжелым взглядом. – Я знаю, что Делия прячется в одной из комнат.

Глаза Флоринды, казалось, говорили, что ей известно о моих затруднениях.

– У тебя нет другого выхода, кроме как воспринять меня всерьез, – заявила она. Тон ее был хотя и мягким, но не допускающим возражений.

Я повернулась лицом к двум другим женщинам в надежде услышать хоть какой-нибудь ответ, который смог бы ослабить нарастающее во мне напряжение.

– Когда тебя ведет кто-то другой, то в действительности очень легко сновидеть. Единственный недостаток состоит в том, что этот кто-то другой должен быть нагвалем. – Я все время слышу о нагвале, – вырвалось у меня. – Кто такой нагваль?

– Нагваль – это маг, обладающий огромной силой, тот, кто способен вести других магов сквозь темноту и из темноты, – объяснила Кармела. – Но нагваль сам говорил тебе об этом недавно. Разве ты не помнишь?

Флоринда пришла мне на выручку, когда мое тело изогнулось от усиленных попыток вспомнить.

– События, в которых мы участвуем в повседневной жизни, вспоминать легко. Мы все время в этом упражняемся. Но события, переживаемые нами в сновидении – другое дело. Нам нужно очень потрудиться, чтобы возвратиться к ним, просто потому, что информация о них разбросана по различным участкам тела.

– Для женщин, не обладающих твоим сомнамбулическим мозгом, – подчеркнула она, – обучение сновидению начинается с составления карты их тела, это – весьма кропотливое занятие, позволяющее узнать – где внутри их тел хранятся те или иные сны.

– Как ты составляешь такую карту, Флоринда? – спросила я, искренне заинтересовавшись.

– Систематическим простукиванием каждого дюйма своего тела, – ответила она. – Но больше я ничего не могу тебе сказать. Я – твоя мать, а не учитель сновидения. Сейчас она советует тебе взять маленький деревянный молоточек и попробовать постучать. И еще она рекомендует постучать лишь по икрам и бедрам. Очень редко тело концентрирует эти воспоминания в области грудной клетки или живота. То, что хранится в грудной клетке, спине и животе – это воспоминания, связанные с повседневной жизнью. Но это – другой случай.

– Все, интересующее тебя, заключается в том, что вспоминание снов производится с помощью непосредственного надавливания на одно из мест, хранящих увиденное во сне. К примеру, если ты будешь воздействовать на влагалище, надавливая на клитор, ты вспомнишь о том, что рассказал тебе Мариано Аурелиано, – закончила она с простодушной веселостью в голосе.

Я посмотрела на нее с недоумением, затем разразилась вспышкой нервного судорожного хохота. Я не собиралась никуда надавливать.

Флоринда тоже рассмеялась, ликующе, как будто наблюдая мое замешательство с явным удовольствием.

– Если ты будешь упираться, я просто-напросто попрошу Кармелу это сделать за тебя.

Я повернулась к Кармеле. С полуулыбкой, грозившей перерастить во взрыв смеха, она заверила, что и в самом деле нажмет за меня на мое влагалище.

– В этом нет надобности! – воскликнула я в отчаянии. – Я все помню! – И, действительно, так оно и было. И не только то, о чем говорил Мариано Аурелиано, но также и другие события.

– Правда ли, что м-р Аурелиано...

– Клара просила тебя называть его "нагваль Мариано Аурелиано", – прервала меня посреди фразы Кармела.

– Сны – это ворота в неизвестность, – сказала Флоринда, глядя меня по голове. – Нагвали руководят людьми через сны. И создание сновидения – искусство, которым владеют маги. Нагваль Мариано Аурелиано помогал тебе попадать в те сновидения, которые снились всем нам.

Я часто заморгала ресницами. Тряхнула головой, затем опрокинулась назад на подушки, лежавшие на диване, шокированная абсурдностью всего того, что я вспоминала.

Я вспомнила, что видела их во сне год назад, в Соноре. Во сне, который продолжался, как мне казалось, целую вечность. В этом сне я встретила с Klarой, Нелидой и Хермелиндой. Другая группа, – сновидящие. Они рассказали мне, что их лидером была Зулейка, но мне все еще не удавалось увидеться с ней во сне.

По мере того, как воспоминания, связанные с этим сном, всплывали в моей голове, я осознавала, что ни одна из этих женщин не была ни более, ни менее значительной, чем остальные. То, что одна женщина в каждой группе была лидером, было связано не с ее силой, престижем, достижениями, а с вопросами эффективности. Не знаю почему, но я была уверена, что все, что имело для них значение, – это их глубокая привязанность друг к другу.

Во время того сновидения каждая из женщин сообщила мне, что моим учителем сновидения является Зулейка. Это было все, что мне удалось вспомнить. Как и говорила мне Клара, мне нужно было увидеть их еще один раз – наяву или во сне, чтобы мои знания о них закрепились. Пока же они выглядели бестелесными воспоминаниями.

Я смутно слышала слова Флоринды о том, что после нескольких попыток я смогу глубже овладеть перемещениями из воспоминаний о сновидении в само сновидение, возвращаясь затем к состоянию обыкновенного пробуждения.

Я слышала, как Флоринда засмеялась, но в комнате меня больше не было. Я шла, пересекая заросли колючего кустарника. Я шла медленно по невидимой тропе; это было немного нелегко, поскольку вокруг не было ни света, ни луны, ни звезд на небе.

Притягиваемая какой-то незримой силой, я шагнула в большую комнату. Внутри нее было темно, если не считать линий света, крест-накрест протянувшихся от стены к стене поверх лиц людей, сидящих двумя кругами – внутренним и внешним. Свет то ярко вспыхивал, то становился тусклым, как будто кто-то из людей в кругу игрался электрическим выключателем, то включая его, то выключая.

Я узнала Мариано Аурелиано и Исидоро Балтасара, сидящих спиной друг к другу в центре внутреннего круга. Я узнала их не столько по лицам, сколько по их энергии. Дело не в том, что их энергия была ярче или не такая, как у других, – ее просто было больше, она была массивной. Она представляла собой один

великолепный, огромный источник неиссякаемой яркости.

Комната сияла белизной. В каждой вещи была живость, каждый угол и край отдавал твердостью. В комнате была такая чистота, что каждый предмет выделялся сам по себе, особенно те линии света, что были прикреплены к людям, сидящим в кругу, или исходили от них. Все люди были связаны линиями света и выглядели так, словно были узлами гигантской паутины. Все они общались без слов, посредством света. Меня тянуло в это безмолвное электрическое поле, пока я сама не стала узлом этой светящейся паутины.

– Что сейчас будет? – спросила я, глядя вверх на Флоринду. Я лежала на диване, моя голова покоилась у нее на коленях.

Она не ответила, не ответили и Кармела с Зойлой, сидевшие рядом с ней с закрытыми глазами. Я повторила свой вопрос несколько раз, но услышала лишь ровное дыхание трех женщин. Я была уверена, что они спят но тем не менее чувствовала на себе их спокойные, проникновенные взгляды. Темнота и тишина передвигались по дому словно что-то живое, неся с собой ледяной ветер и дыхание пустыни.

Глава 9

Я, дрожа от холода, плотнее закуталась в одеяло и села. Я проснулась в чужой постели, в чужой комнате, где из мебели была только кровать и ночной столик, но все вокруг казалось смутно знакомым. Понять, почему это так, я не могла. Может, я все еще сплю, подумала я. Как мне знать, что это не сон? И я снова опустилась на подушки. Я лежала, закинув руки за голову, и перебирала в уме виденные и пережитые мною причудливые события, – наполовину сны, наполовину воспоминания. Все это, конечно, началось годом раньше, когда я везла в машине Делию Флорес в дом целительницы. Она тогда заявила, что пикник, на котором я там побывала вместе со всеми, был сновидением. Я посмеялась над ней и отвергла ее утверждение как совершенно нелепое.

Однако она была права. Теперь-то я знала, что пикник был сновидением. Не моим сном, а сновидением, в которое я была приглашена; я была в нем гостьей-участницей. С самого начала моей ошибкой было то, что я пыталась это отрицать, отбросить как выдумку, не зная, что я понимаю под словом выдумка. В итоге

мне удалось настолько основательно заблокировать в памяти это событие, что я совершенно перестала его осознавать.

Что мне надо было сделать, – так это признать, что у нас есть тропа для снов, русло, по которому текут только сновидения. Если бы я настроилась на то, чтобы вспомнить сон, который привиделся мне в Соноре, причем только как сон, мне удалось бы удержать в памяти все волшебство происходившего, пока мне снился этот сон.

Чем больше я раздумывала над этим и над всем, что происходит со мной сейчас, тем сильнее нарастало мое беспокойство. Но что самое удивительное, я больше не испытывала страха перед всеми этими людьми, которые, что ни говори, были страшноватой компанией. Внезапно мне пришло в голову, что страха перед ними у меня нет по той причине, что я их очень хорошо знаю. И доказательством для меня было то, как они сами выразили словами поселившееся во мне странное, но уютное чувство, что я вернулась домой.

Я отмела все эти мысли, едва успев их сформулировать, и честно задумалась, а может, я психически неуравновешенна, и они нашли способ сфокусироваться на этом и усугубить это состояние. Я подвергла основательному систематическому анализу историю моей семьи, пытаясь припомнить все, что могла слышать о случаях психических заболеваний.

Была история с двоюродным дедом по линии матери, который с библией в руках проповедовал на улицах. Кроме того, мой прадед и дед покончили с собой соответственно в начале Первой и Второй мировых войн, когда поняли, что для них все кончено. Одна из моих бабушек пустила себе пулю в лоб, осознав, что утратила былую красоту и привлекательность.

Мне нравилось верить, что будучи истинной внучкой всех этих чокнутых, я унаследовала от них свое чувство отчужденности. Я всегда считала, что чувство отчужденности придает мне отвагу.

Эти жуткие мысли пробудили во мне такую тревогу, что я выскочила из постели. Нервными рывками я высвободила тело из одеяла. К своему полному изумлению я обнаружила, что одета в тяжелую фланелевую ночную сорочку. На мне были шерстяные носки до колен, митенки и толстый свитер. – Должно быть, я заболела, – пробормотала я в замешательстве. – Как бы я иначе могла замерзнуть во всей этой одежде? – Обычно я спала нагишом независимо от климата.

Только теперь я заметила в комнате солнечный свет; он проникал сквозь толстое, наполовину матовое оконное стекло. Я не сомневалась, что меня разбудил бывший в глаза солнечный свет. И мне совершенно необходимо было найти туалет. Опасаясь, что в доме может не быть водопровода, я шагнула к открытой раздвижной двери в противоположном конце комнаты, и само собой, там находился чулан с накрытым крышкой ночным горшком.

– Черт побери! Не могу же я делать свои дела в чулане! – выкрикнула я.

Дверь открылась, и вошла Флоринда. – Все в порядке, – сказала она, обнимая меня. – Во дворе есть уборная. Чулан – это пережиток прошлого.

– Как хорошо, что уже утро, – засмеялась я. – Никто не узнает, что у меня не хватит духу пойти в уборную в темноте.

Флоринда как-то странно на меня посмотрела, потом отвела глаза и наконец прошептала:

– А с чего ты взяла, что сейчас утро?

– Совсем недавно меня разбудило солнце, – сказала я, подходя к окну. Ничего не понимая, я уставилась в царившую снаружи темноту.

Лицо Флоринды засветилось весельем. Казалось, она вполне владела собой, но потом ее плечи задрожали от смеха, и она указала на электролампу в светильнике, стоявшем за кроватью.

Свет лампы я приняла за солнечный.

– А с чего ты взяла, что проснулась? – спросила она.

Обернувшись, я посмотрела на нее и сказала:

– Мне невыносимо захотелось в туалет.

Она взяла меня за руку и сказала: – Пойдем-ка, я отведу тебя в уборную, пока ты не оскандалилась.

– Я никуда не пойду, пока ты не скажешь, сплю я или бодрствую, – закричала я.

– Ну и характер! – воскликнула Флоринда, наклонив голову так, что своим лбом коснулась моего. Ее глаза расширились. – Ты сновидишь-наяву, – добавила она, тщательно выговаривая каждое слово.

Несмотря на нарастающую тревогу, я рассмеялась. Звук моего смеха, разносясь по комнате, словно отдаленное эхо, рассеял мои страхи. В этот момент меня больше не волновало, бодрствую я или вижу сон. Все мое внимание сосредоточилось на том, чтобы добраться до туалета.

– Где здесь уборная? – прорычала я.

– Ты сама знаешь, где она, – сказала Флоринда, сложив руки на груди. – И ты никогда не доберешься до нее вовремя, если сама не пожелаешь там оказаться. Но не вздумай притащить уборную к себе в кровать. Это называется ленивое сновидение, самый верный способ намочить постель. Отправляйся в уборную сама и сию же секунду.

К моему ужасу, попытавшись добраться до двери, я не смогла этого сделать. Мои ноги не хотели меня слушаться. Медленно и неуверенно, словно не в силах решить, куда им идти, они передвигались фут за футом. Не желая смириться с тем, что ноги больше мне не подчиняются, я попыталась ускорить движение, поднимая руками по очереди одну ногу за другой.

Флоринду, похоже, не интересовало, что со мной творится. А я, с глазами полными слез отчаяния и жалости к себе, стояла, приросшая к месту. Мои губы сложились в слово помощи, но с них не сорвался ни один звук.

– В чем дело? – спросила она, взяв меня за руку и мягко потянув вниз, на пол. Она сняла с меня толстые шерстяные носки и принялась осматривать мои ноги; теперь у нее был по-настоящему встревоженный вид. Я хотела пояснить, что не могу двигаться из-за того, что мои душевные силы на исходе. Но как я ни старалась, я не могла облечь свои мысли в слова. Изо всех сил пытаясь выжать из себя хоть один звук, я заметила, что у меня что-то неладно со зрением: мои глаза не могли больше сфокусироваться на предметах. Лицо Флоринды оставалось смазанным и расплывчатым, как бы я ни щурилась и как бы близко я к нему ни придвигалась.

– Я знаю, что с тобой, – прошептала мне Флоринда на ухо. – Тебе надо пойти в уборную. Сделай это! Пожелай оказаться там!

Я усердно закивала. Я знала, что действительно сновидишь-наяву, или, вернее, что я живу в иной реальности, которая еще не вполне мне принадлежит, но к которой я получила доступ через этих людей. Потом я почувствовала себя необъяснимо легко. И внезапно я оказалась в уборной, причем не в уборной из сна, а в самой настоящей.

Довольно долгое время я проверяла все, что меня окружало, чтобы убедиться, было ли оно реальным. Оно было.

А потом, сама не знаю как, я снова оказалась в комнате. Флоринда сказала что-то лестное о моей способности к сновидению. Я почти не обратила внимания на ее замечания, потому что меня отвлекла стопка одеял, сложенных у стены. Я не заметила их при пробуждении, но была уверена, что видела их прежде.

Мое непринужденное состояние быстро испарилось, когда я попыталась припомнить, где видела эти одеяла. Тревога нарастала. Я уже не знала, нахожусь ли я все еще в доме, в который приехала этим вечером с Исидоро Балтасаром, или уже в каком-то ином месте.

– Чья это комната? – спросила я. – И кто укутал меня во все эти одежды? – Мой собственный голос ужаснул меня.

Флоринда погладила меня по волосам и тихим голосом добродушно сказала, что на какое-то время это моя комната. И что это она меня укутала, чтобы я не замерзла. Она пояснила, что пустыня обманчива, особенно по ночам.

Она смотрела на меня с загадочным выражением так, словно намекала еще на что-то. И это меня тревожило. потому что в ее словах я не находила никакой подсказки. Мои мысли блуждали без всякой цели. Ключевым словом, как я решила, была пустыня, Я не знала, что пристанище ведьм находилось в пустыне. Мы прибыли сюда таким кружным путем, что я не могла точно определить, где этот дом находится.

– Чей это дом, Флоринда? – спросила я.

В ней, казалось, происходила какая-то внутренняя борьба, выражение ее лица менялось несколько раз от задумчивого к встревоженному. – Ты у себя дома, – наконец сказала она глубоким от волнения голосом. Не успела я ей напомнить, что она не ответила на мой вопрос, как она жестом велела мне помолчать и показала пальцем на дверь.

Снаружи во тьме что-то прошелестело. Это мог быть ветер и листва, но я знала, что это ни то, ни другое. Это был успокаивающий, знакомый звук; он напомнил мне пикник. И особенно он воскресил в памяти слова Мариано Аурелиано: – Я пригону тебя ветром, как пригонял других, к тому единственному, кто теперь держит миф в своих руках.

Эти слова зазвенели в моих ушах; я обернулась посмотреть, не вошел ли сейчас в комнату Мариано Аурелиано, и не произносит ли он сейчас эти слова во весь голос.

Флоринда кивнула. Она прочла мои мысли. И ее не отпускавшие меня глаза заставляли меня признать, что я правильно поняла его утверждение. На пикнике я не особенно задумывалась над его словами; они звучали слишком нелепо. Теперь же мне стало так любопытно узнать, кто были эти

"другие", что я не могла позволить, чтобы эта тема угадала. – Исидоро Балтасар говорил о каких-то людях, работающих вместе с ним, – осторожно начала я. – Он сказал, что они были доверены его попечению, и оказывать им помощь – это его священный долг. Это те люди, которых... принесло к нему ветром? – неуверенно спросила я.

Флоринда утвердительно кивнула головой, легкая улыбка искривила ее губы, словно она сочла забавным мое нежелание упоминать слова принесло ветром. – Это те, кого старый нагваль пригнал ветром к новому нагвалю; все это женщины, и они похожи на тебя.

– На меня? – спросила я растерянно. Я пожалела, что в пути была настолько поглощена загадочными сменами моих настроений и чувств по отношению к Исидоро Балтасару, что не обратила особого внимания на все, что он открыл мне о своем мире.

– Чем же эти женщины на меня похожи? – спросила я и добавила: – Ты знаешь их?

– Я их видела, – уклончиво ответила она.

– И скольких женщин принесло ветром к Исидоро Балтасару? – спросила я с плохо скрытым недовольством. Все же сама мысль о них волновала и тревожила одновременно.

Флоринду явно развеселила моя реакция. – Немного. Они не имеют с тобой физического сходства, но тем не менее они на тебя похожи. Я хочу сказать, что они схожи друг с дружкой так же, как схожи со мной мои товарки-ведьмы, – пояснила Флоринда. – Разве тебя не удивило при нашей первой встрече, как сильно мы все похожи?

Приняв мой кивок, она продолжала, что такое сильное взаимное сходство ей и ее когорте, несмотря на явные физические различия, придавала непосредственная связь с миром магов. – Нас влечет друг к другу привязанность, которая для тебя пока непостижима.

– Ну да, куда мне, – поддакнула я как можно циничнее. Но потом жадное любопытство узнать о женщинах, принесенных ветром к Исидоро Балтасару, взяло во мне верх. – Когда я увижусь с ними?

– Когда ты их найдешь, – сказала Флоринда. Ее голос, хотя и негромкий, прозвучал с такой исключительной силой, что едва не оглушил меня на мгновение.

– Как я могу их найти, если я их не знаю? Это же невозможно.

– Но не для ведьмы, – заметила она небрежно. – Как я уже сказала, ты не похожа на них физически, но сияние внутри тебя столь же яркое, как сияние внутри них. Ты узнаешь их по этому сиянию. – Ее глаза пристально всматривались в меня, словно она и в самом деле видела во мне сияние. – Это сияние магов. – Ее лицо было серьезно, а голос необычно тих.

Я хотела было сказать какую-нибудь дерзость, но что-то в ее поведении меня встревожило. – А я могу видеть это сияние? – спросила я.

– Для этого нам понадобится нагваль, – сказала Флоринда и указала на нагваля Мариано Аурелиано, стоявшего в темном углу комнаты. Я совершенно не заметила его появления, но оно меня несколько не встревожило.

Флоринда сказала ему, чего я хочу. Он жестом велел мне выйти за ним на середину комнаты. – Я покажу тебе это сияние, – сказал он, потом присел на корточки, подняв обе руки вверх, и велел мне забраться к нему на спину.

– Мы отправляемся на пороссячи бега? – я даже не пыталась скрыть разочарование. – Вы ведь собирались показать мне сияние магов.

Хоть я и хорошо запомнила его слова о том, что истинная магия не заключается в причудливых действиях, ритуалах, зельях или магических формулах, я тем не менее ожидала какого-то показа, проявления его могущества, скажем, смешивания над огнем колдовских зелий и заклинаний.

Не обращая внимания на мое разочарование, Мариано Аурелиано потребовал, чтобы я обхватила его руками за шею, – легонько, чтобы он не задохнулся.

– Вам не кажется, что я старовата для того, чтобы катать меня на закорках? – предупредила я его.

Заливистый смех поднимался в Мариано Аурелиано все выше, пока наконец не взорвался буйным весельем. Одним стремительным движением он вскочил на ноги. Подхватив руками мои колени, он переместил меня в более удобное положение и вышел в коридор, причем голова моя не ударилась о притолоку.

Он шел так быстро и легко, что у меня возникло явственное ощущение, будто я плыву по длинному темному коридору. Я с любопытством оглядывалась по сторонам. Однако мы двигались слишком быстро, и я лишь мельком успевала что-либо увидеть. Все было пропитано нежным, но устойчивым запахом: ароматом цветущего апельсинового дерева и свежестью холодного воздуха.

Снаружи двор был окутан туманом. Я могла видеть лишь однородные массы темных силуэтов. Клубы тумана изменяли форму каждого уголка пространства, то открывая, то снова смазывая странные очертания деревьев и камней. Мы не были в доме ведьм. Это я знала точно.

Я не слышала ничего, кроме размеренного дыхания. Я не могла сказать, было ли это дыхание нагваля Мариано Аурелиано или мое собственное. Этот звук разносился по всему двору. Листья дрожали от него так, словно это ветер шелестел в ветвях. Дрожь проникала и в мое тело с каждым вздохом.

От всего этого у меня так закружилась голова, что я крепче обхватила руками его плечи, боясь потерять сознание. Не успела я сказать ему, что со мной творится, как туман вокруг меня сомкнулся, и я почувствовала, как растворяюсь в ничто.

– Упрись подбородком мне в темя. – Голос нагваля Мариано Аурелиано донесся словно издалека. Меня подбросило от этих слов, потому что я совсем забыла, что сижу на его спине.

– Что бы ты ни делала, непременно держись за меня, – настоятельно добавил он и немного подтолкнул меня вверх, так что моя голова оказалась над его головой.

– А что может случиться, если я не стану держаться? – спросила я тоном, выдававшим мою растущую настороженность. – Я ведь просто упаду на землю, верно? – Мой голос сделался ужасно скрипучим.

Мариано Аурелиано тихо рассмеялся, но ничего не ответил. Он неторопливо прохаживался по широкому двору легкими, мягкими, почти танцевальными шагами. А потом в какой-то миг у меня возникло отчетливое ощущение, что мы поднялись в воздух: мы стали невесомыми. Несколько неуловимых мгновений я чувствовала, что мы в самом деле несемся сквозь тьму, потом через тело Мариано Аурелиано я ощутила земную твердь. Я не могла точно сказать, то ли это туман поднялся, то ли мы оказались в другом дворе, но что-то изменилось. Возможно, изменился лишь воздух; он стал тяжелее, им было труднее дышать.

Луны не было, звезды были едва видны, но небо сияло так, как будто оно подсвечивалось из некоей отдаленной точки. Медленно, словно кто-то прорисовывал их в воздухе, все четче становились очертания деревьев.

Примерно через пять футов, перед особенно высоким и ветвистым деревом сапоте, Мариано Аурелиано резко остановился. У подножия дерева стояла группа людей, человек двенадцать-четырнадцать. Длинные листья, отягощенные туманом, затеняли их лица. Станный зеленый свет, исходивший от дерева, придавал каждому из них неестественную живость.

Их глаза, их носы, их губы, все их черты отсвечивали в зеленом свете, но их лиц я разглядеть не могла. Я не узнала никого из них. Я не могла даже определить, мужчины это или женщины; это были просто люди. – Что они делают? – прошептала я на ухо Мариано Аурелиано. – Кто они?

– Держи подбородок у меня на темени, – прошипел он.

Я крепко прижалась подбородком к его голове, боясь, что если надавлю еще сильнее, то все мое лицо провалится в его череп.

В надежде узнать кого-нибудь по голосу, я поздоровалась.

Их губы раздвинулись в мимолетной улыбке. Вместо того, чтобы ответить на мое приветствие, они отвернулись. Из их среды донесся какой-то странный звук. Звук, придавший им энергию, потому что они, как и дерево, тоже начали светиться. Но не зеленым светом, а золотым сиянием, которое переливалось и мерцало, пока все они не слились в один большой золотой шар, паривший в воздухе под деревом.

Потом золотой шар распался на светящиеся пятна. Словно гигантские светляки, они появлялись и исчезали среди деревьев, рассеивая вокруг себя свет и тени.

– Запомни это сияние, – тихо проговорил Мариано Аурелиано. Его голос эхом отозвался у меня в голове. – Это сияние... сурэм.

Внезапный порыв ветра разметал его слова. Этот ветер был живой; он светился на фоне темного неба. Он дул с огромной силой, издавая странный трескучий звук. Потом ветер подул мне в лицо; я не сомневалась, что он хочет меня уничтожить. Я закричала от боли, когда особенно ледяной порыв проник в мои легкие. По всему моему телу разлилась такая стужа, что я окостенела.

То ли это говорил Мариано Аурелиано, то ли ветер, я не могла разобрать. Ветер, заглушая все звуки, ревел у меня в ушах. Потом он проник в мои легкие. Он извивался там, словно живое существо, стремясь пожрать каждую клеточку моего тела. Я чувствовала, как во мне все рушится, и знала, что вот-вот умру. Но рев прекратился. Тишина упала так внезапно, что я ее услышала. И я громко рассмеялась от радости, что еще жива.

Глава 10

Кровать была большая и уютно мягкая. Комнату наполняло золотистое сияние. Желая немного продлить это состояние полного благополучия, я прикрыла глаза и погрузилась в блаженную дремоту среди ароматных льняных простыней и чуть пахнущих лавандой наволочек.

Но стоило мне вспомнить события минувшей ночи, эти разрозненные обрывки какого-то кошмарного сна, как я ощутила напряжение каждой мышцы, каждой косточки моего тела. Не было никакой связности, никакой линейной последовательности в том, что мне довелось пережить за эти бесконечные часы. Дважды за эту ночь я просыпалась в разных постелях, в разных комнатах и даже в разных домах.

Словно живя своей собственной жизнью, все эти разрозненные образы внезапно сложились и развернулись в некий лабиринт, который неожиданно для меня стал мне вполне понятен. То есть я одновременно осознала каждое событие. Ощущение того, как эти образы разрастаются из моей черепной коробки в громадную затейливую прическу, было настолько реальным, что я выскочила из постели и бросилась через всю комнату к туалетному столику из стекла и стали. Трюмо было заклеено рисовой бумагой. Я попыталась было отскоблить уголок, но бумага держалась на стекле, словно кожа.

Вид гребня с серебряной ручкой, такой же щетки для волос, флаконов с духами и баночек с косметикой на туалетном столике подействовал на меня успокаивающе; я бы тоже расставила эти флаконы и баночки в ряд по размеру, как инструменты. Почему-то я знала, что нахожусь в комнате Флоринды, в доме ведьм; и это знание вернуло мне чувство равновесия.

Комната Флоринды была огромна; кровать и туалетный столик были в ней единственными предметами обстановки. Они стояли в противоположных углах, в некотором отдалении от стен и под углом к ним, оставляя за собой треугольное пространство. Некоторое время я размышляла над расположением кровати и туалетного столика, но не смогла определить, то ли такая расстановка следовала некоей эзотерической схеме, значение которой от меня ускользало, то ли это был просто эстетический каприз Флоринды.

Заинтересовавшись, куда могут вести три находящиеся в комнате двери, я попробовала открыть каждую. Первая была заперта снаружи. Вторая вела в небольшое прямоугольное патио, окруженное стенами. Какое-то время я озадаченно смотрела в небо, пока до меня наконец не дошло, что сейчас не утро, как я предположила при пробуждении, а вторая половина дня. Меня несколько не встревожило то, что я проспала почти весь день; наоборот, я испытывала душевный подъем. Твердо веря в то, что страдаю бессонницей, я всегда безумно радовалась, когда помногу спала.

Третья дверь вела в коридор. Стремясь отыскать Исидоро Балтасара, я направилась в гостиную; она была пуста. В аккуратной и незатейливой расстановке мебели было что-то отгалкивающее. Нигде не видно было следов того, что вчера вечером кто-то сидел на кушетке или в креслах. Даже подушки замерли в строю, как по стойке "мирно".

Столовая по другую сторону коридора выглядела столь же пустынной, столь же суровой. Ни один стул не был сдвинут с места. На полированной поверхности стола красного дерева не видно было ни крошки, ни пятнышка. Нигде ни следа того, что вчера вечером я сидела за этим столом с нагвалем Мариано Аурелиано и м-ром Флоресом и ужинала. В кухне, отделенной от столовой сводчатым переходом и холлом, я нашла кувшин, до половины наполненный чампуррадо (champurrado), и накрытое блюдо тамалес. Я была слишком голодна, чтобы их разогревать. Я налила себе полную кружку густого шоколада и съела три кукурузных кекса, надорвав обертку. Начиненные кусочками ананаса, изюмом и очищенным миндалем, они были необыкновенно вкусны.

Мне казалось совершенно немислимым, что меня могли оставить в доме одну. И все же обволакивающая меня тишина чувствовалась постоянно. Это был не тот уютный покой, который окружает человека, когда люди намеренно соблюдают тишину, это была скорее оглушительная тишина обезлюдившего места. Вероятность того, что меня здесь бросили одну, заставила меня поперхнуться куском кекса.

По дороге в комнату Флоринды я останавливалась у каждой двери.

– Есть кто-нибудь дома? – звала я, стуча в двери. Ответа не было.

Я уже собиралась выходить, когда явственно услышала, как кто-то спросил:

– Кто там зовет?

Голос был глубокий и хриловатый, но кто это был, мужчина или женщина, я не могла сказать. Не могла я определить и направления, откуда он послышался, не говоря уже о том, из какой комнаты.

Я вернулась на несколько шагов назад и крикнула еще раз, как можно громче, есть ли кто-нибудь в доме. Дойдя до дальнего конца коридора, я постояла минуту в нерешительности перед закрытой дверью. Потом повернула ручку, тихонько приоткрыла шелку и боком скользнула внутрь.

Зажмурив глаза, я прислонилась к стене и подождала, пока утихнет колотящееся в груди сердце. Вдруг кто-нибудь застанет меня здесь, виновато подумала я. Но любопытство по мере того, как я вдыхала воздух таинственности и колдовства, наполнявший комнату, брало верх над ощущением, что я поступаю как-то нехорошо.

Тяжелые темные шторы были задернуты, и единственный свет излучал высокий торшер. Его огромный отделанный бахромой абажур отбрасывал круг желтого света на стоящий у окна шезлонг. В самом центре комнаты стояла кровать с балдахином и занавесками, похожая на трон и господствовавшая над всем пространством. Бронзовые и деревянные резные статуэтки, стоящие на четырех круглых столиках по углам комнаты, казалось, охраняли ее подобно неким небесным божествам.

Книги, газеты и журналы высокой стопкой лежали на конторке с откидной крышкой и комод. На изогнутом в форме полумесяца туалетном столике не было зеркала, а вместо щеток, гребней, флаконов с духами или косметикой на покрытой стеклом поверхности стоял набор хрупких кофейных чашечек. Нити жемчуга, золотые цепочки, кольца и броши свисали с их позолоченных краев, словно забытый кем-то клад. Два кольца я узнала; я видела их на руке Зойлы.

Осмотр кровати я оставила напоследок. Почти благоговейно, так, словно это и в самом деле был трон, я отдернула занавеску и охнула от восторга: яркие цветные подушки на шелковом зеленом покрывале навели меня на мысль о полевых цветах на лугу.

Но пока я вот так стояла посреди комнаты, мое тело начала сотрясать невольная дрожь. Я не могла не чувствовать, что тепло, загадочность и очарование, которым лучилась эта комната, было всего лишь иллюзией.

Ощущение, что я шагнула в некий мираж, стало еще сильнее в третьей комнате. Сначала она тоже показалась теплой и уютной. Сам воздух ее был нежен и ласков. От стен, казалось, отражались отзвуки смеха. Но вся эта атмосфера тепла была лишь разреженным, мимолетным впечатлением, как и угасающий солнечный свет, который пробивался сквозь кисейные занавеси на лишенных стекол окнах.

Как и в той комнате, здесь над всем пространством господствовала кровать. Она тоже была с балдахинном и множеством разноцветных подушек, разбросанных с рассеянной небрежностью.

У одной из стен стояла швейная машина; это была старая, крашенная кистью машина с ножным приводом. Рядом с ней стоял высокий книжный шкаф. Вместо книг полки были забиты рулонами отличного ситца, шелка, шерстяного габардина, аккуратно разложенными по цветам и сортам.

На низком столике у окна красовались шесть разноцветных париков, надетых на специальные болванки. Среди них был и тот светлый, в котором я видела Делию Флорес, и темный с кудряшками, который Мариано Аурелиано натянул мне на голову у кофейни в Тусоне.

Четвертая комната находилась несколько поодаль от остальных и по другую сторону холла. По сравнению с первыми двумя она казалась пустой. Последние лучи заходящего солнца, просеянные сквозь решетчатую стену, лежали на полу ковром из света и теней, колыхающимся квадратом прямоугольной мозаики.

Немногочисленные предметы обстановки были расставлены так искусно, что пространство казалось большим, чем оно было на самом деле. Вдоль стен стояли низкие застекленные книжные полки. В дальнем углу в алькове стояла узкая кровать. Низко свисающее серо-белое клетчатое одеяло гармонировало с игрой теней на полу. Элегантный секретер розового дерева и не менее изящный стул черного дерева с украшениями из золоченой бронзы не только не смягчали ощущения голой пустоты в комнате, но даже усиливали его. Я знала, что это комната Кармелы.

Я бы с удовольствием пересмотрела названия книг, стоящих за стеклами полок, но слишком велико было мое беспокойство. Я бросилась в коридор так, словно за мной кто-то гнался, и выбежала в патио. Там я села на один из плетеных стульев; я дрожала и вся покрылась потом, но руки мои похолодели, как лед. Не чувство вины бросило меня в дрожь, — я несколько не опасалась, что меня застигнут шныряющей по комнатам, — но какое-то чужое свойство принадлежности к иному миру, которое излучали все эти прекрасно обставленные комнаты. Тишина, прилипшая к стенам, была неестественной. Это была тишина не временного отсутствия живущих здесь людей, а отсутствия чувств и переживаний, которыми обычно проникнуты обжитые пространства.

Каждый раз, когда кто-нибудь называл этих женщин колдуньями или ведьмами, я смеялась в душе; они не действовали и не выглядели так, как, по моему разумению, должны были действовать и выглядеть ведьмы, — драматически вычурно и зловеще. Но теперь я уже точно знала, что они в самом деле отличаются от иных человеческих существ. Меня пугало то, что сущность этого их отличия я не в состоянии не только понять, но даже представить.

Моим беспокойным мыслям положил конец тихий скрип. Следуя за этим жутковатым звуком, я на цыпочках двинулась по коридору от спален в другой конец дома. Скрип доносился из помещения за кухней. Я подкралась едва слышно, но звук прекратился в тот самый момент, как я приложила ухо к двери. Стоило мне отодвинуться, как звук возобновился. Озадаченная, я снова прижала ухо к двери, и скрип тотчас умолк. Я придвигалась и отодвигалась несколько раз, а скрип то начинался, то умолкал, словно целиком зависел от моих действий.

Решившись выяснить, кто же там прячется, — или еще хуже, кто задался целью напугать меня, — я взялась за дверную ручку. Дверь не открывалась, и я несколько минут провозилась с ручкой, прежде чем поняла, что дверь заперта и ключ оставлен в замке.

То, что под замком в этой комнате, причем небезосновательно, могло находиться нечто опасное, пришло мне в голову лишь тогда, когда я оказалась внутри. Гнетущий полумрак цеплялся за тяжелые задернутые шторы, словно живое существо, приманивающие в эту огромную комнату тени из всего дома. Свет потускнел; вокруг того, что выглядело как мебельная рухлядь и причудливые огромные и маленькие фигуры из дерева и металла, сгустились тени.

Тишину нарушил тот же скрипучий звук, который привел меня сюда. Тени по-кошачьи крались по комнате, будто в поисках жертвы. Оцепенев от ужаса, я следила за шторой, она пульсировала и дышала, словно чудовище из моих ночных кошмаров.

Внезапно звук и движение прекратились; недвижная тишина оказалась еще страшнее. Только я повернулась к выходу, как тот же пульсирующий скрипучий звук раздался снова. Собравшись с духом, я пересекла комнату и отдернула штору. Обнаружив в двустворчатой стеклянной двери выбитое стекло, я громко расхохоталась. Ветер попеременно втягивал и выдувал штору сквозь эту дыру.

Слабеющий предвечерний свет, заструившийся через отдернутую штору, передвинул тени в комнате и выхватил на стене овальное зеркало, наполовину скрытое одной из странных металлических фигур. Я протиснулась между изваянием и стеной и жадно уставилась в старинное венецианское зеркало; помутневшее и потрескавшееся от старости, оно так исказило мои черты, что я опрометью бросилась вон из комнаты.

Через черный ход я вышла из дома. Широкая лужайка за домом была пустынна. Небо было еще светлое, но высокие фруктовые деревья вокруг лужайки уже сделались цвета сумерек. Над головой пролетела стая ворон; их черные хлопающие крылья гасили в небе свет, и ночь стремительно опускалась во двор.

Совершенно подавленная, я села в отчаянии на землю и разревелась. Чем сильнее я плакала, тем большее удовольствие получала от рыданий во весь голос.

Из приступа жалости к себе меня выхватил шорох грабель. Подняв глаза, я увидела тщедушного человечка, сгребавшего листья к небольшому костру у края лужайки.

– Эсперанса! – крикнула я, бросившись к ней, но резко остановилась, поняв внезапно, что это не она, а какой-то мужчина. – Простите, – пробормотала я, оправдываясь. – Я обозналась. – Я протянула руку и назвала себя. Я старалась не приглядываться к нему, но ничего не могла с собой поделать; у меня не было уверенности, что это не Эсперанса, переодетая мужчиной.

Он подал мне руку, осторожно пожал мою и сказал: – Я смотритель. – Своего имени он мне не назвал.

Его ладонь в моей показалась хрупкой, как птичье крылышко. Это был худой, довольно старый человек. И лицо его тоже походило на птичье, с острыми орлиными чертами и живыми глазами. Его белые волосы, словно перья, торчали хохолками. Однако напомнили мне Эсперансу не только его хрупкая фигура и птичья внешность, но и морщинистое бесстрастное лицо, глаза, блестящие и влажные, как глаза ребенка, и зубы, мелкие, квадратные и очень белые.

– Вы знаете, где Флоринда? – спросила я. Он покачал головой, а я добавила: – Вы знаете, где все остальные?

Довольно долго он молчал, а потом так, словно я ни о чем его не спрашивала, повторил, что он смотритель. – Я за всем присматриваю.

– В самом деле? – спросила я, подозрительно его разглядывая. Он выглядел таким хрупким и тщедушным, что, похоже, не был в состоянии присматривать за чем бы то ни было, включая себя самого.

– Я за всем присматриваю, – повторил он, ласково улыбувшись, как будто это могло развеять мои сомнения. Он собрался было еще что-то сказать, но вместо этого пожевал задумчиво нижнюю губу, повернулся и снова принялся аккуратными ловкими движениями сгребать листья в кучку.

– А где все остальные? – спросила я.

Он окинул меня рассеянным взглядом, упершись подбородком в ладонь, держащую ручку грабель. Потом оглянулся с глупой улыбкой так, словно в любой момент кто-нибудь мог материализоваться из-за фруктового дерева.

С громким вздохом нетерпения я повернулась, чтобы уйти.

Он откашлялся и хриплым, дрожащим от старости голосом произнес:

– Старый нагваль взял Исидоро Балтасара с собой в горы. – Он не смотрел на меня; его глаза всматривались куда-то вдаль. – Через пару дней они вернутся.

– Дней! – возмущенно взвизгнула я. – А вы их правильно поняли? – Расстроенная тем, что оправдались мои наихудшие опасения, я могла лишь пробормотать: – Как он мог оставить меня здесь совершенно одну?

– Они уехали вчера вечером, – сказал старик, подгребая в кучу листок, отнесенный ветром в сторону.

– Это невозможно, – решительно возразила я. – Мы только вчера вечером сюда прибыли. Поздним вечером, – подчеркнула я.

С полным безразличием к моему агрессивному грубому тону, да и к самому моему присутствию, старик поджег кучку листьев, находившуюся перед ним.

– Не оставил ли Исидоро Балтасар для меня какой-нибудь весточки? – спросила я, присев рядом с ним на корточки. – Может, записку или еще что? – Внезапно мне захотелось закричать на него, но я не осмелилась, сама не знаю почему. Какое-то загадочное своеобразие внешности старика не давало мне покоя. Я не могла отделаться от мысли, что это переодетая Эсперанса.

– А Эсперанса тоже отправилась с ними в горы? – спросила я. Мой голос дрогнул, потому что внезапно меня охватило отчаянное желание расхохотаться. Он ничем не смог бы убедить меня в том, что он действительно мужчина, разве что спустив штаны и предъявив мне свои гениталии.

– Эсперанса в доме, – пробормотал он, не отводя глаз от кучки горящих листьев. – Она в доме вместе со всеми.

– Что за чушь; ее в доме нет, – грубо возразила ему я. – В доме никого нет. Я искала их полдня. Я проверила каждую комнату.

– А она в маленьком домике, – упрямо повторил старик, вглядываясь в меня так же пристально, как он глядел на горящие листья. Лукавая искра в его глазах вызвала во мне желание дать ему пинка.

– Какое маленькое ... – Мой голос угас, когда я припомнила другой дом, виденный мною в момент приезда. Сама мысль об этом месте причинила мне почти физическую боль.

– Вы могли бы мне сразу сказать, что Эсперанса находится в маленьком домике, – брюзгливо сказала я. Исподтишка я огляделась вокруг, но дома не было видно. Высокие деревья и стена за ними скрывали его из виду. – Сейчас я пойду и посмотрю, в самом ли деле Эсперанса там, где вы говорите, – сказала я, поднимаясь на ноги.

Старик тоже встал и, повернувшись к ближайшему дереву, снял висевшую на нижней ветке масляную лампу и джутовый мешок. – Боюсь, я не смогу тебе позволить идти туда одной, – сказал он.

– Это еще почему? – уязвленно возразила я. – Возможно, вы об этом не знаете, но я здесь гостя Флоринды. И вчера вечером я побывала в маленьком домике. – Я сделала небольшую паузу, а потом веско добавила: – Я точно там была.

Он внимательно меня выслушал, но лицо его выражало сомнение.

– Туда не так просто попасть, – предупредил он меня наконец. – Я должен приготовить для тебя тропу, я должен... – Тут он оборвал себя на полуслове, явно не желая чего-то говорить. Он пожал плечами и повторил, что должен приготовить для меня "тропу".

– Что там еще готовить? – раздраженно спросила я. – Вы что, должны прорубаться через заросли чапарраля с помощью мачете?

– Я смотритель. Я готовлю тропу, – упрямо повторил он и присел на землю, чтобы зажечь масляную лампу. Брызнув маслом на ветру, лампа вспыхнула ровным огнем. Его черты стали почти бесплотными, лишенными морщин, словно свет лампы сгладил отметины времени. – Как только я закончу сжигать эти листья, я сам тебя туда отведу.

– Я помогу вам, – предложила я. Совершенно ясно, что выжившего из ума старика надо было как-то ублажить. Я вслед за ним принялась обходить лужайку и собирать листья в кучки, которые он тут же сжигал. Как только зола остывала, он сметал ее в джутовый мешок. Мешок был окантован пластиком. Эта своеобразная деталь – пластиковая окантовка – пробудила полузабытые воспоминания детства.

Пока мы сметали кучки золы в мешок, я рассказала ему, что когда я ребенком жила в деревушке вблизи Каракаса, меня по утрам часто будил шорох грабель. Тогда я выскальзывала из постели и на цыпочках пробиралась по коридору, мимо комнат моих родителей и братьев в салон, выходящий на площадь. Стараясь не скрипеть петлями, я открывала деревянные ставни на окнах и протискивалась через кованую решетку. Старик, чьей обязанностью была уборка площади, всегда встречал меня беззубой улыбкой, и вместе мы сгребали в кучки листья, опавшие за ночь, – прочий сор убирался в мусорные ящики. Мы сжигали кучки листьев, а остывшую золу сметали в джутовый мешок с шелковой окантовкой. Он утверждал, что водяные феи, живущие в священном ручье в ближних горах, превращают эту золу в золотую пыль.

– А вы тоже знаете о феях, которые превращают золу в золотую пыль? – спросила я, видя, как понравилась моя история смотрителю.

Он не ответил, а только рассмеялся так весело и самозабвенно, что и я не смогла удержаться от смеха. Не успела я глазом моргнуть, как мы добрались до последней кучки золы у сводчатого прохода в углублении стены; узкие деревянные ворота были распахнуты настежь.

За зарослями чапарраля, почти скрытый сумерками, стоял другой дом. В окнах его не было ни огонька, и он словно уплывал от меня в даль. Задавшись вопросом, не является ли этот дом плодом моего воображения, местом, запомнившимся в сновидении, я все время моргала и протирала глаза. Что-то здесь не так, решила я, вспомнив, как заходила прошлым вечером в дом ведьм вместе с Исидоро Балтасаром. Меньший дом стоял тогда справа от большего. Как же тогда, спрашивала я себя, могла я видеть это место из ведьмино заднего двора? Пытаясь сориентироваться в пространстве, я перемещалась то туда, то сюда, но не смогла определить, где нахожусь. Я наткнулась на старика, сидевшего на корточках у кучки золы, и упала.

С поразительной ловкостью он поднялся и помог мне встать. – Ты вся в золе, – сказал он, отирая мне лицо завернутой манжетой своей защитной рубашки.

– Да вот же он! – закричала я. Резко очерченным силуэтом на фоне неба ускользающий от меня дом показался всего в нескольких шагах. – Вот он, – повторяла я, подпрыгивая на месте, словно таким способом могла удержать этот дом на месте и во времени. – Это настоящий дом ведьм, – добавила я,

остановившись перед стариком, чтобы он смог окончательно стереть золу с моего лица. – Большой дом – это всего лишь фасад.

– Дом ведьм, – медленно сказал старик, смакуя каждое слово. Потом, отчего-то развеселившись, фыркнул. Он смел остатки золы в джутовый мешок и жестом велел мне пройти следом за ним в ворота.

По обе стороны ворот, в отдалении от стены росли два апельсиновых дерева. Прохладный ветер шелестел в цветущих ветвях, но цветы были неподвижны; они не опали на землю. На фоне темной листвы цветы были похожи на вырезанные из молочно-белого кварца. Два эти дерева, словно стражи, стояли на часах над узкой тропой. Тропа эта была белая и совершенно прямая, как линия, проведенная на местности под линейку.

Старик передал мне масляную лампу, захватил пригоршню золы из джутового мешка и, прежде чем развеять ее над землей, несколько раз, словно взвешивая, пересыпал ее из ладони в ладонь.

– Не задавай вопросов и делай как я скажу, – сказал он. Голос его уже не был хриплым; в нем появилась живость; он зазвучал энергично и убедительно. Он слегка нагнулся и, ступая задом наперед, принялся тонкой стружкой высыпать золу из мешка прямо на узкую тропинку. – Ступай только на полоску золы, – предостерег он меня. – Иначе ты никогда не дойдешь до дома.

Я закашлялась, чтобы скрыть нервный смешок. Вытянув руки вперед, я балансировала на полоске золы, как на туго натянутом канате. Каждый раз, когда мы останавливались, чтобы старик мог перевести дух, я оглядывалась на дом, из которого мы только что вышли; он, казалось, отдалялся все больше. А тот, что был перед нами, никак не становился ближе. Я пыталась убедить себя, что это всего лишь оптический обман, но во мне росла смутная уверенность, что одна я ни за что не добралась бы ни до одного из домов.

Словно почувствовав мое беспокойство, старик ободряюще похлопал меня по руке. – Вот поэтому я и готовлю тропу. – Он заглянул в свой мешок и добавил: – Еще совсем немного, и мы будем там. Не забывай только ступать на полоску золы. Тогда ты сможешь в любое время безопасно перемещаться и вперед, и назад.

Разум подсказывал мне, что этот человек сумасшедший. Однако тело мое знало, что без него и его золы мне конец. Я настолько была поглощена стараниями удержать ступни на этой едва заметной полоске, что страшно удивилась, когда мы наконец очутились перед входной дверью.

Старик забрал у меня масляную лампу, прокашлялся и легонько постучал костяшками пальцев по резной панели. Не дожидаясь ответа, он толкнул дверь и вошел в дом.

– Не так быстро! – крикнула я, боясь, что отстану. Я прошла за ним в узкий вестибюль. Он поставил масляную лампу на низкий столик. Затем, ни слова не говоря и не оглядываясь, он открыл дверь в дальнем конце и скрылся в темноте.

Руководствуясь какими-то смутными воспоминаниями, я шагнула в тускло освещенную комнату и подошла прямо к лежащей на полу циновке. У меня не оставалось сомнений, что я уже побывала здесь прошлой ночью и спала на этой самой циновке. В чем, однако, я не была уверена, – так это каким способом я вообще там оказалась. То, как Мариано Аурелиано нес меня на спине сквозь чапарраль, было еще свежо в моей памяти. Точно так же я была уверена, что проснулась в этой комнате, – еще до того, как меня нес старый нагваль, – а рядом со мной на циновке сидела Клара.

Преисполнившись уверенности, что тотчас же получу все объяснения, я уселась на циновку. Масляная лампа замигала и погасла. Я скорее почувствовала, чем увидела вокруг себя движение людей и предметов. Из всех углов до меня доносился неясный шум голосов, мимолетные звуки. Из всего этого шума я различила знакомое шуршание юбок и тихий смешок.

– Эсперанса? – прошептала я. – Боже! Я так рада тебя видеть! – Хотя именно ее я и ожидала увидеть, я все же испытала потрясение, когда она села рядом со мной на циновку. Я робко тронула ее за руку.

– Это я, – заверила она меня.

Только услышав ее голос, я окончательно уверилась, что это в самом деле Эсперанса, а не зритель, успевший сменить штаны и рубашку на шуршащие нижние юбки и белое платье. А когда я почувствовала успокаивающее прикосновение ее ладони на моем лице, всякие мысли о зрителе пропали.

– Как я сюда попала? – спросила я.

– Тебя привел сюда зритель, – рассмеялась она. – Ты разве не помнишь? – Она повернулась к низкому столику и снова зажгла лампу.

– Я говорю о вчерашней ночи, – пояснила я. – Я знаю, что была здесь. Я проснулась на этой циновке. Рядом со мной была Клара. А потом здесь была Флоринда и остальные женщины... – Мой голос замер, когда я вспомнила, что потом еще просыпалась в гостиной другого дома, а потом еще в кровати. Я тряхнула головой, словно это могло навести порядок в моих воспоминаниях. Я потерянно уставилась на Эсперансу, надеясь, что она восполнит эти пробелы. Я рассказала ей, как трудно мне было припомнить все события ночи в правильной последовательности.

– С этим у тебя не должно быть проблем, – сказала она. – Ступи на тропу сновидений, ты сейчас сновидишь-наваю.

– Ты хочешь сказать, что вот сейчас, в эту самую минуту, я сплю? – спросила я насмешливо. И, наклонившись к ней, добавила: – А ты тоже спишь?

– Мы не спим, – повторила она, тщательно выговаривая каждое слово. – Мы с тобой сновидим-наваю. – И она воздела руки в жесте безнадежности. – Я говорила тебе, что делать, в прошлом году. Помнишь?

Внезапно меня осенила спасительная мысль, словно кто-то шепнул мне ее на ухо: когда сомневаешься, раздели все на две тропы – тропу обычных, простых событий и тропу сновидений, ибо у каждой из них своя степень осознания. Я воспрянула духом, потому что знала, что первая тропа, которая подлежит проверке, – это тропа сновидений; если данная ситуация не совпадает с этой тропой, стало быть тебе это не снится.

Мой подъем быстро улетучился, когда я попыталась проверить тропу сновидений. У меня не было никакого представления ни о том, как это сделать, ни даже о том, что такое эта тропа сновидений. Хуже того, я не могла вспомнить, кто мне это сказал.

– Я, – сказала Эсперанса за моей спиной. – Ты далеко зашла в мир сновидений. Ты почти вспомнила, что я говорила тебе в прошлом году, на другой день после пикника. Тогда я тебе сказала, что когда сомневаешься, находишься ты в сновидении или бодрствуешь, надо проверить тропу, по которой приходят сны, – то есть осознание, присущее нам в сновидениях, – осязав предмет, с которым ты контактируешь. Если ты сновидишь, тогда твое ощущение возвращается к тебе, как эхо. Если оно не возвращается, тогда ты не сновидишь.

Она с улыбкой ущипнула меня за бедро и сказала: – Прodelай-ка это с циновкой, на которой ты лежишь. Почувствуй ее ягодицами; если ощущение вернется, тогда ты сновидишь.

К моим занемевшим ягодицам не вернулось никакое ощущение. Собственно говоря, я сама настолько занемела, что не чувствовала под собой циновки. Мне показалось, что я лежу на твердых плитах двора.

У меня было сильное желание сказать ей, что все должно быть наоборот – если ощущение вернется, то, стало быть, ты бодрствуешь, – но я вовремя сдержалась. Ибо я знала вне всякого сомнения, что ее слова о "возвращающемся к нам ощущении" не имели никакого отношения к нашему общепринятому знанию о том, что такое ощущение. Различие между состоянием бодрствования и сновидения-наяву все еще ускользало от меня, и все же я была уверена, что его смысл не имел ничего общего с обычным для нас пониманием осознания.

Но в тот момент слова сорвались с моих губ совершенно бесконтрольно. – Я знаю, что я сновидишь-наяву, вот и все. Я чувствовала, что приближаюсь к новому, более глубокому уровню понимания, но все еще не могла постичь его. – Мне хотелось бы знать, когда это я заснула? – спросила я.

– Я уже говорила тебе, что ты не спишь. Ты сновидишь наяву.

Я непроизвольно рассмеялась тихим нервным смешком. Она не заметила этого либо не придавала значения.

– Когда состоялся переход? – спросила я.

– Когда смотритель помогал тебе пересечь чапарраль, а ты сосредоточилась на том, чтобы ступить по золе.

– Он, должно быть, меня загипнотизировал! – воскликнула я не слишком вежливым тоном. И тут я что-то бессвязно заговорила, путаясь в словах, неся бессмыслицу, пока наконец не расплакалась, обвиняя их всех.

Эсперанса наблюдала за мной молча, приподняв брови и широко раскрыв от удивления глаза.

Я тотчас устыдилась собственной вспышки, но в то же время была рада, что выговорилась, потому что на меня короткой волной накатило облегчение, как это бывает после резкого столкновения.

– Твое замешательство, – продолжила она, – происходит от твоей способности легко переходить из одной степени осознания в другую. Если бы ты, как все остальные, тяжкими усилиями достигла гладкого перехода, тогда ты бы знала, что сновидение-наяву – это не гипноз. – Она немного помолчала и тихо закончила: – Сновидение-наяву – это самое утонченное состояние, которого может достигнуть человек.

Она отвела взгляд куда-то в комнату, словно более точные объяснения мог дать ей кто-то, скрывающийся в тени. Затем она повернулась ко мне и спросила: – Ты ела что-нибудь?

Резкая смена темы застала меня врасплох, и я начала заикаться. Овладев собой, я рассказала ей, что действительно поела пирожков. – Я была так голодна, что даже не стала их разогревать; они были такие вкусные.

Лениво играя шалью, Эсперанса попросила меня подробно рассказать, что я делала после того, как проснулась в комнате Флоринды.

Как если бы мне дали напиток, заставляющий говорить правду, я выболтала гораздо больше, чем собиралась. Но Эсперанса, похоже, ничего не имела против того, что я рыскала по комнатам женщин. Не произвело на нее впечатления и то, что я знала, кому какая комната принадлежит.

Однако ее бесконечно заинтересовала моя встреча со зрителем. С улыбкой откровенного ликования на лице она слушала мой рассказ о том, как я приняла за нее этого человека. Когда же я упомянула, что в какой-то момент готова была попросить его спустить штаны, чтобы проверить его половые органы, она согнулась пополам на циновке, визжа от хохота.

Она склонилась надо мной и вызывающе прошептала на ухо: – Я развею твои опасения. – В глазах ее сверкнул озорной огонек, и она добавила: – Я покажу тебе свои.

– В этом нет нужды, Эсперанса, – пыталась я ее отговорить. – Я нисколько не сомневаюсь, что ты женщина.

– Никогда нельзя быть уверенным, кто ты на самом деле, – небрежно отмела она мои уговоры. Невзирая на мое смущение, вызванное не столько ее неминуемым обнажением, сколько мыслью о том, что мне придется смотреть на ее старое морщинистое тело, она улеглась на циновку и с большим изяществом медленно подняла юбки.

Мое любопытство взяло верх над смущением. Я уставилась на нее, раскрыв рот. Трусики на ней не было. Не было и волос на лобке. Ее тело было невероятно юным, плоть крепкой и упругой, с тонко очерченными мускулами. Вся она была одного цвета, ровного розового с оттенком меди. На коже не было ни растяжек, ни разбухших вен: ничто не обезображивало ее гладкого живота и ног.

Я протянула руку, чтобы коснуться ее, словно мне нужно было убедиться в том, что ее шелковистая гладкая кожа существует на самом деле, а она раскрыла пальцами половые губы. Я отвернулась, но не столько от смущения, сколько борясь с противоречивыми чувствами. Дело здесь было не в наготы, мужской или женской. В доме я росла довольно свободно; никто особенно не заботился, чтобы не попадаться другим на глаза нагишом. Во время учебы в школе в Англии я однажды летом получила приглашение провести пару недель в Швеции, в доме подруги у моря. Вся семья принадлежала к колонии nudистов, и все они поклонялись солнцу каждой клеточкой своей обнаженной кожи.

Вид нагой Эсперансы был для меня чем-то совершенно иным. Меня охватило ни на что не похожее возбуждение. Женские половые органы никогда прежде не привлекали моего особого внимания. Разумеется, я тщательно изучила себя в зеркале со всех мыслимых точек. Приходилось мне видеть и порнографические фильмы, но я их не только невзлюбила, но даже сочла оскорбительными. Столь близкая нагота Эсперансы потрясла меня, потому что я всегда считала свои сексуальные реакции чем-то само собой разумеющимся. До сих пор я полагала, что коль скоро я женщина, то и возбудить меня может только мужчина.

Когда Эсперанса вдруг поднялась с циновки и сняла блузку, я громко охнула и уперлась глазами в пол, пока от моего лица и шеи не отхлынуло лихорадочное щекочущее ощущение.

– Посмотри на меня! – нетерпеливо потребовала Эсперанса. Глаза ее сверкали; щеки горели. Она была совершенно нагая. У нее было хрупкое, изящное тело, но оно казалось больше и крепче, чем в одежде. Ее груди были упруги и остры.

– Потрогай их! – скомандовала она тихо и маняще.

Ее слова эхом прокатились по комнате, как бесплотный звук, гипнотизирующий ритм, наполненный колебаниями воздух, не звук даже, а пульсация, которую нельзя услышать, но можно только ощутить, которая становилась все мощнее и ускорялась, пока не слилась с ритмом моего сердца.

Потом все, что я услышала и почувствовала, – был смех Эсперансы.

– А может, зритель все же прячется где-нибудь здесь? – спросила я, когда оказалась в силах заговорить. Меня внезапно одолела подозрительность и чувство вины за собственную дерзость.

– Надеюсь, нет! – воскликнула она в таком замешательстве, что я засмеялась.

– Где же он? – спросила я.

Ее глаза широко раскрылись, потом она улыбнулась так, словно собиралась рассмеяться. Но она тотчас стерла с лица веселье и серьезным тоном заявила, что зритель должен быть где-то в усадьбе и что он присматривает за обоими домами, но в любом случае ни за кем не шпионит.

– Он и в самом деле зритель? – спросила я, стараясь, чтобы это прозвучало скептически. – Я не хочу злословить на его счет, но с виду он ни за чем не в состоянии присматривать.

Эсперанса, хихикнув, сказала, что его тщедушность обманчива. – Он на многое способен, – уверила она меня. – Ты должна держать с ним ухо остро; он любит молоденьких девушек, особенно блондинок. – Она наклонилась поближе и, словно боясь быть подслушанной, шепнула мне на ухо: – А к тебе он не

приставал?

– О Боже, нет! – вступилась я за него. – Он был исключительно вежлив и очень мне помог. Это просто... – Мой голос замер до шепота, а внимание странным образом переместилось на мебелировку комнаты, которую я не могла разглядеть, потому что слабо горящая масляная лампа отбрасывала на окружение больше теней, чем света.

Когда же мне наконец удалось снова сосредоточить внимание на ней, зритель меня больше не волновал. Все, о чем я была в состоянии думать с упорством, которого не в силах была с себя стряхнуть, – это почему Исидоро Балтасар отправился в горы, не дав мне об этом знать, не оставив даже записки.

– Почему он вот так меня бросил? – спросила я, повернувшись к Эсперансе. – Он ведь сказал кому-нибудь, когда вернется. – И, увидев ее всезнающую ухмылку, я воинственно добавила: – Я уверена, ты знаешь, что тут происходит.

– Нет, не знаю, – решительно заявила она, совершенно не желая понять моего состояния. – Меня такие вещи не волнуют. И тебя тоже не должны волновать. Исидоро Балтасар уехал, и дело с концом. Он вернется через пару дней, через пару недель. Кто знает? Все зависит от того, что произойдет в горах.

– Все зависит? – взвизгнула я. Отсутствие у нее всякого сочувствия и понимания было мне отвратительно. – А как же я? – задала я вопрос. – Не могу же я сидеть здесь неделями.

– Почему бы и нет? – невинно поинтересовалась Эсперанса.

Я посмотрела на нее как на слабоумную, потом выпалила, что мне нечего надеть, что мне вообще здесь нечего делать. Список моих жалоб был бесконечен, и они лились бурным потоком, пока я не выговорилась.

– Я просто должна отправиться домой, оказаться в привычной для меня обстановке, – закончила я. Почувствовав, что вот-вот разревусь, я изо всех сил постаралась сдержаться.

– В привычной? – Эсперанса медленно повторила слово, будто пробуя его на вкус. – Ты можешь уехать, когда пожелаешь. Никто не станет тебя удерживать. Тебя без особого труда можно будет доставить до границы, где ты сядешь на рейсовый автобус до Лос-Анжелеса.

Я кивнула, не решаясь что-либо сказать. Этого я тоже не хотела. Я не знала, чего хотела, но одна мысль об отъезде была для меня невыносимой. Я каким-то образом знала, что если уеду, то никогда больше

не отыщу этих людей, не говоря уже об Исидоро Балтасаре в Лос-Анжелесе. И я безудержно разрыдалась. Словами я не могла бы этого выразить, но беспросветность жизни и будущего без них была для меня невыносимой.

Я не заметила, как Эсперанса вышла из комнаты, не заметила, как она вернулась. Я вообще ничего бы не заметила, если бы у меня под носом не поплыл божественный аромат горячего шоколада.

– Поев, ты почувствуешь себя лучше, – заверила она меня, ставя поднос мне на колени. С неспешной ласковой улыбкой она уселась рядом со мной и призналась, что нет лучшего средства от печалей, чем шоколад.

Я была с ней совершенно согласна. Я сделала пару неуверенных глотков и съела несколько свернутых трубочкой блинчиков с маслом (tortillas). Я сказала ей, что хотя не знаю ни ее, ни кого-либо из ее друзей, я не могу себе представить, что больше никогда их не увижу. Я признала, что с ней и с ее группой я чувствовала себя так свободно и непринужденно, как никогда прежде. Это было странное чувство, объясняла я, частью физическое, частью психологическое, и совершенно не поддающееся анализу. Я могла описать его только как ощущение благополучия и уверенности, которое я наконец обрела там, где было мое настоящее место.

Эсперанса точно знала то, что я пыталась выразить словами. Она сказала, что став частью мира магов даже на короткое время, человек уже не может без него обойтись. Причем главную роль, подчеркнула она, играет здесь не время, проведенное в нем, а насыщенность встреч. – А твои встречи были очень насыщенными, – сказала она.

– В самом деле? – спросила я.

Эсперанса с искренним удивлением подняла брови, затем немного театрально потерла подбородок, словно раздумывала над проблемой, не имеющей решения. После долгого молчания она, наконец, произнесла:

– Тебе будет легче идти, как только ты осознаешь, что возврата к твоей прежней жизни больше нет.

Ее голос, хотя и тихий, прозвучал с исключительной силой. На какой-то момент ее глаза уперлись в мои, и в это мгновение я поняла, что означают ее слова.

– Ничто больше не будет для меня таким, как прежде, – тихо промолвила я.

Эсперанса кивнула.

– Ты вернешься в мир, но не в твой прежний мир и не в твою прежнюю жизнь, – сказала она, поднимаясь с циновки неожиданно величественно, как это умеют делать люди маленького роста. Она устремилась было к двери, но тут же резко остановилась. – Когда делаешь что-нибудь, не зная зачем ты это делаешь, – это безумно интересно, – сказала она обернувшись ко мне. – Но еще интереснее затевать что-нибудь, не зная, что из этого получится.

Я была категорически не согласна.

– Я должна знать, что делаю, – заявила я. – Я должна знать, к чему это меня приведет.

Она вздохнула и развела руки в комическом отчаянии. – Свобода – это жутко страшная вещь, – резко сказала она, и не успела я ей ответить, как она ласково добавила: – Свобода требует спонтанных действий. Ты не имеешь представления, что значит спонтанно чему-нибудь предаться...

– Спонтанно все, что я делаю, – перебила я. – Почему, по-твоему, я здесь очутилась? Ты думаешь, я долго раздумывала, ехать мне сюда или нет?

Она вернулась на циновку и довольно долго стояла, глядя на меня сверху вниз, прежде чем сказала: – Разумеется, ты над этим не раздумывала. Но твои спонтанные действия вызваны скорее отсутствием мысли, чем актом самозабвенного порыва. – Она топнула ногой, чтобы я снова не перебила ее. – Истинно спонтанное действие – это такое, при котором ты всецело отдаешь себя, но только после глубоких раздумий, – продолжала она. – Это действие, при котором все за и против были учтены и впоследствии отмечены, ибо ты ничего не ждешь, ни о чем не жалеешь. Именно такими актами маги приманивают свободу.

– Я не маг, – буркнула я вполголоса, потянув за подол ее платья, чтобы она не уходила. Но она ясно дала мне понять, что не заинтересована в продолжении беседы.

Я вышла вслед за ней из дома и отправилась через лужайку по тропе, ведущей к другому дому.

Как и зритель, она тоже велела мне ступать только по полоске золы. – Иначе, – предостерегла она, – ты провалишься в бездну.

– В бездну? – неуверенно переспросила я, оглядываясь на окружающие нас с обеих сторон густые заросли чапаррала.

Поднялся легкий ветерок. Из мрачной густоты теней послышались голоса и шепот. Я инстинктивно ухватилась за юбку Эсперансы.

– Ты слышишь их? – спросила она, обернувшись ко мне.

– Кого я должна слышать? – хрипло пробормотала я.

Эсперанса придвинулась ближе и, словно боясь, что нас услышат, прошептала мне на ухо: – Сурэмы из иного времени; с помощью ветра они, вечно бодрствуя, бродят по пустыне.

– То есть это призраки?

– Они не призраки, – сказала она тоном, не допускающим возражений, и пошла дальше.

Я очень старалась ступать только на полоску золы и не выпускала из рук ее юбки, пока она резко не остановилась посреди патио в большом доме. Она немного поколебалась, словно не в силах решить, в какую часть дома меня отвести. Затем она отправилась плутать по различным коридорам, то и дело сворачивая, пока мы наконец не вошли в просторную комнату, которую я как-то пропустила при обследовании дома. Стены до потолка были уставлены книгами. В одном конце комнаты стоял крепкий, длинный деревянный стол; в другом ее конце висел белый, с оборками, ручной вязки гамак.

– Какая чудесная комната! – воскликнула я. – Чья она?

– Твоя, – любезно предложила Эсперанса. Она подошла к деревянному комоду у двери и открыла его. – Ночи холодные, – предупредила она, передавая мне три толстых шерстяных одеяла.

– То есть я могу здесь спать? – восхищенно спросила я. Все мое тело затрепетало от наслаждения, когда я, вымостив гамак одеялами, улеглась в него. Ребенком я часто спала в гамаке. Со вздохом удовольствия я покачалась в нем немного, потом подняла ноги в гамак и растянулась во весь рост. – Уметь спать в гамаке – это все равно что уметь ездить на велосипеде, этому никогда не разучишься, – сказала я ей. Но меня никто не слышал. Я и не заметила, как она ушла.

Глава 11

Я выключила свет и совершенно неподвижно лежала в гамаке, убаюканная звуками большого дома, странным поскрипыванием и журчанием воды, тонкой струйкой вытекавшей из керамического фильтра за дверь.

Внезапно, безошибочно различив звук шагов по коридору, я рывком села. Кто это может быть в такой час? На цыпочках я пересекла комнату и прижала ухо к двери. Шаги были тяжелые. По мере того, как они приближались, мое сердце колотилось все сильнее и громче. Они остановились у моей двери. Стук в дверь был резок и, хотя я его ожидала, заставил меня вздрогнуть. Свалив стул, я отскочила назад.

– Тебе привиделся кошмар? – спросила Флоринда, заходя в комнату. Она оставила дверь полуоткрытой, так что свет из коридора проникал внутрь. – Я думала, ты будешь рада услышать звук моих шагов, – сказала она с насмешливой улыбкой. – Я не хотела подкрадываться к тебе незаметно. – Она подняла стул и повесила на спинку пару штанов защитного цвета и такую же рубашку. – С наилучшими пожеланиями от зрителя. Он сказал, что ты можешь взять их себе.

– Взять себе? – повторила я, подозрительно разглядывая одежду. Она выглядела чистой и выглаженной. – А чем плохи мои джинсы?

– Во время долгой поездки за рулем в Лос-Анжелес тебе будет удобнее в этих штанах, – сказала Флоринда.

– Но я не хочу уезжать! – встревоженно крикнула я. – Я останусь здесь, пока не вернется Исидоро Балтасар.

Флоринда засмеялась, но потом, увидев, что я готова заплакать, сказала:

– Исидоро Балтасар вернулся, но ты можешь остаться еще, если хочешь.

– О нет, я не хочу! – воскликнула я. Тревога – вот все, что я чувствовала последние два дня, все остальное забылось. То же самое случилось и со всеми вопросами, которые я хотела задать Флоринде. Единственное, о чем я могла думать, – это о возвращении Исидоро Балтасара.

– Можно ли его увидеть сейчас? – спросила я.

– Боюсь, что нет.

Я бросилась из комнаты, но Флоринда остановила меня.

С первого раза ее заявление не подействовало на меня. Я пристально смотрела на нее, не понимая, и она повторила, что нет возможности видеть нового нагваля сегодня вечером.

– Почему? – смущенно спросила я. – Уверена, что ему бы хотелось меня увидеть.

– Я тоже в этом уверена, – охотно согласилась она. – Но он крепко спит, и тебе нельзя его будить. – Отказ был настолько болезненным, что единственное, что я могла делать, это молча глядеть на нее.

Флоринда долго смотрела в пол, потом внимательно взглянула на меня. Она была печальна. На мгновение я поверила, что она смягчится и позволит мне увидеть Исидоро Балтасара. Вместо этого она повторила с резкой окончательностью:

– Боюсь, что ты не сможешь увидеть его сегодня.

Поспешно, будто боясь, что все еще возможно изменить решение, она обняла и поцеловала меня, потом вышла из комнаты. Выключив свет в доме, она вернулась из темноты коридора, чтобы взглянуть на меня и сказать:

– А сейчас отправляйся спать.

Я провела без сна несколько часов. Ближе к рассвету я наконец встала и надела вещи, которые принесла Флоринда. Одежда пришлась впору, кроме штанов, которые я была вынуждена подвязать на талии куском веревки – у меня не было с собой ремня.

С обувью в руках я прокралась по коридору мимо комнаты смотрителя к заднему выходу. Помня о скрипящих петлях, я осторожно, без единого звука открыла дверь. Снаружи было все еще темно, хотя легкое голубое сияние уже разливалось по небу на востоке. Я побежала к арочному проходу, встроенному в стену остановившись на мгновение у двух деревьев, охранявших снаружи тропинку. Аромат цветущих апельсинов наполнял воздух. Всякие сомнения, которые могли быть у меня по поводу того, пересекать ли чапарраль, рассеялись, когда я обнаружила свежую золу, разбросанную по земле. Больше ни о чем не умая, я помчалась к другому дому.

Дверь была приоткрыта. Я вошла не сразу. Присев под окном, я подождала каких-либо звуков. Почти сразу же раздался громкий храп. Я немного послушала и вошла внутрь. Ведомая отчетливым звуком храпа, я прошла прямо в комнату в глубине дома. В темноте я едва могла различить силуэт спящего на соломенной циновке, но уже не сомневалась, что это Исидоро Балтасар. Боясь, что он может испугаться, если его внезапно разбудить, я вернулась в переднюю комнату и села на кушетку. Я была так взволнована, что не могла спокойно сидеть и, будучи вне себя от радости, думала о том, что в любое мгновение он может проснуться. Дважды на цыпочках я возвращалась в комнату и смотрела на него. Он повернулся во сне и больше не храпел.

Должно быть, я задремала на кушетке, когда почувствовала сквозь прерывистый сон, что кто-то стоит в комнате и, полупроснувшись, прошептала: – Я жду, когда проснется Исидоро Балтасар, – но знала, что не произвела ни звука. Я сделала сознательную попытку сесть, но шаталась от головокружения, пока не сумела сфокусировать глаза на человеке, стоящем рядом со мной. Это был Мариано Аурелиано.

– Исидоро Балтасар все еще спит? – спросила я его.

Старый нагваль долго и пристально смотрел на меня. Проверая, не сон ли это, я смело потянулась к его руке, чтобы только прикоснуться. Она обожгла меня, как огонь.

Он поднял брови, удивляясь моим действиям.

– Ты не сможешь увидеть Исидоро Балтасара до наступления утра. – Он говорил медленно, как будто произносить слова стоило ему больших усилий.

Прежде чем я имела возможность сказать, что уже все равно утро и что я подожду Исидоро Балтасара на кушетке, я почувствовала горящую руку Мариано Аурелиано у себя на спине, выталкивающую меня к порогу.

– Возвращайся в свой гамак.

Внезапно поднялся ветер. Я обернулась, чтобы возразить, но Мариано Аурелиано уже не было. Ветер отдавался у меня в голове как низкого звучания гонг. Звук становился все тише и тише, пока не превратился в пустую вибрацию. Я раскрыла рот, чтобы продлить последнее слабеющее эхо.

Я проснулась у себя в гамаке, одетая в принесенные Флориндой вещи. Автоматически, почти без мыслей, я вышла из дома и прошла во двор меньшего дома. Дверь была закрыта. Я несколько раз постучало, потом позвала, но никто не ответил. Я попыталась влезть в дом через окно, но окна тоже были на замке. Это так потрясло меня, что слезы навернулись на глаза. Я взбежала на холм на маленькую поляну рядом с дорогой, – единственное место, где можно запарковать машину. Фургон Исидоро Балтасара здесь не было. Я некоторое время шла вдоль грунтовой дороги, ища свежие следы колес автомобиля. Но их тоже не было.

Расстроенная более чем когда бы то ни было, я вернулась в дом. Зная, что бесполезно искать женщин в их комнатах, я остановилась в центре внутреннего дворика и завопила, зовя Флоринду на самых верхних нотах. Не было ни звука, кроме эха моего собственного голоса, разносившегося вокруг меня.

Бесчисленное количество раз я припоминала, что сказала Флоринда, но не могла ничего понять. Единственная вещь, в которой я могла быть уверена, – это то, что Флоринда заходила ко мне в комнату в середине ночи, чтобы принести вещи, которые сейчас на мне. Ее посещение и заявление, что Исидоро Балтасар возвратился, должно быть, вызвали у меня живые сны.

Чтобы прекратить свои спекуляции о том, почему я одна в доме – казалось, не было даже смотрителя, – я начала мыть полы. Уборка всегда оказывала на меня успокаивающий эффект. Я убрала все комнаты и кухню, когда услышала специфический звук мотора фольксвагена. Я выбежала на холм и так бурно бросилась к Исидоро Балтасару, прежде чем он выбрался из фургона, что повалила его на землю.

– Я все еще не могу ничего понять, – смеялся он, крепко обнимая меня. – Ты была единственной, о ком нагваль говорил мне так много. Знаешь ли ты, что я чуть не умер, когда они приветствовали тебя?

Он не ждал, пока я что-нибудь скажу, но снова сжал меня в объятиях и, смеясь, опустил на землю. Затем, как будто какой-то ограничивающий барьер разрушился внутри у него, он начал говорить без остановок. Он сказал, что знал обо мне уже год; нагваль говорил, что веряет ему таинственную девушку. Метафорически он описал ее: "двенадцать часов утра ясного дня, ни ветреного, ни тихого, ни холодного, ни теплого, что-то среднее между всем этим, руководимое лишь безумием".

Исидоро Балтасар сознался, что был настоящим ослом, когда немедленно решил, что нагваль так представляет ему его подругу.

– Что это еще за подруга? – коротко оборвала его я.

Он сделал резкое движение рукой, решительно недовольный моими словами. – Это рассказ не о фактах, – огрызнулся он. – Речь идет о представлениях. Ты можешь видеть, какой я идиот. – Его

раздражение быстро сменилось чудесной улыбкой. – Представляешь, я на самом деле поверил, что сам смогу узнать, кто эта девушка. – Он остановился на мгновение, потом тихо добавил, – я даже представлял замужнюю женщину с детьми при этом поиске.

Он глубоко вздохнул, затем ухмыльнулся и сказал:

– Мораль этой истории в том, что в мире магов каждый должен свести на нет свое эго, или всем нам конец. Ведь в этом мире нет способа для таких нормальных людей, как мы, предсказывать что-либо.

Потом, заметив, что я плачу, он взял меня за плечи и, удерживая на расстоянии длины рук, тревожно и внимательно посмотрел на меня.

– Что с тобой, нибелунга?

– Ничего, на самом деле ничего, – я смеялась между всхлипами, вытирая слезы. – У меня нет абстрактного ума, который может беспокоиться о мире абстрактных историй, – добавила я таким циничным тоном, каким только могла. – Я беспокоюсь о здесь и теперь. Ты даже не представляешь, что я пережила в этом доме.

– Конечно, я очень хорошо представляю, – отпаривал он с нарочитой резкостью. – Я бываю здесь уже в течение многих лет. – Он осмотрел меня глазами инквизитора и спросил:

– Мне очень хотелось бы знать, почему ты не сказала мне, что ты уже была с ними?

– Я собиралась, но не чувствовала, что это важно, – прошептала я в смущении. Потом мой голос зазвучал решительно и спокойно, и слова непроизвольно потекли из моих уст. – Оказывается, встреча с ними была единственной важной вещью из всего, что я когда-либо в жизни делала.

Чтобы скрыть удивление, я немедленно начала жаловаться, что меня оставили в доме совсем одну.

– У меня не было возможности сообщить тебе, что я уйду в горы с нагвалем, – прошептал он с внезапной неудержимой улыбкой.

– Я обо всем этом уже забыла, – уверила я его. – Я говорю о сегодняшнем дне. Сегодня утром, проснувшись, я ожидала, что ты будешь здесь. Я была уверена, что ты провел ночь в маленьком доме и спал на соломенном матрасе. Когда же не смогла найти тебя, то запаниковала.

Видя его озадаченное лицо, я рассказала о полуночном визите Флоринды, о последующем сне, и о том, как, проснувшись сегодня утром, я оказалась одна в доме. Я говорила бессвязно, так как все мои мысли и слова смешались, однако не могла остановиться.

– Есть так много вещей, которые я не могу принять, – сказала я, положив конец обличительной речи. – Я даже не могу опровергнуть их.

Исидоро Балтасар не сказал ни слова. Он смотрел на меня внимательно, как будто ожидал, что я продолжу, его брови поднялись от удивления и стали похожи на арку. У него было худое и вытянутое лицо цвета дыма. От его кожи веяло странной прохладой и слабым запахом почвы, словно он провел свою жизнь под землей в пещере.

Все мои суматошные мысли исчезли, когда я посмотрела в его зловещий левый глаз с ужасным, безжалостным взглядом. В этот момент больше не имело значения, что было истинной правдой, а что – иллюзией, сном без сна. Я беззвучно засмеялась, чувствуя себя легкой, как ветер. Потом начала ощущать невыносимую тяжесть, опускавшуюся на мои плечи. Я узнала это. Флоринда, Мариано Аурелиано, Эсперанса и зритель – все они имели такой глаз. Предопределенный навсегда быть без чувств, без эмоций, этот глаз отражал пустоту. Как если бы сам глаз был открыт достаточно, но внутри века – как в глазу ящерицы – прикрытый слева зрачок.

Прежде чем я успела что-нибудь сказать о его глазе мага, Исидоро Балтасар закрыл оба глаза на мгновение. Когда он открыл их снова, это были совсем одинаковые, темные и сияющие от смеха глаза, а магический глаз исчез, словно иллюзия. Он обнял меня одной рукой за плечи, и мы пошли вверх на холм.

– Возьми свои вещи, – сказал он как раз перед тем, как мы подошли к дому. – Я подожду тебя в машине.

Было странным то, что он не пошел со мной, но я отчего-то не спросила почему. Только когда я собирала свои немногочисленные вещи, мне пришло на ум, что, возможно, он боялся женщин. Это допущение заставило меня беззвучно смеяться: я внезапно знала с уверенностью, которая изумляла, что единственное, чего Исидоро Балтасар не боится, – это женщины.

Я все еще смеялась, когда подошла к фургону у подножия холма. Я раскрыла было рот, чтобы описать Исидоро Балтасару причину своего веселья, но вдруг странные и неистовые эмоции потоком хлынули на меня. Удар был такой силы, что я не могла говорить. То, что я чувствовала, не было сексуальным влечением, не было это и платонической привязанностью. Это не было похоже на чувство, которое я испытывала к моим родителям, братьям и друзьям. Я просто любила его любовью, не запятанной никакими ожиданиями, сомнениями, страхами.

Как будто я сказала обо всем этом без звука, Исидоро Балтасар обнял меня так горячо, что стало трудно дышать.

Мы выехали очень медленно. Я выглянула из окна машины, надеясь заметить фигуру зрителя среди фруктовых деревьев.

– Странно чувствуешь себя, когда так уезжаешь, – размышляла я, усаживаясь обратно на свое сиденье. – Конечно, Флоринда попрощалась со мной прошлой ночью. Но я бы хотела поблагодарить Эсперансу и зрителя.

Грунтовая дорога вела вокруг холма, и когда мы достигли крутого поворота, стала видна задняя часть маленького дома. Исидоро Балтасар остановил машину и выключил мотор. Он указал на хрупкого старика, сидящего на деревянном ящике перед домом. Я хотела выскочить из машины и взбежать на холм, но он вернул меня.

– Только помаши ему, – прошептал он.

Смотритель поднялся с ящика. Его свободный жакет и брюки развевались на ветру, словно крылья. Он тихо засмеялся, потом наклонился назад и, слившись с порывом ветра, сделал двойное сальто назад. Мгновение он казался подвешенным высоко в воздухе. Он не приземлился на землю, но исчез, как будто бы ветер унес его прочь.

– Куда он ушел? – прошептала я в благоговении.

– На другую сторону, – Исидоро Балтасар смеялся с детским восхищением. – Это его способ сказать тебе "до свидания".

Он сел в машину, и мы снова двинулись. Он подшучивал надо мной, поглядывая на меня время от времени и передразнивал.

– Что тебя беспокоит, нибелунга? – спросил он наконец.

– Ты знаешь кто он, разве нет? – произнесла я обвиняюще. – Он не смотритель, ведь так?

Исидоро Балтасар слегка нахмурился, затем после долгого молчания напомнил мне, что для меня нагваль Хуан Матус был Мариано Аурелиано. Он уверил меня, что должны быть очень важные причины в том, что я знаю его под этим именем.

– Я уверен, что у старика есть очень веские основания для того, чтобы не открывать тебе свое имя.

Я доказывала, что с тех пор, как я знаю, кто такой Мариано Аурелиано, я не вижу смысла в таком странном поведении старика.

– И еще, – подчеркнула я самодовольно. – Я знаю, кто такой смотритель. – Я мельком взглянула по сторонам, чтобы видеть реакцию Исидоро Балтасара. Его лицо ничего не выражало.

– Как и все люди в мире магов, смотритель – маг, – сказал он. – Но ты не знаешь, кто он. – Он на мгновение повернулся ко мне, а затем опять сконцентрировался на дороге.

– После всех этих лет я точно не знаю, кем любой из магов является на самом деле, в том числе нагваль Хуан Матус. Так как я с ним уже долго, то, кажется, знаю, кто он. Однако когда он оборачивается спиной, я всегда в проигрыше.

Очень увлеченно Исидоро Балтасар продолжал говорить, что в повседневной жизни наши субъективные состояния распределяются между всеми нашими друзьями. Поэтому мы всегда знаем, что наши друзья сделают в данных условиях.

– Ты ошибаешься, ты смертельно неправ, – закричала я. – Не знать о том, что наши друзья сделают в определенных условиях, – самое захватывающее в жизни. Это одна из многих захватывающих вещей. Не говори мне, что ты хочешь их отбросить.

– Мы не знаем, что наши друзья сделают на самом деле, – объяснял он терпеливо. – Но мы можем составить список возможностей, которые окажутся правильными. Уверяю тебя, это очень длинный список, бесконечный перечень. Мы не должны спрашивать наших друзей об их предпочтении в вопросах порядка составления этого списка. Все, что нам нужно делать, это поставить себя на их место и отмечать возможности, подходящие нам. Они будут истинны для всех, потому что мы разделяем их. Наши субъективные состояния распределяются на всех.

Он сказал, что наши субъективные знания о мире известны нам как здравый смысл, который может слегка отличаться от группы к группе, от культуры к культуре. Но несмотря на все эти различия, здравый смысл достаточно однороден, чтобы оправдать заявление, что повседневный мир – мир межсубъектный.

– Маги, однако, приспособились к тому, что здравый смысл вообще не задействуется, – отметил он. – У них есть другой вид здравого смысла, потому что у них другие субъективные состояния.

– Ты имеешь в виду, что они как существа с другой планеты? – спросила я.

Исидоро Балтасар засмеялся.

– Да, они как существа с другой планеты.

– И поэтому они так таинственны?

– Я не думаю, что таинственность – это правильный термин, – заметил он задумчиво. – Они по-другому общаются с повседневным миром. Их поведение кажется таинственным нам, потому что мы не разделяем их взглядов. А так как мы не имеем никаких стандартов, чтобы измерить, что есть повседневный мир для них, нам проще верить, что их поведение таинственно.

– Они делают то же, что и мы: они спят, они готовят пищу, они читают, – вставила я. – Хотя я никогда не могла поймать их в действии. Поверь мне, они таинственны.

Улыбаясь, он покачал головой.

– Ты видела все, что они хотели, чтобы ты видела, – настаивал он. – И хотя они ничего не скрывали от тебя, ты не могла видеть. Это все.

Я была близка к тому, чтобы возразить, но боялась, что это не понравится ему. Ведь не так важно, прав ли он, кроме того, я действительно не поняла, о чем он говорил, однако почувствовала, что все попытки узнать что-либо не дали мне ключа к тому, кем были эти люди или что они делали. Вздохнув, я закрыла глаза и опустила голову на спинку сидения.

Пока мы ехали, я снова начала говорить о своем сне: насколько реальным было видеть его храпящим на соломенном матрасе. Я рассказала ему о диалоге с Мариано Аурелиано, о тепле его руки. Чем больше я говорила, тем больше убеждалась, что это был вовсе не сон. Я пришла в такое возбужденное состояние, что перестала плакать.

– Я не знаю, что они сделали со мной, – сказала я. – Я не совсем уверена, во сне я или нет даже сейчас. Флоринда говорила мне, что я сновидижу-наяву.

Исидоро Балтасар кивнул, потом тихо сказал:

– Нагваль Хуан Матус называет это состоянием повышенного осознания.

– Повышенного осознания, – повторила я.

Слова легко сорвались с моего языка, несмотря на то, что они звучали совсем не так как сновидение-наяву. Я смутно вспомнила, что слышала их раньше. Или Флоринда, или Эсперанса пользовались этим термином, но я не могла вспомнить, в каком контексте. Слова были на грани того, чтобы подсказать не

что-то важное, но мозг уже слишком устал от безуспешных попыток перечислить, что я делала день за днем в доме магов.

Как бы я ни старалась, все равно оставались определенные эпизоды, которые невозможно было пересказать. Я нащупывала слова, которые сразу же как-то тускнели и умирали перед самыми моими глазами, так же, как и картины, полууиденные и полувспомненные. Не то чтобы я забыла что-нибудь, но образы приходили ко мне фрагментарно, как не совсем подходящие куски головоломки. Это забывание было физическим ощущением, как будто туман застилал часть моего мозга.

– Так сновидение-наяву и повышенное осознание – это одно и то же?!

Более чем вопрос, это было заявление, смысл которого выскочил из меня. Я передвинулась на сиденье, поджимая под себя ноги, садясь лицом к Исидоро Балтасару. Солнце подчеркивало его профиль. Черные вьющиеся волосы ниспадали с высокого лба, четкие скулы, крупный нос и подбородок, точеные губы делали его похожим на римлянина.

– Я, наверное, до сих пор в повышенном осознании, – сказала я. – Я никогда не замечала тебя раньше.

Машина качнулась на дороге, когда Исидоро Балтаса запрокинул голову назад и засмеялся.

– Ты определенно сновидишь-наяву, – заявил он, хлопнув ладонями по коленям. – Разве ты не помнишь, что я маленький, смуглый, и выгляжу по-домашнему?

Я хихикнула. Не потому, что согласилась с его описанием, но потому, что это было единственное, что я вспомнила о нем: лекция, которую он давал в день, когда мы формально познакомились. Мое веселье сразу же превратилось в страшное беспокойство. Казалось, что прошли месяцы вместо двух только дней, с тех пор, как мы приехали в дом магов.

– Время идет по-другому в мире магов, – сказал Исидоро Балтасар, как будто он говорил без звука. – И каждый ощущает его по-разному.

Потом он признался, что одним из наиболее сложных аспектов его ученичества было иметь дело с соответствием событий потоку времени. Часто все они смешивались в уме, спутывая образы, опускавшиеся вглубь, когда он пытался на них сфокусироваться. – Только сейчас с помощью нагваля я вспомнил те аспекты и события обучения, которые произошли несколько лет назад, – сказал он.

– Как он помогает тебе? – спросила я. – Он тебя гипнотизирует?

– Он заставляет меня изменять уровни осознания, и когда это происходит, я не просто вспоминаю прошлые события, я заново переживаю их.

– Как он это делает? – не унималась я. – Я имею в виду заставляет тебя изменять уровни.

– До недавнего времени я полагал, что это совершалось резким хлопком по спине между лопатками, – сказал он. – Но сейчас я совершенно уверен, что просто его присутствие заставляло меня изменять уровни осознания.

– Значит, он гипнотизировал тебя, – настаивала я.

Он покачал головой и сказал:

– Маги – мастера изменения уровней осознания. Некоторые из них настолько сильны, что могут изменять уровни осознания у других.

Я кивнула. У меня уже имелось множество вопросов, но он жестом попросил терпения.

– Маги, – продолжал он, – заставляют увидеть, что природа окружающей реальности отлична от того, какой мы ее воспринимаем, вернее от того, какой нас научили ее воспринимать. На интеллектуальном уровне мы заставляем себя самих убедиться, что культура предопределяет, кто мы есть, как себя вести, что мы должны знать, что мы способны чувствовать. Но мы не желаем воплощать эту идею, приняв ее как конкретное практическое предложение. Причина в том, что мы не принимаем утверждения, что культура также предопределяет и то, что мы способны воспринимать.

Магия позволяет нам осознать другие реальности, различные возможности, касающиеся не только окружающего нас мира, но и нас самих, в такой степени, какой мы даже не можем себе представить в самых смелых предположениях о себе самих и о нашем окружении.

Меня удивило, что я сумела принять его слова так легко, хотя и не поняла их.

– Маг не только осознает различные реальности, – продолжал он, – но и использует эти знания на практике. Маги знают – не только интеллектуально, но и практически, – что реальность, или мир как мы его знаем, заключается во взятом у каждого из нас согласии в том, каков этот мир. Согласие может быть разрушено, так как это всего лишь социальное явление. И как только оно будет разрушено, весь мир рухнет вместе с ним.

Заметив, что я не могу следовать за его мыслью, он попытался представить ее с другой стороны. Он сказал, что социальный мир ограничивает наше восприятие в пределах его пригодности вести нас через путаницу переживаний в повседневной жизни. Социальный мир определяет, что нам воспринимать, то есть ставит рамки нашим способностям восприятия.

– Восприятие мага действует за пределами согласованных рамок, – отметил он. – Они построены и поддерживаются словами, языком, мыслями. Это и есть согласование.

– А маги не соглашаются? – спросила я на всякий случай, пытаюсь понять то, что он говорит.

– Они соглашаются, – сказал Исидоро Балтасар, радостно улыбнувшись. – Но у них совершенно иное соглашение. Маги отбрасывают обычное соглашение не только интеллектуально, но также и физически, или еще как бы там это ни называть. Маги разрушают рамки социально определенного восприятия, и чтобы понять, что они имеют в виду, надо начать с практики. Поэтому каждый должен быть предан идее, каждый должен расстаться с разумом так же, как и с телом. Это должен быть бесстрашный и сознательный выбор.

– Тело? – спросила я подозрительно, немедленно заинтересовавшись, какой вид ритуала может предполагаться. – Что они хотят от моего тела?

– Ничего, нибелунга, – засмеялся он. Потом уже серьезным добрым тоном добавил, что ни мое тело, ни мой разум не были еще в таком состоянии, чтобы следовать трудному пути магов. Видя, что я готова запротестовать, он быстро признал, что ничего дурного не произошло ни с моим умом, ни с моим телом.

– Одну минутку! – резко прервала я.

Исидоро Балтасар проигнорировал мой порыв и продолжал, что мир магов – обманчивый мир, и что недостаточно понять его интуитивно. Каждому нужно также усвоить его интеллектуально.

– Вопреки тому, во что верят люди, – объяснял он, – маги не практикуют мрачные эзотерические ритуалы, но стоят впереди нашего времени. А суть нашего времени – это разум. В целом мы разумные люди. Маги, однако, люди разума, что имеет совсем другое значение. Маги романтически относятся к идеям; они развили разум до его пределов, поверив для этого, что только при полном понимании интеллект может включить в себя принципы магии без потерь со стороны его уравновешенности и целостности. Именно в этом маги решительно отличаются от нас. У нас очень мало уравновешенности и еще меньше целостности.

Он посмотрел на меня с ясной улыбкой. У меня было неприятное впечатление, что он знает точно, о чем я думаю, или даже о том, о чем я вообще не могу думать. Я поняла его слова, но их значение ускользнуло от меня. Я не знала, что сказать. Я даже не знала, о чем спросить. Впервые в жизни я чувствовала себя крайне глупо. Это состояние не заставляло чувствовать себя неадекватно, хотя я ясно понимала, что он прав. Я всегда очень поверхностно и неглубоко относилась к интеллекту. Быть романтической в идеях – это абсолютно чуждая для меня концепция.

Через несколько часов мы были на границе США в Аризоне. Было очень трудно вести машину, так как начала сказываться усталость. Я хотела поговорить, но не знала, что сказать, – даже не так: – я не могла найти слов, чтобы выразить себя. Во мне был какой-то испуг после всего, что случилось. Это было новое ощущение!

Чувствуя мою неуверенность и дискомфорт, Исидоро Балтасар начал говорить. Он искренне согласился, что мир магов часто ставит его в тупик даже сейчас, после стольких лет обучения и сотрудничества с ними.

– И когда я говорю "обучение", я действительно имею в виду обучение. – Он засмеялся и хлопнул по коленям, чтобы подчеркнуть свое заявление.

– Только сегодня утром я был полностью разгромлен миром магов совершенно неопишуемым способом.

Он говорил тоном, в котором звучало наполовину утверждение, наполовину недовольство, еще в его голосе была такая восторженная энергия, прекрасная внутренняя сила, что я почувствовала себя приподнято. Создалось впечатление, что он может делать, выносить, воспринимать все что угодно, даже не имеющее смысла. Я почувствовала в нем волю преодолеть все препятствия.

– Представь, я действительно думал, что уехал с навалом только на два дня. – Смеясь, он повернулся и встряхнул меня свободной рукой.

Я была так поглощена звуком и живостью его голоса, что совсем не понимала, о чем он говорит. Я попросила его повторить то, что он сказал. Он повторил, и я опять упустила, что он имел в виду.

– Я не уловила, что тебя так сильно волнует, – сказала я наконец, внезапно раздражаясь из-за своей неспособности понять то, что он пытается мне сказать. – Ты уезжал на два дня. Ну и что из этого?

– Что?! – Его громкое восклицание заставило меня подпрыгнуть на сиденье, и я ударила головой о крышу фургона.

Он посмотрел прямо мне в глаза, но не сказал ни слова. Я знала, что он не обвиняет меня, еще я чувствовала, что он пытается развлечься моей угрюмостью, моими изменениями настроения, моим отсутствием внимания. Он остановил машину у края дороги, выключил мотор, затем повернулся на своем месте лицом ко мне.

– А сейчас я хочу, чтобы ты рассказала мне все, что ты можешь, о своем опыте.

В его голосе было нервное волнение, нетерпеливость, энергия. Он уверил меня, что согласование событий не имеет значения.

Его неотразимая обаяющая улыбка так успокаивала, что я рассказала очень легко все, что помнила.

Он слушал внимательно, посмеиваясь время от времени, подгоняя меня движением подбородка всякий раз, когда я запинаясь.

– Значит, все это случилось с тобой за... – он сделал паузу, смотря на меня сияющими глазами, затем добавил: – два дня?

– Да, – сказала я твердо.

Он широким жестом провел руками по груди.

– Ну, тогда у меня для тебя есть новость, – сказал он. Веселье в его глазах изобличало серьезность тона, придавая особое выражение его четко очерченному рту.

– Я уезжал на двенадцать дней. Но я думал, что их было только два. Я думал, что ты собираешься принять во внимание иронию этой ситуации, потому что ты лучше сохраняешь счет времени. Однако это не так. Ты совсем такая же, как и я. Мы потеряли десять дней.

– Десять дней, – пробормотала я, смутившись, потом отвернулась, чтобы посмотреть в окно.

За оставшуюся часть путешествия я не сказала ни слова. Это не значит, что я не поверила ему. Это не значит, что я не хотела говорить. Мне нечего было сказать даже когда я купила в Лос-Анжелесе "Тайме" в первом же киоске, и когда подтвердилось, что я потеряла десять дней. Но где они действительно потеряны?

Я задавала себе этот вопрос и не жаждала ответа.

Глава 12

Офис-студия Исидоро Балтасара представляла собой прямоугольную комнату, выходящую окнами на стоянку автомобилей. Еще там была маленькая кухня и розовокафельная ванная. Он привез меня туда ночью, когда мы вернулись из Соноры. Слишком измученная, чтобы обращать на что-либо внимание, я тащила за ним два лестничных пролета, потом по устланному темным ковром коридору к квартире номер восемь. В момент, когда моя голова коснулась подушки, я уже спала, и мне снилось, что мы все еще в пути. Дело в том, что мы ехали без остановки всю дорогу от Соноры, сменяя друг друга за рулем и останавливаясь только чтобы поесть или наполнить бак горючим.

Квартира была обставлена беспорядочно. Кроме двуспальной кровати там был еще раскладной журнальный столик, служивший письменным столом, складной стул и два металлических бюро, в которых он хранил свои полевые заметки. Несколько костюмов и полдюжины рубашек висели в двух больших стеновых шкафах в коридоре. Остальное пространство занимали сложенные в стопки книги. Книжных шкафов вообще не было. Казалось, к книгам никогда никто не притрагивался, тем более – не читал. Шкафчики на кухне тоже были набиты книгами, и только на одной полке оставалось место для тарелки, кружки, ножа, вилки и ложки. На газовой плите стояли чайник и кастрюля.

В течение трех недель я нашла для себя новую квартиру примерно в миле от кампуса УКЛА, совсем рядом с офисом-студией Исидоро Балтасара. Однако я продолжала проводить большую часть времени у него. Он поставил вторую кровать для меня, ломберный столик и бюро – такое же как и у него – в другом конце комнаты.

Через шесть месяцев Сонора стала для меня чем-то вроде мифа. Не желая больше прятать все это в потаенные уголки памяти, я сопоставила воспоминания о двух моих поездках туда. Но как ни старалась, я не могла ничего вспомнить о потерянных одиннадцати днях: одном – при первом путешествии, десяти – при втором.

Исидоро Балтасар отказался даже упоминать о потере этих дней. Временами я была полностью согласна с ним; мне была ясна абсурдность обдумывания тех потерянных дней, потому что я просто ничего не могла вспомнить о них и была благодарна ему за то, что он не придавал значения случившемуся. Было понятно, что Исидоро Балтасар бережет меня. Но временами я без всякой причины испытывала сильнейшее негодование. Помочь мне – это его долг, повторяла я себе, так как была убеждена, что он преднамеренно что-то скрывает.

– Ты ведешь себя по-идиотски, когда твердишь одно и то же, – наконец сказал он однажды. – И вся эта суета бессмысленна, потому что она ни к чему не приведет.

Мгновение он колебался, будто сопровитываясь голосу, готовому что-то произнести, потом пожал плечами и добавил требовательным тоном:

– Почему ты не используешь ту же энергию в более полезных целях, таких, например, как отслеживание и контроль своих плохих привычек?

Вместо того, чтобы принять такую точку зрения, я немедленно контратаковала с еще одной кипевшей во мне обидой. Я все еще не познакомилась с другими молодыми женщинами, которые были вверены Исидоро Балтасару старым нагвалем.

Он так много говорил о них, что казалось, я их уже знаю. Когда бы я ни спросила о них, он всегда отвечал очень обстоятельно. О них он говорил восторженно и с глубоким, явно неподдельным восхищением утверждал, что любой описал бы их как привлекательных, умных и совершенных женщин – у них у всех были университетские дипломы, – самоуверенных и воинственно независимых. Для него, однако, они были более чем все это; они были магическими существами, которые разделяли его судьбу. Их соединяли узы привязанности и обязательств, которые ничего общего не имели с социальным порядком. Говоря проще, они разделяли общий поиск свободы.

Однажды я даже поставила ему ультиматум:

– Ты возьмешь меня к ним или нет?

Исидоро Балтасар весело рассмеялся глубоким, сдавленным смехом.

– Я могу сказать тебе только то, что на самом деле все не так, как ты себе представляешь, – сказал он. – И нет способа сказать, когда ты наконец встретишься с ними. Тебе нужно только ждать.

– Я уже достаточно долго жду! – закричала я и, увидев, что он никак не реагирует, добавила насмешливо:

– Если ты думаешь, что я могу найти группу женщин в Лос-Анжелесе, то ты заблуждаешься. Я даже не знаю, где начать искать.

– Ты найдешь их тем же способом, что и меня, – ответил он. – Так же, как ты нашла Мариано Аурелиано.

Я подозрительно посмотрела на него. Мне показалось, что у него были какие-то тайные умыслы.

– Я не искала тебя, – капризно заметила я. – Так же, как я не искала Мариано Аурелиано. Поверь мне, встреча с тобой и с ним – это совершенная случайность.

– Нет случайных встреч в мире магов, – проговорил он.

Я была на грани того, чтобы сказать, что не нуждаюсь в добрых советах, когда он добавил серьезным тоном:

– Ты встретишь их в свое время. Их не нужно искать.

Отвернувшись к стене, я сосчитала до десяти, потом повернулась к нему, улыбаясь, и сказала приветливо:

– Проблема в общении с тобой состоит в том, что у тебя характер типично латинского склада. Для тебя завтра всегда достаточно хорошее. Тебе не нужно, чтобы вещи были более или менее определенными. – Я повысила голос, чтобы он не прервал меня. – Я настаиваю на встрече с твоими друзьями, чтобы все ускорить.

– Все ускорить? – повторил он, не понимая, о чем речь. – Что ускорить?

– Ты говорил мне на днях, что осталось так мало времени, – напомнила я. – Ты всегда говоришь о том, как важно для меня встретить их, а сам ведешь себя так, как будто у тебя впереди вечность.

– Я непрерывно говорю тебе это потому, что хочу, чтобы ты спешила очистить свое собственное существование, а не потому, что я хочу бессмысленных действий, выполненных так быстро, как тебе заблагорассудится, – сказал он раздраженно. – Не мое дело – представлять их тебе. Если бы это было в моей власти, я бы не сидел здесь, слушая твои глупости.

Он закрыл глаза и вздохнул с преувеличенно фальшивым смирением. Затем улыбнулся и пробормотал тихо:

– Ты слишком глупа, чтобы понять, что происходит.

– Ничего не происходит, – вспылила я, выведенная из себя его оскорблением. – Я не так глупа, как ты думаешь. Я заметила атмосферу двойственности в твоих реакциях на меня. Иногда у меня создается отчетливое впечатление, что ты не знаешь, что со мной делать.

– Я знаю, конечно, что делать, – возразил он.

– Тогда почему ты всегда проявляешь нерешительность, если я что-нибудь предлагаю? – слова вырвались у меня одним аккордом.

Исидоро Балтасар внимательно посмотрел на меня. В какой-то момент я ожидала, что он набросится на меня со всеми злыми и грубыми словами, какие он только знает, и разгромит меня резкой критикой. Но его голос был на удивление вежливым, когда он сказал, что я абсолютно права в оценках.

– Я всегда жду, пока события совершат выбор за меня, – подтвердил он. – И тогда действую со всей скоростью и решительностью. Я оставляю тебя позади, если ты не будешь начеку.

– Я и так уже далеко позади, – произнесла я обиженным голосом. – С тех пор как ты не помог мне найти этих женщин, я обречена оставаться позади.

– Но это действительно не самый неотложный вопрос, – сказал он. – Ты все еще не приняла решения – вот в чем проблема.

Он поднял брови, как будто ждал, что я снова вспылю.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Что именно я должна решить?

– Ты не решила, присоединиться ли к миру магов. Ты стоишь на пороге, заглядываешь внутрь, наблюдая за тем, что же случится. Ты ожидаешь какой-то практической пользы, которая бы сделала этот мир заслуживающим твоего времени.

Слова протеста поднимались во мне. Но еще раньше, чем я позволила выплеснуться своему глубокому возмущению, он сказал, что у меня сложилось ошибочное впечатление, что переезд в новую квартиру и то, что я отказалась от старого образа жизни, – это на самом деле перемены.

– А что же это тогда? – саркастически спросила я.

– Ты ничего не оставила позади, кроме своих вещей, – произнес он, не обращая внимания на мой тон. – Для некоторых людей это гигантский шаг. Для тебя – это ничто. Ты не связана имуществом.

– Да, это так, – согласилась я, а потом стала настаивать, что что бы он ни думал по этому поводу, я приняла решение вступить в мир магов уже давно. – Как ты думаешь, почему я сижу здесь, если я еще не вступила в этот мир?

– Конечно же ты вступила – телом, но не духом. Сейчас ты ждешь чего-то вроде карты, какого-то поддерживающего плана, чтобы принять окончательное решение. А пока ты будешь продолжать приспособливаться к нему. Главная твоя проблема в том, что ты хочешь убедиться, что у мира магов есть что тебе предложить.

– А разве нет? – воскликнула я.

Исидоро Балтасар повернулся и с восторгом взглянул на меня.

– Да, у него есть нечто такое, что он может предложить. Это свобода. Однако нет никакой гарантии, что в достижении ее ты добьешься успеха. То же можно сказать и о любом из нас.

Я кивнула задумчиво, а потом спросила, что же нужно сделать, чтобы убедить его, что я согласна вступить в мир магов.

– Тебе не надо убеждать меня. Ты должна убедить дух. Ты должна закрыть дверь за собой.

– Какую дверь?

– Ту, которую ты все еще держишь открытой. Дверь, которая позволит выйти в случае, если тебе что-либо не понравится или не удовлетворит твои ожидания.

– Уж не считаешь ли ты, что я могу уйти?

Он посмотрел на меня с таинственным выражением, потом пожал плечами и голосом, который был ближе к шепоту, сказал:

– Это между тобой и духом.

– Но если ты сам веришь, что...

– Я не верю ни во что, – коротко оборвал он. – Ты пришла в этот мир тем же путем, что и любой другой. Это не есть действие какого-нибудь конкретного лица. И не будет чьим-либо действием, если ты или кто-нибудь другой решит покинуть его.

Я сконфуженно посмотрела на него:

– Но, конечно, ты попытаешься меня убедить... если я... – я запнулась.

Он тряхнул головой, прежде чем я закончила говорить.

– Я не стану убеждать тебя или кого-то другого. Не будет никакой силы в твоём решении, если тебя нужно поддерживать всякий раз, когда ты споткнешься или засомневаешься.

– Но кто поможет мне? – спросила я в растерянности.

– Я. Я твой слуга. – Он улыбнулся, но не цинично, а застенчиво и мило. – Но прежде всего я служу духу. Разница в том, чтобы быть не рабом, но слугой духа. Рабы не имеют выбора, у слуг он есть. Их выбор – служить безупречно.

– Моя помощь не в счет, – продолжал он. – Я не могу убедить тебя, и конечно же ты не можешь убедить меня или мир магов. Главная предпосылка этого мира: не делается ничего такого, что может быть расценено как полезное; разрешаются только стратегические действия. Именно этому учил меня нагваль Хуан Матус, и это способ, которым я живу: маг практикует то, что проповедует. И еще: ничего не делается в практических целях. Когда ты станешь понимать и практиковать все это, ты закроешь за собой дверь.

Между нами установилось долгое неподвижное молчание. Я крутилась на своей кровати. Мысли вертелись у меня в голове. Возможно, никто из магов не поверит мне, но я действительно изменилась, это изменение было почти незаметным вначале. Я обратила на него внимание, потому что оно произошло с наиболее сложной вещью, с которой сталкиваются почти все женщины: ревностью и потребностью все знать.

Мои приступы ревности были притворными, – не всегда осознанные, они были все-таки чем-то вроде позы. Что-то во мне требовало, чтобы я ревновала ко всем другим женщинам в жизни Исидоро Балтасара. Но одновременно что-то во мне остро осознавало, что жизнь нового нагваля не была жизнью обычного мужчины, не была она и жизнью мужчины, который может иметь много жен. Наши отношения, если это можно так назвать, не походило на какие бы то ни было обычные формальные отношения, и не имело значения, какую форму я пыталась им придать. Для ощущения обладания и для того, чтобы ревновать, необходимо, чтобы эти чувства выражались, и не только у тебя самого, но и у партнера. А Исидоро Балтасар вообще не проявлял стремлений, желаний, чувств и эмоций обычного мужчины.

Мое желание знать все о жизни Исидоро Балтасара было непреодолимой потребностью; меня просто терзало то, что он никогда не позволял мне действительно проникнуть в его личную жизнь. А еще, – я ничего не делала для этого. Часто я напоминала себе, что было бы очень просто последить за ним или покопаться в его бумагах, чтобы понять раз и навсегда, кто же он на самом деле. Но я не могла. Что-то во мне знало, что я не смогу продолжать общаться с ним как раньше, если сделаю это. То, что меня останавливало, – было более чем уважение чужой собственности, это было доверие, которым он облек меня. Он предоставил мне полный доступ ко всему, что ему принадлежало, и это сделало его не только на деле, но даже в моих мыслях неприкосновенным.

Я беззвучно рассмеялась. Я поняла, что это стратегическое действие воина. Исидоро Балтасар ошибся. Он принял мои врожденные привычки – замкнутость и германскую ограниченность – за недостаток воинственности. Это уже не имело значения. Я знала, что наконец начала понимать и практиковать стратегию воина, хотя бы тогда, когда он был – не обязательно в студии, но был в Лос-Анжелесе. Однако в его отсутствие я часто начинала сомневаться, и когда это происходило, я обычно приходила спать в его студию.

Однажды ночью, когда я сунула свой ключ в замок, я вдруг ощутила, что чья-то рука схватила меня и втащила вовнутрь. Я завопила в ужасе.

– Что... что это... – произнесла я, заикаясь, когда рука, которая держала меня, резко отпустила. Пытаясь сохранить равновесие, я удержалась за стену. Сердце вырывалось из груди. – Флоринда! – Я ошеломленно уставилась на нее. На ней был длинный халат, собранный на талии. Ее волосы свободно ниспадали по бокам и сзади. Мне стало интересно, реальна она, или просто призрачное видение, обрамленное тусклым светом, падающим из-за плеч. Я двинулась к ней и исподтишка дотронулась до ее рукава.

– Это ты, Флоринда? Или, может быть, я сновиджу?

– Нет, это реальность, милая. Это действительно я.

– Как ты добралась сюда? Ты здесь одна? – Я хорошо понимала, что бесполезно спрашивать ее об этом.

– Если бы я знала, что ты придешь, я бы раньше начала уборку, – произнесла я, пытаясь улыбнуться. Губы прилипли к зубам. – Я люблю убирать студию Исидоро Балтасара ночью. Я всегда убираю ночью.

Вместо того, чтобы что-нибудь сказать, Флоринда повернулась в профиль, так что свет бил ей в лицо. Опасная искра появилась в ее глазах. – Я говорила тебе никогда не следовать ни за кем из нас и никогда не приходите без приглашения. Ты везучая, – сказала она. – Ты должна быть счастлива, что я, а не кто-нибудь другой втащил тебя сюда сегодня ночью.

– А кто еще мог втащить меня? – спросила я с показной храбростью, которой совершенно не ощущала.

Флоринда пристально посмотрела на меня еще мгновение, потом повернулась и, пожав плечами, сказала: – Кто-нибудь, кто бы не обратил внимания, если бы ты умерла от испуга. – Она слегка повернула голову, так что ее профиль был подчеркнут призрачным светом. Она тихо смеялась и, взмахивая рукой в воздухе, как будто вытирая произнесенные только что слова, прошла через всю комнату на маленькую кухню. Казалось, она не шла, а скользила в каком-то замысловатом танце. От этого длинные черные волосы рассыпались у нее по спине, мерцая в неопределенном свете, как серебряная завеса.

Пытаясь имитировать ее изящную походку, я последовала за ней. – У меня есть ключ, ты знаешь, – сказала я. – Я прихожу сюда в любой день и в любое время с тех пор, как мы вернулись из Соноры. На самом деле я практически живу здесь.

– Разве Исидоро Балтасар не говорил тебе не приходите сюда, когда он в Мексике? – Флоринда говорила ровным тоном. Она не обвиняла меня, я это чувствовала.

– Может быть, он и упоминал что-нибудь в этом роде, – заметила я с показным безразличием. Видя, что она нахмурилась, я почувствовала необходимость защититься. Я сказала ей, что часто бываю здесь сама и мне кажется, что не существует особенного различия, в пяти ли милях отсюда Исидоро Балтасар или в ста. Ободряемая ее повторяющимися кивками, я сообщила по секрету, что кроме того, что выполняю здесь школьные задания, я часами разбираю книги в стопках. Я распределила их по авторам и по тематике. – Некоторые книги совсем новые, и страницы в них все еще не разрезаны, – рассказывала я. – Я отложила их. Фактически это то, зачем я пришла сюда сегодня.

– В три часа утра? – удивилась Флоринда.

Заливаясь краской от смущения, я кивнула. – Нужно разрезать еще очень много страниц. Такую работу можно делать целую вечность, так как нужно быть очень внимательной, чтобы не повредить страницы. Однако эта работа успокаивает и помогает мне уснуть.

– Удивительно, – тихо проговорила Флоринда. Воодушевленная ее явным одобрением, я продолжала:

– Я уверена, ты можешь понять, что дает мне пребывание здесь, – сказала я. – В этой квартире я чувствую себя обособленной от моей старой жизни, от всего и всех, кроме Исидоро Балтасара и его магического мира. Даже сам воздух наполняет меня ощущением полной изолированности. – Я вздохнула

длинно и громко. – Здесь я никогда не чувствую себя одиноко. Что-то в атмосфере этого дома напоминает мне дом магов. Та самая прохлада и недостаток чувств, которые тогда впервые я нашла такими тревожными, исходящими от стен. Но это именно то отсутствие тепла, та изолированность, которую я ищу и днем, и ночью. Мне кажется, именно она меня чудесно успокаивает. Она дает мне силу.

– Навероятно, – прошептала Флоринда как бы в неведении и поставила чайник в раковину. Она что-то сказала, но что, я не расслышала из-за шума воды, потом поставила наполненный чайник на плиту.

– Я счастлива, что ты именно так чувствуешь себя в этом доме, – сказала она, драматически вздыхая. – Ты, должно быть, ощущаешь безопасность в этом маленьком гнезде от знания того, что у тебя есть партнер. – Она добавила самым шутливым тоном, что мне нужно делать все, чтобы Исидоро Балтасар был счастлив, включая занятия любовью, которые она описала с устрашающей прямоотой.

Я уставилась на нее, разинув рот, ошеломленная тем, что слышу такие вещи. С уверенностью и сноровкой того, кто хорошо знаком со странной обстановкой кухни, она достала две кружки, мой личный чайник для заварки и пакет шоколадного печенья, который я прятала в кухонном шкафчике за толстыми томами немецкого и французского словарей.

Улыбаясь, Флоринда повернулась ко мне и неожиданно спросила: – Кого ты надеялась встретить здесь сегодня?

– Не тебя! – выкрикнула я, слишком поздно понимая, что такой ответ выдает меня с головой. Я пустилась в длительные и подробные разъяснения, почему я верила, что могла найти здесь если не всех, то хотя бы одну из молодых женщин.

– Они пересекут твой путь, когда наступит время, – сказала Флоринда. – Тебе не нужно ускорять встречу с ними.

Прежде чем понять, что говорю, я обнаружила, что обвиняю ее, Мариано Аурелиано и Исидоро Балтасара в моей неосведомленности. Я сказала ей, что непрактично – скорее даже невозможно – полагать, что мне нужно ждать, пока какие-то неизвестные женщины пересекут мой путь, и верить, что я смогу узнать их по чему-то такому непостижимому, как их внутренний свет. Как обычно, чем больше я жаловалась, тем лучше себя чувствовала.

Флоринда не обращала на меня внимания.

– Одна, две полных ложки и одна для чайника, – произнесла она нараспев с преувеличенным британским акцентом, как будто распределяла чай. Затем самым небрежным тоном она заметила, что очень своенравно и непрактично было для меня относиться к Исидоро Балтасару как к мужчине, и даже думать об этом.

– Что ты имеешь в виду, я не понимаю, – сказала я, защищаясь.

Она пристально смотрела на меня, пока я не покраснела. – Ты точно знаешь, что я имею в виду, – заметила она, потом налила чай в кружки. Быстрым движением подбородка она указала, какую из двух я должна взять. С пакетом печенья в руке она села на кровать Исидоро Балтасара, ту, которая была ближе всего к кухне. Медленно, маленькими глотками она пила чай. Я села рядом с ней и делала то же.

– Ты не изменилась совсем, – внезапно сказала она.

– Об этом уже очень много раз говорил мне Исидоро Балтасар несколько дней назад, – резко ответила я. – Я же все равно знаю, что очень изменилась.

Я сказала ей, что мой мир вывернулся наизнанку после возвращения из Соноры. Очень длинно я описала ей то, как нашла новую квартиру, как переехала, оставив все, что имела. Она ничего не говорила, только кивала, но сидела тихо и быланеподвижна, как статуя.

– На самом деле не очень большая заслуга то, что я отказалась от рутины или стала сдержанной, – уступила я, нервно смеясь и запинаясь из-за ее молчания. – Любой в близком контакте с Исидоро Балтасаром забудет, что существуют границы между ночью и днем, между буднями и праздниками. – Я взглянула в ее сторону, довольная своими словами. – Время только протекает и дает путь... – Пораженная странной мыслью, я не смогла закончить предложение. Никто на моей памяти никогда не говорил мне об отказе от рутины или о том, чтобы стать сдержанной. Я внимательно посмотрела на Флоринду, потом мой взгляд невольно отпрянул. Она ли это сделала? – спросила себя я. Откуда у меня взялись эти мысли? И еще сильнее озадачивало то, что я знала смысл этих слов.

– Должно быть, это знак: что-то в тебе близко к тому, чтобы вырваться, – сказала Флоринда, как если бы она следовала за ходом моих мыслей. Она продолжала говорить, что все, что бы я ни делала так успешно в сновидении, не наполняло мои часы бодрствования необходимой твердостью, необходимой самодисциплиной, нужной для жизни в мире магов.

– Я никогда не делала ничего подобного в своей жизни, – сказала я. – Дай мне отдых. Для меня это все очень ново.

– Конечно, – с готовностью согласилась она. Положив голову на подушку, Флоринда закрыла глаза. Она молчала очень долго, и мне казалось, что она уснула, поэтому я вздрогнула, когда услышала:

– Настоящее изменение – это не изменение настроения или отношения, или внешности. Настоящее изменение заключается в полной трансформации себя.

Видя, что я готова возразить ей, она прижала пальцы к моим губам и прибавила:

– То изменение, о котором я говорю, не может произойти в три месяца или за год, или за десять лет. Оно требует всей жизни. – Она сказала, что чрезвычайно трудно стать чем-то другим, чем уже сформировавшийся человек.

– Мир магов – это сон, миф, но он реален, как и повседневный мир, – продолжала Флоринда. – В порядке постижения и функционирования в мире магов мы должны сбросить повседневную маску, которая надета на наши лица со дня рождения, и надеть другую маску, маску, которая позволит нам видеть себя и свое окружение таким, каким оно действительно является: захватывающие дух события, которые освещают наше мимолетное существование лишь однажды и никогда больше не повторяются.

– Ты сама должна будешь создать эту маску. – Она поудобнее устроилась на кровати и, обхватив ладонями кружку, которую я наполнила снова, делала шумные маленькие глотки.

– Как я могу сделать эту маску? – спросила я.

– Насовидев свое второе я, – пробормотала она. – И конечно же, не только приобретением нового адреса, новой одежды, новых книг. – Она посмотрела внимательно в мою сторону и улыбнулась с издевкой. – И конечно же, не верой в то, что у тебя появился новый мужчина.

Прежде чем я смогла отвергнуть ее грубое обвинение, она сказала, что внешне я текучее существо, способное двигаться с большой скоростью. Но внутри я неподатливая и застывшая. Как и Исидоро Балтасар, она тоже напомнила о том, что для меня было ошибкой верить, что переезд в новую квартиру и обязательный отказ от всего, что я имела, был изменением.

Я наклонила голову, соглашаясь с ее критикой. У меня всегда было стремление избавиться от вещей. И, как она подчеркнула, это было, по существу, внутреннее побуждение. К огромному огорчению моих родителей, я периодически избавлялась от одежды и игрушек с самого раннего детства. Радость при виде комнаты и шкафов, аккуратно убранных и практически пустых, для меня превышала радость обладания вещами.

Иногда мое побуждение было таким всеобъемлющим, что я прореживала даже одежду моих родителей и братьев. Едва ли кто-нибудь в детстве обсуждал со мной эти вопросы, но я всегда была убеждена, что нужно избавляться от вещей, которые некоторое время не носишь. Несколько раз вся моя семья оказывалась во внезапном и полном замешательстве, когда отец ходил из комнаты в комнату, открывая шкафы и вопя в поиске нужной ему рубашки и пары брюк.

Флоринда засмеялась, затем встала и подошла к окну, выходящему на аллею. Она смотрела на черные шторы, как если бы могла видеть сквозь них. Взглянув назад через плечо, она сказала, что для женщины намного проще, чем для мужчины, разорвать связь с семьей и с прошлым.

– Женщина, – напомнила она, – обычно не в счет. Это дает женщине прекрасную возможность быть текучей. К сожалению, женщины очень редко используют это преимущество. – Она прошла по комнате, ее рука коснулась большого металлического бюро и моего столика. – Самая сложная вещь, которую нужно понять о мире магов, это то, что он предлагает полную свободу. – Она повернулась, чтобы видеть меня, и тихо добавила: – Но свобода не дается даром.

– Чего же стоит свобода?

– Свобода будет стоять тебе твоей маски, – сказала она. – Маски, ощущать которую так удобно, и ее так трудно снять не потому, что она идет тебе так уж хорошо, но потому, что она на тебе очень долгое время. – Она перестала шагать по комнате и остановилась перед моим маленьким столом.

– Знаешь ли ты, что такое свобода? – риторически спросила она. – Свобода – это полное отсутствие интереса. К себе, – произнесла она, садясь рядом со мной на кровати. – И лучший способ перестать быть озабоченной самой собой – это заботиться о других.

– Я забочусь, – уверила я ее. – Я постоянно думаю об Исидоро Балтасаре и о его женщинах.

– Я уверена, что это так, – охотно согласилась Флоринда. Она встряхнула головой и зевнула. – Сейчас самое время для тебя начать создавать новую маску. Маску, которая не будет иметь ничего отпечатка, кроме твоего собственного. Она должна быть высечена в одиночестве. Иначе она не подойдет тебе. Иначе всегда будут времена, когда маска будет казаться слишком тесной, слишком свободной, слишком теплой, слишком холодной... – Ее голос звучал так, как будто она продолжала перечисление самых невиданных неудобств.

Последовало длительное молчание, и тогда тем же сонным голосом она сказала:

– Выбрать мир магов – это не в смысле разговоров, как у тебя. Нужно действовать в этом мире. В твоём случае ты должна сновидеть. Занималась ли ты сновидением после возвращения?

Будучи в очень мрачном настроении, я призналась, что не делала этого.

– Тогда ты еще не приняла своего решения, – строго произнесла она. – Ты не выссекаешь новую маску. Ты не сновидишь свое второе я.

Маги окружают свой мир своей исключительной безупречностью. – Ясный блеск появился в ее глазах, когда она добавила, – Маги не заинтересованы обращать кого-либо на свои пути. Среди магов нет гуру или мудрецов, – только нагвали. Они лидеры не потому, что знают больше или каким-то образом лучшие маги, но просто потому, что у них больше энергии. Я имею в виду не обязательно физическую силу, – смягчилась она, – но особую конфигурацию их сущности, которая позволяет им помогать другим изменять уровни осознания.

– Если маги не заинтересованы в обращении кого бы то ни было на свои пути, почему тогда Исидоро Балтасар – ученик старого нагваля? – прервала я ее.

– Исидоро Балтасар вступил в мир магов тем же путем, что и ты, – сказала она. – Что бы там ни было, но он попал в ситуацию, когда Мариано Аурелиано не мог его проигнорировать. Его долгом было учить Исидоро Балтасара всему, что он знает о мире магов. – Она сообщила, что никто не искал ни Исидоро

Балтасара, ни меня. Что бы ни привело нас в их мир, – это не имело ничего общего с чьим-либо действием или желанием. – Никто из нас ничего не станет делать, чтобы удерживать тебя против твоей воли в этом волшебном мире, – сказала она, улыбаясь. – И все же мы будем делать различные вообразимые и невообразимые вещи, чтобы помочь тебе остаться в нем.

Флоринда отвернулась в сторону, как будто хотела спрятать от меня свое лицо. Мгновение спустя она посмотрела через плечо. Что-то холодное и беспристрастное появилось в ее глазах, и смена выражения была настолько заметной, что я испугалась. Инстинктивно я отодвинулась от нее.

– Единственная вещь, которую я не могу и не желаю делать, так же, как и Исидоро Балтасар, это помогать тебе быть старой уродкой, алчной, во всем потакающей себе. Это было бы искажением.

Чтобы смягчить обиду, она крепко обняла меня за плечи. – Я скажу, что тебе нужно, – прошептала она, когда молчание затянулось так надолго, что казалось, она забыла, что собиралась сказать.

– Тебе нужен хороший ночной сон, – наконец пробормотала она.

– Я совсем не устала, – возразила я. Я ответила автоматически и сразу ощутила, что большинство моих ответов противоречили тому, о чем шла речь. Считать себя правой было для меня вопросом принципа.

Флоринда мягко засмеялась, затем снова обняла меня. – Не будь такой немкой, – пробормотала она. – И не надейся, что все будет для тебя расшифровано понятно и точно. – Она добавила, что в мире магов нет ничего понятного и точного; наоборот, вещи раскрывают свою сущность медленно и неопределенно. – Исидоро Балтасар поможет тебе, – уверила она меня. – Но запомни: он не будет помогать тебе таким способом, какого ты от него ожидаешь.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила я, высвобождаясь из ее рук, чтобы можно было видеть ее лицо.

– Он не скажет тебе то, что ты хочешь услышать. Он не скажет тебе, как себя вести, потому что, как ты уже знаешь, не существует ни правил, ни руководств в магическом мире. – Она радостно смеялась, кажется, получая удовольствие от моего растущего разочарования. – Всегда помни, существует только импровизация, – добавила она, потом, широко зевнув, растянулась на кровати во весь рост и взяла одно из одеял, сложенных аккуратно стопкой на полу. Прежде чем укрыться, она приподнялась на локте и приблизила ко мне лицо. Что-то гипнотическое было в ее сонном голосе, когда она советовала мне всегда иметь в виду, что я следую тому же пути воина, что и Исидоро Балтасар.

Она закрыла глаза и слабым, еле слышным голосом сказала – Никогда не теряй мысли о нем. Его действия поведут тебя так искусно, что ты даже не заметишь этого. Он несравненный и безупречный воин.

Я быстро схватила ее за руку, боясь, что она уснет прежде, чем закончит говорить.

Не открывая глаз, Флоринда сказала: – Если ты согласишься внимательно, то увидишь, что Исидоро Балтасар не ищет любви или одобрения. Ты увидишь, что он сохраняет безмятежность в любых условиях. Он не требует ничего, и еще он желает отдать всего себя. Он жадно ищет указания духа в форме доброго слова, подходящего жеста, и когда он получает его, то выражает благодарность удвоением усилий.

Исидоро Балтасар не выносит приговоры. Он неистово уменьшает себя до бесконечно малого, чтобы слышать и видеть. Так он может победить и покориться своей победе, или быть побежденным и получить силу от своего поражения.

Если ты будешь внимательна, то увидишь, что Исидоро Балтасар никогда не сдается. Он может быть побежден, но он никогда не бывает разгромленным. И прежде всего – Исидоро Балтасар свободен.

Я умирала от желания прервать ее, закричать, что она уже говорила мне все это, но Флоринда уснула раньше, чем я успела спросить у нее что-то еще.

Боясь, что не найду ее утром, если вернусь к себе домой, я уселась на другую кровать.

В голове у меня проносились странные мысли. Я расслабилась и позволила им полностью овладеть мной. Новые ощущения отличались от того, какими были обычные мысли. Я видела их, как лучи света, вспыхивающие из подсознания.

Во время одного из таких всплесков интуиции я решила почувствовать кровать, на которой сижу. И к ошеломляющему удивлению мои ягодичные мышцы ощутили, как они сами погружаются в кровать. Некоторое время я была кроватью, которая достигала моих ягодиц, касаясь их. Это ощущение доставляло мне некоторое удовольствие. Теперь я уже знала, что нахожусь в сновидении, и понимала с полной ясностью, что я только что ощутила то, что Эсперанса описывала как "мои ощущения выходят из меня". Все мое существо расплылось, или, еще лучше, – оно взорвалось.

Хотелось рассмеяться от чистой радости этого ощущения, но я боялась разбудить Флоринду. Я все вспомнила! Сейчас не составило бы никакого труда перечислить все, что я делала в доме магов в

течение тех десяти дней. Я сновидела! Под бдительным присмотром Эсперансы я все дальше и дальше углублялась в свое сновидение, просыпаясь в доме магов, или рядом с Эсперансой, или иногда в других местах, которые я не могла рассмотреть в то мгновение.

Клара говорила, что прежде чем какой-то отдельный предмет, замеченный в сновидении, сможет зафиксироваться в моей памяти, мне нужно увидеть его дважды. Я видела всех женщин более двух раз; они оставили неизгладимый след в моей памяти. Сидя здесь на кровати и наблюдая, как спит Флоринда, я вспомнила других женщин из партии магов, с которыми я взаимодействовала в сноподобном состоянии в течение тех забытых дней. Я видела их так ясно, как будто они проходили передо мной, или как если бы я возвратилась телесно к тем событиям.

Больше других меня поражала Нелида, которая была так похожа на Флоринду, что вначале я приняла их за близнецов. Она не только была такой же высокой и тонкой, как Флоринда, но у нее был тот же цвет глаз, волос, та же комплекция; даже выражения у них были одинаковые. По темпераменту они тоже были похожи, только Нелида казалась более мягкой, менее воинственной. И еще, в Нелиде был особый покой и тихая сила, которые очень успокаивали.

Хермелинда могла легко сойти за младшую сестру Кармелы. Она была тонкая, небольшого роста, всего пять футов и два дюйма и имела просто исключительные манеры, а также очень следила за своим телом. Она казалась менее самоуверенной, чем Кармела. Говорила Хермелинда тихо и двигалась быстрыми рывками, которые как-то сцеплялись в грациозность, изящество. Ее компаньоны сказали мне, что осторожность и спокойствие делают ее лучшей среди других и что она не может общаться с группой или даже двумя людьми одновременно.

Клара и Делия составляли изумительную команду проказниц. На самом деле они не были такими большими, как казались. Их здоровье, их сила и энергия заставляли других думать, что они крупные и деструктивные женщины. Они играли в самые восхитительные состязательные игры, демонстрируя свое необычайно эксцентричное снаряжение при первой же возможности. Обе очень хорошо играли на гитаре и имели прекрасные голоса; они пели, стараясь превзойти друг друга не только на испанском, но и на английском, немецком, французском и итальянском. Их репертуар включал баллады, народные песни, всевозможные популярные песни, даже самые последние поп-хиты. Достаточно было только напеть или повторить вслух первую строчку почти любой песни, и сразу же Клара и Делия заканчивали ее всю. Ко всему прочему они писали стихи, тоже состязаясь, часто коопределенным случаем.

Они написали стихи для меня и протолкнули под дверь, не подписав. Я должна была определить, кто именно написал стихотворение. Каждая утверждала, что если я искренна в своих чувствах к ним, люблю их, то интуитивно буду знать автора.

В этом соперничестве не было перевеса, и поэтому оно было особенно трогательным. Ведь подразумевалось развлечение, а не намерение поразить друг друга. Излишне говорить, что Клара и Делия получали такое же удовольствие, как и их зрители.

Если им кто-то нравился, как это, кажется, случилось со мной, не было предела их расположению и преданности. Обе они охраняли меня с удивительным упорством, даже когда я была неправа. В их глазах я была безупречна и не могла поступить неправильно. От них я научилась тому, что такое доверие требует двойной ответственности. Неверно было бы сказать, что я боялась разочаровать их и пыталась подтвердить ожидания, однако наиболее естественной вещью для меня в этой ситуации было верить, что я безупречна и вести себя с ними безупречным образом.

Самой странной из всех женщин-магов была моя учительница сновидения, Зулейка, которая никогда ничему меня не учила. Она даже никогда со мной не разговаривала или, возможно, не замечала, что я существую.

Зулейка была, как и Флоринда, очень красива; возможно, не так замечательна, но она отличалась какой-то неземной красотой. Она была маленького роста, с темными глазами и крылатыми бровями, маленьким правильным носом и ртом, прекрасными вьющимися темными волосами, которые отливали серым. Это придавало ей тончайший оттенок поглощенности другими, неземными интересами.

Эта необычная, но величественная красота имела характер неослабевающего самоконтроля. Зулейка тонко ощущала комические моменты того, что она красива и привлекательна в глазах других. Научившись распознавать это и использовать как свое преимущество, она была, однако, совершенно безразлична к чему- или кому-либо.

Зулейка научилась чрево вещать, и это стало превосходным искусством. Она считала, что слова, которые произносились движениями губ, становились более запутанными, чем они были на самом деле.

Меня восхищала ее манера говорить как чрево вещательницы со стенами, столами, посудой или любым другим предметом перед ней, и я могла часами следовать за ней, что бы она ни делала. Она ходила по дому, казалось, не касаясь земли и не производя движения воздуха. Когда я спросила других магов, не иллюзия ли это, они объяснили, что Зулейка ненавидит оставлять следы.

После того как я уже повстречалась и взаимодействовала со всеми женщинами, они объяснили мне разницу между сновидящими и сталкерами. Они называли это двумя планетами. Флоринда, Кармела, Зойла и Делия были сталкерами: сильными существами с большим количеством физической энергии, проводниками, неистощимыми работниками, специалистами в особом состоянии осознания, которое называется сновидение.

Другая планета – сновидящие – состояла из других четырех женщин: Зулейки, Нелиды, Хермелинды и Клары. Они имели более тонкую сущность. Не то чтобы они были менее сильными или менее энергичными; просто их энергия была менее явной. Они воплощали смысл отрешенности от этого мира, даже когда занимались самыми земными делами. Они были специалистами в другом особом состоянии осознания, которое они называли "сновидение в мирах, отличных от этого мира". Мне сказали, что это было наиболее сложное состояние осознания, которого может достичь женщина.

Когда сновидящие и сталкеры работали вместе, сталкеры были защитниками, сильным наружным слоем, который охранял глубинную сущность, ядро. Сновидящие были этим ядром; они были как бы глубинной основой, которая спрятана за сильным внешним слоем.

В те дни в доме магов за мной следили, как будто я была их единственной и наиболее важной заботой; они ласкали и заботились обо мне, как о ребенке. Они готовили мои любимые блюда, шили самую элегантную и подходящую одежду, которая когда-либо у меня была, осыпали меня подарками, совершенно бесполезными вещами и дорогими украшениями, которые, как мне сказали, были спрятаны в ожидании дня, когда я проснусь.

В партии магов были еще две женщины. Обе были сталкерами: две толстые девушки. Марта и Тереза, которые были очень милы и имели потрясающий аппетит. Не то чтобы они обманывали кого-нибудь, но они хранили запас печенья, шоколада и разнообразных варений, спрятанный в укромном месте в кладовой. К моему большому удовольствию они с самого начала посвятили меня в свой секрет, рассказав о запасе, и подстрекали воспользоваться им, что собственно я и делала.

Марта была старшей из двух. Ей было около двадцати пяти лет, и у нее была экзотическая смесь германской и индейской крови. Цвет кожи у нее был не то чтобы белым, но бледным. Прекрасные черные волосы, мягкие и вьющиеся, обрамляли ее розовощекое полное лицо. У нее были косящие глаза чудесного зелено-голубого цвета и маленькие, тонкие уши, розовые и почти прозрачные, как у кошки.

У Марты был долгий и печальный взгляд – германский, утверждала она, – и грустная молчаливость, наследство ее индейской души. Недавно она начала брать уроки игры на скрипке, которые практиковала в любое время дня. Вместо того, чтобы кто-нибудь раздражался или злился на нее, все единодушно соглашались, что у Марты прекрасный слух для занятий музыкой.

Тереза была чуть больше пяти футов ростом, но ее объем создавал видимость того, что она куда выше. Вместо того, чтобы выглядеть мексиканкой, она была похожа на уроженку Индии. У нее была превосходная кожа богатого кофейного оттенка. Ее миндалевидные глаза, влажные и темные, казалось, были обрамлены изогнутыми плетьюми, такие тяжелые и низкие были у нее веки, придававшие внешности сонно-отстраненное впечатление. Ее доброта и мягкий характер заставляли каждого оберегать ее.

Тереза тоже имела способности к искусству. По вечерам она рисовала акварелью. С мольбертом перед собой, кистями, красками и водой она сидела часами во дворе и ждала освещения и теней, которые бы ей подошли. Потом с дзэновским контролем и быстротой она проводила по листу своей кистью.

Все, что было потеряно моей памятью, всплыло на поверхность. Я была истощена. Ритм слабого храпа Флоринды, поднимающегося и опускающегося волнами по комнате, как далекое эхо, гипнотизировал.

Проснувшись, я сразу же позвала Флоринду. Она не ответила. Кровать была пуста. На желтой простыне, опрятно подвернутой под матрас, не было никаких следов того, что кто-нибудь сидел или спал на ней. Две подушки сложены в их обычное положение – прижаты к стене, – и одеяло, которым она укрывалась, тоже сложено вместе с другими на полу.

Я напряженно осмотрела квартиру, ища доказательства того, что Флоринда действительно была здесь. И не нашла ничего, даже ни одного длинного серого волоса в ванной.

Глава 13

Всякий раз, проснувшись окончательно, я ничего не помнила о тех потерянных днях, кроме того, что знала с абсолютной уверенностью, что они не были просто потеряны. Что-то произошло со мной за это время, что-то с очень непрым внутренним смыслом, ускользавшим от меня. Я не делала сознательных усилий, чтобы вернуть эти смутные воспоминания. Я просто знала, что они есть – наполовину скрытые, похожие на встречу с человеком, с которым ты вроде бы знаком, но чье имя никак не можешь вспомнить.

Я никогда не страдала сонливостью, но с той ночи, когда Флоринда появилась в студии Исидоро Балтасара, мне все время хотелось только спать, чтобы сновидеть. Я просто умирала каждый раз, когда ложилась, спала непомерно долго и даже прибавила в весе, что, к сожалению, не пошло мне на пользу. Но у меня все еще не было магических сновидений.

Однажды утром я вдруг проснулась от сильного шума – Исидоро Балтасар гремел посудой в мойке. Голова ныла, в глазах стояла пелена, все тело было в поту. Я была еще во власти кошмарных сновидений и каждое мгновение могла провалиться обратно.

– Это ты во всем виноват, – закричала я. – Если бы ты только помог мне, я бы не просыпала всю свою жизнь. Мне так и хотелось выругаться, выплеснуть все свое раздражение и нетерпение. Но вдруг мое сознание пронзила мысль, что я не могу этого сделать: мне просто больше не нравится ныть, как обычно.

Его лицо засияло от удовольствия, будто он прочел все мои мысли. Схватив свой стул и усевшись на него верхом, он сказал:

– Ты же знаешь, что я не могу тебе помочь. Путь сновидений у женщин совсем другой. Я даже не представляю себе, что они делают, чтобы стать сновидящими.

– Вокруг тебя столько женщин, что ты должен это знать, – настаивала я. Он рассмеялся. Казалось, ничто не может лишить его доброго расположения духа.

– Я не имею ни малейшего представления о том, что с вами происходит, – продолжал он. – Мужчины должны непрерывно сражаться, чтобы удерживать внимание в сновидениях. Женщины не сражаются, но они должны достичь внутренней дисциплины.

С ясной улыбкой он добавил:

– Есть одна штука, которая может помочь тебе. Не принуждай себя к сновидениям, как ты обычно это делаешь. Позволь им самим прийти к тебе.

Я не могла вымолвить ни слова в ответ. Изумление быстро сменилось злостью. Не в силах сдерживаться, я натянула туфли и с яростью бросилась вон из комнаты, хлопнув за собой дверь. Его смех преследовал меня всю дорогу до площадки, где стояла моя машина.

Удрученная, чувствуя себя совершенно покинутой и одинокой, сожалея прежде всего о себе самой, я вела машину к берегу. Там было пустынно, шел дождь, прямой и тихий. Совсем не было ветра, и капли дождя ложились мягко и ровно. Было что-то умиротворяющее в приглушенных звуках плеска волн и дождя, падающего на воду. Я сбросила туфли, закатала брюки и бродила до тех пор, пока полностью не очистилась от тревоги и индугирования.

Я знала, что избавилась от них, потому что сквозь шуршание и плеск волн услышала голос Флоринды:

– Ты должна бороться в одиночку.

Мне не было страшно. Я просто осознала себя в самом деле одинокой. И это принесло мне ощущение вины за то, что я собралась было сделать. Но я уже не могла ждать, и начала действовать немедленно.

Оставив записку в дверях Исидоро Балтасара – мне не хотелось, чтобы он отговаривал меня, – я отправилась к дому магов. Я вела машину всю ночь, и под утро добралась до Тусона. Сняв комнату в мотеле, я проспала большую половину дня и после обеда снова отправилась в путь, выехав на дорогу, по которой мы возвращались с Исидоро Балтасаром.

Обычно я очень плохо ориентируюсь, но маршрут уже был запечатлен где-то в глубине моего сознания. С отрешенной уверенностью я точно знала, какую дорогу выбрать, где сворачивать, и даже не заметила, как добралась до дома магов. Я не смотрела на часы, мне не хотелось терять ощущение того, что время остановилось еще когда я выехала из Тусона.

В доме не было ничего, что причиняло бы мне хоть какое-то беспокойство. Я понимала, что никто не приглашал меня сюда, но отчетливо помнила слова Нелиды о том, что она спрятала в выдвижном ящике маленькую корзинку с подарками от всех женщин и что я могу вернуться когда захочу.

– Когда бы ты ни приехала, днем или ночью, эта корзинка будет на месте, – звучали в ушах ее слова.

С уверенностью постоянного обитателя я направилась прямо в комнату, оставленную для меня Эсперансой. Белый с оборками гамак был готов, как будто меня на самом деле ожидали. Смутное беспокойство овладело мной, но я вовсе не была испугана. Стремясь успокоиться, я опустилась в гамак и принялась раскачиваться туда-сюда.

– К черту все страхи! – воскликнула я и, как кошка, с наслаждением потянулась до хруста в суставах.

– О, ты благополучно вернулась! – раздался голос из коридора. Я еще не видела ее, но не успела вновь воцариться тишина, как я уже знала, что это Нелида. Я ждала, когда она войдет, но ее не было.

– Твоя еда на кухне, – донеслось до меня, и шаги удалились в конец коридора. Я вскочила и бросилась за ней, умоляя подождать. Но никого не было ни в холле ни в комнатах, и я продолжала свой путь на кухню. Как оказалось, никого не было во всем доме. Но я все-таки была уверена, что они были здесь. Ведь я слышала их голоса, их смех, звон посуды.

Следующие несколько дней прошли в бесконечном ожидании чего-то значительного. Я не представляла себе, что именно должно произойти, но была уверена, что это будет связано с женщинами.

По какой-то непостижимой причине они не желали показываться мне на глаза. Их поразительная скрытность все время держала меня в напряжении, заставляя двигаться по коридорам бесшумно, как тень. Невзирая на всевозможные хитроумные планы, которые я строила, пытаюсь заставить их врасплох, мне никогда не удавалось увидеть их более чем мельком. Они проскальзывали в дом и из дома, в комнаты и из комнат, как будто между мирами, оставляя за собой лишь отзвуки голосов и смеха.

Иногда я сомневалась, есть ли здесь женщины на самом деле, и не был ли звук их шагов, шепота и смехов лишь плодом моего воображения. Но всякий раз, когда я уже была готова поверить в то, что все это – моя фантазия, я слышала, как одна из них возится в патио. Тогда, охваченная новой страстью, ожиданием и волнением, я бежала за дом – только для того, чтобы убедиться, что меня снова

перехитрили. Тогда я поверила, что женщины, будучи настоящими магами, имеют, как летучие мыши, какую-то внутреннюю систему, вроде эхолокации, которая предупреждает их о моем появлении.

Моя досада на их таинственность исчезала лишь на кухне, при виде экзотических продуктов, которые они оставляли для меня. Изысканность блюд вполне компенсировала их небольшое количество. Я все время была голодна и с большим удовольствием ела их удивительную пищу.

В один из дней, как раз перед наступлением сумерек, я услышала мужской голос, мягко зовущий меня по имени из-за дома. Я выбежала в коридор и так обрадовалась, увидев смотрителя, что чуть не запрыгала вокруг него, как собака. Не в состоянии сдержаться, я расцеловала его в обе щеки.

– Осторожно, нибелунга! – Он произнес это голосом и тоном Исидоро Балтасара. Я отпрянула, широко раскрыв глаза от удивления. Он подмигнул мне и добавил:

– Не увлекайся. То, что ты узнаешь, даст тебе преимущество передо мной.

Мгновение я не знала, как реагировать на его слова. Но когда он рассмеялся и успокаивающе похлопал меня по спине, я окончательно расслабилась.

– Как хорошо, что мы встретились, – сказал он мягко.

– Это просто удивительно, что мы встретились, – неловко улыбнулась я и спросила его, где все остальные.

– Они вокруг, – сказал он неопределенно. – Сейчас они таинственны и недоступны, но присутствуют всегда.

И, заметив мою растерянность, добавил:

– Потерпи.

– Я знаю, что они где-то рядом, – прошептала я. – Они оставляют мне пищу.

Я оглянулась через плечо и призналась:

– Но я все время голодна, этого слишком мало.

Если верить смотрителю, это естественно для пищи силы – никто никогда не получает ее достаточно. Он сказал, что готовит себе сам – рис и бобы с толстыми ломтями мяса или курицей – и ест один раз в день, но всегда в разное время.

Потом он повел меня к себе. Он жил позади кухни в большой комнате, беспорядочно загроможденной разрозненными скульптурами из дерева и железа. Воздух, наполненный тяжелым ароматом жасмина и эвкалипта, с трудом проникал сюда из-за плотно задернутых занавесок. Смотритель спал на раскладной койке, которую держал сложенной в кладовке, когда не пользовался ею, и ел за маленьким, с тонкими ножками, столиком старинной английской работы.

Он признался, что, как и таинственные женщины, не выносит распорядка. Ему было все равно – день на дворе или ночь, утро или полдень. Он подметал дворики и сгребал листья на поляне, когда чувствовал, что ему хочется это делать; были ли в это время цветы или листья на земле – не имело значения.

Следующие несколько дней я провела отвратительно, пытаюсь приспособиться к этому, казалось, беспорядочному образу жизни. Скорее вынужденно, чем из желания быть полезной, я помогала смотрителю в его работе по дому. Кроме того, я неизменно получала приглашение разделить с ним трапезу. Блюда были так же изысканны, как и его общество.

Я была уверена, что на самом деле он больше чем просто смотритель, и делала все возможное, чтобы своими расспросами заставить его врасплох. Беспольный прием, – я никогда не получала нужных ответов.

– Откуда ты? – внезапно спросила я его за столом в один из дней. Он оторвал глаза от тарелки и с таким видом, будто ждал этого вопроса, покорно показал на горы на востоке, выглядевшие как картина за распахнутым окном.

– С гор Бакатете? – голос выдавал мое недоверие. – Но ведь ты не индеец.

– Мне кажется, только нагваль Мариано Аурелиано, Делия и Хенаро Флорес – индейцы, – заметила я смущенно. И, ободренная выражением удивления и интереса, появившимся на его лице, добавила, что, по-моему, Эсперанса вообще находится выше расовых отличий.

Перегнувшись через стол, я таинственным тоном поведала ему то, о чем уже говорила Флоринде:

– Эсперанса родилась не как человек, она была создана силами тьмы. Она – настоящий дьявол.

Откинувшись на спинку своего стула, смотритель весело воскликнул:

– А что ты можешь сказать насчет Флоринды? Ты знаешь, что она француженка? Точнее, ее родители были французы. Они вышли из тех семей, что приехали в Мексику с Максимилианом и Шарлоттой.

– Она очень красива, – ответила я негромко, пытаюсь вспомнить, когда именно в девятнадцатом веке Наполеон отправил в Мексику австрийского принца.

– Ты еще не видела ее совсем разодетой, – оживился смотритель. – Она – нечто особенное. Возраст не имеет для нее никакого значения.

– Кармела говорила мне, что я похожа на Флоринду, – сказала я, в порыве тщеславия выдавая желаемое за действительное.

Не в силах удержаться от смеха, смотритель вскочил со стула.

– Ну и денек, – произнес он без всякого выражения, будто его нисколько не заботило, как эти слова будут восприняты.

Задетая этим равнодушным замечанием, я следила за ним с плохо скрываемым раздражением. Затем, стремясь сменить тему, спросила о нагвале Мариано Аурелиано:

– Откуда он на самом деле появился?

– Кто знает, откуда появляются нагвалы? – проворчал наблюдатель, подходя к окну.

Он долго молчал, пристально глядя на горы, видневшиеся вдаль, затем снова повернулся ко мне и сказал:

– Некоторые говорят, что нагвалы сами поднимаются из преисподней. Я верю этому. Другие говорят, что нагвалы – совсем не люди.

Он снова замолчал, и я удивилась долгой паузе, которая опять повторилась. Словно уловив мое нетерпение, он подошел и сел рядом.

– Если хочешь знать, я думаю, что нагвалы – сверхлюди. В этом кроется причина того, что они знают все о человеческой природе. Нагвала невозможно обмануть. Они видят тебя насквозь. Они видят насквозь все что угодно. Они могут смотреть сквозь пространство на другие миры в нашем мире и за его пределами.

Я беспокойно заерзала на стуле, не зная, как остановить его. Я уже жалела о том, что начала этот разговор. У меня не осталось ни малейшего сомнения в его безумии.

– Я не безумец: – Он так неожиданно откликнулся на мои мысли, что я громко вскрикнула. – Я просто говорю то, о чем ты никогда раньше не слышала, вот и все.

Я растерянно заморгала, вынужденная защищаться. Но тревога придала мне уверенности, и я перешла в наступление:

– Почему все они скрываются от меня?

– Это очевидно, – бросил он, но, заметив, что это вовсе не очевидно для меня, продолжал: – Ты должна это знать. Все здесь, кроме меня, – одна компания. Я всего лишь наблюдатель и не принадлежу к таким, как они. Я лишь как смазка для этой машины.

– Ты сбиваешь меня с толку еще больше – рассердилась я.

Но тут меня поразила внезапная догадка. – А что это за компания, о которой ты говоришь?

– Все женщины, которых ты встретила, когда была здесь в последний раз – сновидящие и сталкеры. Они сказали мне, что ты – сталкер, такой же, как они.

Он налил себе стакан воды и подошел к окну. Сделав несколько маленьких глотков, он рассказал мне, что нагваль Мариано Аурелиано уже испытывал мои способности сталкера в Тусоне, когда послал меня в кофейню подсунуть таракана в мою тарелку. Наблюдатель повернулся спиной к окну, взглянул мне прямо в лицо и добавил: – Ты не справишься.

– Не хочу больше слушать этот вздор! – оборвала я его. У меня не было никакого желания слушать продолжение этой истории.

На его лице появилось озорное выражение.

– Но, потерпев неудачу, ты оправдалась тем, что без всякого уважения, с пинками и бранью накинулась на нагвала Мариано Аурелиано. Сталкеры, – подчеркнул он, – обладают большой сноровкой в обращении с другими людьми.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что не понимаю ни слова из того, что он говорит, но он продолжал:

– Вся беда в том, что ты – незаурядная сновидящая. Если бы не это, ты была бы похожа на Флоринду – не ростом и внешностью, разумеется.

Ядовито улыбаясь, я проклинала про себя старого колдуна.

– Помнишь ли ты, сколько женщин было тогда на пикнике? – вдруг спросил наблюдатель.

Я прикрыла глаза, чтобы лучше представить себе тот день, и отчетливо увидела шестерых женщин, сидящих на парусиновых подстилках, расстеленных под эвкалиптами. Там были Кармела, Зойла, Делия и Флоринда, не было только Эсперансы.

– А кто эти две? – спросила я, озадаченная более, чем обычно.

– Ага – оценил он, и лучезарная улыбка появилась на его лице. – Это были сновидящие из другого мира. Ты видела их отчетливо, но потом они исчезли, причем твой разум даже не заметил этого. – Просто потому, что это было слишком необычно.

Я рассеянно закивала головой, не в силах понять, почему помню только четырех женщин, хотя на самом деле знала, что их должно быть шесть.

Видимо, мои мысли просто просачивались наружу, поскольку он тут же сказал, что вполне естественно, если мое внимание сосредоточено только на четырех из них.

– Две другие – это твой источник энергии. Они бестелесны и не принадлежат к нашему миру.

Растерянная и сбита с толку, я была способна только изумленно уставиться на него. У меня больше не было вопросов.

– С тех пор, как ты покинула планету сновидящих, – пояснил он, – твои сновидения превратились в кошмары, и перемещения между сновидениями и реальностью стали нестабильны и опасны для тебя и других сновидящих. Впрочем, Флоринда взялась сама защищать и прикрывать тебя.

Я вскочила так стремительно, что опрокинула стул.

– Не хочу больше ничего знать! – закричала я, еле удержавшись, чтобы не сболтнуть, что было бы лучше, если бы я вообще ничего не знала об этих сумасбродных путях и реальностях.

Смотритель взял меня за руку и повел наружу, через пустырь, сквозь заросли чапарраля, на задворки маленького домика.

– Мне нужно закрепить генератор, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты мне помогла.

Громко рассмеявшись, я сказала ему, что не имею ни малейшего представления о генераторах. И только когда он открыл люк в бетонной обшивке, я поняла, что электрический ток для освещения дома вырабатывается именно здесь. Я не сомневалась, что электрические лампы и приборы деревенской Мексики похожи на эти. С ними я была знакома.

С того дня я старалась задавать поменьше вопросов, чувствуя себя неподготовленной к его ответам. Наши встречи приобрели характер ритуалов, в которых я делала все возможное, чтобы быть под стать старику в его изысканном испанском. Я часами сидела в своей комнате, перерывая всевозможные словари в поисках новых или устаревших слов, которые произвели бы на него впечатление.

Однажды утром, ожидая, пока смотритель принесет завтрак, я впервые оказалась в его комнате одна. Мне попало на глаза странное старое зеркало и я принялась тщательно исследовать его мутную пятнистую поверхность.

– Это зеркало поймает тебя в ловушку, если будешь смотреться в него слишком долго, – произнес голос у меня за спиной.

Ожидая увидеть смотрителя, я обернулась, но обнаружила, что в комнате никого нет. Охваченная страстным желанием поскорее добраться до двери, я чуть не опрокинула одну из скульптур, стоявших возле меня, и машинально протянула руку, чтобы поправить ее, но не успела дотронуться, как мне почудилось, будто неопределенным круговым движением фигура отделилась от меня, а затем с поразительно человеческим вздохом заняла первоначальное положение.

– Что случилось? – спросил смотритель, входя в комнату. Он поставил большой поднос на свой шаткий столик и, глядя на мое помертвевшее от ужаса лицо, снова спросил, что же произошло.

– Иногда у меня появляется ощущение, что эти монстры живые и наблюдают за мной, – произнесла я, кивая в сторону ближайшей скульптуры. Увидев его серьезное лицо, на котором не было и тени улыбки, я поспешила заверить, что назвала их монстрами, имея в виду не уродство, а скорее их громадные размеры. Сделав несколько судорожных вдохов, я повторила, что эти скульптуры кажутся мне живыми.

Украдкой оглядевшись и понизив голос до еле слышного шепота, он произнес:

– Они живые.

Я была так поражена, что начала лепетать что-то о том, как однажды вечером впервые обнаружила его комнату, привлеченная мрачным шепотом ветра, шевелившего занавеску у разбитого окна.

– Еще тогда они показались мне монстрами, – призналась я с нервным смешком, – чужими духами, наполняющими сумеречные тени.

Пошевелив губами, смотритель пристально поглядел на меня, затем медленно обвел взглядом комнату.

– Давай-ка лучше обедать, – сказал он в конце концов, – иначе все остынет.

Он придвинул мне стул и, когда я удобно уселась, добавил дрогнувшим голосом:

– Ты права, когда называешь их духами. Ведь они – не скульптуры, они – измышления. Их представил себе из образов, промелькнувших в других мирах, один великий нагваль, – пояснил он таинственным тоном.

– Мариано Аурелиано? – спросила я.

Он покачал головой и ответил:

– Нет, его звали Элиас. Он гораздо старше.

– А почему эти измышления стоят в твоей комнате? Разве этот великий нагваль сделал их для тебя?

– Нет, я только присматриваю за ними.

Поднявшись, он сунул руку в карман, достал аккуратно сложенный белый носовой платок и принялся смахивать пыль с ближайшей скульптуры.

– С тех пор, как я стал смотрителем, следить за ними – моя обязанность. Когда-нибудь с помощью всех этих чародеев, которых ты здесь видела, я должен буду вернуть их обратно.

– А куда именно?

– В никуда, в пространство, в вакуум.

– И как ты собираешься это сделать?

– С помощью той же силы, которая доставила их сюда в первый раз. Силы сновидения-наяву.

– Если ты умеешь сновидеть так же, как все эти маги, – начала я осторожно, изо всех сил пытаюсь скрыть нотки торжества в голосе, – значит, ты и сам должен быть магом!

– Да, но я не такой, как другие.

Его искреннее признание привело меня в замешательство.

– А в чем же разница?

– А, – отмахнулся он – абсолютно во всем. Но сейчас я не могу объяснить этого. Если я расскажу, ты только разозлишься, станешь еще более замкнутой. Когда-нибудь, однако, ты поймешь все сама, без посторонней помощи.

Я отчаянно пыталась спросить что-нибудь еще, но почувствовала, что все смешалось у меня в голове.

– А ты можешь сказать, откуда нагваль Элиас взял эти измышления?

– Он увидел их в сновидениях и захватил, – ответил смотритель. – Некоторые из них – только копии, которые он снял с тех, что не смог забрать с собой. Остальные – настоящие, привезены отовсюду этим великим нагвалем.

Я не верила его словам, но продолжала:

– А зачем нагваль Элиас принес их?

– Они сами его об этом попросили.

– Зачем?

Разведя руками, смотритель прервал мои исследования и пригласил меня заняться обедом. Его нежелание удовлетворить мое любопытство только усилило мой интерес. Я не могла понять, почему он не хочет говорить об этих хитроумных штуках, а только уклоняется от ответов. Ведь он запросто мог все мне рассказать.

Мы быстро покончили с обедом и он попросил меня достать его раскладную койку из кладовки. Зная его вкусы, я разложила ее перед занавешенной французской дверью. Удовлетворенно вздохнув, он лег, откинув голову на маленькую квадратную подушку, наполненную сушеными бобами и маисовыми зернами, которая была пришита в изголовье. Он утверждал, что она приносит сладкие сны.

– Теперь я готов немного вздремнуть, – сказал он, отпуская ремень на своих штанах.

Это был вежливый способ отделаться от меня.

Раздосадованная его отказом говорить о скульптурах, я свалила нашу посуду на поднос и вылетела из комнаты. Его храп провожал меня всю дорогу до кухни.

Из патио слышался звон гитарных струн.

Я машинально потянулась за фонариком, который держала возле гамака, и посмотрела на часы. Было немногим за полночь. Завернувшись потуже в одеяло, я на цыпочках вышла в коридор, ведущий в патио.

Посреди дворика какой-то мужчина, сидя на тростниковом стуле, играл на гитаре. Я не могла видеть его лица, но знала, что это все тот же Исидоро Балтасар, и я уже видела и слышала его, когда попала сюда впервые. Как и тогда, заметив меня, мужчина сразу перестал играть, поднялся со стула и вошел в дом.

Едва я вернулась в свою комнату, как он снова начал перебирать струны. Я уже задремала, когда услышала его чистый сильный голос. Он пел, обращаясь к ветру, маня его из глубины молчания и пустоты.

И, словно откликаясь на его печальный зов, ветер набирал силу. Он свистел в ветвях чапарраля, срывал сухие листья с деревьев и, шурша, сметал их в кучи напротив дома.

Рывком я открыла дверь в патио. Ветер заполнил комнату невыразимой печалью. В ней не было слез, но лишь меланхолия одиночества и пустоты, праха и древних теней. Ветер с легкостью кружил по комнате. Я ловила его каждым движением легких. Он оседал у меня в груди, и чем глубже я дышала, тем легче себя чувствовала.

Я вышла наружу и, пробираясь между высокими кустами, направилась за дом. Луна ярко освещала выбеленные стены домика и широкую открытую лужайку, расчищенную от леса. Опасаясь, что меня могут заметить, я перебежала от дерева к дереву и, прячась в густой, тени крон, наконец добралась до двух цветущих апельсинов за стеной, прикрывающей дорожку к домику.

Из-за чапарраля ветер доносил звуки легкого смеха и неясные обрывки разговора. Собрав все свое мужество, я дерзко ринулась вдоль дорожки и очутилась перед дверью маленького темного дома. Дрожа от волнения, я пробралась к открытому окну и узнала голоса Делии и Флоринды. Но край окна был слишком высоко, и мне не было видно, что они делают.

Я ожидала услышать что-нибудь значительное, откровение, которое поразило бы мой разум, привело бы меня в восторг и помогло бы мне в том, ради чего я была здесь – победить мою неспособность к сновидению. Но они только сплетничали, и я настолько увлеклась их злорадными перешептываниями, что несколько раз рассмеялась вслух, забыв об осторожности.

Сначала я думала, что они болтают о ком-то постороннем, однако, прислушавшись, поняла, что речь идет о женщинах – сновидящих и наиболее язвительные замечания направлены против Нелиды.

Они говорили, что после стольких лет она все еще неспособна уйти из объятий этого мира. Она не только полна самодовольства – они утверждали, что она целыми днями торчит перед зеркалом – но еще и похотлива. Она делает все, что в ее силах, чтобы быть сексуально привлекательной и соблазнить нагвала Мариано Аурелиано. Одна из женщин злорадно заметила, что, в конце концов, она единственная, кто может пристроить его чудовищный возбужденный член.

Затем они заговорили о Кларе. Они назвали ее важной слонихой, считающей своей обязанностью одарить каждого благодеянием. Объектом ее внимания в данный момент был нагваль Исидоро Балтасар, и она собиралась преподнести ему свое обнаженное тело. Не для того, чтобы отдаваться, а лишь только чтобы продемонстрировать: один раз утром и один раз в сумерках. Она была убеждена, что таким образом познает сексуальную удаль молодого нагвала.

Дальше речь пошла о Зулейке. Они сказали, что у нее мания считать себя святой, девой Марией. Ее так называемая духовность – не что иное, как безумие. Время от времени разум покидает ее и, когда бы ни

случился такой припадок помешательства, она начинает мыть весь дом снизу доверху, даже камни в патио и на поляне.

Затем настала очередь Хермелинды. Ее изобразили как очень рассудительную, очень правильную – настоящую представительницу средних классов. Как и Нелида, она спустя столько лет не могла удержаться от стремления быть идеальной женщиной и безупречной домохозяйкой. Хотя она совсем не умела готовить и шить, занимать гостей беседой или игрой на фортепиано, она хотела, – говорили они смеясь, – чтобы ее считали образцом женственности, как Нелида хотела выглядеть капризной и озорной.

– Если хотя бы две из них объединят свои способности, – заметил чей-то голос, – то получится женщина, идеальная для своего господина: безукоризненная на кухне или в гостиной, одетая в передник или вечернее платье, и безупречная в спальне, задирающая юбку, когда бы хозяин ни захотел этого. Когда наступила тишина, я бегом вернулась в дом, в свою комнату и бросилась в гамак. Однако, сколько ни пыталась, заснуть больше не смогла. Мне казалось, будто какая-то защитная оболочка вокруг меня разорвалась, уничтожив все наслаждение, все очарование пребывания в доме магов. Мне оставалось лишь думать о том, что вместо того, чтобы наслаждаться жизнью в Лос-Анжелесе, я проторчала здесь, в Соноре, в компании выживших из ума старух, занятых только болтовней.

Я пришла сюда за советом. Но на меня не обращали внимания, принудив к обществу дряхлого старика, которого я к тому же считала женщиной. К тому времени, когда мы со зрителем сели завтракать, я привела себя в такое состояние праведного гнева, что не могла проглотить ни кусочка.

– Что случилось? – спросил старик, внимательно глядя на меня. Обычно он избегал смотреть прямо в глаза. – Ты не хочешь есть?

Я в бешенстве подняла глаза и, отбросив все попытки удержать себя в руках, обрушила на него всю тяжесть накопившегося во мне гнева и несбывшихся надежд.

Продолжая причитать, я внезапно ощутила проблеск рассудительности и попыталась убедить себя в том, что старик ни в чем не виноват, что он не делал мне ничего плохого, и я должна быть только благодарна ему. Но меня уже невозможно было остановить. Мои мелкие обиды обрели свою собственную жизнь, а голос становился все более пронзительным по мере того, как я все больше преувеличивала и искажала события последних дней. С чувством злорадного удовлетворения я рассказала ему, как подслушивала этой ночью.

– Они ни в чем не хотят помогать мне, – самоуверенно утверждала я. – Они заняты только сплетнями и говорят ужасные вещи о женщинах-сновидицах.

– Что же такое ты услышала?

С огромным удовольствием, удивляясь своей необычной способности припомнить каждую деталь их злобных замечаний, я рассказала ему все.

– Очевидно, они говорили о тебе, – заявил он, когда я кончила говорить, – образно, разумеется.

Он подождал, пока его слова дойдут до меня, и не дожидаясь, когда я начну возражать, невинно спросил:

– А разве ты хоть немного не похожа на всех тех, о ком они говорили?

– На черта я похожа! – взорвалась я. – Мне надоел этот шизофренический бред. Я не хочу этого слышать даже от образованного человека, и меньше всего – от тебя, проклятый пеон!

От неожиданности он широко раскрыл глаза, его худощавые плечи опустились. Я не чувствовала ни малейшего сострадания к нему, мне было только жаль себя и своего времени, потраченного на то, чтобы рассказать ему все это.

Я уже была готова признать, что зря проделала этот длинный и трудный путь ночью, когда заметила его взгляд, полный такого презрения, что мне стало стыдно за свою несдержанность.

– Если ты будешь держать себя в руках, то поймешь, что маги ничего не делают только для собственного развлечения, чтобы произвести на кого-то впечатление или просто дать выход своей магической силе, – сказал он с подчеркнутым спокойствием. – Все их поступки имеют свою цель и причину.

Он внимательно посмотрел на меня с таким выражением, что мне захотелось убраться прочь.

– И перестань ходить с таким видом, будто у тебя каникулы, – отметил он. – Для магов ты – у них в плену, а не на празднике.

– Что ты пытаешься объяснить мне? Говори сразу, не тяни! – гневно потребовала я.

– Как можно сказать еще понятней? – обманчивая мягкость его голоса скрывала от меня истинный смысл слов. – Маги все сказали тебе прошлой ночью. В образе четырех женщин планеты сновидящих они показали тебе, кто ты есть на самом деле: шлюха с манией величия.

Я была настолько ошеломлена, что на мгновение застыла. Затем гнев, горячий, как лава, мгновенно заполнил все мое тело.

– Ты – жалкий ничтожный кусок дерьма! – завизжала я и двинула его ногой в пах. И еще не коснувшись его, я уже видела маленького старого ублюдка извивающимся от боли на земле. Однако мой пинок так и не достиг цели: с проворством призового борца зритель отскочил в сторону.

Продолжая широко улыбаться, он смотрел на меня, тяжело дышащую и стонущую, – жестко и холодно.

– Ты пытаешься проделать с нагвалем Исидоро Балтасаром все те штуки, о которых они говорили. Ты так воспитана. Подумай об этом вместо того, чтобы злиться.

Я хотела заговорить, но не могла произнести ни слова. Меня поразило не столько то, что он говорил, сколько его отрешенно безразличный, холодный тон. Я бы предпочла, чтобы он накричал на меня. По крайней мере, я бы знала, что мне делать: кричала бы еще громче.

Сопротивляться не имело смысла. Я убеждала себя, что он не прав, что он просто злой и дряхлый старик. Я уже не сердилась на него, но и не собиралась воспринимать всерьез.

– Я надеюсь, ты не собираешься лить слезы, – предупредил он, прежде чем я оправилась от шока.

Несмотря на свою решимость не сердиться на старого ублюдка, я покраснела от злости.

– Конечно, нет, – бросила я и, желая достать его ногой еще раз, закричала, что он всего лишь уборщик куриного дерьма и заслужил, чтобы его поколотили за наглость; но его тяжелый безжалостный взгляд лишил меня энергии.

Все тем же учивым невыразительным тоном он каким-то образом сумел убедить меня в том, что я должна попросить у него прощения.

– Мне очень жаль, – извинилась я искренне. – Мое плохое настроение и ужасные манеры всегда берут верх.

– Я знаю. Они предупредили меня об этом, – сказал он серьезно и добавил уже улыбаясь: – Ешь.

Весь завтрак я чувствовала себя не в своей тарелке. Я медленно жевала, незаметно наблюдая за ним, и видела, что он не злится на меня, хоть и не делает ни малейшего усилия, чтобы продемонстрировать это.

Я пыталась утешить себя этой мыслью, но не нашла в ней ничего успокаивающего. Я чувствовала, что его безразличие не было ни умышленным ни надуманным. Он не был зол на меня, просто все, что я говорила и делала, не производило на него никакого впечатления.

Я проглотила последний кусок и, удивляясь собственной уверенности, сказала первое, что пришло мне в голову:

– Ты не смотритель.

Он посмотрел на меня и спросил:

– А кто, по-твоему?

Его лицо расплылось в забавной усмешке. Глядя на его улыбку, я забыла о всякой осторожности. Потрясающее безрассудство овладело мной.

– Ты – женщина, ты – Эсперанса! – выпалила я.

Облегчив душу этим признанием, я успокоилась и, громко вздохнув, добавила:

– Вот почему ты единственная, у кого есть зеркало. Тебе необходимо смотреться в него, чтобы помнить, мужчина ты или женщина.

– Должно быть, на тебя подействовал воздух Соноры. – Он задумчиво посмотрел на меня. – Известно, что разреженный воздух очень своеобразно влияет на человека.

Он потянулся к моему запястью и, крепко сжав его, добавил:

– Или, возможно, у тебя такой скверный и тяжелый характер, что ты абсолютно уверенно болтаешь все, что придет в голову.

Посмеиваясь, смотритель наклонился ко мне и предложил:

– Давай ляжем вместе отдохнем. Это будет нам полезно. У нас обоих тяжелый характер.

– О, да! – воскликнула я, не зная, обидеться или рассмеяться в ответ на его предложение. – Ты хочешь, чтобы я спала с тобой? – и добавила, что Эсперанса предупреждала меня об этом.

– Почему ты отказываешься, если считаешь меня Эсперансой? – спросил он, растирая мне затылок.

Его рука была мягкой и теплой.

– Я не отказываюсь, – слабо защищалась я, – просто я терпеть не могу спать днем и никогда не делаю этого. Мне говорили, что даже ребенком я ненавидела дневной сон.

Я говорила быстро и нервно, путая слова и повторяясь. Мне хотелось встать и уйти, но едва заметное прикосновение его руки удерживало меня на месте.

– Я знаю, что ты – Эсперанса, – настаивала я скороговоркой. – Я узнаю ее прикосновение – оно такое же успокаивающее.

Я почувствовала, как моя голова клонится вниз, глаза сами закрываются.

– Так и есть, – согласился он мягко. – Я лучше уложу тебя, хоть ненадолго.

Приняв мое молчание за согласие, он вытянул из кладовки свою койку и два одеяла, и протянул одно мне.

Я не переставала удивляться. Не знаю почему, но я легла без возражений. Из-под полуприкрытых век я наблюдала, как он потянулся до хруста в суставах, сбросил ботинки, расстегнул ремень и наконец улегся рядом со мной. Уже под одеялом он выскользнул из своих штанов и небрежно уронил их рядом с

ботинками.

Он поднял одеяло. Краснея, я уставилась на него со смешанным чувством любопытства и удивления. Его обнаженное тело было совсем не таким, каким я его представляла – гибкое, гладкое, как у Эсперансы, совсем без волос. Он был тонок, как тростник, но мускулист. И, определенно, он был мужчиной. Причем – молодым.

Не задумываясь ни на мгновение, но затаив дыхание, я робко подняла свое одеяло... Приглушенный звук женского смеха заставил меня закрыть глаза и притвориться спящей. Но зная, что никто не собирается входить в комнату, я расслабилась. Я положила руки за голову и меня поглотило сверхъестественное ощущение того, что зритель и этот тихий смех, доносящийся из коридора, восстановили равновесие, вернули магическую оболочку, окутывавшую меня. Я не понимала, что со мной происходит, но чем больше расслаблялось мое тело, тем ближе я продвигалась к ответу.

Глава 14

После возвращения из дома ведьм я совсем перестала нуждаться в каком бы то ни было участии или поддержке. Женщины-маги помогли мне обрести удивительную ясность и какую-то эмоциональную устойчивость, которой прежде у меня никогда не было. И причиной было не внезапное изменение моей личности, а то, что у моего существования появилась ясная цель. Судьба определилась: я должна бороться за освобождение своей энергии. Только и всего. Проще некуда.

Но мне не удавалось четко или хотя бы смутно вспомнить все то, что произошло за три месяца, проведенные мной в их доме. У меня ушли годы на решение этой задачи, выполнять которую я ринулась со всей своей энергией и решимостью.

Однако нагваль Исидоро Балтасар предостерег меня от ошибочности ясно очерченных целей и окрашенного эмоциями осознания. Он сказал, что они бесполезны, поскольку действительной ареной борьбы мага является повседневная жизнь, где поверхностные доводы рациональности не выдерживают давления.

Примерно то же самое говорили женщины-маги, но делали они это в более гармоничной форме. Поскольку обычно, объясняли они, сознание женщин подвергается манипуляциям, их легко склонить к соглашению, являющемуся лишь бессмысленной реакцией на давление. Но если действительно удастся убедить женщин в необходимости изменения их выбора в жизни, то битва уже наполовину выиграна. И даже если они не соглашаются, их осознание является намного более надежным, чем у мужчин.

Я могла сравнивать две точки зрения. Мне казалось, что обе правильны. Время от времени под натиском обиденного мира все мои логические обоснования магии рушились, но мое первоначальное обязательство перед миром магов никогда не требовало пересмотра.

Понемногу я начала приобретать энергию, достаточную для сновидения. Это в конце концов дало мне возможность понять сказанное женщинами: Исидоро Балтасар – новый нагваль. И теперь он больше не человек. Осознание этого также дало мне достаточно энергии для того, чтобы периодически возвращаться в дом ведьм.

Эта усадьба, известная как дом ведьм, принадлежала всем магам группы нагваля Мариано Аурелиано. Большой и массивный снаружи, дом был неотличим от других построек поблизости и почти незаметен, несмотря на буйно разросшуюся цветущую бугенвиллею, свисающую со стены, которая окружала участок. По словам магов, люди проходили мимо дома, не замечая его, потому что он был покрыт разреженным туманом, подобным тонкой вуали, которая видима для глаза, но не осознается умом.

Однако внутри дом производил сильное и неизгладимое впечатление. Возникало ощущение, что попадаешь в другой мир. Три патио, затененные фруктовыми деревьями, создавали в темных коридорах и выходящих в них комнатах призрачное освещение. Но более всего в этом доме поражали кирпичные и кафельные полы, выложенные в виде причудливых узоров.

Дом ведьм не был уютным местом, хотя в нем царил атмосфера дружелюбия. Однако никто не осмелился бы назвать его жилищем, ибо в нем чувствовалось нечто безличное и строго аскетическое. Он был местом, где старый нагваль Мариано Аурелиано и его маги постигали свои сны и реализовывали свое намерение. Поскольку заботы этих магов не имели отношения к повседневности, то и дом отражал их поглощенность другим миром. В его облике действительно проявлялись их индивидуальности, но не как личностей, а как магов.

В доме ведьм я общалась со всеми магами из группы нагваля Мариано Аурелиано. Они не учили меня магии или хотя бы сновидению. По их мнению, учиться мне было незачем. Они говорили, что моя задача состоит в воспоминании того, что произошло между всеми ими и мной в то первое время, когда мы были вместе, и, в особенности, я должна была помнить все то, что делали или говорили для меня Флоринда с Зулейкой.

Когда бы я ни обращалась к ним за помощью, они неизменно отказывались делать для меня что-либо. Все они были убеждены, что без необходимой мне энергии все, что они будут делать, является для них самоповторением, а на это у них нет времени.

Вначале я воспринимала их отказы как невеликодушные и невежливые. Однако спустя некоторое время я перестала донимать их вопросами и просто радовалась их присутствию и их компании. Я осознала, что они, конечно же, совершенно правы, отказываясь играть в нашу излюбленную интеллектуальную игру, суть которой в разыгрывании роли интересующегося человека, задающего так называемые душеспасительные вопросы, которые обычно не имеют для нас абсолютно никакого значения. И причина их бессмысленности заключена в отсутствии у нас энергии для того, чтобы последовать услышанному. В ответ на такие вопросы мы можем только соглашаться или не соглашаться.

Тем не менее в связи с нашим ежедневным общением я кое-что поняла в их мире. Сновидящие и сталкеры воплощали среди женщин два настолько разных способа поведения, насколько это было возможно.

Сначала я удивлялась тому, что в группу сновидящих – Нелида, Эрмелинда и Клара – входили самые настоящие сталкеры. Ибо, насколько я смогла убедиться, мое общение с ними происходило строго на повседневном земном уровне. И лишь позднее я все-таки полностью осознала, что даже просто их присутствие безо всякого нажима вызывало новую модальность моего поведения. То есть, в их присутствии я не ощущала никакой необходимости самоутверждения. Не было никаких сомнений, никаких вопросов с моей стороны, когда бы я ни находилась с ними. Они обладали удивительной способностью без всяких слов заставлять меня видеть абсурдность моего существования. И еще, я не чувствовала никакой необходимости в своей самозащите.

Возможно, именно этот недостаток убежденности и ясности, делавший меня уступчивой, позволял мне воспринимать их безо всякого сопротивления. Не потребовалось много времени, чтобы я поняла, что женщины-сновидящие, общаясь со мной на земном уровне, давали мне модель поведения, необходимую для переориентации моей энергии в новое русло. Они хотели, чтобы изменился сам способ, при помощи которого я сосредоточивалась на мирских делах, таких как приготовление пищи, уборка, стирка, пребывание в колледже, зарабатывание на жизнь. Эти дела, говорили они, должны выполняться при условии добрых предзнаменований; они должны быть не случайными делами, а искусными попытками, каждая из которых имеет свое значение.

Прежде всего именно их общение между собой и с женщинами-сталкерами заставило меня осознать, насколько особенными они были. В своей человечности, своей простоте они были лишены обычных человеческих слабостей. Всеобщее знание у них легко уживалось с индивидуальными чертами характера, такими как вспыльчивость, мрачность, грубая сила, ярость или слащавость.

Находясь рядом с любым из этих магов, я испытывала совершенно особое ощущение присутствия на вечном празднике. Но это был только мираж. Они шли по бесконечной тропе войны. И врагом была идея собственной личности.

В доме ведьм я встретила также Висенте и Сильвио Мануэля, двух других магов из группы нагваля Мариано Аурелиано.

Висенте был явно испанского происхождения. Я узнала, что его родители прибыли из Каталонии. Это был худой, аристократического вида мужчина с обманчиво слабыми руками и ногами. Он любил ходить в шлепанцах и предпочитал сорочкам пижамные рубашки, одетые поверх брюк цвета хаки. Румяные щеки у него странно сочетались с общей бледностью. Красивая ухоженная бородка дополняла характерным штрихом отличающую его рассеянную манеру поведения.

Он не только выглядел как ученый, но и был таковым. Книжки в комнате, где я спала, были его, или вернее, именно он собирал и читал их, занимался ими. Его эрудиция, – не было ничего такого, о чем бы он не знал – была привлекательна еще и тем, что он всегда вел себя как ученик. Я была уверена, что вряд ли это случайно, поскольку было очевидно, что он знает значительно больше, чем остальные. Именно благородство духа позволяло ему с удивительной естественностью и без каких-либо нареканий делиться своими знаниями с теми, кто знал меньше.

Кроме того, я познакомилась с Сильвио Мануэлем. Это был среднего роста, полный, смуглый и безбородый индеец. В моем представлении именно так, загадочно и зловеще, должен был выглядеть злой брухо. Его явная угрюмость пугала меня, а его редкие ответы безжалостно раскрывали природу того, во что я верила.

Только узнав его, я на самом деле поняла, как он веселился в душе, создавая этот образ. Он был самым открытым, а для меня еще и самым очаровательным из всех магов. Тайны и слухи были его страстью, независимо от того, какая доля правды или лжи в них содержалась. Именно в его пересказе они приобретали для меня и для других абсурдное звучание. Он обладал также неисчерпаемым запасом шуток, по большей части неприличных. Лишь он любил смотреть телевизор и, таким образом, всегда был в курсе событий в мире. Обычно он рассказывал их с большими преувеличениями, для пикантности приправляя их изрядной долей злой иронии.

Сильвио Мануэль был замечательным танцором. Его знание индейских магических танцев было просто феноменальным. Он двигался с восхитительной непринужденностью и часто просил меня потанцевать с ним. Что бы это ни было, венесуэльский ли джоропо, камбия, самба, танго, твист, рок-н-ролл или томное болеро, он все их знал.

Я также поддерживала отношения с Джоном, индейцем, с которым меня познакомил нагваль Мариано Аурелиано в Тусоне, штат Аризона. Его круглое, добродушное, общительное лицо на самом

деле было лишь маской. Он оказался самым необщительным из всех магов. Выполняя различные поручения, он разъезжал по окрестностям на своем пикапе. В его обязанности входил также мелкий ремонт в самом доме и на участке.

Если я не докучала ему вопросами или разговорами, храня молчание, то он частенько брал меня с собой по своим делам и показывал мне, как приводить в порядок вещи. От него я узнала, как заменить прокладки и отрегулировать текущий кран или туалетный бачок; как починить утюг; выключатель; как заменить масло и свечи зажигания в моей машине. Под его руководством я вполне овладела навыками правильной работы с молотком, отверткой, пилой и электродрелью.

Единственное, что они отказывались делать для меня, это – отвечать на мои вопросы и просьбы, касающиеся их мира. Когда бы я ни пыталась завязать об этом разговор, они отсылали меня к нагвалю Исидоро Балтасару. Обычно их резкий отказ выражался словами: – Он – новый нагваль, и это его обязанность – иметь дело с тобой. Мы – не более, чем твои тетушки и дядюшки.

С самого начала нагваль Исидоро Балтасар был для меня больше чем тайной. Мне не ясно было, где в действительности он живет. Забывающий планы и не обращающий внимания на заведенный порядок, он появлялся в студии и исчезал из нее в любое время суток. Для него не было различия между днем и ночью. Он спал, когда чувствовал себя уставшим, другими словами, почти никогда, и ел, когда был голоден, то есть почти всегда. В промежутках между своими шальными приходами и уходами он работал с концентрацией, которая была просто поразительной. Его способность растягивать или сжимать время для меня была непостижима. Я бывала уверена, что провела с ним часы, и даже целые сутки, а на самом деле это были лишь какие-то мгновения, которые он урвал то там, то здесь, в течение дня или ночи, занимаясь при этом всем чем угодно.

Мне всегда казалось, что я – энергичная личность. Тем не менее, я не могла тягаться с ним. Он всегда был в движении – или так это выглядело – проворный и активный, всегда готовый выполнять какие-то проекты. Его энергия была просто невероятной.

Значительно позже я полностью поняла, что источником неограниченной энергии Исидоро Балтасара было отсутствие у него интереса к своей личности. Именно его постоянная поддержка, его незаметные, но тем не менее искусные интриги помогли мне остаться на правильном пути. Его беззаботность и бесхитростная восторженность оказали на меня тонкое, но тем не менее действенное влияние, заставившее меня измениться. Я не замечала, что меня ведут по новому пути, – пути, на котором я больше не буду участвовать в играх, не буду притворяться или пользоваться женскими уловками, чтобы добиться своего.

У него не было никаких скрытых мотивов – вот в чем причина потрясающей силы его руководства. Он ни в малейшей степени не был собственником и, обучая меня, никогда не прибегал ни к обещаниям, ни к сентиментальности.

Он не подталкивал меня в каком-то конкретном направлении. То есть, не советовал мне, какой курс я должна выбрать или какие книги мне нужно читать. Все это я решала совершенно самостоятельно.

Было только одно условие, на котором он настаивал. Я должна была работать лишь на одну конкретную цель – обучающий и доставляющий наслаждение процесс мышления. Потрясающее предложение! Я никогда не рассматривала процесс мышления в таких или каких-то других понятиях. И хотя я не питала отвращения к колледжу, – конечно же, я никогда не думала об учебе как об особо приятном занятии. Это было просто то, что я должна делать, обычно второпях и с минимально возможными усилиями.

Я не могла не согласиться с тем, на что в довольно резкой форме указывали мне Флоринда и ее друзья в первое время, когда мы встретились: целью моих посещений университета было не получение знаний, а желание хорошо проводить время. Мои неплохие оценки были скорее делом случая и моего умения говорить, а не результатом занятий. У меня была прекрасная память. Я знала, как рассказывать и как убеждать других.

Когда у меня прошло первое замешательство от признания и принятия того факта, что мои интеллектуальные претензии были лишь притворством, что я не знаю, как мыслить, за исключением самого поверхностного способа, я испытала облегчение. У меня созрела готовность отдать себя под опеку магов и придерживаться плана обучения, предложенного Исидоро Балтасаром. Но к моему глубочайшему разочарованию, такой план отсутствовал. Единственное, на чем он настаивал, было требование прекратить изучение и чтение на улице. Он верил, что процесс мышления носит характер личного, почти тайного ритуала и невозможен вне дома, на виду у публики. Он сравнивал процесс мышления с дрожжевым тестом. Оба могут развиваться лишь внутри помещения.

– Лучше всего о чем-либо думать, конечно же, в постели, – сказал он мне однажды. Растянувшись на своей кровати, он положил голову на несколько подушек, закинул правую ногу на левую, так что лодыжка оперлась на поднятое колено левой ноги.

Я много не думала над этой нелепой позой для чтения, но пробовала ее всякий раз, когда бывала одна. С книгой, опирающейся на грудь, я обычно погружалась в глубочайший сон. Остро ощущая свою склонность к бессоннице, я больше радовалась сну, чем знаниям.

Однако временами, как раз перед моментом отключения сознания, у меня возникало ощущение, как если бы руки совершали круговые движения вокруг моей головы, очень легко надавливая на виски. Мои

глаза автоматически пробежали открытую страницу, прежде чем я успевала сообразить это, и просматривали целые параграфы статей. Слова выплывали перед моими глазами до тех пор, пока целые группы их значений не озаряли мой мозг как откровение.

Стремясь воспользоваться открывшейся новой возможностью, я продвигалась вперед, как будто подстегиваемая каким-то безжалостным надсмотрщиком. Однако бывало, что такое развитие разума и метода доводило меня до физического и умственного изнеможения. В то время я спрашивала Исидоро Балтасара об интуитивном знании, о внезапном интуитивном прозрении и понимании, о том, что маги считали необходимым развивать прежде всего.

Он всегда говорил мне о бессмысленности только интуитивного знания. Озарения интуиции нужно перевести в какую-то ясную мысль, иначе они бесполезны. Он сравнивал озарения интуиции с наблюдением за непонятым явлением. В обоих случаях исчезновение образа происходит так же быстро, как и его появление. Если не происходит постоянного усиления образа, то сомнение и забвение берут верх, ибо разум поставлен в условия испытания практикой и воспринимает лишь то, что может быть подтверждено и рассчитано.

Он объяснял, что маги – это люди знания, а не разума. По существу, они на шаг опережают интеллектуалов Запада, предполагающих, что реальность, часто отождествляемая с истиной, познаваема посредством разума. Маг утверждает, что познаваемое нами посредством разума является мыслительным процессом, но только с помощью понимания нашего тотального бытия на его наиболее тонком и сложном уровне мы сможем стереть границы, которыми разум определяет реальность.

Исидоро Балтасар объяснял мне, что маги культивируют тотальность своего бытия. Другими словами, маги совершенно не делают различия между нашей рациональной и интуитивной стороной. Они используют обе для достижения области сознания, называемой ими безмолвное знание, которое лежит вне языка и вне мышления.

Чтобы заглушить рациональную сторону какого-то человека, не уставал подчеркивать Исидоро Балтасар, необходимо понять его процесс мышления на самом тонком и сложном уровне. Он был убежден, что философия, начиная с классической мысли Греции, обеспечивала наилучший способ освещения этого процесса мышления. Ученые мы или нет, постоянно повторял Исидоро Балтасар, тем не менее, мы все – участники и последователи интеллектуальной традиции Запада. А это означает, что независимо от нашего уровня образования и опыта, мы являемся пленниками этой интеллектуальной традиции и способа интерпретации того, что есть реальность.

И лишь поверхностно, заявлял Исидоро Балтасар, мы воспринимаем тот факт, что называемое нами реальностью является детерминированной в культуре конструкцией. А нам необходимо воспринять на максимально глубоком уровне, что культура является продуктом длительного, совместного, чрезвычайно избирательного, чрезвычайно развитого и, последнее, но не менее важное, – чрезвычайно принудительного процесса, который в качестве своей высшей точки имеет соглашение, отгораживающее нас от других возможностей.

Маги активно стремятся разоблачить тот факт, что реальность навязывается и поддерживается нашим разумом, что идеи и мысли, проистекающие из него, создают системы управления знанием, которые предписывают, как нам видеть мир и как действовать в нем. И это невероятное давление оказывается на всех нас, чтобы обеспечить нашу восприимчивость к определенным идеям.

Он подчеркивал, что маги занимаются культурно недетерминированными способами восприятия мира. Культура детерминирует наши личностные переживания и общественное соглашение, по которому наши органы чувств, способные к восприятию, навязывают нам образ воспринимаемого. Все, что находится вне этой обусловленной области восприятия, нашим рациональным умом автоматически капсулируется и отбрасывается. Маги утверждают, что восприятие происходит вне нашего тела, вне наших органов чувств. Но недостаточно просто прочитать или услышать об этом от кого-нибудь еще. Для осуществления такого восприятия его необходимо пережить.

Исидоро Балтасар говорил, что маги всю свою жизнь стремятся разорвать густой туман человеческих допущений. Тем не менее, они слепо не бросаются во тьму. Маги готовят себя. Им известно, что когда бы они ни попали в неизвестное, им понадобится хорошо развитая рациональная сторона. Только при этом условии они будут способны объяснить и осмыслить то, что они смогут вынести из своих путешествий в неизвестное.

Он добавил, что я не должна постигать магию через чтение работ философов. Скорее я должна увидеть, что философия и магия являются очень сложными формами абстрактного знания. Как для мага, так и для философа истина о нашем бытии-в-мире до некоторой степени является приоткрытой. Маг, однако, находится на шаг впереди. Он действует в соответствии с полученными им знаниями, которые по определению находятся уже вне признанных в культуре возможностей.

Исидоро Балтасар полагал, что философы являются интеллектуальными магами. Однако их исследования и стремления всегда остаются лишь ментальными попытками. Философы не могут воздействовать на мир, который они так хорошо понимают и объясняют, способом, отличающимся от культурно обусловленного. Они дополняют уже существующее ядро знания. Они истолковывают и перетолковывают имеющиеся философские тексты. Новые мысли и идеи, возникающие в результате таких интенсивных исследований, не изменяют их, исключая, быть может, психологический план. Они

могут стать более добрыми, более понимающими людьми или, возможно, наоборот. Однако с философских позиций они не могут сделать ничего такого, что изменило бы их чувственное восприятие мира, ибо философы действуют в рамках социального порядка. Они поддерживают социальный порядок, даже если не согласны с ним интеллектуально. Философы – это плохие маги. Маги также достраивают существующее ядро знания. Однако они делают это отнюдь не принятием того, что было установлено и доказано другими магами. Они должны заново доказывать самим себе, что принятое до них действительно существует, действительно поддается восприятию. Для выполнения такой грандиозной задачи маги нуждаются в огромной энергии, которую они получают в результате своего отторжения от социального порядка, происходящего без ухода из мира. Не ослабляя себя, маги разрушают соглашение, определяющее реальность.

Глава 15

Как только мы пересекли границу Мексики, меня охватила неуверенность. Казавшийся таким замечательным повод для поездки в Мексику с Исидоро Балтасаром теперь выглядел предлогом для того, чтобы он взял меня с собой. Я уже сомневалась, что смогу выполнить обещание и заниматься социологией в доме ведьм. Ведь там я снова буду делать все то, что делала во всех предыдущих случаях: подолгу спать, видеть загадочные сны и безнадежно пытаться понять, чего же хотят от меня маги.

– Сожаления? – голос Исидоро Балтасара заставил меня вздрогнуть. Он смотрел искоса и, должно быть, какое-то время уже наблюдал за мной.

– Нет, конечно, – поспешила я его заверить, промямливая что-то о жаре, и уставилась в окно, размышляя, что он имел в виду – общее мое состояние или молчаливость.

Молчала я потому, что была напугана и расстроена. По спине мурашками полз страх.

А Исидоро Балтасар пребывал в состоянии радостного возбуждения: пел, глупо шутил, читал стихи на английском, испанском и португальском. Но даже пикантные подробности сплетен о наших общих знакомых по УКЛИА не могли развеять моего уныния. Он даже не замечал, что рядом неблагодарный слушатель, и оставался в хорошем настроении, несмотря на рывканье и просьбы оставить меня в покое.

– Если бы люди посмотрели на нас, они подумали бы, что мы женаты, – заметил он между взрывами смеха.

Если бы маги посмотрели на нас, подавленно подумала я, они бы поняли, что что-то не так. Они бы поняли, что мы с Исидоро Балтасаром не равны. Я реалистка и конкретна в своих действиях и решениях. Для него же действия и решения непостоянны, каков бы ни был их результат, и их окончательность определяется тем, что он принимает на себя всю ответственность за них, независимо от того, важны они или нет.

Мы ехали на юг и не петляли, как обычно, а направлялись сразу к дому ведьм. Когда выехали из Гуаймаса, – никогда еще прежде мы не заезжали так далеко на юг по дороге к дому ведьм, – я спросила: – Куда ты меня везешь?

Он равнодушно ответил: – Мы едем дальней дорогой. Не волнуйся.

То же самое прозвучало, когда я его еще раз спросила за обедом в Навохоа.

Мы оставили Навохоа позади и поехали на юг, направляясь в Масатлан. Я не находила себе места от волнения. Около полуночи Исидоро Балтасар свернул с шоссе на узкую проселочную дорогу. Автофургон трясло, он дребезжал на ухабах и камнях, по которым мы ехали. Шоссе позади нас угадывалось только изредка, по мигающим огонькам, потом оно и вовсе исчезло, поглощенное зарослями, обрамлявшими дорогу. После утомительно долгой езды мы внезапно остановились, и он выключил свет.

– Где мы? – спросила я, оглядываясь вокруг. Сначала ничего не было видно, но когда глаза привыкли к темноте, прямо перед собой я увидела крохотные белые пятнышки. Эти звездочки, казалось, упали с неба. Меньше всего я ожидала ощутить пьянящий аромат кустов жасмина, взбирающихся на крышу и ниспадающих с рамады, и, неожиданно узнав его, я почувствовала себя так, словно лишь во сне вдыхала подобное благоуханье. Я глупо хихикнула. Все это вызвало почти детское чувство удивления и восторга. Мы были у дома Эсперансы.

– Первый раз мы приезжали сюда с Делией Флорес, – пробормотала я про себя и, тронув Исидоро Балтасара за руку, спросила: – Разве это возможно? – На мгновение я чуть не задохнулась от страха.

– Что? – переспросил он озадаченно. Он был взволнован и раздражен; его рука, обычно теплая, была холодна как лед.

– Этот дом на окраине Сьюдад Обрегона, более ста миль севернее! – вскрикнула я. – Сама ездила туда. И никогда не сворачивала с асфальта. – Осмотревшись в темноте, я вспомнила, что ездила из этого дома в Тусон, что никогда в жизни не была в Навохоа или в его окрестностях.

Исидоро Балтасар некоторое время молчал; казалось, он был занят поиском ответа. Ни один из них не удовлетворил бы меня. Пожав плечами, он повернулся ко мне лицом. В нем была какая-то сила и некое преимущество – как в нагвале Мариано Аурелиано, – он говорил, что нет сомнений, я сновидела-наяву,

когда мы вдвоем с Делией поехали из Эрмосильо в дом целительницы. – Предлагаю, чтобы ты воспринимала это как есть, – предостерег он. – По себе знаю, как может блуждать разум, пытаюсь совместить несовместимое.

Я попыталась было протестовать, но он прервал меня, указав на приближающийся огонек, и, выжидающе улыбнулся, будто знал, кому принадлежит эта громадная, колышущаяся на земле тень.

– Это же смотритель! – пробормотала я в изумлении, как только он предстал перед нами, инстинктивно обняв и расцеловав его в обе щеки. – Никогда бы не подумала, что встречу тебя здесь, – прошептала я.

Ничего не сказав, он застенчиво улыбнулся. Обнявшись с Исидоро Балтасаром и похлопав его несколько раз по спине, как это обычно делают при встрече латиноамериканцы, он что-то шепнул ему. При всем своем старании я не расслышала ни единого слова. Он повел нас к дому.

Что-то злое было в массивной парадной двери. Она была закрыта. Окна с решетками также были закрыты. Ни света, ни звука за толстыми стенами. Мы обошли дом со стороны заднего двора, обнесенного высокой изгородью, и вошли в дверь, ведущую прямо в квадратную комнату.

Я почувствовала себя уверенней, узнав эти четыре двери. Это была та же комната, куда меня приводила Делия Флорес. Она была почти без мебели, какой я ее и запомнила, – в ней были только узкая кровать, стол и несколько стульев.

Смотритель поставил керосиновую лампу на стол и заставил меня сесть. Повернувшись к Исидоро Балтасару, он обнял его за плечи и они вышли в темный коридор. Неожиданность их ухода ошеломила меня. Я даже не успела прийти в себя и решить, стоит ли идти за ними, как смотритель вернулся. Он дал мне одеяло, подушку, фонарик и ночной горшок.

– Лучше я выйду во двор, – сказала я, поджав губы.

Смотритель пожал плечами и задвинул ночной горшок под кровать.

– Это на всякий случай, если тебе понадобится выйти ночью. – Его глаза откровенно смеялись, когда он говорил, что Эсперанса держит во дворе большого черного сторожевого пса. – Ему не нравятся посторонние, которые по ночам расхаживают по двору.

И как предупреждение, я услышала громкий лай.

– Я не посторонняя, – заметила я между прочим, стараясь не придавать значения собачьему лаю, в котором угадывалась угроза. – Я бывала здесь и знаю эту собаку.

Смотритель удивленно поднял брови и спросил:

– И собака тебя знает?

Я выразительно посмотрела на него. Он вздохнул и потянулся за лампой на столе, направляясь к двери.

– Не уноси ее, – сказала я, быстро преградив ему дорогу. Я хотела улыбнуться, но губы мне не повиновались. – Где все? – смогла я наконец выдать из себя. – Где Эсперанса и Флоринда?

– Сейчас я один.

– А где Исидоро Балтасар? – спросила я в панике. – Он же обещал привезти меня в дом ведьм. Мне нужно писать статью.

Я рассказывала смотрителю, чуть не плача, почему поехала с Исидоро Балтасаром в Мексику и как важно для меня закончить работу, но мысли и слова путались и сбивались.

Он ободряюще похлопал меня по спине, как будто успокаивал ребенка. – Исидоро Балтасар спит. Ты же знаешь его. Стоит ему только прикоснуться к подушке, и он засыпает как убитый. – Он едва заметно улыбнулся и добавил: – Я оставлю свою дверь открытой, вдруг понадобится. Позовешь, если приснится кошмар или еще что, я сразу приду.

Не успела я ему сказать, что после того последнего кошмара в Соноре не было больше ни одного, как он исчез в темном коридоре.

Лампа на столе начала шипеть и вскоре погасла. Наступила кромешная тьма. Я легла не раздеваясь и закрыла глаза. Кроме равномерного хриплого дыхания, доносившегося издали, ничего не было слышно. Слыша это дыхание и ощущая, как тверда и узка кровать, я вскоре оставила попытки заснуть.

С фонариком в руке, крадучись, я неслышными шагами брела по коридору в надежде найти Исидоро Балтасара или смотрителя. Я тихонько стучалась в каждую дверь. Но никто не отвечал. Из комнат не доносилось ни звука. Странная, почти гнетущая тишина охватила весь дом. Прекратились даже шорохи и щебет снаружи. Как я и предполагала, меня оставили в доме одну.

Чтобы не расстраиваться из-за этого, я решила осмотреть комнаты. Это были спальни, всего восемь: одинаковые по размеру, довольно маленькие, абсолютно квадратные, в которых из мебели были только кровать и ночной столик. Стены и два окна в каждой комнате были выкрашены в белый цвет, а полы были выложены замысловатым узором из плитки. Я открывала раздвижные двери стальных шкафов, осторожно нажимая ногой на левый нижний угол двери, зная, но не понимая, откуда мне это известно, что легкий удар или пинок в это место приводит в действие механизм, открывающий двери.

В одном из шкафов я отодвинула сложенные внизу в стопку одеяла, оказалась перед маленькой потайной дверцей и отвернула скрытую задвижку, замаскированную под стенную розетку. Поскольку меня ничто не удивляло, я принимала свое знание об этих потайных дверях, – знание, которое мой бодрствующий разум, конечно же, не воспринимал.

Я открыла эту маленькую потайную дверцу, вползла через узкий проем, и оказалась в стенном шкафу соседней комнаты. Без особенного удивления – поскольку об этом уже знала – я обнаружила, что пролезая в эти потайные проемы, можно попасть из одной комнаты в каждую из семи других.

Когда фонарик погас, я чертыхнулась. В надежде оживить батарейки я их вынула и вставила обратно. Это было бесполезно: батарейки сели. Темнота в этих комнатах была такая, что не было видно даже собственных рук. Боясь удариться о дверь или стенку, я на ощупь медленно выбиралась в коридор.

Это было так трудно сделать, что выпрямившись и прислонившись к стене, я тяжело дышала, меня трясло. Я долго простояла в коридоре, соображая, в какую же сторону идти к себе в комнату.

Откуда-то издали донеслись голоса, но нельзя было определить, из дома или снаружи. Я пошла на звук. Он привел меня в патио. Я отчетливо вспомнила зеленый, почти тропический патио позади каменной арки, заросший папоротником и густой листвой, наполненный ароматом цветущих апельсинов и вьющейся жимолости.

Но не успела я сделать и нескольких шагов, как я увидела на стене огромную тень собаки. Зверь зарычал. Свет его сверкающих глаз леденил душу.

Вместо того, чтобы поддаться страху, а, возможно, из-за него, я почувствовала: происходит что-то крайне странное. Как будто я всегда была сложена наподобие японского веера или бумажной фигурки и неожиданно развернулась. Физическое ощущение этого было почти болезненным.

Собака в замешательстве смотрела на меня. Она начала скулить как щенок, опустила уши и свернулась клубком на земле. Я же стояла как вкопанная, но не от страха, просто не могла пошевелиться. Потом, как будто это было чем-то совершенно естественным, я снова сложилась, повернулась и ушла. На этот раз без труда нашла свою комнату.

Проснувшись с головной болью и ощущением, что совсем не спала, которое мне, как человеку, страдающему бессонницей, было хорошо знакомо, я была разбита. Громко и тяжело вздохнув, услышала, как открылась дверь, и яркий свет ударил мне в лицо. Я осторожно попыталась перевернуться на другой бок, чтобы не свалиться с узкой кровати.

– Доброе утро, – воскликнула Эсперанса, войдя в комнату в волнах верхних и нижних юбок. – Вообще-то, добрый день, – поправилась она, указывая на солнце через открытую дверь. Ее голос звучал с удивительной живостью и восхитительной силой, когда она говорила, что именно ей пришла в голову мысль забрать мои книги и бумаги из микроавтобуса до того, как уехали Исидоро Балтасар и старый нагваль.

Я резко села. Сон тут же улетучился. – Почему же нагваль Мариано Аурелиано не зашел со мной поздороваться? И почему Исидоро Балтасар не сказал мне, что уезжает? – выпалила я. – Теперь никогда не смогу закончить свою работу и поступить в аспирантуру.

Она как-то странно взглянула и сказала, что если написание моей статьи – такая уж корыстная задача, мне никогда не закончить ее.

Я не успела сказать ей, что лично мне все равно, поступлю я в аспирантуру или нет, потому что она продолжала: – Ты пишешь не для того, чтобы поступить в аспирантуру. Ты пишешь просто потому, что тебе это нравится. Потому что сейчас нет ничего такого, чем бы тебе хотелось заняться.

– Да полно такого, чем бы я предпочла заняться.

– Например? – с вызовом спросила она. Немного подумав, я не смогла сказать ничего определенного и вынуждена была признаться, и не только себе, что еще ни одну работу я не писала с таким удовольствием. Впервые я начала читать и собирать материалы в самом начале семестра, а не ждала, как обычно, когда останется лишь несколько дней до сдачи рукописи. И только мысль о том, что эта работа – пропуск в аспирантуру, портила все удовольствие.

Эсперанса, как будто снова подслушав мои мысли, сказала, что мне нужно забыть об аспирантуре и думать только о том, чтобы написать хорошую работу.

– Как только станешь частью мира магов и начнешь постигать природу сновидений, ты начнешь понимать, что такое магия. И это понимание освободит тебя.

Я смотрела на нее в замешательстве и не могла понять, о чем это она.

– Это освободит тебя от желания чего бы то ни было. – Эсперанса провозгласила эту фразу так четко, как будто я туга на ухо. Она посмотрела на меня задумчиво и добавила: – Алчность – твое второе имя, и все же тебе ничего не нужно и ты ничего не хочешь... Ее голос стал тише, когда она стала раскладывать на столе мои книги, записи и стопки каталожных карточек. С сияющим лицом она повернулась ко мне, держа в руках несколько карандашей. – Я подточила их для тебя бритвой и подточу снова, когда они затупятся. – Она положила карандаши рядом с блокнотом и широко развела руки в стороны, как бы пытаясь охватить всю комнату. – Прекрасное место для работы. Здесь тебя никто не потревожит.

– Я в этом уверена.

Видя, что она собирается уходить, я поинтересовалась, где спал Исидоро Балтасар этой ночью.

– На своей соломенной циновке, где же еще? – засмеявшись, она подхватила все свои юбки и вышла во двор. Я провожала ее глазами, пока она не скрылась за каменной аркой. Глаза заболели от яркого света.

Немного спустя в одну из тех дверей, что выходили в коридор, громко постучали.

– Ты одета? – спросил смотритель, открывая дверь еще до того, как я успела сказать да. – Пища твоим мозгам, – объявил он, ставя на стол бамбуковый поднос. Он налил мне прозрачного мясного бульона и заставил съесть мачаку по-сонорански. – Сам приготовил, – заметил он.

Смесь из взбитых яиц, нарезанного мяса, лука и красного жгучего перца была просто восхитительной. – Когда ты закончишь, я свожу тебя в кино.

– Когда я поем? – взволнованно спросила я, запихнув в рот тортилью.

– Когда закончишь писать, – пояснил он.

После того, как я разделалась с едой, он сказал, что мне нужно познакомиться с собакой.

– Иначе ты не сможешь никуда выйти. Даже просто в туалет.

Я хотела сказать, что, в общем-то, уже видела собаку и выходила ночью из дома, но он быстрым движением головы позвал меня за собой во двор. Большая черная собака, свернувшись, лежала в тени высокой изгороди, сплетенной из тростника. Смотритель присел на корточки рядом с псом и почесал его за ушами. Наклонившись еще ниже, он шепнул что-то зверю на ухо.

Неожиданно смотритель встал. Испугавшись, я отпрянула назад и приземлилась на мягкое место. Собака заскулила, а смотритель одним невероятным прыжком перепрыгнул через высокую изгородь. Я вскочила на ноги и собралась было бежать, но собака вытянула свои передние лапы и положила их мне на ноги. Сквозь туфли чувствовалась их тяжесть. Собака посмотрела на меня и разинула свою пасть, широко зевнув. Язык и челюсти у нее были иссиня-черными.

– Это признак превосходной родословной.

Я так испугалась, услышав голос смотрителя за спиной, что повернулась кругом, снова потеряла равновесие и свалилась на собаку. Сначала я не осмеливалась пошевелиться, а потом медленно повернула голову. На меня уставились ее янтарные глаза. Собака обнажила зубы, но не с рычанием, а с самой дружелюбной собачьей улыбкой.

– Вы стали друзьями, – произнес смотритель, помогая мне подняться. – Теперь тебе пора начать писать свою работу.

Я горела желанием выполнить свою задачу. Я писала долгие часы, как-то не замечая времени. Не то чтобы я была настолько поглощена своей работой, что потеряла счет времени. Скорее время, казалось, трансформировалось в пространство. То есть я начала ощущать время как промежутки – промежутки между появлениями Эсперансы.

Каждый день где-то в середине утра, когда я завтракала – тем, что было оставлено на кухне, – неожиданно появлялась она, казалось, бесшумно материализуясь из вечной голубоватой дымки, которая висела в кухне, точно облако. Она неизменно расчесывала мои волосы грубой деревянной расческой, не произнося ни слова. Я тоже молчала.

Во второй половине дня я снова встречала ее. Так же бесшумно она возникала во дворе под аркой, сидя в своем кресле-качалке. Часами она смотрела в пространство, как будто видела что-то за пределами человеческого зрения. В это время между нами не было никакого контакта, кроме кивка головы или улыбки. Тем не менее я знала, что нахожусь под защитой ее молчания.

Собака всегда была рядом со мной, как будто смотритель приказал ей это. Она сопровождала меня днем и ночью, даже в туалет. Особенно я ждала наших прогулок в конце дня, когда мы вдвоем с собакой мчались через поля к деревьям, разделяющим земельные участки. Там мы обычно сидели в тени, глядя в пространство, как Эсперанса. Иногда мне казалось, что можно протянуть руку и потрогать горы, поднимающиеся вдаль. Я слушала, как ветерок шелестит ветвями и ждала, когда желтый свет заходящего солнца превратит листочки в золотые колокольчики; ждала, когда листья станут синими и, наконец, черными. Тогда мы с собакой мчались назад к дому, чтобы не слышать тихого голоса ветра, рассказывающего об одиночестве этой сухой земли.

На четвертый день я проснулась от испуга. Из-за двери, ведущей во двор, послышался голос. – Пора вставать, лентяйка. – В голосе смотрителя было вялое безразличие.

– Почему ты не заходишь? Где ты все это время пропадал? – Ответа не последовало. Я села, укутавшись в одеяло, в ожидании, что он появится, слишком напряженная и сонная, чтобы самой выйти и посмотреть, что это он прячется. Через некоторое время я поднялась и вышла во двор. Никого. Чтобы окончательно проснуться, я вылила несколько черпаков холодной воды себе на голову.

Мой завтрак этим утром был иным: Эсперанса не появилась. Приступив к работе, я поняла, что и собака исчезла. Я равнодушно листала книги. Для работы не было ни сил, ни желания. Я подолгу просто сидела за столом, уставясь через дверь на далекие горы.

Прозрачная слепополуденная тишина время от времени нарушалась негромким кудахтаньем кур, ищущих в земле зерна, да звонким стрекотанием цикад, звеневшем в синем безоблачном небе, как будто все еще был полдень.

Я почти задремала, как вдруг услышала во дворе какой-то шум. Я быстро подняла глаза. Смотритель и собака лежали бок о бок на соломенной циновке в тени ограды. Что-то необычное было в том, как они лежали, растянувшись на циновке. Они были настолько неподвижны, что казались мертвыми.

Охваченная беспокойством и любопытством, я на цыпочках подошла к ним. Смотритель заметил мое присутствие раньше собаки. Он нарочито широко открыл глаза, затем одним движением быстро сел, скрестив ноги, и спросил: – Соскучилась?

– Конечно! – воскликнула я, нервно засмеявшись. С его стороны это был странный вопрос. – Почему ты не зашел ко мне утром? – Поглядев на его ничего не выражающее лицо, я добавила: – Где ты пропал три дня?

Вместо ответа он строго спросил:

– Как продвигается работа?

Я была настолько ошарашена его прямоотой, что не знала, что и сказать: то ли надо было ответить, что это не его дело, то ли стоило признаться, что я застряла.

– Не ищи объяснений. Просто скажи мне честно. Скажи, что тебе нужна моя компетентная оценка статьи.

Боясь рассмеяться, я присела рядом с собакой и почесала ее за ушами.

– Ну? Не можешь признаться, что без меня ты беспомощна? – настаивал смотритель.

Не зная его настроения, я подумала, что лучше не буду с ним спорить, и сказала, что за весь день не написала ни строчки, а ждала его, зная, что только он может меня спасти. Я заверила его, что не мой профессора, а он должен решать мою судьбу, как аспиранта.

Смотритель просиял улыбкой и попросил принести ему мою рукопись.

– Она на английском, – специально сказала я. – Ты не сможешь прочесть ее.

Уверенность в том, что я не настолько плохо воспитана, помешала мне сказать, что он все равно бы ничего не понял, даже если бы она была на испанском.

Он настаивал на своем. Я принесла работу. Он разложил листы вокруг себя, некоторые на циновке, некоторые на пыльной земле, потом достал из кармана рубашки очки в металлической оправе и надел их.

– Очень важно выглядеть ученым, – прошептал он, наклонившись к собаке. Пес поднял одно ухо, потом глухо заворчал, как бы соглашаясь с ним. Собака поменяла позу, и смотритель жестом велел мне сесть между ними.

Сосредоточенно изучая отдельные листы на земле, он напоминал начитанную строгую сову. Он неодобрительно цокал языком, почесывал затылок, складывал и перекидывал листы, как бы пытаясь отыскать связь, ускользающую от него.

От сидения в одном положении у меня заболели шея и плечи. Вздыхая от нетерпения, я прислонилась к изгороди и закрыла глаза. Несмотря на возрастающее раздражение, должно быть, я задремала, потому что вдруг испугалась внезапного навязчивого звона. Я открыла глаза. Рядом, лицом ко мне, сидела высокая, роскошно одетая красивая женщина. Она что-то сказала, но я не расслышала. Звон в моих ушах усилился.

Эта женщина наклонилась ко мне и громким чистым голосом спросила: – Ты что же, не хочешь поздороваться со мной?

– Нелида! Когда ты пришла? Я просто пыталась избавиться от звона в ушах.

Она кивнула и, подтянув под себя длинные красивые ноги, обняла руками колени. – Приятно тебя видеть, – мечтательно произнесла она.

Хмуря брови, смотритель что-то бормотал про себя, изучая лежащие перед ним страницы. Через некоторое время он произнес: – Твои каракули не только трудно разобрать, в них и смысла мало.

Прищурившись, Нелида осуждающе посмотрела на меня, словно призывая возразить.

Я заерзала, чтобы подняться, желая уйти от этого нервнивающего меня пристального и изучающего взгляда. Но она наклонилась и неожиданно схватила меня за руку, будто взяла ее в тиски.

Смотритель начал читать вслух раздражающе медленно. То, что он читал, казалось знакомым, но я не могла определить, действительно ли он воспроизводит текст, так как не могла сосредоточиться. Кроме того, меня выводила из себя та показушная манера, с которой он кромсал предложения, фразы и изредка даже слова.

– И наконец, – заявил он, заканчивая чтение последней страницы, – это просто плохо написанная работа. – Он сложил эти разрозненные листы в стопку и облокотился на изгородь, не спеша согнув колени в то самое положение, которому меня научил Исидоро Балтасар – согнув правую ногу так, чтобы ее щиколотка лежала на левом бедре – и закрыл глаза. Он молчал так долго, что я подумала, что он уснул, и даже вздрогнула, когда медленно и размеренно он начал говорить об антропологии, истории и философии. Его мысли, казалось, облекались в форму, слова были ясными и точными. Он говорил просто, было легко следить за ходом его речи и легко ее понимать.

Я внимательно слушала и в то же время не могла отделаться от вопросов. Как он может столько знать о западноевропейских интеллектуальных течениях? Где он учился? Кто же он на самом деле?

Как только он закончил говорить, я сразу же попросила:

– Не мог бы ты все повторить сначала? Я бы хотела кое-что записать.

– Все, о чем я говорил, есть в твоей работе, – заверил меня смотритель. – Все это похоронено под множеством сносок, цитат и сырых идей. – Он наклонился, почти прислонив голову к моей. – Недостаточно цитировать работы, пытаюсь придать правдивость тому, что написано тобой.

Ошеломленная, я тупо смотрела на него. – Помоги мне, пожалуйста, написать статью.

– Нет, этого я сделать не могу, – произнес он с мрачным блеском в глазах. – Это ты должна сделать самостоятельно.

– Но я же не могу, – запротестовала я. – Ты же только что показал, как плохо написана моя работа. Поверь, это лучшее, на что я способна.

– Нет! – уверенно возразил он, посмотрев на меня в изумлении, к которому примешивалось дружеское участие. – Я уверен, твои профессора примут работу, как только она будет отпечатана. Но не я. В ней нет ничего оригинального.

Я была слишком ошеломлена, чтобы расстраиваться.

– Ты только другими словами пересказываешь то, что прочитала, – продолжал смотритель. – А я требую, чтобы ты больше полагалась на свое собственное мнение, даже если оно противоречит тому, чего от тебя ждут.

– Но это ведь только реферат, – защищалась я. – Знаю, он еще сырой, но мне нужно, чтобы и профессора были довольны. Согласно я или нет со всем этим – к делу не относится. Мне нужно, чтобы меня приняли в аспирантуру, а это отчасти зависит от того, довольны ли будут профессора.

– Если ты хочешь черпать силу из мира магов, ты больше не можешь работать, имея это в голове. Скрытые цели неприемлемы в нашем магическом мире. Если хочешь стать аспирантом, значит должна вести себя как воин, а не как женщина, которую научили всем угождать. Даже когда тебе смертельно плохо, ты все равно стараешься угодить. А когда ты пишешь, тебя ведь этому не учили, значит, ты можешь принять настроение воина.

– Что ты называешь настроением воина? Мне что же, с профессорами воевать?

– Не с профессорами, а с собой. За каждый миллиметр. И делать это настолько искусно и умно, чтобы никто и не догадывался о твоей борьбе.

Я не совсем поняла, что он имеет в виду, да и не хотела понимать. Воспользовавшись паузой, я спросила, откуда он знает столько об антропологии, истории и философии.

Улыбнувшись, он покачал головой.

– А ты что, не заметила? – и сам ответил на вопрос. – Я собрал эти мысли из ниоткуда. Я просто разбросал свои энергетические волокна и подцепил их, как рыбак ловит рыбу, из необъятного океана мыслей и идей. – И он развел руками, обнимая все пространство вокруг себя.

– Исидоро Балтасар говорил мне: для того, чтобы собирать мысли, нужно уметь распознать, какие именно могут быть полезны. Поэтому ты, должно быть, изучал историю, философию и антропологию.

– Может, когда-то и изучал, – неопределенно произнес он, в задумчивости почесывая затылок. – Наверное.

– Просто должен был, – назидательно произнесла я, будто совершила открытие.

Глубоко вздохнув, он снова откинулся на изгородь и закрыл глаза.

– И почему ты хочешь всегда быть права? – спросила Нелида.

Это прозвучало так неожиданно, что я уставилась на нее, открыв рот. В уголках ее губ притаилась озорная затаенная улыбка. Она показала мне на мой открытый рот. Меня так поглотила речь смотрителя о реферате, что я напрочь забыла о присутствии Нелиды, хотя она и сидела напротив меня. Или не сидела? Мысль о том, что она могла незаметно уйти и вернуться, меня испугала.

– Не думай об этом, – тихо сказала Нелида, словно я кричала от страха. – Мы обычно приходим и уходим так, что нас никто не замечает.

Ее тон сглаживал ледящее впечатление от ее слов. Переводя взгляд с одного из них на другого, я думала, действительно ли они незаметно исчезнут прямо у меня на глазах. Потянувшись как кошка, я легла на соломенную циновку на спину, медленно подвинув ногу к подолу платья Нелиды, опускавшемуся до земли, а моя рука двинулась к одежде смотрителя. Он, должно быть, почувствовал, что его тронули за рукав, потому что резко сел и уставился на меня. Я закрыла глаза, но продолжала смотреть на них сквозь ресницы. Они сидели, не шелохнувшись. В их прямых позах не было ни следа усталости, а у меня слипались глаза.

Налетел прохладный ветерок, наполненный ароматом эвкалипта. Вереницы разноцветных облаков бежали по небу. Глубокое и прозрачное, оно медленно растворялось и таяло так незаметно, что невозможно было различить, где облака и где небо, где день и где ночь.

Положив ногу на кайму платья Нелиды и вцепившись в рукав смотрителя, точно от этого зависела жизнь, я уснула. Показалось, что прошло лишь мгновение, как чья-то рука прикоснулась к лицу.

– Флоринда? – прошептала я, инстинктивно чувствуя, что рядом сидит другая женщина. Она говорила что-то очень тихо. Было ощущение, что она говорила уже давно, и я проснулась, чтобы это услышать.

Я попыталась сесть. Легким, но твердым прикосновением к плечу она остановила меня. Маленький огонек мерцал где-то в темноте, проливая бледный дрожащий свет на ее лицо. Это делало ее похожей на привидение. Казалось, она увеличивается в размерах, приближаясь ко мне. Ее глаза казались больше от этого приводящего в замешательство взгляда. Ее словно подведенные черным брови хмурились.

– Нелида! – вздохнула я с облегчением.

Едва улыбнувшись, она кивнула. Я хотела спросить ее о смотрителе и о реферате, но она приложила свои пальцы к моим губам и продолжала что-то нашептывать. Звуки становились тише и тише. Казалось, они доносятся издалека, и наконец они исчезли совсем.

Нелида встала и жестом пригласила сделать то же самое. Я встала и увидела, что мы не во дворе, а в одной из спален, выходящих в коридор.

– А где же моя работа? – спросила я, беспокоясь, что ветер мог расшвырять страницы по двору. Мысль о том, что мне придется начинать все с самого начала, привела меня в трепет.

Нелида по-королевски кивнула, чтобы я следовала за ней. Она была гораздо выше меня и очень походила на Флоринду. Если бы не ее хрупкость, я бы ни за что не смогла их различать. Сейчас она казалась незавершенной копией Флоринды – такой, скорее всего, та была в юности. В Нелиде было что-то воздушное, хрупкое, обаятельное. Мы часто шутили с Исидоро Балтасаром, что будь я мужчиной я, потеряла бы из-за нее голову. Он остроумно замечал, – в шутку, конечно, – что потому-то она со мной почти не разговаривает.

Мы направились к моей комнате. Рядом с собой я слышала шаги. Это не Нелида, подумала я, потому что она шла так тихо, что, казалось, не касалась земли. Нелепая идея, что слышны мои собственные шаги, заставила меня идти на цыпочках, как кошка. Тем не менее я продолжала слышать шаги. Чьи-то ноги двигались как мои, тихим эхом отдаваясь на плиточном полу. Я несколько раз оборачивалась, но, конечно же, никто не шел за мной. В надежде развеять страх я громко хихикнула.

Нелида внезапно повернулась. Я думала, она одернет меня, но она тоже начала смеяться. Она обняла меня за плечи. Ее прикосновение было не слишком теплым или нежным. Но мне было все равно. Она мне нравилась, а ее прикосновение успокаивало меня. Продолжая смеяться, в окружении звуков шагов, мы вошли ко мне в комнату.

Стены странно светились, как будто через все четыре двери в комнату сочился туман, ее невозможно было рассмотреть. Туман изменил форму комнаты, придав ей странные очертания. Как я ни моргала и ни прищуривалась, я разглядела только стол, за которым писала последние три дня. Я подошла ближе. К своей радости, я увидела бумаги, сложенные в аккуратную стопку. Рядом лежали все мои карандаши: они были хорошо наточены.

– Нелида! – взволнованно воскликнула я, поворачиваясь. Но ее уже не было. Туман сгустился. Он плотнее окутывал меня с каждым вздохом. Он проникал в меня, наполняя глубоким, волнующим чувством легкости и ясности. Направляемая из невидимого источника, я села за стол и разложила перед собой страницы. Прямо перед глазами возникла вся структура реферата, наложенная на мои первые наброски, точно двойная экспозиция на фотопленке.

В восхищении я увлеклась искусным развитием темы. Как будто подчиняясь невидимой руке того, кто писал и думал, абзацы начали менять свои места, выстраиваясь в новом порядке. Все это было так прекрасно и просто, что от радости я засмеялась.

– Запиши это.

Слова прозвучали в комнате тихим эхом. Я с любопытством оглянулась, но никого не увидела. Сознавая, что то, что я переживала в эти минуты, определенно не было обычным сном, я схватила бумагу, карандаш и с бешеной скоростью начала писать. Удивительно легко и ясно возникали идеи. Они пульсировали в висках и в теле, словно звуковые волны. Одновременно с этим я слышала и видела слова. Но то, что было передо мной, различали не слух и не зрение. Это были какие-то нити внутри меня, которые вытягивались и всасывали слова, светящиеся передо мной, как какой-нибудь бесшумный пылесос всасывает пылинки.

Через некоторое время то, что наложилось на мои бумаги, стало расплываться. Строчки исчезали одна за другой. Я отчаянно хваталась за эту превосходную структуру, зная, что все это исчезнет безо всякого следа. Останется только память моего осознания этой величественной ясности. Но исчезнет и это, словно пламя погасшей свечи. Колечко тумана, тонкое, как нить, задержалось в комнате и превратилось в мелкую рябь. Гнетущая темнота окружила меня. Я была настолько опустошена, что теряла сознание.

– Ложись!

Я даже не пыталась поднять глаза, зная, что все равно никого не увижу. Невероятным усилием встав со стула и шатаясь, я направилась к кровати.

Глава 16

Мгновенье я просто лежала в кровати, смутно припоминая свой невероятный, поразительный сон, столь непохожий на все остальные. Однако впервые я сознавала все, что сделала.

– Нелида? – прошептала я, когда тихое хрипловатое бормотание, доносившееся из другого конца комнаты, вторглось в мои грезы. Едва успев сесть, я тут же плюхнулась назад, потому что комната начала вращаться вокруг меня. Подождав немного, я снова попробовала подняться, встала, сделала несколько нерешительных шагов, но упала на пол и головой ударилась о стену.

– Дерьмо! – воскликнула я, когда комната снова завертелась. – Падаю в обморок.

– Не преувеличивай, – сказала Флоринда и улыбнулась, увидев мое смущенное лицо. Она потрогала сначала мой лоб, потом шею, как будто проверяла, нет ли у меня температуры. – Ты не падаешь в обморок. Тебе просто нужно восполнить энергию.

– Где Нелида?

– А разве меня ты не рада видеть? – Она взяла меня под руку и помогла вернуться в кровать. – Ты падаешь от голода.

– Вовсе нет, – возразила я скорее по привычке. Хотя я и не чувствовала голода, но понимала, что головокружение от него. Весь день я ничего не ела, если не считать завтрака.

– Мы и удивлялись, ведь тебе приготовили такое вкусное тушеное мясо, – словно читая мысли, сказала Флоринда.

– Когда ты приехала сюда? Я все время звала тебя мысленно.

Закрыв глаза, Флоринда мурлыкнула, будто это помогало ей вспоминать. – Мы здесь уже несколько дней, – сказала она наконец.

– Не может быть! – Я была настолько поражена, что просто потеряла дар речи, однако быстро оправилась. – Почему же ты не дала знать, что ты здесь? – Я не была задета, но расстроилась, что не заметила ее присутствия. – И как же я не почувствовала? – пробормотала я про себя.

В глазах Флоринды мелькнуло любопытство. Казалось, она была удивлена моим огорчением. – Если бы мы дали тебе знать, ты бы не смогла сосредоточиться на своей работе, – справедливо заметила она. – Ты же прекрасно знаешь: вместо того, чтобы писать, ты бы попала в зависимость от наших приходов и уходов. Ты бы всю энергию потратила на то, чтобы узнать, чем мы занимаемся, так ведь? – Ее голос был низким и хриплым, а странный взволнованный свет в ее глазах делал их еще более сверкающими, чем всегда. – Мы намеренно поступили так, чтобы ты могла работать не отвлекаясь.

Потом она рассказала мне, что зритель только тогда помог мне с выполнением работы, когда был доволен тем, что я уже сделала. Она утверждала, что в сновидении он обнаружил присущую моей работе логику.

– И я увидела присущую моей работе логику. И тоже во сновидении, – сказала я самодовольно.

Флоринда с готовностью согласилась. – Конечно же. Мы втянули тебя в сновидение, чтобы ты закончила работу.

– Вы втянули меня в сновидение? – переспросила я. Было что-то ужасно обыденное в этой ее фразе, но в тоже время настораживающее. У меня появилось странное чувство, что наконец-то я приблизилась к пониманию сновидения-наяву, но почему-то до конца этого не осознавала. Стараясь разобраться во всем, я рассказала Флоринде все по порядку, начиная с того момента, как увидела смотрителя с собакой во дворе.

Мой рассказ был бессвязным, потому что я сама не знала, что было наяву, а что в сновидении. Особенно удивляло то, что я помнила четкий план своей работы, наложенный на первоначальные записи.

– Моя сосредоточенность была настолько обостренной, что это не могло быть в сновидении.

– Это как раз и есть сновидение-наяву, – прервала мой рассказ Флоринда. – Поэтому ты так хорошо это помнишь. – Она напоминала нетерпеливого учителя, объясняющего простую, но фундаментальную истину отстающему ученику. – Я ведь говорила тебе, что сновидение-наяву не имеет ничего общего с обыкновенным засыпанием и сном.

– Я писала, – изрекла я так, как будто этот факт мог опровергнуть ее слова. Она кивнула, а я спросила, останутся ли записи того, что я видела в сновидении-наяву, в моем блокноте.

– Разумеется, ты их посмотришь, но сначала тебе придется поесть. – Она поднялась и, подав руку, помогла мне встать. Она заправила рубашку мне в джинсы, стряхнула соломинки со свитера и, немного отстранясь, оценивающе посмотрела на меня. Недовольная моим видом, она стала наспех приводить в порядок мои волосы, расправляя непослушные пряди.

– Ты выглядишь ужасно, волосы торчат во все стороны.

– Обычно я залезаю под горячий душ, когда просыпаюсь.

Я последовала за ней в коридор и, поскольку она направлялась к кухне, сказала, что сначала мне нужно выйти во двор.

– Я иду с тобой. – Видя, что мне это не по душе, она добавила, что только проследит, чтобы у меня не закружилась голова и я не провалилась в выгребную яму.

Вообще-то я была рада, что опиралась на ее руку: когда мы вышли во двор, я чуть не упала. И не слабость была тому виной, а шок – день заканчивался.

– Что такое? Ты падаешь?

Я показала на небо, где догорал последний солнечный луч.

– Не может быть, уже конец дня!

Мой голос почти пропал, трудно было смириться с мыслью, что прошли целые сутки, разум не постигал этого. Сбивало с толку, что невозможно было воспринимать время как обычно.

Слова Флоринды прозвучали ответом на мои мысли:

– Маги прерывают течение времени. Время в обычном понимании не существует, если сновидишь как маг. Маги по желанию растягивают или сжимают время, для них оно не является материей, состоящей из дней, часов и минут, это совсем иная материя.

Она говорила спокойным ровным тоном:

– Во время сновидения наяву наши способности к восприятию повышены. Однако с восприятием времени происходит нечто совсем другое. Оно не усиливается, а полностью блокируется.

К этому она добавила, что время всегда является фактором сознания, то есть чувство времени является психологическим состоянием, которое мы автоматически переводим в физические измерения. Это настолько глубоко заложено в нас, что мы слышим идущие в нас часы, подсознательно фиксирующие время, даже когда этого не осознаем.

– Во время сновидения наяву эта способность исчезает. Вместо нее возникает совершенно новая незнакомая структура, которую нельзя понять или объяснить, как это обычно делается в отношении времени.

Пытаясь ухватить главное в ее разъяснениях, я сказала: – Тогда все, что я смогу постичь разумом о сновидении-наяву, – это то, что время либо растягивается, либо сжимается.

– Ты поймешь намного больше этого, – уверила она. – Когда ты станешь знатоком, по определению Мариано Аурелиано, повышенного осознания, ты будешь осознавать все, что тебе захочется, потому что маги не вовлечены в измерение времени. Она вовлечены в его использование, растягивая или сжимая его по своему усмотрению.

– Ты сказала, что вы помогли мне попасть в сновидение. Тогда кто-то из вас должен знать, сколько все это длилось.

Флоринда сказала, что она с компаньонами постоянно находится в состоянии сновидения наяву, что втянули меня в него совместными усилиями и что они никогда не следят за ходом времени.

– Ты имеешь в виду, что я и сейчас сновижу-наяву? – спросила я, зная ее ответ заранее. – Если так, то что же я такое сделала, чтобы войти в это состояние?

– Любое самое простое воображаемое действие. Ты не позволила себе быть самой собой. Это тот самый ключ, который открывает двери. Мы тебе много и по-разному говорили, что магия – это вовсе не то, что ты о ней думаешь. Сказать, что не позволять своему "я" быть обычным "я" является самым сложным секретом в магии, – это может звучать как идиотизм, однако это так. Это ключ к силе и поэтому – самое трудное из того, что делает маг. Однако это не настолько сложно или невозможно, чтобы не понять. Разум не боится таких вещей, и по этой причине никто даже не подозревает, насколько это важно и насколько серьезно.

Судя по результату твоего последнего сновидения-наяву, я могу сказать, что ты накопила достаточно энергии, не позволив себе быть самой собой.

Она потрепала меня по плечу и развернулась, шепнув: – Увидимся на кухне.

Дверь была распахнута, но оттуда не доносилось ни звука.

– Флоринда? – шепотом позвала я.

Ответом был приглушенный смехок, но никого нельзя было разглядеть. Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела сидящих за столом Флоринду и Нелиду. При слабом освещении их лица были удивительно ясными. Одинаковые волосы, глаза, нос и губы излучали мерцающий свет, точно он исходил изнутри них. Вид этих абсолютно одинаковых существ вызывал непонятный суеверный страх.

– Вы обе настолько красивы, что даже жутко, – сказала я, подходя ближе. Две женщины взглянули друг на друга, как будто оценивая сказанное мной, потом рассмеялись тревожащим смехом. Станный холодок пробежал по спине. Не успела я даже сказать что-нибудь по поводу этого необычного смеха, как он прекратился. Нелида указала мне на кресло рядом с ней.

Я глубоко вздохнула и, усаживаясь, сказала себе, что нужно оставаться спокойной. В Нелиде чувствовались напряженность и решительность, которые лишали меня мужества. Она налила мне тарелку густого супа из супницы, стоявшей посреди стола.

– Я хочу, чтобы ты все это съела, – произнесла она, подвигая ко мне масло и корзиночку с теплыми тортильями.

Я умирала от голода и набросилась на еду так, как будто сто лет ничего не ела. Было очень вкусно. Я съела все, что было в супнице и проглотила намазанные маслом лепешки с тремя чашками горячего шоколада.

Насытившись, я откинулась в кресле. Дверь во двор была широко распахнута и прохладный ветер играл тенями в комнате. Казалось, полумрак повис навсегда. Небо все так же было расчерчено тяжелыми грядками облаков: пунцовых, темно-синих, фиолетовых и золотых. Воздух же был настолько прозрачен, что, казалось, приближал дальние холмы. Словно приводимая в движение какой-то внутренней силой, ночь, казалось, выростала из земли. Пульсирующие и грациозные тени, отбрасываемые шевелящимися на ветру фруктовыми деревьями, гнали тьму в небо.

Тут в комнату ворвалась Эсперанса и поставила на стол лампу. Она, не мигая, пристально посмотрела на меня, как будто ей было трудно сконцентрироваться. Было такое впечатление, что, поглощенная какой-то тайной из другого мира, она еще не до конца здесь. Потом глаза ее понемногу стали теплеть и она

улыбнулась, словно вдруг поняла, что вернулась откуда-то издалека.

– Моя рукопись! – воскликнула я, увидев у нее подмышкой разрозненные листы и блокнот.

Широко улыбнувшись, Эсперанса передала мне мои записи. Я нетерпеливо просмотрела страницы и громко засмеялась от радости, когда увидела точные и детальные инструкции в блокноте – наполовину на испанском, наполовину на английском, – как мне продолжать работу над рефератом. Почерк был, безусловно, мой.

– Все здесь, – возбужденно произнесла я. – Точно так, как я видела в сновидении.
Мысль о том, что я могла бы проскочить в аспирантуру, не работая так усердно, омрачила всю мою радость.

– Невозможно сократить написание хорошего реферата. Даже с помощью магии. Ты должна знать, что не читая, не делая выписок, не переписывая написанное, ты бы никогда не смогла узнать структуру и порядок написания твоей работы в сновидении.

Я молча кивнула. Эсперанса произнесла это так убедительно, что я даже не знала, что сказать.

– А смотритель? – спросила я, наконец. – Он был в молодости профессором?

Нелида и Флоринда повернулись к Эсперансе, как будто ответ должен был прозвучать от нее.

– Я и не знаю, – уклончиво произнесла она. – А разве он не говорил, что он маг, влюбленный в идеи?
– Она помолчала немного и продолжила осторожно: – Когда он не заботится о нашем магическом мире, как положено смотрителю, – он читает.

– Помимо книг, – пояснила Нелида, – он читает невообразимое количество научных изданий. Он знает несколько языков и в курсе всех последних новинок. Делия и Клара – его помощницы. Он научил их английскому и немецкому.

– Библиотека в доме принадлежит ему?

– Она общая, – ответила Нелида. – Однако я уверена, что только он, не считая Висенте, прочитал все книги до единой. – Заметив недоверчивое выражение моего лица, она посоветовала не заблуждаться насчет внешнего вида людей в мире магов. – Чтобы получить знания, маги работают в два раза напряженнее, чем обычные люди. Маги должны разбираться и в повседневном мире, и в магическом. Для достижения этого они должны быть высокообразованными и опытными, и умственно, и физически. – Прищурившись и изучающе она посмотрела на меня и слегка усмехнулась.

– Ты писала реферат три дня. Ты хорошо потрудились, правда? – Она подождала, пока я утвердительно кивну, и добавила, что сновидя-наяву, я работала еще напряженнее, чем в бодрствовании.

– Все нет, – поспешила я возразить. – Это было совсем просто и легко. – Я объяснила ей, что просто увидела новый вариант реферата, наложенный на черновик, а потом всего-навсего переписала увиденное.

– Но для этого тебе понадобились все силы, – настаивала Нелида. – Сновидя-наяву, ты всю свою энергию направила на достижение одной цели. Все твои интересы и усилия сосредоточились на завершении работы. В этот момент ничто другое для тебя не имело значения. Тебе не мешали никакие другие мысли.

– Смотритель сновидел-наяву, когда просматривал мою работу? Я видела то же, что и он?

Нелида встала и медленно подошла к двери. Она долго всматривалась в темноту, потом вернулась к столу, шепнула что-то Эсперансе и снова села.

Эсперанса едва усмехнулась и сказала, что смотритель видел не то, что увидела и записала я. – И это вполне естественно, потому что его знания гораздо обширнее твоих.

Эсперанса пристально смотрела на меня своими пронизательными темными глазами, которые каким-то странным образом лишали ее лицо жизненности.

– Руководствуясь его предложениями и в соответствии с твоими собственными способностями, ты увидела, как должна выглядеть работа. И записала это.

– Сновидя-наяву, мы получаем доступ к скрытым источникам, которые обычно не используем, – сказала Нелида и пояснила, что увидев реферат, я вспомнила те путеводные нити, которые дал мне смотритель.

Заметив недоверие на моем лице, она повторила то, что сказал смотритель о моей работе: – Слишком много сносок, слишком много цитат и плохо развитые идеи. – В ее глазах светились сочувствие и смех. – Поскольку ты сновидела, и на самом деле не настолько глупа, какой притворяешься, – продолжала она, – то ты сразу увидела все те соединения и связи, которые не замечала в своем материале до этого.

Нелида наклонилась ко мне в ожидании моей реакции. На ее губах играла улыбка.

– Пришло время узнать, что позволило тебе увидеть лучший вариант реферата. – Эсперанса выпрямилась и подмигнула, как бы подчеркивая, что сейчас откроет самый главный секрет. – Если мы сновидим наяву, то получаем доступ к прямому знанию.

Она долго и пристально смотрела на меня, и я увидела разочарование в ее глазах.

– Да не будь такой глупой! – нетерпеливо рявкнула на меня Нелида. – Из сновидения-наяву ты должна была понять, что обладаешь, как и все женщины, уникальной способностью получать знания напрямую.

Эсперанса успокаивающе подняла руку и спросила: – Ты знала, что одно из основных различий между мужчиной и женщиной состоит в том, как они подходят к знанию?

Я понятия не имела, что это значит. Она медленно и осторожно выдернула чистый лист из моего блокнота и нарисовала две фигурки людей с конусами на голове. Одна фигурка с конусом означала мужчину, другая, на голове которой был перевернутый конус, – женщину.

– Мужчины овладевают знанием постепенно, – объясняла она, задержав карандаш на фигуре с конусом. – Мужчины тянутся вверх; они взбираются вверх к знанию. Маги говорят, мужчины тяготеют к

духу, они стремятся к знаниям. Этот процесс имеет конусообразную форму и имеет предел, выше которого нельзя попасть.— Она вернулась к конусу на голове первой фигуры. — Как ты видишь, мужчины могут достичь определенной высоты. Их путь к знанию сужается: до верхнего кончика конуса.

Она внимательно посмотрела на меня. — Обрати внимание, — предупредила она меня, переводя карандаш на ту фигуру, у которой на голове был перевернутый конус. — Как видишь, этот конус перевернут, открыт, как воронка. Женщины способны открывать себя прямо навстречу источнику, или наоборот, источник достигает их напрямую через широкое основание конуса. Маги говорят, что связь женщин со знанием огромна. С другой стороны, связь мужчин со знанием сильно ограничена.

— Мужчины близки к конкретному, — продолжала она — и нацелены на абстрактное. Женщины же близки к абстрактному, но все же не отказывают себе и в конкретном.

— Почему же женщины, будучи настолько открытыми к знанию или к абстрактному, считаются по положению низшими? — перебила ее я.

Эсперанса посмотрела на меня с удивлением и восторгом. Она резко поднялась, потянулась, словно кошка, так, что все косточки хрустнули, и снова села.

— То, что женщин считают ниже по уровню, или, в лучшем случае, что женские особенности считаются дополнением к мужским, зависит от того способа, каким мужчины и женщины достигают знания, — объясняла она. — Вообще-то, женщины больше заинтересованы в том, чтобы владеть собой, а не другими, а мужчины хотят именно власти.

— Даже среди магов, — небрежно бросила Нелида, и все женщины рассмеялись.

Эсперанса продолжала, сказав, что первоначально женщинам незачем было использовать свои возможности для широкой и прямой связи с духом. Им ни к чему было говорить или философствовать об этой естественной своей способности, потому что им достаточно было задействовать ее и просто знать, что они обладают ею.

— Именно неспособность мужчин прямо связывать себя с духом вынудила их говорить о процессе достижения знания, — подчеркнула она. — Они не прекращают говорить об этом. И именно настойчивость в том, чтобы узнать, каким образом они стремятся к духу, упорство в анализе этого процесса, дали им уверенность, что рационализм является типично мужским качеством.

Эсперанса объяснила, что такое понимание разума придумано исключительно мужчинами и именно это позволило мужчинам приуменьшить женские способности и достоинства. И что гораздо хуже, это позволило мужчинам исключить женские особенности из формулировки идеалов разума.

— Однако теперь, конечно, женщины верят в то, что и было определено для них, — подчеркнула она. — Женщины были воспитаны в вере, что только мужчины могут быть рациональны и логически последовательны. Теперь мужчины имеют незаслуженное наследство, которое автоматически делает их выше, независимо от их подготовки или способностей.

— А как женщины потеряли свою прямую связь со знанием? — спросила я.

— Женщины не теряли своей связи, — поправила меня Эсперанса. — Женщины и сейчас обладают прямой связью с духом. Они только забыли, как ею пользоваться, или, скорее, они скопировали у мужчин условия ее отсутствия. Тысячи лет мужчины боролись за уверенность, что женщины забыли эту связь. Вспомни, например, Святую Инквизицию. Это была систематическая чистка, уничтожение на корню веры в то, что женщины прямо связаны с духом. Любая организованная религия представляет собой не что иное, как удавшуюся попытку поставить женщин на более низкий уровень. Религии ссылаются на Божий закон, который гласит, что женщина стоит ниже.

Я уставилась на нее в изумлении, удивляясь про себя, как она может так по-научному излагать свои мысли. — Потребность мужчин господствовать над другими и отсутствие у женщин интереса к выражению или формулированию того, что они знают, и каким образом узнали, является самым гнусным сплавом,— продолжала Эсперанса. — Это вынуждает женщин с самого рождения признавать, что их предназначение — домашний очаг, любовь, семья, рождение детей и самопожертвование. Женщины были исключены из основных форм абстрактного мышления и приучены к зависимости. Их так тщательно воспитывали в вере, что мужчины должны за них думать, что женщины в конце концов перестали мыслить.

— Женщины вполне способны мыслить, — перебила я ее.

— Женщины способны сформулировать, чему они научились, — поправила меня Эсперанса. — А они научились тому, что определили мужчины. Мужчины определили саму природу знания и исключили из нее все, что имеет отношение к женскому. А если оставили что-то, то в негативном свете. И женщины это приняли.

— Ты отстала от жизни, — небрежно заметила я. — Сейчас женщины могут делать все, что угодно, к чему их влечет сердце. Они имеют открытый доступ к учебным центрам и почти к любой работе, которую выполняют мужчины.

— Однако все это бессмысленно, поскольку у них нет системы поддержки, фундамента, — настаивала Эсперанса. — И что хорошего в том, что они имеют доступ ко всему, что имеют мужчины, если их продолжают считать существами низшего порядка, которые должны принимать мужские отношения и правила поведения для того, чтобы добиться успеха? Те, кто действительно добиваются успеха, являются совершенными перевертышами. И они тоже свысока смотрят на женщин.

По мнению мужчин, материнская утроба женщин ограничивает их умственно и физически. В этом причина того, что женщинам, хотя они и имеют доступ к знанию, не позволяли помогать в определении того, чем является данное знание.

– Взгляни на философов, например, – предложила Эсперанса. – Чистые мыслители. Некоторые из них недоброжелательно относятся к женщинам. Другие более умны и охотно признают, что женщины могут быть такими же способными, как и мужчины, если бы не тот факт, что женщины не интересуются мыслительными процессами. А если интересуются, то им не следует делать этого. Потому что женщине больше идет, чтобы она следовала своей природе: была бы образованной, но зависела от мужчины.

Все это Эсперанса высказала с непрекаемой категоричностью. Тем не менее через несколько мгновений меня охватили сомнения. – Если знание является ничем иным, как мужским созданием, тогда почему ты настаиваешь, чтобы я шла учиться?

– Потому что ты ведьма и как ведьма должна знать, с чем тебе придется иметь дело и как ты будешь это делать, – ответила она. – Прежде чем ты от чего-то отказываешься, нужно понять, почему ты это делаешь.

Понимаешь, дело в том, что в наше время знание выведено из достижений только на пути разума. Но у женщин иной путь, никогда даже не принимающийся во внимание. Этот путь может дополнить знание, но это должен быть такой вклад, который ничего общего не имеет с путем разума.

– С чем же тогда оно имеет дело? – поинтересовалась я.

– Это тебе решать, когда ты освоишь инструменты мышления и осознания.

Я окончательно запуталась.

– Маги предлагают, чтобы мужчины не обладали исключительным правом на разум. Сейчас кажется, что они его имеют, потому что почва, на которой они могут применять разум, – это почва, где преобладает мужское начало. Давай попробуем применить разум к той почве, где преобладает женское начало. Это, естественно, тот перевернутый конус, который я тебе рисовала. Связь женщин с самим духом.

Она склонила голову набок, раздумывая, как лучше выразить свою мысль. – Эту связь нужно рассматривать с другой стороны разума. Это та сторона, которая никогда раньше не использовалась – женская сторона разума.

– Что означает женская сторона разума, Эсперанса?

– Очень многое. Сновидение, конечно, тоже. – Она вопросительно взглянула на меня, но я молчала. Ее глубокий смех удивил меня.

– Я знаю, чего ты ждешь от магов. Ты хочешь ритуальных обрядов, заклинаний. Станных мистических культов. Хочешь петь. Хочешь быть наедине с природой. Хочешь общаться с водяными духами. Ты хочешь язычества. Какой-то романтический взгляд на то, что делают маги. Очень по-германски.

– Для прыжка в неведомое тебе нужны мужество и разум, – продолжала она. – Только имея их, ты сможешь показать себе и другим те сокровища, которые сможешь найти.

Она наклонилась ко мне, как бы открывая какую-то тайну. Потом почесала затылок и чихнула пять раз, как это делал зритель. – Тебе нужно воздействовать на свою магическую сторону, – сказала она.

– А это что?

– Матка.

Как если бы ее не интересовала моя реакция, она произнесла это так отчужденно и спокойно, что я почти и не расслышала. Вдруг осознав абсурдность ее слов, я выпрямилась и посмотрела на остальных.

– Матка! – повторила Эсперанса. – Матка – это сугубо женский орган. Это она дает женщинам дополнительное преимущество, ту дополнительную силу, которая направляет их энергию.

Она объяснила, что мужчины, стремясь к господству, добились успеха, уменьшая таинственную силу женщины, превращая ее матку в чисто биологический орган, единственной функцией которого является воспроизводство, вынашивание мужского семени.

Как бы подчиняясь намеку. Нелида встала, обошла вокруг стола и встала позади меня. – Ты помнишь легенду о Благовещенье? – прошептала она мне на ухо.

Хихикнув, я повернулась к ней.

– Нет.

Тем же доверительным шепотом она стала рассказывать мне, что в иудейско-христианской традиции только мужчины слышат голос Бога. Женщины лишены этой привилегии, за исключением Девы Марии.

Нелида сказала, что ангел, шепчущий Марии, это, конечно, естественно. А неестественно то, что ангел должен был ей только сказать, что Она родит Сына Божьего. Матка получила не знание, а только обещание семени Божьего. Бог-мужчина, который, в свою очередь, породил другого Бога-мужчину.

Я хотела подумать, порассуждать над всем этим, но мой разум был в тупике. – А мужчины-маги? – спросило я. – У них же нет матки, но у них есть прямая связь с духом.

Эсперанса посмотрела на меня с нескрываемым удовольствием, потом посмотрела назад через плечо, как будто боялась, что кто-то подслушает, и прошептала:

– Маги способны сливаться с намерением, с духом, потому что они отказываются от того, что четко определяет их мужественность. И они больше не мужчины.

Глава 17

Нагваль Исидоро Балтасар мерил шагами комнату совсем не так, как он делал это обычно, расхаживая по своей прямоугольной студии. Раньше его шаги действовали на меня успокаивающе. Теперь, напротив, они беспокоили меня, и в этом чувствовалась какая-то угроза. Мне пришел в голову образ тигра, рыщущего в зарослях, – не того, который готов внезапно броситься на свою жертву, а такого, который чувствует какую-то опасность.

Я отвлеклась от своей рукописи и уже хотела спросить, что произошло, когда он сказал:

– Мы едем в Мексику.

Он это произнес так, что я рассмеялась. Мрачность и серьезность его тона спровоцировали мой шуточный вопрос:

– Ты на мне женишься там?

Зло взглянув на меня, он резко остановился и рявкнул: – Это не шутка. Это серьезно. – Затем вдруг улыбнулся и покачал головой. – Что это я? – произнес он, сделав забавный беспомощный жест. – Рассердился на тебя, как будто у меня есть на это время. Позор! Нагваль Хуан Матус предупреждал, что мы связаны до конца.

Он крепко обнял меня, как будто я долго отсутствовала и только что вернулась.

– Не очень-то мне хочется ехать с тобой в Мексику.

– Отставить разговоры. Больше нет времени. – Он сказал это, как военный, отдающий приказы. А мне было весело и нельзя было удержаться, чтобы не съязвить:

– Яволь, майн группенфюрер!

Он расслабился и рассмеялся.

Мы ехали по Аризоне, и на меня вдруг нахлынуло странное новое чувство, какого я еще никогда не испытывала: в нем была абсолютная уверенность. Физически я ощутила такой утробный холод, от которого тело покрылось гусиной кожей. Что-то было не так.

– У меня был приступ интуиции. Что-то плохо! – сказала я, повышая голос против собственного желания.

Исидоро Балтасар кивнул и сказал сухим тоном:

– Маги уходят.

– Когда? – невольно вскрикнула я.

– Может, завтра или послезавтра. Или через месяц. Но уход неминуем.

С облегчением вздохнув, я откинулась на спинку сиденья и сознательно расслабилась.

– Они говорят, что собираются уходить, еще с того дня, как я их встретила, а уже больше трех лет прошло, – пробормотала я про себя, но лучше от этого мне не стало.

Исидоро Балтасар повернулся и посмотрел на меня. На лице была маска полного презрения. Было видно, что он пытается скрыть свое недовольство. Улыбнувшись, он хлопнул меня по колену и тихо сказал:

– В мире магов мы не можем привязываться к фактам. Если маги говорят что-то так долго, что это начинает раздражать, – значит, они готовят тебя к этому. Не смешивай их магические пути со своими дурацкими путями. – И тут же осадил меня своим строгим взглядом неулыбающихся глаз.

Я молча кивнула. Его слова не рассердили меня. Я была слишком напугана и сидела тихо.

Дорога отняла немного времени, а может быть, мне так показалось. Мы по очереди спали и вели машину и к полудню следующего дня были у дома ведьм. Как только затих мотор, мы оба выпрыгнули из машины и, хлопнув дверьми, побежали в дом.

– В чем дело? – спросил смотритель. Он стоял у парадной двери, явно озадаченный нашим внезапным и шумным прибытием. – Вы что, воюете или гоняетесь друг за другом? – Он посмотрел сначала на Исидоро Балтасара, потом на меня. – Ого, как разогнались!

– Когда? Когда вы уходите? – Повторяла я механически, не в состоянии больше сдерживать свои растущие беспокойство и страх.

Смеясь, смотритель ободряюще похлопал меня по спине, и произнес: – Я никуда не собираюсь. От меня так просто не отделаешься. – Его слова прозвучали достаточно искренне, но не рассеяли мою тревогу.

Я изучающе смотрела в его лицо, в глаза, пытаясь определить, не обманывает ли он, но видела в них только доброту и искренность. Осознав, что Исидоро Балтасар ушел, я снова напряглась. Он исчез бесшумно и быстро, словно тень.

Почувствовав мое волнение, смотритель указал на дом.

Оттуда послышался протестующий голос Исидоро Балтасара, а потом его смех.

– Все здесь? – спросила я, обходя смотрителя.

– Они дома, но туда тебе нельзя. Тебя не ждали и попросили меня поговорить с тобой. – Он широко раскинул руки, преграждая мне путь и не слыша моих возражений, потом взял меня за руку и увел от двери. – Пойдем во двор и соберем немного листьев, – предложил он, – сожжем их, а пепел оставим водяным феям. Может, они превратят его в золото.

Собирая листья в кучи, мы не разговаривали, и физическая работа, скрежет грабель по земле успокоили меня.

Мы долго собирали и сжигали листья. Неожиданно я почувствовала, что во дворе появился кто-то еще. Я обернулась и увидела Флоринду. Сидя на скамейке под деревом сапоге в белых брюках и в белом жакете, она была похожа на привидение. Ее лицо затеняла широкополая соломенная шляпа, а в руке был кружевной веер. Она казалась неземным существом и выглядела такой отчужденной, что я просто застыла на месте, абсолютно завороженная. Я сделала к ней несколько шагов, но она никак не прореагировала на мое присутствие, и я остановилась. Не страх быть отверженной, а скорее какое-то неписаное, но подсознательно признаваемое правило удерживало меня от того, чтобы привлечь ее внимание.

Когда к ней присоединился смотритель, я взяла грабли, прислоненные к дереву, и медленно приблизилась. Рассеянно улыбаясь, смотритель взглянул на меня, поглощенный речью Флоринды. Они говорили на незнакомом мне языке, но я слушала как зачарованная. Не знаю почему – то ли из-за языка, то ли из-за привязанности к старику, – но ее хриловатый голос звучал ласково, необычно и особенно нежно.

Внезапно она поднялась со скамейки и зигзагами, словно в ней развернулась какая-то скрытая пружина, пошла через расчищенный двор, задерживаясь на мгновение, словно колибри, у каждого дерева, прикасаясь то там, то тут к листу или цветку.

Я подняла руку, чтобы привлечь ее внимание, но меня отвлекла ярко-голубая бабочка, отбрасывавшая в воздухе голубые тени. Она подлетела ко мне и опустилась на руку. Широкие трепещущие крылья раскрылись, и их густая тень упала мне на пальцы. Она потерла лапками головку, и, несколько раз сложив и расправив крылышки, снова взлетела, оставив на моем среднем пальце кольцо в форме треугольной бабочки.

В уверенности, что это оптический обман, я несколько раз трянула кистью. – Фокус, да? – спросила я смотрителя срывающимся голосом. – Оптический обман?

Смотритель покачал головой, и его лицо сморщила самая лучезарная из всех улыбок. – Красивое кольцо, – промолвил он, беря меня за руку. – Великолепный подарок.

– Подарок, – повторила я. На мгновение меня озарила догадка, которая быстро исчезла, оставив меня в полнейшей растерянности. – Кто надел мне кольцо? – спросила я, рассматривая эту драгоценную вещь. Усики и продолговатое тельце, разделяющее треугольник, были выполнены из филигранного белого золота и усеяны крохотными бриллиантами.

– Ты не замечала его раньше? – спросил смотритель.

– Раньше? – переспросила я, сбитая с толку. – Когда раньше?

– С тех пор, как его подарила тебе Флоринда.

– Но когда? Я не помню, чтобы Флоринда подарила мне это кольцо. Почему же я его не замечала?

Смотритель пожал плечами, не в состоянии объяснить мою забывчивость, и отметил, что оно мне как раз впору. Казалось, он хотел сказать что-то еще, но передумал и предложил вернуться к сбору листьев.

– Не могу, – сказала я. – Мне нужно поговорить с Флориндой.

– Нужно? – Он задумался, как будто услышал что-то нелепое или необдуманное, но не стал меня разубеждать и показал на тропинку, ведущую к холмам. – Она пошла прогуляться.

– Я ее догоню. – Вдалеке виднелась белая фигура, мелькающая среди высокого чапаррала.

– Она далеко, – предупредил смотритель.

– Ничего. – И я побежала за Флориндой, перейдя на шаг, когда увидела ее. У нее была превосходная походка: она шла энергично, по-спортивному, не напрягаясь и не сутулясь. Услышав мои шаги, она резко остановилась, обернулась и протянула руки, приветствуя меня.

– Здравствуй, дорогая! – сказала она, пристально посмотрев на меня. Ее хриловатый голос был воздушным, чистым и очень ласковым.

Горя нетерпением узнать о кольце, я толком с ней даже не поздоровалась. Запинаясь, я спросила, не она ли дала кольцо. – Оно теперь мое?

– Да, – ответила она. – Теперь твое. – В ее тоне было что-то такое... какая-то уверенность, которая одновременно возбуждала и ужасала меня. Но мне и в голову не пришло отказать от этого, несомненно, дорогого подарка.

– Кольцо имеет волшебную силу? – спросила я, подняв руку на свет, чтобы каждый камешек заискрился ослепительным сиянием.

– Нет, – засмеялась она. – Оно не имеет никакой силы вообще. Хотя это и особенное кольцо. Не из-за своей ценности и не потому, что принадлежало мне. Просто сделавший его человек был необыкновенным нагвалем.

– Он был ювелир? – поинтересовалась я. – Это тот же, чьи странного вида поделки стоят у смотрителя?

– Тот же, – ответила она. – Хотя он и не был ювелиром. Как не был и скульптором. Он смеялся даже при мысли, что его могут посчитать художником. Но увидев его работы, любой сразу понимал, что только художник способен делать такие вещи, какие делал он.

Флоринда отошла от меня на несколько шагов и вгляделась в холмы, как бы в поиске воспоминаний. Потом она снова повернулась ко мне и едва слышным шепотом сказала:

– Что бы этот нагваль ни делал, будь то кольцо, кирпичная стена, плитка для пола, таинственные изобретения или обыкновенная картонная коробка, – эта вещь неизменно становилась изысканной, не только с точки зрения превосходного исполнения, но и потому, что в ней была какая-то недосказанность.

– Если такой необыкновенный человек сделал это кольцо, тогда оно должно обладать какой-то силой, – настаивала я на своем.

– Само по себе кольцо не имеет силы, независимо от того, кто его сделал, – уверяла меня Флоринда. – Сила была в его создании. Нагваль, сделавший это кольцо, настолько слился с тем, что маги называют намерением, что смог создать эту прекрасную вещь, не будучи ювелиром. Это кольцо стало актом чистого намерения.

Боясь показаться глупой, я не осмелилась признать, что не имею ни малейшего представления, что она подразумевала под намерением. Поэтому я спросила, что побудило ее сделать мне такой чудесный подарок. – Не думаю, что я его заслужила, – заключила я.

– Ты будешь использовать кольцо, чтобы нацеливать себя на намерение, – сказала она. Едва заметная улыбка пробежала по ее лицу, когда она добавила: – Ты ведь, конечно, уже знаешь о нацеливании на намерение.

– Не знаю я ничего подобного, – пробормотала я и призналась, что действительно ничего не знаю о намерении.

– Ты можешь и не знать, что означает это слово, – небрежно сказала она, – но интуитивно чувствуешь как высвободить эту силу. – Она ближе наклонилась ко мне голову и прошептала, что я всегда использовала намерение, чтобы вернуться от сновидения к действительности и чтобы вызывать сновидения-наяву. Она с надеждой посмотрела на меня, безусловно ожидая, что я сделаю напрашивающиеся выводы. Заметив непонимание на моем лице, она добавила: – И поделки в комнате смотрящего, и это кольцо были сделаны в сновидении.

– Все равно не понимаю, – жалобно вздохнула я.

– Эти поделки пугают тебя, – сказала она спокойно. – А кольцо тебе нравится. Поскольку и то, и другое – сновидение, они могут меняться местами...

– Не пугай меня, Флоринда. Что ты имеешь в виду?

– Это, дорогая, мир сновидений. Мы учим тебя, как самой вызывать их. – Ее темные сияющие глаза быстро посмотрели в мои, потом она добавила: – В данный момент все маги из окружения нагваля Мариано Аурелиано помогают тебе войти в этот мир и оставаться там сейчас.

– Это другой мир? Или это я другая?

– Ты та же, но в другом мире. – Она помолчала немного и предположила, что у меня больше энергии, чем раньше. – Эта энергия из твоих хранилищ и данная тебе в долг каждым из нас.

Аналогия была ясна. Но я никак не могла понять, что она подразумевала под другим миром.

– Оглянись вокруг! – воскликнула она, широко разведя руки. – Ведь это не мир повседневной жизни. – Она долгое время молчала, потом тихим и почти нежным шепотом добавила: – Может ли бабочка превратиться в кольцо в мире повседневных забот? В мире, который был надежно и строго построен на тех ролях, которые отведены каждому из нас?

Я не ответила и посмотрела по сторонам – на деревья, кустарники, далекие горы. Что она имела в виду под другим миром – все еще не доходило до меня. Наконец мне пришлось в голову, что различие должно быть чисто субъективным.

– Да нет же, – настаивала Флоринда, прочитав мои мысли. – Это сновидение мага. Ты попала в него, потому что у тебя есть энергия.

Она беспомощно посмотрела на меня и сказала: – На самом деле нет способа научить женщин сновидеть. Можно лишь поддержать их, помогая осознавать бесконечный потенциал, заложенный в устройстве их организма.

– Поскольку сновидение для женщины является вопросом обладания собственной энергией, главное – убедить ее, что необходимо преобразовать свою глубокую социализацию, чтобы получить эту энергию. Использование этой энергии является автоматическим; женщины начинают сновидеть сновидения магов, как только получают эту энергию.

Доверительно делая своим опытом, она говорила, что серьезной трудностью в сновидениях магов является то, что женщинам нужно иметь мужество начинать все сначала. Большинство женщин – Флоринда и себя причисляла к ним – предпочитают свои безопасные кандалы давлению нового.

– Сновидение только для мужественных женщин, – шепнула она мне на ухо. А потом громко рассмеялась и сказала: – Или же для тех, у кого нет другого выбора, потому что они в невыносимых условиях, – а к таким, даже не подозревая об этом, относится большинство.

Ее хриплый смех произвел на меня странное впечатление. Я внезапно будто проснулась после долгого сна и вспомнила что-то очень важное, о чем забыла на время сна.

– Исидоро Балтасар сказал о вашем неминуемом уходе. Когда вы уходите?

– Я пока никуда не уйду. – Ее голос был тверд, но в нем слышалась глубокая печаль. – Твой учитель сновидений и я остаемся. Остальные уходят.

Я не совсем поняла, что она имеет в виду, но скрыла свое замешательство шуткой: – Мой учитель сновидений Зулейка за три года не сказала мне ни слова. Она даже ни разу не говорила со мной. Только ты и Эсперанса на самом деле руководили мной и учили меня.

Смех Флоринды зазвучал так весело, что от души отлегло, хотя я и чувствовала себя озадаченной.

– Объясни, Флоринда, когда ты подарила мне это кольцо? Как получилось, что, собирая листья со зрителем, я получила его?

Флоринда с видимым удовольствием сообщила, что самым простым объяснением будет, что сбор листьев является одним из способов попасть в сновидение мага, если достаточно энергии, чтобы переступить этот порог. Она взяла меня за руку и добавила:

– Я дала тебе кольцо, когда ты переступала этот порог; поэтому твой разум не запомнил этого. А когда ты уже попала в сновидение, ты обнаружила на пальце кольцо.

Я с любопытством взглянула на нее. Что-то неуловимое было в ее словах, что-то смутное и неопределенное.

– Пойдем домой, – предложила она, – и переступи порог сна. Может, теперь ты почувствуешь этот момент.

Мы медленно возвращались, приближаясь к дому с тыльной стороны. Я шла на несколько шагов впереди Флоринды, чтобы быть абсолютно во всем уверенной, и всматривалась в деревья, крышу, стены, стараясь заметить перемену или еще что-нибудь, что дало бы мне ключ к этому переходу.

Но я ничего не заметила. Зрителя уже не было. Я обернулась к Флоринде, чтобы сказать, что полностью пропустила переход, но и ее нигде не было. Она ушла и оставила меня совсем одну.

Я вошла в дом. Как обычно, он был пуст. Чувство одиночества уже не пугало меня, уже не вызывало ощущения, что меня все бросили. Не задумываясь, я пошла на кухню и съела оставленные в корзинке тамалес с курицей, а потом легла в гамак, чтобы привести свои мысли в порядок. Проснувшись, я обнаружила, что лежу на койке в маленькой темной комнате. Беспомощно оглянувшись в поисках какого-нибудь намека на то, что происходит, я быстро села, когда увидела большие шевелящиеся тени, притаившиеся у двери. Горя нетерпением узнать, открыта ли дверь, в комнате ли эти тени, я пошарила рукой под кроватью, ища ночной горшок, – почему-то я знала, что он там, – и запустила им в эти тени. Горшок громко загремел за дверью.

Тени исчезли. Подумав, что все это мне почудилось, я вышла из комнаты и нерешительно посмотрела на высокую мескитовую изгородь вокруг двора. И тут я быстро сообразила, что нахожусь за маленьким домом. Все это пронеслось в моей голове, пока я искала горшок, докатившийся до самой изгороди. Наклонившись за ним, я увидела, как сквозь изгородь протискивается койот. Инстинктивно я швырнула в него горшок, но он ударился о камень. Не обращая внимания на громкий стук и на мое присутствие, койот пересекал двор. Он несколько раз нахально поворачивал голову, поглядывая на меня. Его мех блестел, словно серебро, а пышный хвост волочился по камням наподобие волшебного веера. Каждый камень, который он задевал, оживал. Камни вскакивали, у них светились глаза и беззвучно шевелились губы.

Я завизжала; ужасающе быстро камни двинулись ко мне.

Я мгновенно поняла, что сплю. – Это один из моих обычных кошмаров, – пробормотала я про себя. – С монстрами, страхом и тому подобным.

Убежденная, что осознание этого само по себе нейтрализует воздействие кошмара, я готова была сдаться и пережить весь его ужас. Тут я услышала, как кто-то сказал: – Попробуй путь сновидения.

Я обернулась. Под рамadou стояла Эсперанса, возясь с огнем на поднятой платформе, сделанной из тростника и обмазанной толстым слоем глины. Она казалась незнакомой и далекой в бросающем отблески живом свете пламени, как будто ее отделяло от меня расстояние, ничего общего не имеющее с пространством.

– Не бойся, – приказала она. Затем чуть слышно пробормотала: – Мы все видим сны друг друга, но сейчас ты не сновидишь. – Должно быть мое лицо выражало сомнение. – Поверь мне, ты не сновидишь, – заверила она меня.

Я чуть-чуть приблизилась к ней. Не только ее голос показался незнакомым, она сама была какой-то другой. С того места, где я стояла раньше, она казалась Эсперансой, но чем-то была похожа на Зулейку. Я подошла к ней совсем близко. Это была Зулейка! Молодая, сильная и очень красивая. Ей не могло быть больше сорока. Овальное лицо обрамляли кудрявые, начинающие седеть черные волосы. Гладкое и бледное лицо освещалось влажными, широко поставленными черными глазами. Ее взгляд был обращен в себя, загадочный и ясный. Тонкая верхняя губа свидетельствовала о строгости, а нижняя, полная и чувственная, выдавала доброту, почти страстность.

Околдованная переменой в ней, я уставилась на нее, как зачарованная. Точно, сновиджу, подумала я.

Ее чистый смех заставил меня осознать, что она прочла мои мысли. Она взяла меня за руку и сказала ласково: – Ты не сновидишь, моя дорогая. Это действительно я, твой учитель сновидений. Я Зулейка. Эсперанса – это мое второе я. Маги называют это телом сновидения.

Сердце так прыгнуло, что в груди стало больно. От волнения и восхищения я чуть не задохнулась. Я безуспешно попыталась освободить свою руку: она держала ее слишком крепко. Я сильно зажмурилась. Больше всего мне хотелось, чтобы, когда я их открою, ее здесь не оказалось. Но она, конечно, осталась на месте, с лучезарной улыбкой на губах. Я снова закрыла глаза, потом попрыгала и топнула в неистовстве ногой. Свободной рукой я несколько раз ударила себя по щеке, пока та не покраснела от боли. Все напрасно: я не просыпалась. Сколько бы я ни закрывала глаза, она была тут.

– Довольно, по-моему, – засмеялась она, и я попросила ее стукнуть меня.

Она с готовностью сделала это, два раза сильно ударив меня по предплечьям длинной твердой тростью.

– Бесполезно, дорогая, – проговорила она медленно, словно устав, и, глубоко вздохнув, отпустила мою руку. Потом снова заговорила: – Это не сон. И я Зулейка. Когда я сновижу, то я Эсперанса или еще кто-нибудь. Но сейчас я не собираюсь этим заниматься.

Мне хотелось хоть что-то сказать, но я не могла. Язык присох к небу, и я смогла только взвизгнуть по-собачьи, стараясь расслабиться, и дышала, как меня учили на занятиях по йоге.

Она тихонько засмеялась, скорее всего, над моими усилиями. Смех прозвучал утешительно и успокоил меня: в нем было так много тепла, такого полного доверия, что тело моментально расслабилось.

– Ты – сталкер, – продолжала она, – и поэтому принадлежишь Флоринде. – В голосе ее не было ни утверждения, ни отрицания. – Но ты еще и сомнамбула и по природе своей – сновидящая. Благодаря этим способностям ты принадлежишь и мне.

С одной стороны, я хотела громко рассмеяться и сказать ей, что она сходит с ума. С другой же – я полностью была с ней согласна.

– И каким же именем теперь тебя называть? Решительно спросила я.

– Каким именем? – переспросила она, смотря на меня, как будто это было само собой разумеющимся. – Я Зулейка. Что это, по-твоему? Игра? Мы здесь не в игры играем.

Опешив, я пробормотала про себя: – Я и не думаю, что это игра.

– Когда я сновижу, я – Эсперанса, – продолжала она довольно резко. Лицо ее было одновременно суровым и просветленным, безжалостно открытым. – Если не сновижу, – я Зулейка. Но кем бы я ни была – Зулейкой, Эсперансой или кем-то еще, – тебя это не должно волновать. Я остаюсь твоим учителем сновидения.

Я могла только по-идиотски кивнуть. Даже если бы мне и нужно было что-то сказать, я бы не смогла. От страха меня прошиб холодный липкий пот. В животе у меня бурлило и мочевой пузырь готов был вот-вот лопнуть. Я хотела в туалет, освободиться от всего этого.

Терпеть не было больше сил. Или я опозорюсь на этом месте, или добегу до туалета во дворе. У меня хватило духу, чтобы сделать последнее.

Зулейка засмеялась, как девчонка; пока я бежала, я все слышала ее смех.

Когда я вернулась во двор, она усадила меня рядом с собой на ближнюю скамейку. Я по инерции подчинилась ей и нетерпеливо села, нервно сплетя руки на сомкнутых коленях.

Ее глаза явно светились суровостью и добротой. В голове мелькнуло, как будто я уже это знала, что ее безжалостность была ничем иным, как внутренней дисциплиной. Твердое самообладание пронизывало все ее существо трогательной недосказанностью и таинственностью. Это была таинственность чего-то загадочного, непознанного. Именно поэтому куда бы она ни шла, я всюду следовала за ней, как щенок.

– У тебя было сегодня два перехода, – объяснила Зулейка. – Первый – из обычного состояния бодрствования в сновидение-наяву, а второй – назад. Первый был плавным и незаметным, а второй – похож на кошмар. Так бывает обычно. Каждый из нас переживает эти переходы подобным образом.

Я попыталась выдавить из себя улыбку. – Но я так и не знаю, как это случилось. Я не осознала ни одного. Со мной просто что-то происходило и я вдруг попадала в сновидение, не зная, как это случилось.

Ее глаза загорелись. – Обычно это делается так: видят сон, заснув в гамаке или еще в чем-нибудь, висящем на балке крыши или под деревом. В подвешенном состоянии мы не касаемся земли. Земля препятствует нам, помни это. В таком подвешенном состоянии новичок в сновидении может осознать, как энергия переходит из состояния бодрствования в сон и из сновидения-во-сне в сновидение-наяву.

Как тебе уже говорила Флоринда, все связано с энергией. В момент ее появления ты и переходишь.

Теперь проблема будет заключаться в том, сможешь ли ты накопить достаточно энергии, потому что маги не смогут больше давать ее тебе. – Зулейка нарочито высоко подняла брови и добавила. – Посмотрим. Я постараюсь напомнить это тебе, когда мы окажемся в одном сновидении. – Заметив тревогу на моем лице, она рассмеялась с детской непосредственностью.

– Как мы попадаем к друг другу в сновидение? – поинтересовалась я, глядя в ее удивительные глаза. Они были темные и сияющие, с льющимися из зрачков потоками света.

Вместо ответа Зулейка подбросила в огонь несколько веток. Угли вспыхнули, рассыпались, и свет стал ярче. Мгновенье она стояла неподвижно, уставясь в огонь, словно вбирая в себя его свет. Потом резко повернулась и, мельком взглянув на меня, присела, обхватив ноги сильными мускулистыми руками. Глядя в темноту и прислушиваясь к треску огня, она покачивалась из стороны в сторону.

– Как мы попадаем к друг другу в сновидение? – повторила я.

Зулейка перестала раскачиваться. Она покачала головой, подняла глаза, вздрогнув, как будто очнулась.

– Сейчас я не могу тебе этого объяснить, – заявила она. – Сновидение непостижимо. Нужно это прочувствовать, а не обсуждать. Как и в повседневной жизни: прежде чем что-то объяснять и анализировать, нужно это испытать. – Она говорила медленно и осторожно, подчеркивая, как это важно. – К тому же, иногда объяснения преждевременны. Сейчас как раз такой случай. Настанет время, когда тебе все это будет ясно, – пообещала Зулейка, увидев мое разочарование.

Быстрым легким движением она поднялась на ноги и продолжала смотреть в огонь, ее глаза как будто насыщались огнем. Ее тень от огня на стене и потолке рамады выросла до огромных размеров. Едва кивнув, она повернулась и, плавно взмахнув своей длинной юбкой, исчезла внутри дома.

Мои ноги словно вросли в землю, и я не могла шевельнуться. Я едва дышала, а стук ее сандалий все удалялся. – Не оставляй меня здесь! – завопила я в панике. – Мне нужно кое-что узнать.

Зулейка мгновенно появилась в дверях. – Что тебе нужно узнать? – спросила она отчужденным, почти рассеянным тоном.

– Прости, – пролепетала я, глядя в ее сияющие глаза и изучая ее, почти загипнотизированная. – Я не хотела кричать, но испугалась, что ты ушла в одну из комнат, – извиняющимся тоном добавила я и посмотрела на нее умоляюще, в надежде, что она мне хоть что-нибудь объяснит.

Она не ответила и снова спросила, что мне нужно узнать.

– Поговоришь со мной, когда снова встретимся? – выпалила я первое, что пришло мне в голову, опасаясь, что она уйдет, если я замолчу.

– Когда мы снова встретимся, это будет не тот мир, каким он был раньше. Кто знает, что мы там будем делать?

Я настаивала: – Но совсем недавно ты сама сказала, что ты мой учитель сновидения. Не оставляй меня в темноте. Объясни. Я больше не могу выносить это мученье. Я разбита.

– Да, ты, конечно, разбита, – признала она небрежно – Но только потому, что ты не позволяешь себе идти старым путем. Ты хороша сновидящая. Мозги сомнамбулы имеют внушительный потенциал. То есть... если воспитаешь характер.

Я едва расслышала, что она сказала. Я пыталась собраться с мыслями, но не могла. Образы событий, всплывающих смутно, последовательно пронеслись в моей голове с невероятной скоростью. Их порядок и природа не повиновались моей воле. Эти образы превращались в ощущения, которые, несмотря на свою точность, не могли быть определены ни словами, ни мыслями.

На лице Зулейки появилась широкая улыбка: она, очевидно, знала, что я испытываю.

– Из-за этого мы все помогали нагвалю Мариано Аурелиано втолкнуть тебя во второе внимание, – произнесла она медленно и спокойно. – В нем мы находим плавность и непрерывность, как и в повседневной жизни. В обоих случаях практическая сторона преобладает. Мы действуем плодотворно и там, и здесь. Но единственное, чего мы не можем сделать во втором внимании, – так это разложить то, что мы испытываем, на составные части, чтобы разобраться в этом, чувствовать себя безопасно, понимать это.

Пока она говорила, я думала про себя: – Теряет время, рассказывая мне все это. Она что, не понимает, что я слишком глупа для ее разъяснений? – Но она продолжала говорить, широко улыбаясь, вероятно, сознавая, что для меня признание своей глупости, означает то, что я каким-то образом изменилась; иначе я никогда не признала бы такую точку зрения, даже для себя лично.

– Во втором внимании, – продолжала она, – или, как я предпочитаю называть его, – в сновидении-наяву – нужно верить, что сновидение – это такая же реальность, как повседневный мир. Другими словами, нужно признавать это безоговорочно. Для магов устремления в этом мире или в другом управляются безупречными законами, а за этими безупречными законами лежит молчаливое признание. И молчаливое признание не является принятием. Молчаливое признание включает в себя некий активный элемент: оно включает в себя действие. – Ее голос звучал очень мягко, а когда она остановилась, в глазах был какой-то лихорадочный блеск. – В тот момент, когда начинаешь сновидеть-наяву, открывается мир увлекательных неизведанных возможностей. Мир, в котором самые смелые представления становятся реальностью. В котором ждешь неожиданного. Это время, когда начинается настоящее приключение человека. Мир становится миром неограниченных возможностей и чудес.

Зулейка долго молчала; казалось, она раздумывает, что бы еще сказать. – С помощью нагваля Мариано Аурелиано ты видела однажды даже сияние сурэма, – начала она, и ее тихий задумчивый голос стал еще тише. – Магические создания, которые существуют лишь в индейских легендах. Сурэм – это существа, которых маги могут видеть только во время сновидения-наяву на самом глубоком уровне. Это существа из другого мира; они светятся, как фосфоресцирующие земные существа.

Она пожелала мне спокойной ночи, повернулась и исчезла в доме. Секунду я стояла онемев, потом стремительно бросилась за ней. Едва достигнув порога, я услышала за спиной голос Флоринды:

– Не догоняй ее!

Присутствие Флоринды оказалось настолько неожиданным, что мне пришлось прислониться к стене и подождать, пока сердце не станет биться нормально. – Составь мне компанию, – сказала Флоринда. Она сидела на скамейке, подбрасывая ветки в огонь. Неуловимый свет в ее глазах, призрачная белизна ее волос скорее вспоминались, чем виделись. Я растянулась на скамейке рядом с ней и, как будто это было чем-то совершенно естественным, положила голову ей на колени.

– Никогда не догоняй Зулейку или кого-либо из нас в подобных случаях, – сказала Флоринда, расчесывая мои волосы пальцами. – Как ты знаешь теперь, Зулейка не та, кем кажется. Она всегда больше, нечто большее. Никогда не пытайся определить ее, потому что когда ты думаешь, что все возможности исчерпаны, она поставит тебя в тупик, оказавшись еще больше, чем ты могла представить себе в самых необузданных фантазиях.

– Я знаю, – вздохнула я удовлетворенно. Я почувствовала, как уходит напряжение. Я чувствовала, как оно покидает мое тело. – Зулейка – это некий сурэм с гор Бакатете, – сказала я в абсолютной уверенности. – Я всегда знала об этих созданиях. – Видя удивление на лице Флоринды, я продолжала отважно. – Зулейка – не земное существо. Она – создание. Она сама – магия.

– Нет, – категорически возразила мне Флоринда. – Зулейка – земное существо. А вот Эсперанса нет. – Улыбнувшись мне, она добавила: – Это должно быть достойной загадкой для тебя.

– Кажется, я поняла, – пробормотала я – но я такая невосприимчивая и не могу сформулировать, что я поняла.

– У тебя хорошо получается, – тихо усмехнулась она. – Будучи такой невосприимчивой, какой ты бываешь обычно, тебе нужно подождать, пока ты действительно, на самом деле, на 100 процентов проснешься, чтобы понять. Весь фокус в том, чтобы остаться в повышенном осознании. Когда мы в повышенном осознании, нет ничего невозможного для понимания. – Чувствуя, что я готова прервать ее, она закрыла мне рот рукой и добавила: – Не думай сейчас об этом. Всегда помни, что ты обладаешь силой воздействия, даже в состоянии повышенного осознания, а твое мышление несовершенно.

Я услышала, что кто-то движется в тени за кустами. – Кто там? – спросила я, привстав. Я оглянулась, но никого не увидела. Женский смех эхом отозвался во дворе. – Ты их не видишь, – сонно сказала Флоринда. – А почему они от меня прячутся?

Флоринда улыбнулась: – Они не прячутся от тебя. Просто ты не можешь видеть их без помощи нагваля Мариано Аурелиано.

Я не знала, что ответить на это. На каком-то уровне это было абсолютно понятно, но я покачала головой.

– Ты можешь помочь мне увидеть их?

Флоринда кивнула. – Но твои глаза устали; они устали от того, что слишком много видят. Тебе нужно поспать.

Я специально широко открыла глаза, боясь пропустить того, кто выйдет из кустов в момент, когда ослабнет мое внимание. Я пристально глядела на листья и тени, уже не отличая их друг от друга, пока не заснула крепко, без сновидений.

Глава 18

Смотритель дремал на своей любимой скамейке в тени сапотового дерева. Это было все, что он делал последние два дня. Он больше не подметал дворики и не сгребал листья, а просто сидел часами на скамейке, подремывая или глядя вдаль, как будто у него было тайное знание о чем-то, что мог видеть лишь он один.

В доме все изменилось. Я бесконечно задавалась вопросом, не напрасно ли приехала сюда, и чувствовала себя как обычно виновато и настороженно. Единственное, что я делала – это непрерывно спала. А когда просыпалась, то, бесцельно слоняясь по дому, с беспокойством осознала, что ничто не осталось прежним. Казалось, что-то очень важное для меня исчезло из дома.

Протяжные и громкие вздохи смотрителя вторглись в мои мысли. Не в состоянии сдерживать тревогу дольше, я оттолкнула книгу в сторону, поднялась на ноги и преодолела короткое расстояние между нами.

– Почему ты сегодня не собираешь и не сжигаешь листья? – спросила я.

Вздвигнув, он поднял голову, но не ответил. На нем были очки, сквозь темные стекла которых я не могла видеть выражения его глаз. Я не знала, остаться, или уйти, или дожидаться ответа. Боясь, что он может уснуть снова, я спросила громко и нетерпеливо:

– Есть ли какая-нибудь особая причина того, что ты больше не собираешь и не сжигаешь листья?

Он отделался от моего вопроса своим собственным:

– А ты видела, чтобы хоть один лист упал за последние два дня?

Когда он приподнял очки, его глаза, казалось, просверлили меня насквозь.

– Нет, – сказала я.

Серьезность тона и манера поведения скорее, чем его заявление, которое я нашла нелепым, заставили меня удержаться от ответа.

Кивком головы он предложил мне сесть рядом с ним на скамейку и, пододвинувшись вплотную, прошептал мне на ухо: – Эти деревья точно знают, когда позволять листьям опадать.

Он осмотрел все вокруг себя, как будто боялся, что нас могут подслушать, а затем добавил таким же доверительным шепотом:

– А сейчас деревья знают, что их листьям не нужно падать.

– Листья увядают и падают независимо от чего бы то ни было, – важно произнесла я. – Это закон природы.

– Эти деревья крайне капризны, – упорно настаивал он. – У них есть собственный разум. Они не подвластны законам природы.

– Что же заставляет деревья не сбрасывать листья? – спросила я, пытаюсь сохранить серьезное выражение.

– Хороший вопрос, – размышлял он, задумчиво потирая подбородок. – Боюсь, что я еще не знаю ответа. Деревья не сказали мне. – Он глупо улыбнулся и добавил: – Я уже говорил тебе, что это не обыкновенные деревья.

Прежде чем я успела возразить, он спросил:

– Ты уже приготовила себе завтрак?

Я чрезвычайно удивилась такой внезапной смене предмета разговора.

– Да, – согласилась я, потом запнулась на минуту. Мной овладело почти дерзкое настроение. – Вообще-то я не так уж и забочусь о пище. Мне нравится есть одно и то же и утром, и вечером. Я жила бы на шоколаде и орехах, если бы от этого не появлялись прыщи.

Забыв об осторожности, я по своему обыкновению начала жаловаться. Я сказала зрителю, что очень хотела бы поговорить с женщинами. – Для меня чрезвычайно важно, чтобы они объяснили, что со мной происходит. Тревога – вот все, что занимает меня в последнее время. – Я почувствовала себя более спокойно после того, как сказала все, что хотела. – Правда, что они ушли навсегда? – спросила я.

– Да, навсегда, – ответил зритель. И увидев недоумение, написанное на моей физиономии, добавил: – Но ведь ты знала об этом, правда? Ты уже разговаривала со мной, не так ли?

Прежде чем я могла оправиться от шока, он спросил меня искренним, но приводящим в замешательство тоном, – Почему же это так шокировало тебя? – Он на минуту остановился, как бы давая мне время подумать, потом сам ответил на свой вопрос. – О, я знаю! Ты бесишься, потому что они взяли с собой Исидоро Балтасара. – Он похлопывал меня по спине, как бы подчеркивая каждое слово. По его глазам было видно, что ему все равно, как я отреагирую: яростью или слезами.

Знание, что встречи не будет, дало мне непостижимое чувство самообладания.

– Я не знала этого, – пробормотала я. – Клянусь, я на самом деле ничего не знала. – Я смотрела на него в немом отчаянии и ощущала, как кровь отливает от моего лица. Колени болели. В груди было так тяжело, что я едва могла дышать. В полубморочном состоянии я обеими руками ухватилась за скамейку.

Голос зрителя был слышен как очень далекий звук. – Никто не знает, вернется ли он. Даже я. – Наклонившись ко мне, он добавил, – Мое личное мнение: он ушел с ними на время, но он вернется; если не прямо сейчас, то через несколько дней. Это мое мнение.

Я поискала его глаза, – проверить, не смеется ли он надо мной. Его неунывающее лицо излучало искренность и доброжелательность. Глаза были по-детски бесхитростны.

– Но когда он вернется, он уже больше не будет Исидоро Балтасаром, – предупредил меня зритель. – Тот Исидоро Балтасар, которого ты знала, я думаю, уже ушел. И как ты думаешь, что во всем этом самое грустное? – Он остановился, а потом сам ответил на свой вопрос. – Ты приняла его как дар и даже не поблагодарила за все его внимание, помощь и любовь к тебе. Наша самая большая трагедия в том, что мы шуты, не замечающие ничего, кроме нашего шутовства.

Я была слишком опустошена, чтобы произнести хоть слово.

Внезапно зритель поднялся на ноги. Не говоря ни слова, как будто его очень стесняло мое общество, он пошел вдоль тропинки, ведущей к другому дому.

– Не оставляй меня здесь совсем одну, – закричала я ему вслед.

Он повернулся, посмотрел на меня, а потом рассмеялся. Это был громкий, радостный смех, эхо от которого разносилось вокруг по кустам чапарраля. Он еще раз посмотрел на меня, а потом исчез, как будто кусты чапарраля проглотили его.

Будучи не в состоянии следовать за ним, я все еще ждала, что он вернется или внезапно появится передо мной, испугав до полусмерти. Я все еще оставалась в напряжении, которое ощущалось скорее телом, чем умом.

Как это всегда случалось, я не слышала, когда подошла Эсперанса, но ощутила ее присутствие. Я обернулась и обнаружила, что она сидит на скамейке под сапотовым деревом. Я пришла в восторг уже только от того, что вижу ее.

– Я думала, что никогда больше тебя не увижу, – вздохнула я. – Я почти смирилась с этим, думая, что ты тоже ушла.

– Бог милостив! – произнесла она в странном оцепенении.

– Ты действительно Зулейка? – воскликнула я.

– Не совсем, – возразила она. – Я Эсперанса. Чем ты занимаешься? Валяешь дурака, разрешая вопросы, на которые никто не в состоянии ответить?

Никогда в жизни я не была так близка к нервному расстройству, как в этот момент. Я чувствовала, что разум не в состоянии перенести обрушившееся на него давление и могла просто не выдержать боли и смятения.

– Соберись, девочка, – строго сказала Эсперанса. – Худшее еще не пришло. Но мы больше не можем оберегать тебя. Сейчас ты близка к помешательству, но маги не могут остановить это давление. Сегодня ты сама приняла вызов и либо будешь жить, либо умрешь. В данном случае я говорю не метафорически.

Я едва могла говорить из-за слез.

– Я никогда не увижу Исидоро Балтасара? – спросила я.

– Я не буду врать, чтобы пощадить твои чувства. Нет, он никогда не возвратится. Исидоро Балтасар – только мгновение в магии. Сон, который ушел после того, как был увиден. Исидоро Балтасар, как сон, уже ушел.

Легкая, почти задумчивая улыбка тронула ее губы. – Чего я еще не знаю, – продолжала она, – так это ушел ли тот человек, новый нагваль, навсегда. Ты понимаешь, конечно, что даже если он вернется, то он уже не будет Исидоро Балтасаром. Он будет чем-то таким, чего ты не встречала до сих пор.

– Он будет неизвестен мне? – спросила я, не осознавая до конца, хочу ли я это знать.

– Не знаю, дитя мое, – сказала она неопределенно и безразлично. – Просто не знаю. Я сама в сновидении. То же и с новым нагвалем. Сновидящие, такие как мы, непостоянны, и именно эта непостоянность позволяет нам существовать. С нами ничего не происходит, кроме сновидений.

Ослепленная слезами, я просто не видела ее.

– Чтобы облегчить боль, проникни глубже в себя, – тихо сказала она. – Сядь, подожми колени, охвати лодыжки скрещенными руками, правую лодыжку – левой рукой. Положи голову на колени и дай печали уйти.

Дай земле смягчить твою боль. Позволь целебным силам земли войти в тебя.

Я села на землю так, как советовала Эсперанса. Спустя мгновение моя печаль исчезла. Глубокое телесное ощущение комфорта сменило муку. Я утратила ощущение себя в каком-либо ином контексте, чем здесь и теперь. При отсутствии субъективной памяти у меня не было и боли.

Эсперанса указала мне место на скамейке рядом с собой. Как только я села, она взяла мою руку в свои и некоторое время терла ее, слегка массируя, а потом сказала, что у меня слишком мясистая рука, для такой костлявой девицы. Потом она повернула мою руку ладонью вверх и внимательно ее рассматривала. Не сказав ни слова, она бережно сложила мою руку в кулак.

Мы долго сидели молча. Было далеко за полдень; стояла тишина, которую нарушал лишь шелест листьев, колеблемой бризом.

Я подняла взгляд на Эсперансу, и внезапно совершенно сверхъестественная уверенность осенила меня: я знала, что мы уже говорили подробно и о моем приезде в дом ведьм и об уходе магов.

– Что со мной, Эсперанса? – спросила я. – Я сновиджу?

– Ну... – начала она медленно. В ее глазах засиял огонек, как будто она предлагала мне проверить, в сновидений ли я. – Сядь на землю и проверь.

Я так и сделала. Единственное, что я чувствовала, – это прохладу камня, на котором сидела. Никакое ощущение не было послано мне в ответ. – Я не сновиджу, – заявила я. – Но почему тогда я чувствую, что мы уже обо всем говорили? – Я внимательно посмотрела на нее, надеясь найти ответ в выражении ее лица. – Я вижу тебя в первый раз со дня моего приезда, но чувствую, что мы бывали вместе каждый день, – пробормотала я больше для себя, а не для того, чтобы меня услышали. – Уже прошло семь дней.

– Значительно больше. Но тебе нужно решить эту задачу самостоятельно с минимальной помощью, – сказала Эсперанса.

Я кивнула, соглашаясь. Было так много всего, о чем хотелось спросить, но я знала, что говорить бесполезно. Не имея понятия, каким образом, но я знала, что все мои вопросы уже предусмотрены. Меня переполняли ответы.

Эсперанса задумчиво смотрела на меня, как будто сомневаясь в моем понимании. Потом очень медленно, внимательно произнося слова, она сказала:

– Я хочу, чтобы ты знала, что состояние осознания, которое ты здесь получаешь, только временное, каким бы глубоким и постоянным оно тебе ни казалось. Ты очень скоро вернешься к своим пустякам. Это наша женская судьба, и это особенно трудно.

– Я думаю ты не права, – запротестовала я. – Ты совсем не знаешь меня.

– Именно потому, что я знаю тебя, я все это говорю. – Она остановилась на минуту, и когда заговорила снова, ее голос был строгим и серьезным. – Женщина очень скрытна. Запомни: воспитанная, чтобы вечно быть слугой, она чрезвычайно изворотлива и умна. – Бурный, звонкий хохот Эсперансы предупредил любое желание протестовать.

– Лучшее, что ты можешь сделать, – это не говорить ничего, – заявила она. Взяв меня за руку, она помогла мне подняться и предложила пойти в маленький дом для очень длинного и важного разговора.

Мы не вошли вовнутрь, а сели на скамейке перед главным входом. Молча мы просидели около часа. Потом Эсперанса повернулась ко мне; казалось, она совсем не видела меня. Мне даже стало интересно: может быть, она забыла, что я пришла с ней и сижу рядом. Не осознавая моего присутствия, она встала и отошла на пару шагов от меня, внимательно посмотрела на другой дом, скрытый деревьями. Прошло еще некоторое время, прежде чем она произнесла:

– Я уйду далеко.

У меня появилось странное болезненное ощущение в желудке, но я так и не смогла понять его причины: был ли это страх, надежда или волнение. Я знала, что она имеет в виду расстояние не в смысле миль, а говорит о других мирах.

– Меня не заботит, как далеко мы пойдем, – сказала я. Это были просто слова, далекие от того, что я чувствовала на самом деле. Я отчаянно желала знать, но не отваживалась спросить, что случится в конце нашего путешествия.

Эсперанса раскрыла руки так широко, как будто хотела обнять садящееся солнце. На западе небо было огненно-красным; далекие горы – темно-пурпурными. Легкий бриз прочесывал деревья; листья мелькали и шуршали.

Час молчания истек, но все оставалось на своих местах. Наступление сумерек сделало неподвижным все вокруг нас. Звуки и движения прекратились. Очертания кустов, деревьев и холмов вокруг выделялись так четко, что казались выгравированными на небе.

Когда тени уже сползли на нас и охватили потемневшее небо, я пододвинулась ближе к Эсперансе. Вид замершего за деревьями дома с его огнями, мелькающими, как светляки в темноте, разбудил какие-то очень глубокие чувства внутри меня. В тот момент они не соответствовали ни одному из возможных ощущений, но были похожи на смутную грусть, ностальгическую память, теряющуюся в детстве.

Должно быть, меня полностью поглотили грезы; внезапно я обнаружила, что иду рядом с Эсперансой. Усталость и прежняя тревога полностью исчезли. Переполненная огромным количеством энергии, я шла в каком-то экстазе, молчаливо счастливая, а ноги не просто по моему желанию, но сами двигались вперед.

Дорога, по которой мы шли, внезапно оборвалась. Земля поднялась и деревья вытянулись над нами. То тут, то там были разбросаны гигантские валуны. Откуда-то издалека доносился звук текущей воды, похожий на тихое успокаивающее пение. Почувствовав внезапную усталость, я оперлась на один из валунов. Мне захотелось, чтобы наше путешествие тут и закончилось.

– Мы еще не достигли цели! – крикнула Эсперанса. Она уже прошла полпути вверх по скалам и двигалась с проворством горной козы. Она не ждала меня и даже не оборачивалась назад, чтобы посмотреть, иду ли я за ней. Короткий отдых отнял у меня последние силы. Судорожно глотая воздух, я быстро прошла по камням и стала карабкаться вверх.

На половине подъема тропа продолжалась среди огромных каменных глыб. Сухие и ломкие растения приятно хрустели на темной в свете раннего вечера тропе. Воздух тоже изменился; он стал влажным и дышать было легко. Эсперанса безошибочно двигалась по узкому проходу, наполненному тенями, шелестом и безмолвием. Она узнавала каждый таинственный ночной звук и могла определить каждый из этих криков, зовов и свистов.

Путь закончился у нескольких ступеней, вырубленных в скале. Ступени вели на холм, где было разбросано множество камней.

– Возьми один, – предложила она, – и положи в карман.

Истертые, как гладкие булыжники мостовой, камни вначале казались совершенно одинаковыми. Но внимательно рассмотрев, я заметила, что все они разные. Некоторые из них были такими гладкими и сияющими, что казались отполированными на станке.

Потребовалось некоторое время, чтобы найти один, который бы мне понравился больше других. Это был тяжелый камень, который легко ложился в мою ладонь. Он отсвечивал коричневым, пересеченным множеством полупрозрачных молочных жил, и имел клинообразную форму.

Я уронила камень, испуганная непонятным шумом.

– Кто-то идет за нами, – прошептала я.

– За нами никто не идет! – объявила Эсперанса. В ее взгляде было что-то среднее между удовольствием и скептицизмом. Видя, что я отскочила назад и спряталась за деревом, она тихо засмеялась и сказала, что вероятно это был настоящий лягушачий прыжок.

Я хотела было сказать ей, что лягушки не прыгают в темноте, но не была уверена, что это так. Меня удивило, что я не сказала это сразу же и с абсолютной уверенностью, что соответствовало моей привычке. – Со мной что-то не так, Эсперанса, – сказала я с тревогой в голосе. – Я – это не я.

– С тобой все в порядке, моя дорогая, – рассеянно заверила она. – На самом деле именно сейчас ты больше являешься собой, чем когда-либо.

– Я так странно себя чувствую... – мой голос иссяк. Я начала видеть картины всего, что случилось со мной с того самого времени, когда я приехала в дом ведьм.

– Очень трудно учить такой неконкретной вещи как сновидение, – сказала Эсперанса. – Особенно женщин. Мы слишком скромны и умны. Кроме того, мы были рабами всю нашу жизнь; мы знаем, как точно манипулировать окружающим миром, когда не хотим нарушить что-нибудь из того, что мы с таким трудом приобрели: нашу независимость.

– Ты считаешь, что у мужчин по-другому?

– Нет, так же, но они более открыты. Женщина сражается тайком. Ее любимый метод борьбы – маневр раба: казаться безумной. Она слушает, не уделяя внимания, она смотрит, не видя. – Она добавила, что инструктировать женщин – достижение, заслуживающее награды.

– Нам нравится открытость твоей борьбы, – продолжала она. – Это настоящая надежда для тебя. Больше всего мы опасаемся со всем согласных женщин, которые не думают о будущем и выполняют все, о чем их попросят, а потом возвращаются и обвиняют тебя, как только устанут или им станет скучно от всей этой новизны.

– Мне кажется, я начинаю понимать, – задумчиво и неуверенно проговорила я.

– Конечно ты начала понимать! – ее утверждение было настолько комически торжественным, что я начала смеяться. – Ты даже начала понимать, что такое намерение.

– Ты считаешь, что я начинаю становиться магом? – спросила я. Все мое тело дрожало, как будто я старалась подавить приступ хохота.

– С самого дня приезда ты все время то входила в состояние сновидения, то выходила из него, – объясняла Эсперанса. – Поэтому ты так часто засыпала. – На ее улыбающемся лице не было не то что издевательства, но даже следов снисходительности.

Некоторое время мы шли молча, а потом она объяснила, что различие мага и обычного человека в том, что первый может входить в состояние повышенного осознания по желанию. Она часто слегка дергала меня за руку, будто подчеркивая каждое слово своего утверждения, а потом доверительным тоном добавила: – Ты постоянно сновидишь потому, что мы создали что-то вроде защитного кокона вокруг тебя с первой ночи, когда ты приехала, чтобы помочь тебе привести в порядок свою энергию.

Потом она призналась, что с момента, когда они впервые встретили меня, они дали мне прозвище Фосфорите, маленький огонек. – Ты сгораешь слишком быстро и бесполезно. – Она жестом попросила меня сохранять покой и добавила, что я совсем не знала тогда, как сфокусировать свою энергию. – Основным следствием этого было то, что ты постоянно поддерживала образ себя. – Она снова знаком попросила меня помолчать и сказала, что то, о чем мы думаем как об индивидуальности, на самом деле только идея. Она заявила, что весь объем нашей энергии расходуется в зависимости от этой идеи.

Эсперанса слегка подняла брови и на ее лице появилось выражение некоторой торжественности. – Достичь состояния отрешенности, когда личность – только идея, которую можно изменить по желанию, это действительно магическое действие, самое трудное из всех, – сказала она. – Когда идея личности отступает, у магов появляется энергия, чтобы нацелиться на намерение и стать большим, чем то, что мы считаем нормальным человеком.

Женщины, оттого что у них есть матка, во время сна могут фокусировать свое внимание на чем-либо за пределами их снов с большой легкостью, – говорила она. – Именно это ты и делала, даже ничего об этом не зная. Объект, на котором фокусируется внимание, становится мостом, соединяющим тебя с намерением.

– Какой же объект я использовала? – спросила я.

У нее в глазах промелькнула внезапная вспышка раздражения. Затем она сказала, что обычно это было окно, или свет, или даже кровать. – Ты так хорошо это делаешь, что предмет становится твоей второй сущностью, – заверила она меня. – Поэтому у тебя часто бывают ночные кошмары. Обо всем этом мы говорили с тобой, когда ты была глубоко в состоянии повышенного осознания, и тогда ты поняла, что как только перестанешь фокусировать внимание на предметах перед тем как уснуть – тебе перестанут сниться дурные сны.

– Так это ты исцелила меня? – спросила я.

Конечно же, моей самой первой реакцией было возразить ей. Однако спустя мгновение я уже не могла с ней не согласиться. После встречи с ними в Соноре я совершенно освободилась от ночных кошмаров.

– Ты никогда полностью от них не освободишься, пока будешь оставаться собой, – произнесла она. – Тебе безусловно следует использовать свои способности к сновидению осмотрительно и разумно. Поэтому ты здесь. И первый урок – это то, что женщина должна через матку сфокусировать свое внимание на предмете. Не на чем-либо из самого сна, но на каком-то независимом предмете из мира, предшествующего сну.

Сам по себе объект не важен, – заговорила она быстрее. – Что действительно важно, – это тонкий акт фокусирования внимания на нем по желанию перед сном и во время дальнейшего сновидения. – Она предупредила меня, что хотя все звучит достаточно просто, это на самом деле труднопреодолимая задача,

выполнение которой может отнять годы. – Вот что обычно случается: что-то побуждает спящего на мгновение сфокусировать свое внимание на постороннем объекте, – сказала она.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что надо использовать матку? – спросила я. – И как это делается?

– Ты женщина, – мягко сказала Эсперанса. – Ты знаешь, как ощущать при помощи своей матки.

Мне снова хотелось возразить, объяснить, что я ничего подобного не знаю. Но прежде чем я успела что-нибудь сказать, она продолжала говорить, что у женщины ощущения возникают в матке.

– У мужчин, – заявила она, – чувства появляются в мозге. – Она ткнула мне в живот и добавила: – Подумай об этом. Женщина безжалостна ко всему, кроме своего потомства, потому что ее чувства рождаются в матке.

Чтобы сфокусировать свое внимание на матке, возьми предмет и положи его на живот, или потрись о него гениталиями. – Она вызывающе засмеялась над моим испуганным взглядом, а потом между приступами смеха пожурила меня. – Я не имела в виду ничего дурного, и это на самом деле не так уж грубо. Я могла бы сказать, что тебе следует смазать предмет своими соками, но я ведь не сделала этого.

– Однажды у тебя установится глубокая близость с предметом, – снова продолжала она серьезным тоном, – и он всегда будет служить тебе в качестве моста.

Мы шли в напряженной тишине. Казалось, Эсперанса глубоко задумалась. Мне очень хотелось сказать что-нибудь, хотя я знала, что говорить ничего не нужно. Когда она наконец заговорила, ее голос был твердым, требовательным. – У тебя больше нет времени, чтобы его просто так тратить, – сказала она. – Очень часто в нашей глупости мы упускаем множество вещей. Маги знают это лучше, чем кто-либо другой. Но они также знают, что нет второго шанса. Тебе нужно научиться контролю и дисциплине, потому что у тебя больше нет возможности делать ошибки.

– Ты ведь тоже ошибаешься. Ты даже не знала, что Исидоро Балтасар ушел.

Легкая преграда, которая сдерживала лавину чувств, рухнула. Память восстановилась, и тоска снова овладела мной. Она навалилась настолько интенсивно, что я даже не заметила, как села и начала погружаться в землю, как будто она была сделана из губки. Наконец земля поглотила меня. Состояния удушья или клаустрофобии не было, потому что ощущение, что я сижу на поверхности земли, сосуществовало с осознанием, что земля меня поглотила. Такое двойственное чувство заставило меня завопить: – Я сновиджу! – Громкий крик что-то взорвал внутри меня; и сразу же новая чехарда различных воспоминаний хлынула на поверхность. Я знала, что со мной не так: я раздражалась и у меня было недостаточно энергии для сновидения. Каждую ночь со дня моего приезда я видела один и тот же сон, который забывала, просыпаясь, и не помнила до настоящего момента. Мне снилось, что все женщины-маги приходили в мою комнату и обучали меня в области разумных объяснений магов. Они говорили мне снова и снова, что сновидение – это вторая функция матки, первая – воспроизведение и все, что с ним связано. Они говорили, что сновидение – естественная функция женщины, чистое следствие особенности ее энергетики. Имея достаточно энергии, тело женщины само по себе разбудит вторую функцию матки, и женщина будет видеть непостижимые сны.

Эта требуемая энергия, однако, как помощь для слаборазвитой страны, – она никогда не придет. Что-то в общем устройстве наших общественных структур препятствует ее освобождению и тому, чтобы женщины могли сновидеть.

Если бы эта энергия освободилась, говорили мне женщины-маги, было бы очень легко опрокинуть цивилизованный порядок вещей. Но самая большая трагедия женщин в том, что их социальное сознание полностью доминирует над индивидуальным. Женщины боятся быть разными и не хотят отойти слишком далеко от комфорта известного. Социальное давление не позволяет им отклоняться и оказывается всепоглощающим, и вместо того, чтобы измениться, они молча соглашаются с тем, что предписано: женщина существует, чтобы служить мужчине. Поэтому они никогда не видят магических снов, хотя имеют естественную предрасположенность к этому.

Жизнь женщины в обществе, ее социальное положение лишило ее всяких шансов. Даже если женщина имеет отношение к религии или науке, это все равно не лишает ее того же отпечатка: ее основная функция – деторождение; и даже если она достигла высокой степени в области политического, социального или экономического равенства с мужчиной, это в конечном счете не имеет значения.

Женщины говорили мне все это каждую ночь. Чем больше я вспоминала и понимала их слова, тем сильнее становилась печаль. Мое горе было теперь не просто моим личным, но и нашим общим, сумасшедшая гонка жизни в обществе заманила всех нас в ловушку социального порядка, – так мы оказались прикованы к нашей собственной ограниченности. Даже если мы когда-нибудь получаем свободу, то это только временное короткое прозрение между погружениями – по собственному желанию или насильно – обратно во тьму.

– Прекрати заниматься этой сентиментальной чепухой, – услышала я. Это был мужской голос. Я оглянулась и увидела, как зритель, наклонившись, всматривается в меня.

– Как ты сюда забрался? – я растерялась и была слегка взволнована. – Ты что, шел за нами? – Это был не просто вопрос, это было обвинение.

– Да, я всегда по возможности слеую за тобой, – он хитро посмотрел на меня.

Я заглядывала ему в лицо, не веря, потому что знала, что он любит подшучивать надо мной. Меня не раздразжал и не пугал мерцающий свет его глаз.

– А где Эсперанса? – спросила я. Ее нигде не было видно. – Где она... – нервно заикалась я, не в состоянии выговорить слова.

– Она вокруг, – сказал он, улыбаясь. – Не бойся. Я тоже твой учитель. И ты в надежных руках.

Я нерешительно дала ему руку. Не прилагая никаких усилий, он вытащил меня на плоский валун, огромный с виду, овальной формы, обточенный водой. Наверное, он долгое время пролежал в ручье, звук которого доносился откуда-то из темноты.

– А сейчас снимай одежду, – сказал он. – Самое время для твоего космического купания!

– Что снимать? – Конечно же, он шутил, и я засмеялась.

Но он говорил серьезно. Он слегка ударил меня рукой, точно так, как это делала Эсперанса, и снова предложил мне раздеться. Прежде чем я поняла, что он делает, он уже развязал шнурки на моих кроссовках. – У нас не так много времени, – предупредил он, потом настоял, чтобы я продолжала раздеваться. Взгляд, которым он рассматривал меня, был холодным и клинически безличным. Если бы я могла стать жабой, как говорила Эсперанса, и ускакать от него.

Дурацкая идея, что мне надо идти в темную, холодную воду, без сомнения, переполненную всякими отвратительными тварями, ужаснула меня. Желая положить конец этой нелепой ситуации, я спрыгнула с камня и вошла по шиколотку в воду. – Я ничего не чувствую! – завопила я, в ужасе вылетая обратно. – Что происходит? Это же не вода!

– Не будь ребенком, – прикрикнул на меня смотритель. – Конечно, это вода. Но ты не чувствуешь ее. Вот и все.

Я хотела было выругаться, но вовремя взяла себя в руки. Страх прошел.

– Почему я не чувствую воду? – спросила я, упорно пытаюсь выиграть время, хотя и знала, что это бесполезное занятие. Но я не сомневалась, что сразу же скончаюсь в воде, буду чувствовать ее или нет. Однако у меня не возникло желания быть безрассудной.

– Это безводная вода, что-то вроде очищающего раствора? – спросила я.

После долгой паузы, перебрав все угрожающие возможности, он сказал, что я могу называть ее очищающей жидкостью. – Однако я должен предупредить тебя, что это не ритуальный способ очищения, – подчеркнул он. – Очищение должно прийти изнутри. Это частная и одинокая битва.

– Тогда почему ты хочешь, чтобы я вошла в эту воду? Она кажется слизистой, даже если я не чувствую ее, – сказала я со всей силой, которую могла вложить в голос.

Его губы дернулись, как будто он собирался рассмеяться, но, по-видимому вынужденный уступить, он снова сделал серьезное лицо и сказал: – Я собираюсь прыгнуть в воду вместе с тобой. – И без всяких дальнейших колебаний он полностью разделся.

Он стоял передо мной в каких-нибудь пяти футах, совершенно голый. В этом странном свете – казалось был и не день, и не ночь – я могла видеть с совершенной ясностью каждый дюйм его тела. Он не делал робких попыток прикрыть свою наготу. Напротив, он, казалось, более чем гордился своими мужскими достоинствами и демонстрировал их передо мной с вызывающим нахальством.

– Поспеш и снимай свою одежду, – подгонял он меня. – У нас не так много времени.

– Я не собираюсь раздеваться. Это безумие! – протестовала я.

– Но ты это сделаешь. Это решение ты примешь всем своим существом. – Он говорил без горячности, без злости, со спокойной настойчивостью. – Сегодня в этом странном мире ты узнаешь, что существует только один способ вести себя: поведение мага. – Он смотрел на меня с любопытной смесью сострадания и радости.

С ухмылкой, которая, по-видимому, означала, что он убеждал меня бесполезно, смотритель сказал, что прыжок в бассейн будет встряской для меня. Он что-то изменит внутри меня. – Эта перемена поможет тебе в будущем понять, кто мы и что мы делаем.

Мимолетная улыбка просияла у него на лице, когда он поспешил заметить, что прыжок в воду не даст мне дополнительной энергии для сновидения. Он предупредил меня, что процесс сохранения и накопления энергии займет очень много времени и что я могу вообще никогда не добиться успеха. – В мире магов нет никаких гарантий, – сказал он. Потом продолжил, что прыжок в бассейн может увести мое внимание прочь от повседневных забот, – забот, которые постоянно преследуют женщину моего возраста и моего времени.

– Это священный бассейн? – спросила я.

Его брови взметнулись в явном удивлении. – Это магический бассейн, – объяснил он, твердо взглянув на меня. Он, должно быть, заметил, что я уже приняла решение и расстегнул ремешок часов у меня на руке. – Этот бассейн ни божественный, ни дьявольский. – Он пожал своими худыми плечами и надел мои часы себе на руку. – А сейчас посмотри на свои часы, – приказал он. – Они у тебя уже много лет. Ощути их на моей руке. – Он хихикнул, как будто собирался что-то сказать, но передумал. – Ну ладно, давай снимай одежду.

– Может быть, я войду в воду в одежде, – пробормотала я. Хотя я не стыдилась, но как-то не могла согласиться с мыслью стоять перед ним голой.

Он заметил, что мне понадобится сухая одежда, когда я выйду из воды. – Я не хочу, чтобы ты схватила воспаление легких. – Озорная улыбка промелькнула в его глазах. – Это самая настоящая вода, хотя ты ее и не чувствуешь, – сказал он.

Неохотно я сняла джинсы и футболку.

– И трусы тоже, – сказал он.

Я шла вокруг поросшего травой края бассейна, проверяя, нужно ли мне сразу прыгнуть в воду, или я могу заходить в нее постепенно, сначала черпая руками и поливая себе ноги, руки, живот и наконец голову, как это делала одна старая женщина в Венесуэле, прежде чем войти в море.

– Я войду здесь! – закричала я, но вместо того, чтобы нырнуть, я обернулась посмотреть на зрителя.

Меня испугала его неподвижность. Казалось, он превратился в камень, с таким оцепеневшим и напряженным выражением он сидел на валуне. Только в глазах и оставалась жизнь; они сияли совершенно неотразимо, как будто бы источник света находился внутри, за глазами. Меня скорее поразило, чем опечалило, когда я увидела слезы, стекающие по его щекам. Не зная почему, я тоже начала тихо плакать. Слезы у зрителя катились вниз и, как я догадалась, падали на мои часы на его руке. Я ощутила жуткое давление его убежденности, внезапно страх и нерешительность покинули меня. Я бросилась в бассейн.

Вода оказалась не противной, но нежной как шелк и зеленой. Мне совсем не было холодно. Как и утверждал зритель, я не чувствовала воду. Фактически я ничего не чувствовала; было так, как будто я, освобожденная от телесной оболочки, осознавала себя плавающей в центре бассейна с водой, в которой я ощущала жидкость, но не влажность. Я обратила внимание на свет, льющийся из глубины. Я подпрыгнула, как рыба, и, получив толчок, нырнула к источнику света.

Я вынырнула, чтобы набрать воздух. – Насколько глубок этот бассейн?

– Он достигает центра земли. – Голос Эсперансы был ясным и громким; в нем было столько уверенности, что, будучи собой, я сразу же захотела возразить ей. Но в воздухе было что-то тяжелое, что остановило меня, – какая-то неестественная неподвижность, напряжение, которые внезапно лопнули с громким хлопком, звук которого шелестом распространился вокруг нас. Какой-то предостерегающий шепот, стремительный и злоеющий, возвестил о чем-то странном.

На том самом месте, где стоял зритель, была Эсперанса; она была тоже совершенно голая.

– А где зритель? – закричала я искаженным от паники голосом.

– Я зритель, – сказала она.

Убежденная, что эти двое сыграли со мной какую-то ужасающую шутку, я одним мощным гребком подплыла к валуну, на котором стояла Эсперанса. – Что происходит? – Я хотела во всем разобраться, но мой голос скорее был похож на шепот, так как было тяжело дышать.

Жестом подозвав меня, она подошла ко мне тем бесплотным, раскованным движением, которое было присуще только ей, вытянула шею, чтобы посмотреть на меня, потом остановилась совсем близко и показала мне мои часы у себя на руке.

– Я зритель, – повторила она. Я автоматически кивнула. Но тут как раз передо мной вместо Эсперансы опять оказался зритель, голый как и прежде, указывающий на мои часы. Я не смотрела на часы; все мое внимание сфокусировалось на его половых органах.

Я дотронулась до них, чтобы проверить, не гермафродит ли он. Это было не так. Моя рука все еще касалась его, когда я скорее почувствовала, чем увидела, что его плоть свернулась, и я касаюсь влагилица женщины. Я раздвинула его, чтобы проверить, не спрятан ли внутри пенис.

– Эсперанса... – Мой голос замер, как будто что-то сдавило мне горло. Я сразу же почувствовала воду, как будто кто-то толкнул меня в глубину бассейна. Мне было холодно. Это было не физическое ощущение холода, но осознание отсутствия тепла, света, звука; отсутствие любых человеческих ощущений в мире, где существовал бассейн.

Меня разбудил звук громкого храпа; рядом со мной на соломенном матрасе, расстеленном на земле, спала Зулейка. Она была как и всегда красивой, молодой и сильной, и еще ранимой – в отличие от других женщин-магов, – несмотря на гармонию и силу, которую она распространяла вокруг себя.

Я долго рассматривала ее, потом села, и все события прошедшей ночи хлынули в мой мозг. Я хотела встряхнуть ее, чтобы она проснулась, и потребовать объяснения того, что же случилось, когда заметила, что мы не рядом с бассейном среди холмов, а на том самом месте, где сидели прежде, перед дверью реального дома ведьм.

Решив, что все это был сон, я легко дотронулась до ее плеча.

– Ты наконец проснулась, – сонно пробормотала она. – Что произошло? – спросила я. – Ты должна мне все рассказать.

– Все? – повторила она, шумно зевая.

– Все, что случилось возле бассейна, – нетерпеливо проговорила я.

Она снова зевнула, потом засмеялась. Рассматривая мои часы у себя на руке, она сказала, что что-то во мне изменилось значительно больше, чем она предвидела. – У мира магов есть естественный барьер, который охраняет неокрепшие души, – объяснила она. – Магу требуется непревзойденная сила, чтобы

манипулировать этим миром. Понимаешь, он населен монстрами, летающими драконами и демоническими существами, которые, конечно же, являются ничем иным, как безличной энергией. Мы, ведомые нашими страхами, превращаем эту безличную энергию в адские создания.

– А как с Эсперансой и зрителем? – прервала я ее. – Я сновидела, что они оба – это ты.

– Ты права, – сказала она, как будто это была самая естественная вещь в мире. – Я уже говорила тебе. Ты погрузилась глубже, чем я предполагала, и вошла в то состояние, которое мы называем сновидение в мирах, отличных от нашего.

Мы с тобой сновидели в другом мире. Поэтому ты не чувствовала воду. Это тот самый мир, откуда нагваль Элиас приносил свои изобретения. В том мире я могу быть и мужчиной и женщиной. И точно так же, как нагваль Элиас приносил свои изобретения в этот мир, я приношу либо Эсперансу, либо зрителя. Или что угодно другое, чем может явиться моя безличная энергия.

Я не могла выразить мысли и чувства словами. Потрясающее желание убежать мгновенно охватило меня, но я не могла даже двинуться. Контроль над действиями тела больше не подчинялся моей воле. Пытаясь встать, я повалилась на землю.

Зулейка осталась неподвижной, даже не обратив внимания на мое состояние. Она продолжала говорить, как будто не видела, что я валяюсь на земле, а мои колени вывернуты, как у тряпичной куклы. – Ты отличная сновидящая. Но все равно ты будешь видеть монстров всю свою жизнь. Сейчас самое время достичь такого уровня энергии, чтобы сновидеть, как это делают маги, и видеть безличную энергию.

Я хотела возразить ей, сказав, что не было ничего безличного в моем сне об Эсперансе и зрителе, что на самом деле они не были монстрами или ночными кошмарами, но я не могла говорить.

– Сегодня твои часы вывели тебя из самого глубокого сновидения, которое когда-нибудь у тебя было, – продолжала Зулейка, не обращая внимания на звуки, вырывающиеся из моего горла. – У тебя даже есть камень, чтобы доказать это.

Она подошла туда, где я лежала, разинув рот и смотря на нее. Она проверила мой карман и оказалась права. Там действительно был камень, который я подобрала из кучи камней в сновидении.

Глава 19

Меня разбудил громкий дребезжащий звук. Я села в гамаке и, всматриваясь в темноту, обнаружила, что деревянные панели, прикрывающие окна, опущены. Холодный пронизывающий ветер со свистом кружил вокруг меня. Сухие листья с шелестом носились по патио за окном; шуршание усилилось, а потом внезапно превратилось в нежный свистящий звук. В комнату проникал тусклый свет и рассеянной дымкой стелился вдоль голых стен.

– Нагваль! – крикнула я. Как будто вызванный моим заклинанием, Исидоро Балтасар мгновение стоял в футе от моего гамака. Образ был почти реальный, хотя в нем оставалось что-то неопределенное, как в отражении на воде. Я прочистила горло, собираясь заговорить, но лишь слабый крик сорвался с моих губ, когда образ начал растворяться в тумане. Потом туман зашевелился внезапно и неудержимо, как ветер за окном.

Слишком возбужденная, чтобы спать, я сидела, завернувшись в одеяло, и размышляла, правильно ли я поступила, приехав в дом магов, чтобы найти нагваля Исидоро Балтасара. Я не представляла себе, куда еще можно поехать. После трех месяцев ожидания беспокойство стало настолько сильным, что я вынуждена была действовать. Однажды утром, семь дней тому назад, я, не останавливаясь, приехала в дом магов. И тогда у меня не возникло вопроса о том, правильно ли я поступаю – даже когда я перелезла через забор за домом и проникла в дом через незапертое окно. Однако после семи дней ожидания уверенности у меня поубавилось.

Я выпрыгнула из гамака на плиточный пол, больно ударившись голыми пятками. Потом встряхнулась, зная, что это всегда позволяло мне рассеять неуверенность. В это время я обычно не работала, и поэтому опять улеглась в гамак.

Одним из самых важных моментов, которые я усвоила за три года в мире магов, было то, что решения мага окончательны. Моим решением было жить и умереть в этом мире. Именно сейчас самое время доказать это.

Странно звучащий неземной смех вывел меня из задумчивости. Внушая мне суеверный страх, он разнесся по всему дому, а затем снова стало тихо. Я напряженно ждала, но не было никаких других звуков, кроме шуршания сухих листьев, гоняемых ветром по патио. Этот звук походил на слабый скребущий шепот.

Но странный звук не только убаюкал меня, но и погрузил в тот же сон, который я сновидела в течение последних семи ночей.

Я стою в Соноранской пустыне. Полдень. Солнце – серебряный диск, сверкающий настолько, что его почти не видно, – остановилось в зените. Вокруг ни звука, ни движения. Высокие кактусы сагварос, протягивающие свои колючие руки к неподвижному небу, стоят как постовые, охраняя безмолвие и неподвижность.

Ветер, казалось, последовавший за мной сквозь сон, подул с исключительной силой. Он со свистом проносился между ветвями мескитовых деревьев и раскачивал их с безумной силой. Столбы красной пыли поднимались и кружили вокруг меня. Стая ворон рассыпалась точками по небу, а потом, похожая на части черного покрывала, тихо опустилась на землю в отдалении.

Ветер утих так же внезапно, как и начался. Я повернула в сторону далеких холмов. Казалось, я часами шла, прежде чем увидела огромную темную тень на земле. Я подняла голову. В воздухе на распростертых крыльях неподвижно висела гигантская птица; она была как будто прикована к небу. Только когда я снова посмотрела на ее темную тень на земле, я поняла, что птица движется. Медленно и непостижимо ее тень скользила впереди меня.

Руководимая необъяснимым побуждением, я попыталась оставаться захваченной тенью. Несмотря на то, что я бежала очень быстро, тень все быстрее и быстрее уходила от меня. В изнеможении я споткнулась о свою собственную ногу и плашмя упала на землю.

Когда я встала, чтобы отряхнуть одежду, то заметила, что птица сидит на валуне рядом. Голова ее слегка повернута ко мне, будто маня. Я осторожно приблизилась. Птица была громадной и рыжевато-коричневой, перья у нее сверкали, как огненная медь. Взгляд янтарного цвета глаз был тяжелым и неумолимым, словно сама смерть.

Я отступила назад, когда птица раскрыла свои широкие крылья и взлетела. Она поднималась и поднималась, пока не превратилась в точку на небе. Ее тень на земле протянулась в бесконечность прямой темной линией и слила воедино пустыню и небо.

Я пропела заклинание, уверенная, что догоню птицу, если вызову ветер. Но в моей песне не было силы. Голос разлетелся на тысячи шепотков, которые быстро растворились в тишине. Пустыня вновь приобрела свой сверхъестественный покой. А потом начала крошиться по краям, и постепенно все вокруг меня исчезло...

Постепенно я начала ощущать свое тело, и то, что я лежу в гамаке. Сквозь легкий туман я разглядывала стены комнаты, закрытые стеллажами, полными книг. Потом, когда я полностью проснулась, осознание потрясло меня, как это случалось всякий раз в течение прошедшей недели. Это был не простой сон, и я знала его смысл.

Нагваль Мариано Аурелиано поведал мне однажды, что маги, когда говорят друг с другом, рассказывают притчу, что магия – это птица; они называют ее птицей свободы. Они говорят, что птица свободы летает лишь по прямой и никогда не возвращается дважды. Они считали также, что нагваль приманивает птицу свободы. Именно он увлекает ее и заставляет распространить свою тень на путь воина. Без тени нет направления.

Смысл моего сна в том, что я потеряла птицу свободы. Я утратила нагваля и с ним все надежды и цели. И самая большая тяжесть на душе была от того, что птица свободы улетела так скоро, даже не оставив мне времени поблагодарить всех должным образом, не оставив времени выразить мое бесконечное восхищение.

Я убедила всех магов, что никогда не приму их мир или их личности как само собой разумеющееся, но на самом деле я приняла, особенно Исидоро Балтасара. Мне казалось, что он собирается быть со мной вечно. Внезапно они ушли, все вместе, как порывы ветра, как падающие звезды. И они взяли с собой Исидоро Балтасара.

Я просидела до конца недели у себя в комнате, задавая себе один и тот же вопрос: возможно ли, что все они исчезли? Бессмысленный и излишний вопрос, показавший, что то, что я испытала и чему была свидетелем в их мире, не изменило меня. Все это раскрывало мою истинную природу: мягкую и сомневающуюся. Что касается магов, то они говорили мне, что их окончательная цель сгореть в огне изнутри, исчезнуть, быть поглощенными силой осознания. Старый нагваль и его партия магов были готовы к этому, но я ничего не знала. Они готовили себя практически всю жизнь к окончательному дерзкому шагу: сновидеть, что они ускользнули от смерти – такой, как мы себе ее представляем, – и проскользнуть в неизвестное, повышая без потерь общий уровень их энергии.

Более всего я расстраивалась, когда вспоминала, как мое обычное второе "я" проявлялось, когда я меньше всего этого ожидала. Не то, чтобы я не верила их колоссальным сверхчеловеческим целям и устремлениям. Скорее я, трактуя их для себя, объединяла и подчиняла повседневному миру здравого смысла – возможно не полностью, но так, чтобы представления о них мирно сосуществовали у меня рядом с обычными для меня представлениями об окружающем мире.

Маги действительно пытались подготовить меня для того, чтобы я могла стать свидетелем их окончательного путешествия; то, что они однажды исчезнут, я тоже вполне могла себе представить. Но ничто не в состоянии было подготовить меня к последующим боли и отчаянию. Меня захлестывали волны печали, из которой, как я знала, не выберусь уже никогда. В этом заключалась моя участь.

Ощувив, что у меня есть все шансы еще глубже погрузиться в отчаяние, если я еще хоть на мгновение останусь в гамаке, я поднялась и приготовила себе завтрак – подогрела вчерашние остатки ужина: тортильи, рис и фасоль. Это была моя обычная пища в течение последних семи дней, исключая обед, к которому я добавляла банку норвежских сардин, купленных в бакалейном магазине в ближайшем городе (я скупилась все имеющиеся в наличии консервы). Фасоль тоже была консервированной.

Я вымыла посуду и протерла полы. Затем с веником в руке я прошлась по комнатам в поисках какой-нибудь вновь появившейся грязи или паутины в забытом углу. С самого приезда я ничего другого не делала, кроме того, что вылизывала полы, мыла окна и стены, подметала коридоры и патио. Уборка всегда отвлекала меня от проблем, всегда успокаивала. Но не сейчас. Несмотря на то, что я энергично принялась за уборку, у меня никак не получалось отвлечься от боли и ноющей внутренней пустоты.

Резкий шелест листьев прервал мое занятие. Я вышла из дома. Порывы ветра пронеслись сквозь ветви деревьев. Его сила испугала меня. Я уже хотела закрыть окна, когда ветер внезапно успокоился. Глубокое уныние стелилось по двору, охватывало кусты и деревья, цветы и грядки овощей. Даже светло-лиловая вьющаяся по стене бугенвиллея была охвачена печалью.

Я прошлась вокруг фонтана колониального стиля, построенного в центре двора, и встала коленями на широкий каменный выступ. Ни о чем не думая, я вытщила листья и мусор, упавшие в воду. Потом поднялась и искала свое отражение в гладкой поверхности воды. Рядом с моим лицом появилось очень красивое, застывшее и худое лицо Флоринды.

Ошеломленная, я смотрела на отражение, загипнотизированная ее огромными, темными, искрящимися глазами, которые ярко контрастировали с заплетенными в косу белыми волосами. Она медленно улыбнулась. Я улыбнулась в ответ.

– Я не слышала, как ты подошла, – прошептала я, боясь, что ее образ может исчезнуть, боясь, что это только сон.

Она опустила свою руку мне на плечи, потом села рядом со мной на каменном выступе. – Я собираюсь пробыть с тобой очень недолго, – сказала она. – Хотя я еще вернусь.

Я обернулась и выплеснула всю боль и отчаяние, которые накопились во мне.

Флоринда пристально смотрела на меня. Ее лицо выражало неизмеримую печаль. Внезапные слезы появились у нее на глазах, – слезы, которые ушли так же быстро, как и появились.

– Скажи мне, где Исидоро Балтасар? – спросила я.

Отвернув лицо, я дала волю едва сдерживаемым слезам.

Плакать меня заставляли не жалость к себе и даже не печаль, но глубокое ощущение неудачи, вины и потери, овладевшие мной. Флоринда давно предупреждала меня о таких чувствах.

– Слезы бессмысленны для мага, – сказала она глубоким хриплым голосом. – Когда ты вступила в мир магов, ты должна была понять, что предназначения судьбы, – все равно какие, – это просто вызов, который маг должен принять, несмотря на обиды, возмущение и жалость к самому себе. – Она остановилась на минуту, а потом уже в своей привычной неумолимой манере повторила все, что говорила мне раньше:

– Исидоро Балтасар больше не человек, он нагваль. Он может присоединиться к старому нагвалю, в этом случае он никогда не вернется. Но все может быть и иначе.

– Но почему он... – У меня пропал голос, прежде чем я успела задать вопрос.

– В данный момент я действительно не знаю, – сказала Флоринда, поднимая руку, чтобы предвосхитить мой протест. – Это вызов для тебя – подняться надо всем этим. И, как ты знаешь, по поводу вызова не обижаются и его не обсуждают. К нему относятся активно. Маги или побеждают, принимая вызов, или проигрывают. И действительно не имеет значения, что это за вызов, пока они хозяева ситуации.

– Как ты можешь требовать от меня владеть ситуацией, если печаль убивает меня? Исидоро Балтасар ушел навсегда, – возмущенно произнесла я, раздраженная прозаичностью ее отношения и чувств.

– Почему ты не обращаешь внимания на мой совет и не ведешь себя безупречно, несмотря на твои чувства, – строго отпарировала она. Ее настроение изменялось так же быстро, как и прелестная улыбка.

– Как я могу сделать это? Я знаю, что если нагваль ушел, то игра окончена.

– Тебе не нужен нагваль, чтобы быть безупречным магом, – заметила она. – Твоя безупречность должна привести тебя к нему, даже если он уже покинул мир. Жить безупречно, невзирая на обстоятельства, – вот твой вызов. И то, увидишь ли ты Исидоро Балтасара завтра, или через год, или в конце твоей жизни не должно иметь для тебя никакого значения.

Флоринда повернулась ко мне спиной и долго молчала. Когда она снова повернулась ко мне, у нее было спокойное и странно мягкое лицо, похожее на маску, как будто она делала большие усилия, чтобы контролировать свои эмоции. В ее глазах было столько печали, что я сразу же забыла свою боль.

– Вот что я расскажу тебе, молодая женщина, – сказала она необычно резким голосом, который как будто обозначал выход всей ее боли в глаза. – Я не ушла с нагвалем Мариано Аурелиано и его партией. Зулейка тоже. А знаешь ли ты, почему?

Онемев от ожидания и страха, я смотрела на нее, раскрыв рот. – Нет, Флоринда, не знаю, – проговорила я наконец.

– Мы здесь, потому что не принадлежим к той партии мага, – сказала она теперь уже низким и спокойным голосом. – Мы принадлежим, но не на самом деле. Наши чувства с другим нагвалем, с нагвалем Хулианом, нашим учителем. Нагваль Мариано Аурелиано – наш предводитель, а нагваль Исидоро Балтасар – наш ученик.

– Как и ты, мы остались позади. Ты, – потому что не была готова идти с ними; мы, – потому что нам нужно больше энергии, чтобы совершить более мощный прыжок и присоединиться к другой группе воинов, более старой группе. Группе нагваля Хулиана.

Я могла ощущать одиночество и тоску Флоринды как легкую дымку, застилавшую все вокруг. Я едва смела дышать, боясь, как бы она не прекратила говорить.

Очень подробно она рассказала мне о нагвале Хулиане, прославившемся во многих отношениях. Ее описание было сжатым, но таким живым, что я могла видеть нагваля прямо перед глазами: самое необыкновенное существо, какое когда-нибудь существовало. Веселый, остроумный и сообразительный; неисправимый озорник. Сказочник, маг, который управлял восприятием, как пекарь тестом, замешанным по определенному порядку или особому рецепту, никогда не теряя видения ситуации. Флоринда убедила меня, что быть с нагвалем Хулианом – это нечто незабываемое. Она призналась, что любила его помимо слов, помимо чувств. Точно так же и Зулейка.

Флоринда долго молчала, а ее взгляд был прикован к далеким горам, как будто привлеченный силой их остроконечных вершин. Когда она заговорила снова, ее голос был еле слышным шепотом: – Мир магов – мир одиночества, но любовь в нем вечна. Как моя любовь к нагвалю Хулиану. Мы входим в магический мир полностью, и в счет идут только наши действия, наши чувства, наша безупречность. – Она кивала, как бы подчеркивая слова. – У меня больше нет чувств. Но как бы ни сложились обстоятельства, я пойду за нагвалем Хулианом. Все, что со мной осталось – это мое желание, мое чувство долга, моя цель. – Возможно, мы с тобой в одной лодке. – Она сказала это так ровно, что прошло некоторое время, прежде чем я поняла, что она имела в виду.

Я смотрела на нее и как всегда была ослеплена ее великолепной красотой и молодостью, которые годы оставили совершенно нетронутыми.

– Не я, Флоринда, – выговорила я наконец. – У тебя был нагваль Исидоро Балтасар, и я, и все другие ученики, о которых я слышала. У меня нет ничего. У меня нет даже моего старого мира. – Во мне не было жалости к себе, только опустошительное знание, что моя жизнь, как я ее представляла себе до настоящего времени, закончилась.

– Нагваль Исидоро Балтасар мой по праву моей силы. Я буду послушно ждать еще некоторое время, но если он больше не в этом мире, я тоже не здесь. Я знаю, что делать! – Я умолкла, когда поняла, что Флоринда больше не слушает меня. Она была занята рассматриванием маленького ворона, прохаживавшегося рядом с нами вдоль края фонтана.

– Это Дионисий, – сказала я, ища в кармане кусочка тортильи. У меня ничего с собой не было. Я посмотрела в удивительно чистое небо. Меня вновь поглотила печаль, и я не заметила, что было уже далеко за полдень, время, когда маленький ворон обычно приходит за пищей.

– Этот парень совершенно расстроен. – Флоринда смеялась над обиженным покаркиванием и потом, посмотрев мне в глаза, сказала: – Вы с вороном очень похожи. Вы очень легко расстраиваетесь, и вы оба очень громко сообщаете об этом. Я едва сдержалась, чтобы не выпалить, что то же самое можно сказать и о ней. Флоринда хихикнула, как будто знала о том, какие усилия я предпринимаю, чтобы не разрыдаться.

Ворон уселся на мою пустую руку и смотрел на меня боком своим сияющим хрустальным глазом. Птица раскрыла крылья, но не улетела; ее черные перья отливали синевой под солнечными лучами.

Я спокойно сказала Флоринде, что давление, оказываемое на меня миром магов, было невыносимым.

– Нонсенс! – проворчала она, как будто говорила с избалованным ребенком. – Смотри, мы вспугнули Дионисия. – Она восхищенно следила, как ворон описывал круги над нашими головами, потом опять внимательно посмотрела на меня.

Я отвернула лицо, не понимая, что побудило меня так поступить. В сияющем взгляде темных глаз Флоринды не было ничего недоброго. Глаза были спокойны и абсолютно безразличны, когда она сказала:

– Если ты не сможешь достичь Исидоро Балтасара, тогда я и другие маги, учившие тебя, ошиблись, выбрав тебя. Мы бы ошиблись, вызвав тебя. Но это окончательная потеря не для нас, это полный крах для тебя. – Видя, что я вновь готова зарыдать, она бросила мне вызов: – Где твоя безупречная цель? Что произошло со всем, чему ты научилась с нами?

– Что все это значит, если я не смогу последовать за Исидоро Балтасаром? – сквозь слезы спросила я.

– Как ты собираешься продолжать жить в мире магов, если не сделаешь усилия найти его? – резко спросила она.

– Сейчас мне очень нужна доброта, – пробормотала я, закрывая глаза, чтобы не полились слезы. – Мне нужна мама. Если бы только я могла пойти к ней.

Я удивилась собственным словам, но мне действительно хотелось этого. Не имея сил дольше сдерживаться, я разревелась.

Флоринда тихо смеялась. Но она не издевалась надо мной; в ее смехе были и доброта, и симпатия. – Твоя мама очень далеко, – сказала она тихо, глядя печально и отстраненно, – и ты никогда не найдешь ее снова. – Ее голос превратился в тихий шепот, когда она продолжала говорить, что жизнь мага создает непреодолимый барьер вокруг нас. Маги, напомнила она, не могут найти утешение в симпатиях других или в жалости к самим себе.

– Ты думаешь, что все, что меня мучит, вызвано жалостью к себе, да?

– Нет. Не только жалостью, но и впечатлительностью тоже. – Она положила руки мне на плечи и обняла меня, как будто я была маленьким ребенком. – Большинство женщин болезненно впечатлительны, ты ведь знаешь, – пробормотала она. – Ты и я среди них.

Я не согласилась с ней, но у меня не было сил возражать. Я была слишком счастлива в ее объятиях. Вместо печали у меня на лице появилась улыбка. Флоринда, как и все остальные женщины в мире магов, нуждались в легком выражении своих материнских чувств. И хотя мне нравилось целовать и обнимать людей, которых я любила, я не выносила оставаться в чьих-либо руках дольше чем на мгновение. Объятие Флоринды было теплым и успокаивающим, как у матери, но это было все, что я могла надеяться получить.

Затем она ушла в дом.

Внезапно я начала просыпаться. Какое-то время я просто лежала там – на земле в футе от фонтана – пытаюсь вспомнить что-то из того, что Флоринда говорила мне, прежде чем я уснула под рассеянным солнечным светом. Очевидно, я проспала несколько часов. И хотя небо все еще было светлым, вечерние тени уже украдкой проникали во двор.

Я собиралась было пойти поискать Флоринду в доме, когда неземного звучания смех эхом разнесся по двору; это был тот самый смех, который я слышала ночью.

Я подождала, прислушиваясь. Вокруг была неподвижная тишина. Не было ни звука, ни шелеста, ни движения. Но как это уже случалось раньше, я ощутила позади бесшумные шаги, легкие, как тени.

Я огляделась вокруг. В дальнем углу двора, почти укрытом цветущей бугенвиллеей, я увидела фигуру женщины, сидящей на деревянной скамье. Она сидела, повернувшись ко мне спиной, но я мгновенно узнала ее.

– Зулейка? – неуверенно прошептала я, боясь, что звук моего голоса может испугать ее.

– Как я рада видеть тебя снова, – сказала она, взглядом приглашая меня сесть рядом с ней.

Ее глубокий, ясный голос свободно вибрировал в воздухе пустыни, и казалось, исходил не из ее тела, но откуда-то издалека. Мне захотелось обнять ее, но я знала, что делать этого не стоит. Зулейка не выносила прикосновений, поэтому я просто села рядом и сказала ей, что тоже очень рада нашей встрече. К моему глубокому удивлению, она сжала мою руку в своих маленьких нежных руках. Ее бледное модно-розовое красивое лицо выглядело полностью отрешенным. Вся жизнь сконцентрировалась в необыкновенных глазах: ни черных, ни коричневых, но что-то среднее между этим, странно яркое. Она остановила на мне продолжительный взгляд.

– Когда ты пришла сюда? – спросила я.

– Только что, – ответила она, и ее губы сложились в ангельскую улыбку.

– Как ты сюда добралась? Флоринда пришла с тобой?

– Ты ведь знаешь, – сказала она неопределенно, – женщины-маги приходят и уходят незамеченными. Никто не обращает внимания на женщину, особенно если она стара. Зато красивая молодая женщина, с другой стороны, привлекает всеобщее внимание. Поэтому женщинам-магам нужно преодолевать свою привлекательность. Но если они обыкновенные и выглядят по-домашнему, то им нечего бояться.

Внезапный удар в плечо, нанесенный Зулейкой, подбросил меня. Она снова сжала мою руку, чтобы развеять мои сомнения, а потом посмотрела спокойно и строго и сказала: – Чтобы оставаться в мире магов, нужно прекрасно сновидеть. – Она осмотрелась. Почти полная Луна поднималась из-за гор в отдалении. – Большинство людей не имеют достаточно ни разума, ни силы духа для сновидений. Мир у них скучный и без конца повторяющийся, и они беспомощны что-либо изменить. И знаешь почему? – спросила она, останавливая на мне острый взгляд. – Потому что если ты не сражаешься, чтобы избежать этого, мир действительно становится для тебя скучным и повторяющимся. Большинство людей настолько увлечены собой, что сходят с ума на этой почве. И у таких идиотов больше нет стремления преодолеть повторяемость и скуку повседневной жизни.

Зулейка встала со скамьи и надела сандалии. Она повязала шаль вокруг талии так, чтобы ее длинная юбка не волочилась по земле, и вышла на середину патио. Я знала, что она собирается делать, даже прежде чем она начала. Она собиралась кружиться. Она собиралась танцевать, чтобы собрать космическую энергию. Женщины-маги верят, что движением тела они могут получить космическую энергию, необходимую для сновидения.

Едва заметным движением подбородка она пригласила меня следовать за ней, повторяя ее движения. Она плавно двигалась по темно-коричневым мексиканским плиткам и по коричневым кирпичам, которые были выложены по древней толтекской модели самим Исидоро Балтасаром. Их магический узор объединял поколения магов и сновидящих всех времен сплетениями тайн и проявлений энергии – узор, в который он вложил себя, свои внешние черты и внутренний мир, со всей своей силой, намерением, существованием в мифе и сновидением-наяву.

Зулейка двигалась с уверенностью и ловкостью молодой танцовщицы. Она выполняла простые движения, хотя они требовали такой большой скорости, координации и концентрации, что я очень быстро обессилела. Со сверхъестественной ловкостью и быстротой она неслась прочь от меня, описывая круги. На мгновение она остановилась в нерешительности в тени деревьев, – наверное, чтобы удостовериться, что я следую за ней. Потом она повернула в сторону арочного прохода, встроенного в стену,

окружающую территорию дома. Она задержалась на секунду возле двух citrusовых деревьев, растущих снаружи у стены, которые стояли как пара часовых в начале пути, ведущего через чапарраль к маленькому дому.

Боясь потерять ее из виду, я бросилась вдогонку по узкой темной тропе. Потом нетерпеливо и с любопытством я следовала за ней уже внутри дома по пути в заднюю комнату. Вместо того, чтобы включить свет, Зулейка потянулась за масляной лампой, висящей на одной из балок, и зажгла ее. Лампа освещала колеблющимся светом все вокруг нас, оставляя углы комнаты в тени. Стоя на коленях возле единственного, что было в комнате из мебели – деревянного ящика у окна, – она вытащила циновку и одеяло.

– Ложись на живот, – сказала она тихо, расстилая циновку на полу.

Глубоко вздохнув, я отдалась приятному чувству беспомощности, как только легла на циновку лицом вниз. Чувство мира и комфорта наполнило мое тело. Я ощущала ее руки у себя на спине; она не делала массаж, но просто легко похлопывала.

Несмотря на то, что я часто бывала в маленьком доме, я до сих пор не знала, сколько в нем комнат и как он обставлен. Флоринда сказала мне однажды, что этот дом – центр их приключений. Именно здесь старый нагваль и его маги сплетают свою магическую паутину. Как и паучья паутина, невидимая и упругая, она, как установлено магами, переносит их в неизвестное, во тьму и свет.

Флоринда говорила также, что этот дом – символ. Маги ее группы не обязательно должны быть в доме или поблизости от него, когда они погружаются в неизвестное через сновидение. Куда бы они не отправились, они сохраняют ощущение, настроение этого дома в сердцах. И эти чувства и настроения, чем бы они ни являлись для каждого из них, дают им силу смотреть на повседневный мир с удовольствием и наслаждением.

Резкий хлопок по плечу испугал меня. – Перевернись на спину, – приказала Зулейка.

Я так и сделала.

Ее лицо, когда она наклонила его надо мной, излучало энергию и устремленность. – Мифы – это сны выдающихся сновидящих, – сказала она. – Тебе понадобится очень много мужества и концентрации, чтобы понять все это. И кроме того тебе понадобится масса воображения. Ты живешь в мифе, мифе, который был создан вокруг тебя, чтобы сохранить тебя невредимой.

Она говорила полным почтения тоном. – Ты не сможешь воспринимать этот миф, если тебе не будет хватать безупречности. Если так случится, миф просто покинет тебя.

Я раскрыла рот, чтобы сказать, что все понимаю, но тут же заметила холод у нее в глазах. Она была здесь не затем, чтобы вступать со мной в диалог.

Повторяющийся звук трения ветвей о стену снаружи утих и превратился в пульсацию в воздухе, которую я скорее чувствовала, чем слышала. Я уже почти засыпала, когда Зулейка сказала, что мне нужно следовать приказам из сна, который повторяется день за днем.

– Откуда ты знаешь, что мне снится такой сон? – встревоженно спросила я, пытаюсь сесть.

– Разве ты не знаешь, что мы разделяем сны друг друга? – прошептала она, укладывая меня обратно на матрас. – Я одна из тех, кто приносит тебе сны.

– Это был всего лишь сон, Зулейка. – Мой голос дрожал, так как я преодолевала отчаянное желание заплакать. Я знала, что это был не просто сон, но мне так хотелось, чтобы она солгала. Тряхнув головой, она посмотрела на меня.

– Нет. Это не просто сон, – спокойно сказала она. – Это магический сон, видение.

– Что мне нужно делать?

– Разве сон не указал тебе? – спросила она вызывающим тоном. – Или Флоринда? – Она смотрела на меня с непостижимым выражением лица. Потом улыбнулась по-детски ясной улыбкой. – Ты должна понять, что не можешь бегать за Исидоро Балтасаром. Он больше не в нашем мире. Ты больше ничего не можешь дать ему или сделать для него. Ты не сможешь присоединиться к нагвалю как личность. Если ты и совершишь это, то только как мифическое существо.

Ее голос был тихим, но твердым, когда она повторила, что я жила в мифе. – Мир магов – мифический мир, отделенный от повседневного мистическим барьером, сотканным из сновидения и обязательств.

Только при поддержке и содействии своих сновидящих нагваль может привести их в другие жизнеспособные миры, из которых он может привлечь птицу свободы. – Ее слова постепенно затихли в тенях комнаты, когда она добавила, что поддержка, в которой нуждается Исидоро Балтасар, это энергия сновидения, а не человеческие чувства и действия.

После длительного молчания она снова заговорила. – Ты была свидетелем, как старый нагваль, так же, как и Исидоро Балтасар, своим присутствием влиял на окружающих, будь это его товарищи-маги или просто посторонние люди, заставляя их осознавать, что мир – это чудо, в котором ничего нельзя считать доказанным ни при каких условиях.

Я согласно кивнула.

Я потратила много времени, пытаюсь понять, как нагвали могут своим присутствием делать мир другим. После внимательного продумывания всего, сравнения своего мнения с другими и после

бесконечного самонаблюдения я заключила, что их влияние является следствием отречения от мирских забот. В нашем повседневном мире тоже можно найти примеры мужчин и женщин, оставивших позади мирские заботы. Мы называем их мистиками, святыми, религиозными людьми. Но нагвали не мистики, не святые и, конечно же, не религиозные люди. Нагвали мирские люди без частицы мирских интересов.

На подсознательном уровне это противоречие оказывает на людей наиболее потрясающий эффект. Ум людей, находящихся вокруг нагвали, не в состоянии понять, что на него воздействует, но они чувствуют это влияние своим телом как странное беспокойство, толчок к раскрепощению или как чувство неадекватности, как будто что-то трансцендентальное существует где-то, но они не могут понять где.

Но врожденная способность нагвалей воздействовать на других зависит не только от их отказа от мирских забот или от силы их личности, но также от их безупречного поведения. Нагвали безупречны в своих действиях и чувствах, несмотря на ловушки – в нашем мире и в иных мирах, – попадающиеся на их бесконечном пути. Это не значит, что нагваль следует заранее предписанной модели правил и указаний, чтобы вести себя безупречно, или наоборот. Но с другой стороны, они используют все свое воображение, чтобы адаптироваться и освоиться со всем, что происходит, делая свои действия текучими.

Что касается действий, нагвали, в отличие от средних людей, не ищут одобрения, уважения, похвалы или любого другого вида признания от кого бы то ни было, включая своих товарищей-магов. Все они требуют от себя безупречности, чистоты, целостности.

Именно это делает компанию нагвали столь притягательной. Люди попадают в зависимость от его свободы так же, как другие от наркотиков. Для нагвали мир всегда совершенно новый. В его компании каждый начинает смотреть на мир так, как никогда не умел раньше.

– Это потому, что нагвали разбили зеркало саморефлексии, – сказала Зулейка, как будто следовала за потоком моих мыслей. – Нагвали способны видеть себя в зеркале тумана, которое отражает только неизвестное. В этом зеркале больше не отражается наша нормальная человеческая природа, выражающаяся в повторяемости, – перед глазами простирается бесконечность.

Маги верят, что когда лицо саморефлексии и лицо бесконечности сливаются, нагваль полностью готов разрушить границы реальности и исчезнуть, как будто он не был сотворен из твердого вещества. Исидоро Балтасар был готов уже давно.

– Он не может оставить меня позади! – закричала я. – Это было бы слишком несправедливо.

– Полный идиотизм размышлять по этому поводу в терминах справедливости и несправедливости, – сказала Зулейка. – В магическом мире есть только энергия. Разве каждый из нас не учил тебя этому?

– Меня очень многому учили, – мрачно признала я. И через несколько минут, надувшись, пробормотала:

– Но сейчас все это ничего не стоит.

– Все, чему мы тебя учили, именно сейчас является самым важным, – возразила она. – Разве ты не знаешь того, что в мрачные минуты воины объединяют свою энергию, чтобы сохранить ее. Воины не поддаются отчаянию.

– Но что из того, что я выучила или испытала, может смягчить мою печаль и отчаяние? – тихо проговорила я. – Я даже пыталась напевать духовные гимны, которым выучилась от моей няни. Флоринда смеялась надо мной. Она решила, что я полная дура.

– Флоринда права, – произнесла Зулейка. – В нашем магическом мире нечего делать с мольбами и заклинаниями, с ритуалами и причудливым поведением. Наш чудесный мир, который есть сон, существует благодаря сконцентрированному намерению всех тех, кто живет в нем. Он целостен во всякий момент благодаря упорной воле магов. Точно так же повседневный мир держится на упорном желании всех и каждого.

Внезапно она остановилась и, казалось, загнала себя в угол мыслью, которую ей не хотелось высказывать. Потом, улыбнувшись и сделав смешной беспомощный жест, она добавила: – Сновидеть наш сон – это значит быть мертвым.

Ты имеешь в виду, что я должна умереть прямо здесь и сейчас? – произнесла я голосом, который становился похожим на хрип. – Ты знаешь, что я готова к этому в любой момент.

Лицо Зулейки ожило, она улыбнулась, как будто я сказала ей самую лучшую из шуток. Видя, что я настолько серьезна, насколько это возможно, она поспешила объяснить: – Нет, нет. Умереть – значит отказаться от своих привязанностей, отпустить все, что у тебя есть, все, чем ты являешься.

– Но в этом нет ничего нового, – сказала я. – Я сделала это тогда, когда вступила в твой мир.

– Очевидно, ты этого не сделала. Иначе ты бы не оказалась в таком положении. Если бы ты умерла так, как этого требуют маги, ты бы не ощущала сейчас боль.

– А что бы тогда я ощущала?

– Долг! Цель!

– Моя боль лишает меня возможности воспринимать цель, – закричала я. – Это отдельно. Независимо. Я жива и чувствую печаль и любовь. Как я могу избежать этого?

– Ты не пытаешься избежать, – объяснила Зулейка, – но нужно просто преодолеть это. Если у воина ничего нет, он ничего не чувствует.

– Что же это за пустой мир? – вызывающе спросила я.

– Пуст именно мир индальгирования, потому что индальгирование исключает все, кроме индальгирования. – Она внимательно и нетерпеливо смотрела на меня, как будто ждала, чтобы я согласилась с ее утверждением. – Да, это односторонний мир. Скучный и повторяющийся. Для мага противоядием к индальгированию является действие. И он не только так думает, но и делает это.

Как будто холодный осколок вырвался из моей спины. Я снова и снова смотрела на великолепный диск Луны, сияющий сквозь окно. – Я действительно не понимаю, о чем ты говоришь, Зулейка.

– Ты очень хорошо меня понимаешь, – напомнила она. – Твой сон начался, когда ты встретила меня. Сейчас самое время для другого сна. Но сейчас сон мертв. Твоей ошибкой было сновидеть, оставаясь живой.

– Что ты имеешь в виду? – беспокойно спросила я. – Не мучай меня загадками. Ты сама говорила мне, что только мужчины валяют дурака с загадками. Ты то же самое делаешь со мной сейчас.

Смех Зулейки эхом разносился от стены к стене. Он был похож на шелест листьев, гонимых ветром. – Сновидеть, оставаясь живой, – значит иметь надежду. Это означает, что ты цепляешься за свой сон, как за жизнь. Сновидеть, будучи мертвым, означает сновидение без надежды. Тогда сновидишь без привязанности к своим снам.

Я лишь кивала, с недоверием относясь к тому, что могу наговорить в ответ.

Флоринда говорила мне, что свобода – это полное отсутствие забот о чем бы то ни было, отсутствие стремлений, даже когда заключенный в нас объем энергии освобожден. Она говорила, что эта энергия освобождается, только если мы исключим все возвышающие концепции, которые у нас есть о себе, о нашей важности, важности, которую, как мы чувствуем, нельзя ни вышучивать, ни нарушать.

Голос Зулейки был ясным, но казалось, приходил издалека, когда она добавила:

– Цена свободы очень высока. Свобода может быть достигнута лишь сновидением без надежды, желанием отказаться от всего, даже от сновидения.

– Для некоторых из нас сновидение без надежды, борьба без видимой цели – это единственный путь быть подхваченными птицей свободы.